ЛЕГЕНДАРНЫЕ РАЗВЕДЧИКИ

Николай Долгополов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Герои этой книги — люди легендарные. Они составили славу советской и российской разведки. Некоторые из них во время Великой Отечественной войны боролись с фашизмом, действуя в тылу врага, другие выявляли угрозу безопасности нашему государству, работая в разных странах, на других континентах. Историк разведки Николай Долгополов представил в своей новой книге, подготовленной к 95-летию Службы внешней разведки России, целую плеяду разведчиков, защищавших нашу родину на дальних и ближних рубежах.

- Николай Долгополов
  -
  - ОТ АВТОРА
  - СИЛЬНЫЙ ДУХОМ
  - ГЕРОЙ С ТРАГИЧЕСКИМ ОТТЕНКОМ
  - ЛЮБИМАЯ РАДИСТКА НИКОЛАЯ КУЗНЕЦОВА
  - ПАРТИЗАН ПОЙМАЛ ПЕНЬКОВСКОГО
  - ОНА БЫЛА ЖИВОЙ ЛЕГЕНДОЙ
  - АБЕЛЬ И ГЕЙНЕ
  - ИЗ НЕЛЕГАЛОВ — В АКАДЕМИКИ
  - РОМАН С РАЗВЕДКОЙ
  - ХУДОЖНИК СЛУЖИЛ НА ЛУБЯНКЕ
  - РАЗВЕДЧИК ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ
  - ИЗ ГЕСТАПО ДОНОСИЛИ точно
  - РЕЗИДЕНТ ДРУЖИЛ С ДЕ ГОЛЛЕМ
  - ШЕСТЬ ЖИЗНЕЙ ПОЛКОВНИКА АБЕЛЯ
  - «Я — КОНДОВЫЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ РАЗВЕДЧИК»
  - ОН СПАС МИР ДВАЖДЫ
  - РАЗВЕДКА В ПЕРЕВОДЕ С ИНОСТРАННОГО
  - ТЕГЕРАН-1943 — ТОЛЬКО ПРАВДА
  - «СЛУЖУ РОССИИ ПОЛВЕКА»
  - ЕЩЕ ДВОЕ ИЗ КЕМБРИДЖА
  - БОМБА НА БЛЮДЕЧКЕ
  - ГЕРОЙ ИЗ «МЕРТВОГО СЕЗОНА»
  - КОМАНДИР НЕЛЕГАЛОВ
  - «Я ПРИСПОСОБИЛСЯ К РОССИЙСКИМ ДОРОГАМ»
  - РЕКОМЕНДОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА
  - Фотоматериалы

Николай Долгополов
Легендарные разведчики.
На передовой вдали от фронта — Внешняя разведка в годы Великой Отечественной войны

Посвящается моему отцу, фронтовому корреспонденту Миху — Михаилу Долгополову, дошедшему до Берлина

ОТ АВТОРА

О деятельности наших спецслужб во время Великой Отечественной войны известно много, но далеко не всё. Много, потому что круг известных имен и совершенных подвигов очерчен довольно широко и точно. Не всё, потому что значительная часть разведопераций остается под грифом «секретно». С некоторых дел завеса секретности снята не до конца, она лишь приподнята, хотя и довольно значительно.

Поэтому рассказать об участии разведчика в том или ином деле во всех подробностях, написать его биографию в классическом, привычном понимании фактически не представляется возможным. В описании всегда будут оставаться белые пятна. Иногда они побуждают автора строить догадки, высказывать предположения, выдвигать версии, выдавая их за истину, которая, увы, чаще всего оказывается домыслом.

Могу поручиться, уважаемые читатели, что такого в моей книге вы не найдете. Возможно, некоторые факты вам уже известны. Но они уточнены, проверены. И, главное, во многом дополнены благодаря помощи сотрудников разведки. При содействии пресс-бюро Службы внешней разведки России мне удалось встретиться со многими выдающимися советскими, российскими разведчиками, которые на излете своей жизни были со мной вполне откровенны, хотя и в пределах им дозволенного. Много нового, сугубо личного поведали дети героев. Интересными воспоминаниями поделились со мной ученики, последователи, преемники тех, кто, рискуя жизнью, защищал нашу Родину от недругов за линией фронта и в годы Великой Отечественной, и во время холодной войны.

Большинство героев моей книги уже ушли из жизни. Только двое из них — полковник Службы внешней разведки Джордж Блейк и многолетний командир нелегалов генерал-майор Юрий Дроздов ныне здравствуют. Оба участника войны перешагнули девяностолетний рубеж. И оба еще при славной и героической своей жизни стали легендами советской разведки. Так что рассказы о них в молодогвардейской серии «ЖЗЛ» видятся мне абсолютно логичными.

СИЛЬНЫЙ ДУХОМ
Дмитрий Медведев

О знаменитом партизанском командире, Герое Советского Союза, кавалере четырех орденов Ленина Дмитрии Николаевиче Медведеве известно, что он родился в 1898 году. А на самом деле — в 1899-м: прибавил год, чтобы в 1918-м его, секретаря приемной Брянского совета, взяли в Красную армию.

В ВЧК — с 1920 года, а по свидетельству близких и соседей, он пришел в Брянскую ЧК еще раньше и не писарем: мальчишкой ловил бандитов, гоняясь за ними по всей губернии. Работал в разных городах страны, а в 1936 году был направлен на работу в ИНО (Иностранный отдел). По некоторым данным, два года находился за границей.

Справедливый и бескорыстный, Медведев не признавал липовых дел, за что оказался в опале и был уволен из органов. Во время войны он стал одним из организаторов и идеологов партизанского движения. Дважды его отряды «Митя» (сентябрь 1941-го — январь 1942-го) и «Победители» (июнь 1942-го — март 1944-го) успешно били врага на временно оккупированных территориях. Это у него в «Победителях» действовали легендарный разведчик Николай Кузнецов и будущий нелегал, а тогда радистка «Маша» — испанка Африка де Лас Эрас. Полковник-чекист Медведев овеян славой, на него призывали равняться. Еще при жизни он стал легендой. И в то же время он — человек, перенесший опалу, ссылку, казнь одного брата и смерть другого, сгинувшего в ГУЛАГе, увольнение из органов. А после войны Героя отправили в отставку «по состоянию здоровья».

Медведев написал прекрасные книги о своих соратниках-партизанах и чекистах: «Сильные духом» и «Это было под Ровно». В советское время эти книги издавались миллионными тиражами, они были известны каждому школьнику. Но не всем по душе была честность Медведева. На Западной Украине недруги развязали кампанию травли, докатившуюся и до столицы.

Дмитрий Николаевич Медведев умер в 55 лет от сердечного приступа.

О неизвестных страницах его яркой судьбы мне рассказали историк спецслужб, писатель Теодор Кириллович Гладков, а затем и сын Медведева — Виктор Дмитриевич. Это глава написана во многом благодаря им.

Работая над темой «разведка и партизанское движение», я пришел к выводу: среди всенародно воспетых героев-партизан

едва ли не большинство — кадровые сотрудники разведки.

Хотя перед началом Великой Отечественной задача создания постоянных и управляемых из единого центра очагов сопротивления в качестве стратегической даже не рассматривалась — ведь было ясно, что врага будем бить на его территории, да еще и малой кровью. С этим сталинским постулатом никто не спорил.

Правда, 27 апреля 1941 года генерал Райхман и начальник 1-го немецкого отдела Тимофеев составили докладную записку на имя Сталина с предложением на случай войны и временной оккупации заранее создавать в западных областях страны разведывательно-диверсионные группы. Записку передали руководителю контрразведки П. В. Федотову, и старый опытный работник ЧК доложил о ней по инстанции наркому ГБ В. Н. Меркулову. Но тот записку не подписал.

Смутное понимание, что в грядущей войне может случиться всякое, пришло лишь за несколько дней до ее начала. Павел Анатольевич Судоплатов, справедливо считающийся главным организатором партизанского движения, вспоминал, что указание комиссара государственной безопасности, заместителя председателя Совнаркома СССР Л. П. Берии о создании Особой группы было получено 17-го, а может, и 18 июня 1941 года.

И Судоплатов проявил мудрость. Понял, что как раз этой группе, как бы ее ни называли, придется заниматься не только предотвращением и пресечением провокаций на границе, о которых столько говорилось и поддаваться на которые строго запрещалось, но и разведывательной и диверсионной работой в тылах фашистов, если они осмелятся напасть на СССР. Это при том, что даже теоретически предполагать, будто Гитлер может нарушить пакт и напасть на СССР, было запрещено. Похожих запретных тем накануне Великой Отечественной в Красной армии и советской военной науке существовало немало.

Однако еще в начале 1930-х годов существовал план «глубокой операции», согласно которому в тылу наступавшего противника должны были проводиться разведывательные действия, поддерживаемые постоянными диверсионными вылазками. «Глубокая операция» была обкатана во время маневров Красной армии и доказала свою эффективность.

Тогда же, в 1930-х, в приграничных регионах тайно готовились на случай вторжения врага — любого — партизанские отряды. Составлялись они в режиме секретности из идеологических активистов — членов партии и комсомольцев… Для отрядов закладывались подальше от границы тайные схроны оружия. Командирами назначались не просто опытные, а сугубо

профессиональные чекисты. Даже сборы не часто, но проводились.

Однако тактику ведения боевых действий на своей пусть и временно захваченной противником территории признали ошибочной, идеологически порочной, расслабляющей советский народ. Официальная военная доктрина подобного не допускала. Представление о начальном периоде войны было неоправданно оптимистичным. Оборона рассматривалась как исключительно краткосрочный фактор. Ее цель — проведение мобилизационных действий. Основой военной доктрины был боевой наступательный дух. Стратегия предусматривала переход в наступление моментально после отражения первых атак противника и ведение войны на его территории. Так что какие партизанские отряды, да еще и действующие в связке с дисциплинированной агентурой?

Мало кто знает, что в Белоруссии с 1930 по 1936 год будущие партизаны прошли отличную подготовку. Многие из них применили приобретенные навыки уже в первый год Великой Отечественной войны. Один из организаторов партизанского движения, наставник Зои Космодемьянской, полковник Артур Спрогис писал в своих мемуарах: «Мы осваивали методы партизанской борьбы, работали над созданием партизанской техники, обучали будущих партизан минно-подрывному делу… Все, чему мы научились в мирное время, оказало неоценимую помощь нам в борьбе с немецкими оккупантами».

Планы заброски партизанских отрядов в приграничные западные районы страны изучил, а затем и одобрил нарком Климент Ефремович Ворошилов. Но изменилась политическая конъюнктура, взяла вверх точка зрения Сталина, что воевать предстоит с Англией, и осторожный, послушный Ворошилов возражать не посмел. Наверное, поэтому и установил рекорд пребывания в Политбюро и Президиуме ЦК компартии — 34 с половиной года.

И летом 1939-го, накануне Второй мировой войны партизанские отряды по-тихому распустили, приказав о них забыть. Закладки оружия и боеприпасов изъяли.

Еще одна важная страница партизанского движения — Западная Украина. Считается, что Бандера и всякая нечисть особо лютовали в разгар войны, при отходе немцев и после ее окончания. На самом деле серьезный урон отступающей Красной армии члены Организации украинских националистов (ОУН) нанесли именно в конце июня 1941 года. После распада СССР появились публикации о том, что после предвоенного присоединения Западной Украины к Советскому Союзу

несогласных с советской властью подвергали репрессиям и даже расстреливали. Но не поднимался вопрос: как фашисты сумели еще до 22 июня 1941-го вооружить около 20–25 тысяч местных жителей-западенцев, ненавидевших Россию? Они убивали отступающих красноармейцев, захватывали, в частности, во Львовской и Тернопольской областях стратегические объекты и населенные пункты, городки и города.

Заместитель Судоплатова Наум Эйтингон, прошедший школу гражданской войны в Испании, за несколько дней до 22 июня сопоставил некие испанские события с теми, что назревали на наших границах. У воевавших в Испании интернациональных бригад были свои диверсионные отряды, действовавшие в тылу франкистов. Красная же армия не часто, но довольно успешно использовала разведывательно-диверсионные группы в неудачную для нас Финскую кампанию.

Но кто мог объединить усилия НКВД, военной разведки, Коминтерна и еще многих других ведомств и организаций по созданию управляемых из Москвы формирований, способных вести партизанскую войну на гипотетически захваченной территории СССР?

Эйтингон нашел общий язык с военными, и уже 21 июня Берия рассматривал предложение Судоплатова о создании особого боевого резерва приблизительно в 1200 всесторонне подготовленных бойцов, сочетавших в себе качества разведчиков и диверсантов. Но времени на создание такого отряда не хватило.

Именно в ночь с 21-го на 22 июня 1941-го немцы начали забрасывать в советские тылы диверсантов порой на расстояние в 200–300 километров. О нанесенном ими уроне вспоминать не хочется. Он был очень большим.

Но всё равно 5 июля 1941 года в НКВД была сформирована Особая группа для выполнения специальных заданий на временно оккупированной территории. К середине июля к таковым уже относились Белоруссия, Литва, Латвия, Эстония, Западная Украина. А 18 июля 1941 года вышло постановление ЦК партии «Об организации борьбы в тылу германских войск». Группа подчинялась непосредственно народному комиссару государственной безопасности Берии.

Начальником Особой группы был назначен «товарищ Андрей» — он же Павел Судоплатов, его первым заместителем — Леонид (Наум) Эйтингон. В группу входили опытные чекисты, будущие Герои Советского Союза Станислав Ваупшасов, Кирилл Орловский, Николай Прокопюк, несколько пограничников, студентов Московского института физкультуры, а также спортсменов-динамовцев. До войны имена боксеров Николая

Королева и Сергея Щербакова, штангиста Николая Шатова, бегунов Серафима и Георгия Знаменских, конькобежца Анатолия Капчинского, борца Григория Пыльнова знала вся страна. Николай Королев стал адъютантом Медведева в первом партизанском отряде, а Георгий Знаменский врачевал во время операции «Березино» будущую легенду советской разведки Вильяма Фишера, он же Рудольф Абель. Фишер с гордостью рассказывал жене и дочке, что нарыв на шее ему вскрывал сам рекордсмен и чемпион СССР в беге на стайерские дистанции.

Слушатели школ НКВД, моментально приданные Особой группе, составили Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения — ОМСБОН — и спецотряд при ней. Именно сотрудники госбезопасности и органов внутренних дел были направлены в захваченные районы для создания, как писалось в директивах партии, «невыносимых условий для врага и всех его пособников». На первых порах не обошлось без ошибок, когда партизанами становились только сотрудники НКВД или партийные активисты. Но тяжелейшая военная обстановка диктовала свое, и вскоре в первые полтора десятка почти чисто чекистских отрядов стали вливаться бойцы, выходившие из окружения или бежавшие из плена, а также местные жители, уже испытавшие ужасы фашистской оккупации.

Всей чекистской, подчеркиваю, чекистской махиной партизанской и диверсионной работы на временно оккупированных территориях руководили Павел Судоплатов и созданный в мае 1942 года для координации действий всех партизанских отрядов Центральный штаб партизанского движения во главе с бывшим секретарем ЦК компартии Белоруссии Пантелеймоном Пономаренко.

Во время войны партизанских отрядов было более шести тысяч плюс 300 партизанских соединений, в которых сражались более миллиона человек. Вначале большинство отрядов действовали стихийно, и кого только в них не было, но катастрофически не хватало обученных командиров и бойцов. Большие надежды возлагались на оставленные в городах подпольные райкомы и обкомы… Но одной лишь идеологией врага было не одолеть. Да и опыта подпольной работы и партизанской борьбы у партийных секретарей еще не было. К тому же они были хорошо известны местному населению, поэтому их в первую очередь выдавали предатели. Случалось, они попадались в руки врагу, имея при себе списки подпольщиков.

Органы безопасности, истерзанные чистками, начавшимися с наркома Ягоды, тоже испытывали нехватку профессионалов. НКВД, ИНО, или, по-теперешнему, внешняя разведка, понесли

огромные потери. Сошлюсь на данные, приведенные в книге писателя Александра Бондаренко «Фитин»: «За два года его [Ягоды] “правления” — с июля 1934-го по сентябрь 1936 года — из ОГПУ было уволено порядка 8100 человек, заподозренных “в нелояльности” к вождю и проводимой им политике. Хотя, заметим, настоящих репрессий, особенно в отношении руководящего состава, пока еще не было».

На смену карьеристу Ягоде пришел патологический палач Ежов. 18 марта на собрании руководства органов безопасности он безапелляционно заявил, что «шпионы» заняли в НКВД руководящие посты. И даже Дзержинского обвинил в «колебаниях в 1925–1926 годах». Это означало, что вскоре удар будет нанесен по сподвижникам основателя ВЧК, занимавшим руководящие посты, и их окружению.

В результате так называемых «чисток» в 1937–1938 годах, пишет исследователь Д. Прохоров, из 450 сотрудников внешней разведки (включая загранаппарат) были репрессированы 275 человек, то есть более половины личного состава. В 1938 году в органы были призваны около восьмисот коммунистов и комсомольцев, преимущественно людей с высшим образованием, попробовавших силы на руководящих должностях. Времени на учебу им давалось мало — всего полгода, затем они отправлялись на оперативную работу. Понятно, что никакие способности и энтузиазм не могли компенсировать отсутствие опыта. Вот так и встретили войну.

Понимая, что иного выхода, как вернуть еще оставшиеся старые кадры, нет, Судоплатов (иногда говорят, что вместе с другом, соратником и своим заместителем Эйтингоном) обратился к Берии с ходатайством освободить из тюрем и лагерей содержащихся в них чекистов.

Берия понял все и сразу. Виновны люди — не виновны, даже не спрашивал. Наверняка знал ответ. Поинтересовался лишь, уверен ли Судоплатов, что они нужны в создавшейся обстановке. Цинично и в стиле Берии. Услышав: «уверен», приказал освободить и без промедления использовать.

Якова Серебрянского, о котором мы в этой книге еще расскажем, привезли к Судоплатову прямо с Лубянки: уже в начале войны он был приговорен к расстрелу, но приговор в исполнение привести не успели. В августе его амнистировали, как и еще двух чекистов Каминского и Зубова. Увы, в живых осталось не так много людей, как рассчитывали.

Оказались востребованными и уволенные из органов. По некоторым данным, о назначении опального Вильяма Фишера (Абеля) на должность начальника отдела радиосвязи Особой

группы ходатайствовал Серебрянский. По моим сведениям — сам Судоплатов не забыл лучшего радиста внешней разведки, вышвырнутого за порог Лубянки за знакомство с резидентом-невозвращенцем Орловым. Сразу же к Вильяму Генриховичу присоединился его друг, тоже классный радист (и диверсант) Рудольф Абель, имя которого взял после ареста в Соединенных Штатах Вильям Фишер. Этого, настоящего, Абеля отлучили от Службы из-за брата — старого большевика, расстрелянного Сталиным. Вернулся в строй чекист Лукин — в недалеком будущем комиссар отряда «Победители», где и суждено было воевать Николаю Кузнецову.

Не давал забыть о себе герой нашего повествования Дмитрий Медведев. Отправленный в отставку по состоянию здоровья, он с ноября 1939 года жил на даче в подмосковном Томилине. 22 июня 1941 года Медведев написал письмо тогда еще наркому Меркулову:

«В ноябре 1939 года, после 20 лет оперработы в ВЧК-ГПУ-НКВД, я был из органов уволен. В первые же дни войны как с польскими панами, так и с финской белогвардейщиной я обращался к Вам с полной готовностью на любую работу, на любой подвиг. Теперь, осознавая свой долг перед Родиной, я снова беспокою Вас, товарищ народный комиссар, своим непреодолимым желанием отдать все свои силы, всего себя на борьбу с фашизмом.

Жду Вашего приказа.

Медведев, почетный работник ВЧК».

А 24 июня Медведев направил письма Берии и Судоплатову. Предлагал, взывал: вспомните Великую Отечественную 1812 года и ее партизанского героя Дениса Давыдова. Пора начинать и нам, потому что оккупация западной части СССР, и довольно длительная, неизбежна. Медведев написал это, понимая, что его, опального, могли обвинить в пораженческих настроениях. Он предлагал как можно скорее послать в тыл врага спецгруппу, основу которой должны составлять чекисты.

Свое послание Медведев передал Судоплатову через своего давнего товарища Петра Петровича Тимофеева. За Медведевым приехали на следующий день прямо на дачу. Доставили на Лубянку, вернули в органы и позволили воплотить свои идеи на практике. Приказали подобрать людей, сформировать чекистский партизанский отряд, которому присвоили не требующее расшифровки название «Митя». Отряд, в котором было поначалу 33 человека, действовал на Брянщине, родине Медведева, а затем в Белоруссии.

Летом 1942 года пришла пора отправляться в фашистский

тыл второму отряду под командованием Медведева — «Победители», организованному по системе Четвертого управления НКВД. В немецкий тыл обычно засылалось от 20 до 100 человек. Обязательно крепкое чекистское ядро: разведчики, контрразведчики, пограничники плюс строевые командиры, потому что надо было участвовать и в боевых действиях. Со временем такие отряды разрастались.

Когда в августе 1942 года отряд Медведева забросили на Западную Украину, в Цуманские леса под Ровно, в нем было 70 человек, потом — около тысячи. Настоящее, а для Москвы кодовое, название отряда «Победители» звучало для обычного уха сложновато: «Разведывательно-диверсионная резидентура РДР 4/190».

Были для партизанских действий и места более благоприятные. Но выбрали Ровно. Немцы превратили город в столицу оккупированной Украины. Одних штабов всякого рода там набралось около семидесяти. Настоящий гадюшник, а для разведки — вожделенная цель.

Боевые действия в функции отряда не входили. Медведев избегал их как мог. Но воевать приходилось. Люди-то присоединились к нему, чтобы сражаться, а подлинные задачи командиру надо было скрывать. В ходе самообороны трепали немцев жестоко, потом меняли дислокацию. Главное же — забрасывали в Ровно, в другие городки своих, вербовали, уничтожали фашистских главарей.

Дмитрий Николаевич Медведев оказался наиболее удачливым, лучше всех остальных подготовленным партизанским командиром. Именно поэтому он оставил о себе такую память.

Безусловно, сказался опыт работы в Чрезвычайной комиссии, но не меньшее значение имели и личные способности этого человека.

Еще в молодости Медведеву поручали самые сложные операции. Однажды молодой уполномоченный поймал польского разведчика по весьма туманной ориентировке, присланной из Москвы. Указывалось, что поляк проследует в ближайшие дни через Брянск на поезде. Ни время, ни номер пассажирского поезда не были известны, внешность шпиона описывалась весьма приблизительно.

Медведева это не смутило. Представив себя на месте поляка, он по наитию сел в наиболее подходящий поезд. Спокойно прошелся по вагонам и безошибочно попросил предъявить документы не одного, а двух сидевших рядом пассажиров. Чутье не подвело. Когда начальник спросил Медведева, чем же привлекла внимание эта с виду не подозрительная шпионская

парочка, тот ответил: «Сидели не так… Не по-нашему. У нас так не сидят. А эти, пусть одеты, словно всю жизнь в Брянске, а расселись — ну, прямо хозяева, и расслаблены, и спокойны. Всё для них на тарелочке».

Конечно, Медведев совершал и ошибки. На первых порах иногда срывался на допросах. Человека искреннего, честного, его коробила явная ложь, стремление уйти от ответа. Однажды он наорал на бывшего офицера Стеблова, добровольно вступившего в Красную армию. Вызывал тот какие-то смутные подозрения. Чуял уполномоченный Особого отдела Медведев, что как-то связан Стеблов с подпольной организацией и, быть может, через него происходит утечка секретных сведений. Но Стеблов держался нагло, уверенно, и Медведев не выдержал, перешел на крик. Бывший офицер пообещал пожаловаться: какое право имеет молодой чекист повышать голос на красного командира. И пожаловался.

Доказательств вины Стеблова Медведев не имел, а вот чувство, что его пытаются обмануть, оставалось. Медведев пересмотрел десятки дел, связанных с возможными сообщниками Стеблова. И натолкнулся на мелочь, на поначалу не замеченную детальку: один из задержанных показал, что кто-то из главных руководителей организации то ли прихрамывает, то ли тянет ногу. Митя быстро припомнил: Стеблов слегка припадает на раненую ногу. За Стебловым установили наблюдение и выяснили, кажется, никак не связанную со следствием подробность. Он частенько наведывается к машинистке штаба Куракиной. Именно она печатает секретные материалы расквартированной в городе бригады. По настоянию Медведева в доме машинистки произвели негласный обыск. И отыскали фото еще 1916 года, на котором Куракина запечатлена в свадебном наряде в обнимку со Стебловым. Нашли в доме документ. Оказалось: Стеблов — муж Куракиной, и фамилия его такая же. Жена передавала супругу копии секретных документов. После ареста оба сознались, и подпольная антисоветская организация, которой руководил Стеблов-Куракин, была разоблачена.

Медведев же вскоре был отправлен на Донбасс на усиление. Стране требовался уголь, а его расхищали нещадно. Бандиты совершали набеги на шахтерские города, убивали всех, кто решался спуститься в забой. Чекисты преследовали бандитов. Доходило до ближнего боя, до рубки. От одного из отрядов, посланного на борьбу с бандой атамана Каменюка, осталось всего пять человек, остальные — погибли.

И тогда Медведев внедрил в банду своего человека по фамилии Басня. По подсказке этого осторожного, но

бесстрашного агента части особого назначения (ЧОН) начали трепать Каменюка. Тот терял людей и поддержку, уходил всё дальше от больших поселений, ускользая от чоновцев. Однажды Медведев смог заманить атамана в ловушку. Бой шел кровавый. Медведев вызвал на подмогу части Красной армии. А его сотрудники закрыли все возможные отходы. Атаман Каменюк был убит, банда разгромлена.

Орденами в те времена отмечали редко. Но за эту операцию Дмитрий Медведев приказом ВУЧК по представлению Донгубчека бьш награжден золотыми часами.

А спустя годы его заслуги были отмечены именным маузером и серебряным портсигаром.

Дмитрий Медведев получил назначение в Одессу, где его утвердили начальником отдела. И там с ним произошла забавная история. Только-только прибыл в город, еще никому неизвестен, а через пару дней заместитель Медведева прибежал к нему в панике:

— Ваш портрет метр на метр висит в фотоателье на Дерибасовской.

Оказалось, снял его уличный фотограф просто так, когда щелкал сотни прохожих. Проявил пленку и увидел: мужчина — ну прямо киногерой. И вывесил на витрину как завлека-ловку: вот какие у нас снимаются. Фото пришлось убрать.

После четырех с лишним лет службы в Одессе Медведев бьш переведен в Крым. Там он прославился тем, что раскрыл мощную контрреволюционную организацию, готовившую мятеж. В нее входили белогвардейские офицеры, кулаки и даже уголовники. Для покупки оружия заговорщикам нужны были деньги, и они совершили несколько крупных ограблений.

Чекисты узнали, что в Крыму ждут эмиссара из-за кордона. Внешность у сына сталевара Медведева была аристократическая, выправка — гвардейская, в Херсоне его еще не знали. Этим и воспользовались. Роль посланца Русского общевоинского союза, прибывшего из самого города Парижа, Медведев сыграл безукоризненно. В течение месяца проехался по всем отделениям организации, не вызвав никаких подозрений. «Эмиссар» настаивал на встрече со всеми руководителями движения. Переговоры шли долго. Заговорщики осторожничали, но «эмиссар» уперся: он рискует жизнью не для того, чтобы встречаться с командирами разрозненных отрядов.

В результате на отдаленном хуторе собрались все зачинщики восстания. А рядом уже готовился взять с боем заговорщиков отряд Красной армии. Но Дмитрий Николаевич избежал ненужных жертв. Вошел в помещение с пистолетом в руках и

громко скомандовал: «Бросай оружие, вы окружены!» В результате операции «Возрождение Таврии» было арестовано больше двухсот человек.

В начале 1930-х на Украине, да и не только там появились первые липачи. Так называли тех, кто «шил» липовые дела, стараясь засадить, тогда еще не расстрелять, кого и за что попало. Липачи, переведенные Ягодой в Москву, Медведева ненавидели. Давил он их, как только мог. Что в скором будущем ему и припомнили.

У вечно занятого борьбой с врагами Дмитрия Николаевича находилось время и на дела иного рода. Во времена страшного голода на Украине чекисты во главе с Медведевым создали за свой счет коммуну для беспризорных ребятишек. Собирали деньги, отдавали продукты из собственных пайков. Жены перешивали одежду, собирали еду в общий котел, отрывая от себя, от семьи, и готовили бесплатные обеды для пухнувших с голода. Даже с благотворительными концертами чекисты выступали. Устроили и лотерею с немедленной выдачей выигрышей. Медведев пожертвовал в качестве главного приза небывалую по тем годам ценность — свои новые хромовые сапоги. И при всем при том каким-то чудом выкраивал время, чтобы вместе с молодыми сослуживцами заниматься спортом. Надо ли говорить, за какую команду болел Медведев. Он не только стал организатором нескольких динамовских, как тогда говорили, ячеек. Сам участвовал в соревнованиях на первенство «Динамо», особенно в лыжных. Иногда проигрывал, но всегда боролся до конца. И еще писал о спортивных состязаниях статьи в газеты.

Да, такого разностороннего человека было за что ценить и отмечать наградами. В 1932-м начальник отдела ГПУ города Киева Дмитрий Николаевич Медведев одним из первых на Украине получил звание «Почетный чекист».

В 1933-м пришлось ему схлестнуться в Новоград-Волын-ском отделе ГПУ с Организацией украинских националистов — ОУН. Создали ее в 1929 году в зарубежье. Была она особо сильна во Львове и Ровно. Несмотря на сразу начавшееся противостояние между двумя претендентами на лидерство — «Серым», под этой кличкой проходил у немецких спецслужб молодой Степан Бандера, и «Консулом-1» — такой псевдоним присвоили в Берлине старому и битому-перебитому бандиту Андрею Мельнику, бороться с ними чекистам было трудно.

И Медведев избрал свой излюбленный метод. Использовал местное население, старался наладить отношения с народом, еще не одурманенным национализмом. Понял, что одними

чекистскими силами оуновцев не одолеть, и в нужные моменты призывал на помощь расквартированную в здешних беспокойных краях кавалерийскую дивизию Красной армии. Раньше многих других Медведев осознал, что оуновцы — серьезный противник, имеющий поддержку и на Западной Украине, и у зарубежных разведок. Щедрее всего подкармливала ОУН гитлеровская Германия. Медведев понимал почему: совпадала расистская идеология. Теория превосходства собственной расы над другими тешила и Гитлера, и Бандеру с Мельником.

В дни войны отряд «Победители» помогал тем, кто по теории фашистов и бандеровцев не имел права на жизнь и уничтожался чаще всего штыками, именно штыками, даже не пулями украинских националистов. Медведев, избегая проведения боевых операций, спасал сотни евреев, которые скрывались в лесах от оккупантов и их прислужников. Как всегда, он действовал нестандартно. Организовывал походные семейные лагеря на 150–200 женщин, детей, стариков, прятавшихся от геноцида. Его партизаны привозили туда продовольствие и одежду. А если требовалось, выставляли боевое охранение.

Когда обстановка под Ровно усложнилась, Медведев организовал переброску спасенных на территорию Белоруссии. Там партизанское движение было мощным, а связь с Большой землей устойчивее. По инициативе Дмитрия Николаевича с партизанских аэродромов в Москву отправлялись вызволенные из гетто дети. В России, в Израиле, во многих странах живут сотни людей, вырванных Медведевым и его бойцами из рук бандеровцев и гитлеровцев.

Но мы несколько забежали вперед.

После Новограда-Волынского Медведева ждала учеба в Москве на курсах руководящего состава НКВД. На первый взгляд — поощрение. Но вдруг в 1936-м началась травля. Брата Александра, члена партии с 1912 года и одного из первых в стране чекистов, посчитали «оппозиционером». Он погиб в сталинской мясорубке. А Медведева обвинили в недостаточной твердости по отношению к «врагам народа». Припомнили и его требования прекратить липовые дела. Заслуги в расчет не брали.

Но было в характере Дмитрия Николаевича нечто, довольно точно подмеченное чекистскими кадровиками: «Характер мягкий, но строптивый». В марте 1938-го помощник начальника управления НКВД Харькова (тогдашней украинской столицы) Дмитрий Медведев самовольно приехал в Москву. Написал письмо самому товарищу Сталину, а копию его послал наркому Ежову: «Сижу в центральном зале Курского вокзала у бюста товарища Сталина и прошу за мною приехать. Если меня не

примете, объявляю смертельную голодовку». В НКВД поднялся переполох. «Почетный чекист» имел право носить оружие и сам, без особого пропуска, мог входить в любое помещение органов, кроме тюрьмы. А вдруг окажет сопротивление и станет стрелять?

Короче, за Медведевым приехали и разобрались. Был он капитаном госбезопасности — чин, равный армейскому полковничьему. Решили не сажать. Даже оставили в партии и в НКВД. Но не в Главном управлении госбезопасности. За строптивость Медведева перевели в ГУЛАГ.

Сначала его направили на строительство Беломорско-Балтийского канала в Медвежьегорск. Работы там хватало. Год пролетел быстро, хотя и в тяжелых раздумьях. А однажды случился с Дмитрием Николаевичем и казус. Отправился он на охоту и заблудился. Почти трое суток плутал по тайге. А на службе поднялся переполох: исчез, вдруг сбежал… Медведева уже принялись искать, когда он вышел к поселку. Всё обошлось, только отморозил ухо и с тех пор незаметно старался подсаживаться к собеседнику справа.

Затем Медведева перебросили в Норильск. По существу, это была та же ссылка. Но Медведеву повезло. Огромный комбинат возводил его старый товарищ, командовал всей гигантской стройкой. Поселил он Медведева в условия относительно сносные.

И здесь опальный «Почетный чекист» вновь проявил строптивость. Заключенных, отбывших свой срок, освобождать было не принято. Им обязательно «припаивали» второй срок. А Медведев людей стал освобождать. И разразился скандал.

Осенью 1939 года Дмитрия Николаевича вызвали в Москву в наркомат. И там сообщили: уволен из органов «за допущение массового необоснованного прекращения следственных дел». Но поднимать шум не решились, и в официально-парадной биографии героя долго значилось стандартное: «Уволен по состоянию здоровья». Медведеву был тогда 41 год, а выслуга лет с учетом войн — 42 года.

Накопленных за десятилетия службы денег Медведеву хватило на покупку маленькой дачи в Подмосковье, где он со своей второй женой и обитал до 24 июня 1941-го.

Парадокс, но война спасла его от новых крупных неприятностей. Чекист-пенсионер встал на партийный учет в Люберцах, где его сделали лектором. И со свойственной прямотой на одной из лекций рубанул: пакт с Германией вот-вот рухнет, надо готовиться к войне. Донос последовал немедленно. Медведева заставили писать объяснительную записку. Бюро райкома приняло дело коммуниста Медведева на рассмотрение.

Решение райкомовцев обещало быть скорым и суровым.

И вот разразилась война. В отряде «Митя» Медведев объединил специфическую чекистскую работу с массовым партизанским движением. Но для этого Дмитрию Николаевичу пришлось опять рискнуть. По воле Иосифа Сталина все военнопленные считались изменниками Родины. А Медведев брал к себе бежавших из лагерей и окруженцев.

«Вам забросят агентов гестапо», — стращали его большие начальники. «На то мы и чекисты, чтобы разобраться», — отвечал командир. И действительно раскрывал агентов. А военнопленных не отталкивал, и те его не подводили. Начинали с Медведевым партизанить 33 человека, вернулись 330, да еще несколько отделившихся от «Мити» отрядов остались за линией фронта.

Не боялся Медведев использовать и местных жителей, которые по каким-то причинам оказались сотрудниками оккупационных учреждений. Всех их поголовно тогда считали предателями.

В разведку он отправлял не только опытных профессионалов. Местные подростки, старики, девушки на железнодорожных станциях, в маленьких городках, где стояли немецкие гарнизоны, вызывали меньше подозрений, чем мужчины призывного возраста, а сведения оттуда приносили в отряд ценнейшие.

Очень скоро пришло понимание, что украинских националистов надо опасаться даже больше, чем солдат вермахта. Немцев, с нашими обычаями незнакомых, иногда можно было обмануть, провести. С бандеровцами это не проходило. Да они и не пытались разобраться, кто попался им под руку. Убивали при малейшем подозрении и просто так. Жестокость проявляли нечеловеческую.

Обо всём этом Дмитрий Николаевич написал потом в книге «Сильные духом». Лишь один тезис книги вызывает у меня сомнение: «…крестьяне охотно делились с нами скупыми своими запасами. Целые деревни собирали для нас продукты — хлеб, овощи». Так ли это было? Не слишком ли розовую картинку создает командир, а затем и писатель?

Зато все — от Четвертого управления до Генштаба признавали: именно Медведев начал первым проводить боевые операции силами нескольких отрядов, что быстро превратилось в стратегию всего партизанского движения. Иногда по согласованию с командованием Красной армии проводились масштабные операции. Так, еще в разгар немецкого наступления на Москву четыре отряда разрушили железнодорожные ветки, на которых скопилось три десятка эшелонов, а наша бомбардировочная авиация точно в оговоренный час одним

налетом эти эшелоны вдребезги разбила.

Капитан госбезопасности Медведев докладывал Судоплатову: оккупанты жалости не знают, карательные меры следуют незамедлительно, не надо представлять врагов идиотами. Режим противодействия следовало тщательно продумать. Заброшенным в фашистский тыл разведчикам — одиночкам и небольшим разведгруппам — выполнять свои задачи в таких условиях было сложно. И Медведев предложил, чтобы разведка действовала на базе крупных партизанских отрядов, управляемых из Москвы.

Случалось, донесения групп Медведева доходили даже до Сталина. С ними знакомились начальник Генерального штаба маршал Шапошников, Жуков. Первый свой орден Ленина из четырех Медведев получил за действия отряда «Митя».

Дважды за это время Медведева ранили. Один раз 21 сентября 1941 года — в коленную чашечку, и печальный исход был тогда уж совсем близко. Но верный адъютант вынес из боя и тащил своего командира несколько километров. Такое мог сделать только человек огромной воли и физической силы. И того и другого было в достатке у абсолютного чемпиона СССР по боксу, тоже легендарного Николая Федоровича Королева.

За первым отрядом последовал второй — «Победители». Его бойцов сбрасывали в немецкий тыл отдельными группами на парашютах и не всегда удачно. Начало было обескураживающим. Погибли в бою 12 десантников, в том числе любимец Медведева лейтенант госбезопасности Александр Творогов, воевавший с ним в отряде «Митя». Другая группа нашла приют в сторожке лесника, но тот собирался ее выдать. Спасла бойцов бдительность. С предателем поступили по законам военного времени — расстреляли.

Медведев не был мягким, уступчивым человеком. Отрядом «Победители» он командовал железной рукой. Расслабляться, прощать даже мелкие прегрешения было нельзя. Между собой партизаны называли Дмитрия Николаевича железным полковником, его побаивались. Командиры отряда носили и в немецком тылу знаки различия, бойцы — звездочки, как в армии.

Медведев берег людей. Если вступал в бой, то бил наверняка. Эту тактику было трудно объяснить тем, кто присоединился к «Победителям». Не подозревая об истинном назначении отряда, многие из них роптали. И командиру, чутко улавливавшему настроение партизан, приходилось идти на стычки с немцами.

Разведчикам, работавшим в Ровно и в других городах, категорически запрещалось сотрудничать с любыми другими подпольными организациями, которые не были связаны с отрядом. При малейшей опасности в городе разведчики

выводились из-под угрозы. Ни одна радиограмма не отправлялась из самого отряда. Радистки уходили от его стоянки на много километров под охраной автоматчиков. Отправлявшиеся в город разведчики оставляли свою одежду, оружие, документы на «маяках» — надежных партизанских точках в нескольких километрах от Ровно.

Отряд «Победители» под командованием Медведева уничтожил более 12 тысяч немецких солдат и офицеров, в том числе 11 генералов.

Последним своим боем Медведев командовал весь израненный, сидя на стуле. По свидетельству других источников — лежа в повозке. Команды передавал через нескольких связных.

Неожиданно Медведева отозвали на Большую землю. Он не мог понять, как там узнали о его болезнях. Через несколько лет Дмитрию Николаевичу призналась его радистка — Лида Шерстнёва. Это она единственный раз нарушила приказ командира, передала в Центр радиограмму о мучивших его ранах.

В Москве Медведева немедленно поместили в госпиталь. Раны подлечили. Но выяснилось, что у него поврежден позвоночник. Это означало, что Медведев, человек солидного веса и роста, не сможет прыгать с парашютом. Но Дмитрий Николаевич прыгал.

Новая его командировка состоялась уже после освобождения нашей страны от немецко-фашистских захватчиков. Медведев уезжал в Литву на несколько недель, а пришлось пробыть там около полугода. Националистическое движение в Прибалтике предполагалось подавить быстро, лихим наскоком. Но Дмитрий Николаевич сразу понял, что здесь это не получится. Пришлось обратиться к опыту борьбы с Бандерой и Мельником. Немало литовцев поддерживали националистов: кто сознательно, кто под страхом смерти. Тех, кто сочувствовал Советам, националисты убивали.

Медведев вступил в борьбу с бандой Мисюнаса по прозвищу Зеленый черт, который считался абсолютно неуловимым. Гестаповец Мисюнас стремился подчинить себе целые районы — отдаленные, лесные. Там без верных людей и проводников отрядам Красной армии делать было нечего.

Дмитрий Медведев вернулся к прежней чекистской практике — стал налаживать отношения с местным населением, внедрять в окружение Мисюнаса своих людей. Постепенно радисты Медведева засекли все передатчики Зеленого черта. Его банды несли потери, и он уходил далеко в леса. И, как в прежние боевые времена, Медведев взял бандитов в кольцо. Ему не было резона вступать в бой в лесной чаще. Он один за другим выманивал

отряды бандитов поближе к хуторам и там, окружив их, брал в плен, разоружал. Выяснилась и причина неуловимости Мисюнаса. Гестапо оставило ему деньги, фальшивые документы и оружие. Перед отступлением гитлеровцев Зеленый черт установил связи с националистическим подпольем. В его бандах были и немцы — те, которым не было иной дороги, как на эшафот. Его и изготовил для них Дмитрий Медведев.

В 1946-м ему пришлось уйти из органов. Формально причина все та же: полковник Медведев демобилизован по состоянию здоровья.

Может, и к лучшему? Новый министр НКВД Абакумов принялся сажать и расстреливать тех, кто сидел или был в опале до 1941 года и кого не убили немцы. Переживал Медведев тяжело, однако выдюжил.

Страна зачитывалась его книгами «Это было под Ровно», «Сильные духом». Школьники сбегали с уроков, а студенты с лекций, чтобы послушать медведевские передачи по радио: тогда впервые и прозвучали имена Кузнецова, Приходько, Цессарского.

Медведев написал книгу о винницком подполье «На берегах Южного Буга». И тут началось невероятное. Недобитые бандеровцы подняли грязную волну. Героев Медведева объявили предателями, бандитов же и их прихвостней превозносили. НКВД хранил непонятное молчание. Зато некоторые газеты травлю поддержали.

Четырнадцатого декабря 1954 года в своей московской квартире в Старопименовском переулке Медведев говорил об этом с боевым другом Валентиной Довгер. Валя вышла на кухню сварить кофе. Вернулась — Медведев был мертв. Сердце не выдержало.

Потом улицу, где жил и умер Медведев, назвали его именем. А недавно опять переименовали. Простите, Дмитрий Николаевич…

Думал я, что ничего нового о Медведеве уже не отыщется. Но повезло. Так бывает нечасто. Иногда по прошествии лет находят меня родственники героев моих книг и фильмов. Не скрою, приятно. Значит, читали, приняли и, преодолев понятное стеснение, решили поведать нечто новое о родителях.

Разыскал меня и Медведев-младший. Договорились о встрече, и когда Виктор Дмитриевич появился в моем кабинете, чувство было такое, будто заглянул в гости сам знаменитый разведчик. Сходство — поразительное.

— Об этом говорят многие, — улыбнулся Виктор Дмитриевич. — Похож. Горько, что отец ушел так рано, в 1954-м, было ему всего-то 55 лет, я родился в 1947-м. Был совсем

мальчишкой, но детские годы, общение с отцом запомнились. Папа, уже в отставке, работал дома, а я учился в школе, в двух шагах от дома, и много времени мы проводили вместе. И мама моя, от которой у папы секретов не было, часто о нем рассказывала. Не претендую на роль историка или единственного свидетеля. Пришел к вам, чтобы показать вот эти рисунки. Когда моя мама весной 1968-го уже после ухода отца лежала в госпитале КГБ на Пехотной, подошел к ней интеллигентный немолодой человек. Узнал, что она — вдова Героя Советского Союза Дмитрия Медведева. Оказалось, знаменитый нелегал Рудольф Иванович Абель. Подарил маме четыре миниатюры, вот, видите, на одной даже посвящение «Татьяне Ильиничне Медведевой и сыну Виктору от почитателя Вашего отца и мужа. 25.IY.68. Р. И. Абель». Больше сорока лет прошло, и мамы моей нет, а рисунки храню.

— Вы знаете, они мне знакомы. Вильям Генрихович эти крошечные пейзажи, в основном виды Подмосковья, что недалеко от его дачи, преподносил с дарственными надписями близким. И почти всегда подписывался не Фишером, а Рудольфом Абелем. Судьба его кое в чем схожа с судьбой вашего отца. Два великолепных профессионала были отстранены от работы в органах. И обоих вернули в начале войны. Вашего отца раньше, Абеля — Фишера — чуть позже.

— Отца попросили из органов осенью 1939-го. Сказали: по состоянию здоровья.

— В те страшные времена могло быть и хуже.

— Отец поселился в Томилине. Там и жил до войны.

— Медведев был человеком справедливым. Мерзостей, что некоторые творили в НКВД, не терпел. Правда ли, что одним из формальных предлогов для отстранения от службы стал арест его брата?

— Давайте начнем с того, что в семье, жившей в Бежице, недалеко от Брянска, было 13 детей. Выжили девять. Четыре брата, пять сестер.

— И все четыре брата работали в ЧК?

— Все четыре. И даже младшая сестра — Екатерина. Старший, Александр, большевик еще с дореволюционным стажем, участвовал в партийных съездах, стал первым председателем

Орловской ЧК. Был репрессирован как якобы участник «рабочей оппозиции». Погиб в лагерях. Пострадали и все остальные братья. Не вернулся из лагерей Михаил — самый младший. Второй брат, Алексей, на год старше папы, тоже сидел, но выжил, возвратился. А отца — попросили «по здоровью».

— И только когда напали немцы, в его судьбу вмешались

Берия и Судоплатов.

— Расскажу вам так, как это воспринималось отцом и нашей семьей. Началась война, и папа приехал из Томилина в Москву, пошел к Берии и пробился. Говорил о Денисе Давыдове…

— О том самом гусаре, что командовал партизанскими отрядами в 1812-м, когда Наполеон захватил Москву.

— Были у отца именно такие аналогии. С первых дней войны, в конце июня, понял, к чему всё идет, чем может закончиться. Партизанское движение, действовавшие в тылу противника отряды можно было создавать по примеру тех, что возглавлял Давыдов. И почему бы нам не сделать то же самое. Я об этом герое услышал очень рано. Еще когда мама давала мне читать отцовский дневник.

— Ведение дневников не поощрялось, особенно во время войны.

— Но отец, вернувшийся на службу в июне 1941-го, его вел, писал, возможно, не регулярно. Записи сохранились. Они, по-моему, достояние органов, потому что есть там некоторые такие сведения… Но я сам читал отцовское: «был на приеме у ЛП», «говорил с ЛП». Спрашиваю, это уже потом в 1960-е, в 1970-е даже: что за ЛП? Объяснили — Лаврентий Павлович Берия. Бывал мой отец у ЛП, он пробивал эту идею. Создание отрядов, заброски в тыл врага.

— Считается, что это идея любимца Берии, генерала Павла Судоплатова.

— Отец через Судоплатова и шел. У него с Павлом Анатольевичем были нормальные отношения. Судоплатов, посаженный после расстрела Берии, вернулся, отсидев много лет во Владимирском централе. Он к нам приходил 14 декабря — это день смерти отца. Когда мама была жива, в нашей квартире, тогда еще в Старопименовском переулке, потом переименованном в честь отца в улицу Медведева, теперь вот снова в Старопименовском, собирались все оставшиеся друзья, близкие. Каждый год, и много народу. Партизаны, чекисты, в том числе и Судоплатов, еще несколько переживших ссылки-лагеря. В 1950-е возвращались знавшие отца. Люди — самые разные. Некоторые говорили на иностранных языках блестяще. Не поверите, но среди них были и изучавшие английский там, в ссылке. Вот такой контингент вернувшихся.

— Вы знаете, мне до сих пор многое непонятно в отношении тогдашних властей к вашему отцу. В 1944-м — присвоение звания Героя Советского Союза, в 1946-м — четвертый орден Ленина, и тут же — отставка. И генерала не дали.

— Остался отец полковником. Что я вам могу тут сказать?

Бьш я мал, но помню, папа переживал. Конечно, не из-за чинов. Но работал, выступал с воспоминаниями. И заметили его. «Там» намекнули, что слог хороший, может быть, что-нибудь напишете? И порекомендовали молодого выпускника факультета журналистики, чтобы помогал в литературной работе. Это был Анатолий Борисович Гребнев.

— Тесен мир. Очень хорошо мне знакомый человек. Он потом стал одним из лучших сценаристов нашего кино.

— А тогда они вместе написали пьесу «Сильные духом», она и в Москве шла. Союз их творческий продолжился. Гребнев помогал в литературном плане, и когда писалось «Это было под Ровно», и в последующих книгах. Заходили они с женой Галиной к нам в Старопименовский. А с Анатолием Гребневым мы общались до самой его кончины. Он и на свадьбе у меня был.

— Гребнев и его супруга Галина Ноевна, совсем недавно ушедшая, — родители моего школьного друга — сценариста и кинорежиссера Александра Миндадзе.

— Да, тесен мир. Книгу «На берегах Южного Буга» доделывал Гребнев, потому что отец умер, когда она еще не вышла. У папы как раз были большие неприятности из-за винницкого подполья, и книгу по ряду причин не могли издать. Знаете, у меня воспоминания детские, но яркие. Мне шесть лет, в школу еще не пошел. Наша квартира одно время превратилась в общежитие. Я, маленький, вставал рано и буквально переступал через спавших повсюду людей. Это в Виннице начались гонения на членов винницкого же подполья. Времена-то были суровые, 1953 год, и в Москве они, приехавшие с Украины, просто физически выживали. Здесь, и при помощи отца тоже, их как-то сохраняли, отбивали.

— Что же это было?

— Были какие-то непонятные для меня трения между украинскими чекистами и московскими. А люди, рисковавшие в войну в подполье, приезжали спасаться в Москву. Понятно, приходили к отцу. В Виннице, судя по всему, подняли головы бывшие националисты. Сами видите, до чего сегодня дошло. Чтя светлую память отца, я сейчас не хотел бы слишком глубоко в этот вопрос вдаваться. Но многие, кто служили полицаями, кто выпускал винницкую фашистскую газету, вдруг оказались патриотами. И устроили охоту на тех, о подвигах которых отец с таким уважением писал в книге «На берегах

Южного Буга». Да, это была большая война. И «Литературка», которую возглавлял фронтовик Константин Симонов, плохо выступила. Поддержал он ту сторону конфликта. Почему? Я мал был, многого не понимал, всё знаю уже по рассказам. А в нашей большой квартире просто проходной двор был, люди приезжали и

жили, потому что в Виннице и в Киеве их бросали в застенки.

— Отец рассказывал вам что-нибудь такое, что не вошло в книги?

— Ну, к примеру, был такой день, который он всегда считал своим вторым днем рождения, когда спасся вопреки всему.

— Может, день, когда его, тяжелораненого, вынес из боя чемпион СССР по боксу Королев?

— Нет. Королев спас его в первом отряде — «Митя». А это случилось уже во втором отряде «Победители», когда папу ранили. И хотя отмечали всегда как день рождения настоящую дату — 22 августа, о совсем другом дне отец вспоминал часто.

Он всерьез занимался литературным писательским трудом. Сидел, печатал на машинке как раз книгу «На берегах Южного Буга». И я почему-то рано научился читать. Ходил гулять в Пушкинский сквер и видел бегущую строку над одним из зданий. Спрашивал, что за буквы, мне объясняли, и как-то неожиданно прочитал то, что бежит. На меня посмотрели удивленно. Мои успехи в чтении бегущей строки на «Известиях» решил продемонстрировать папе. Он пошел со мной, я начал читать. Очень бодро прочитал первые бегущие буквы «Три кота» и, довольный, обернулся. Папа меня поправил — не «Три кота», а «Трикотаж». Не хватило терпения дождаться последней буквы слова, если и так всё понятно. А что такое трикотаж, я и представить не мог, мне начали объяснять. Все равно ничего не понял.

Отец спросил: кто научил читать? Взрослые, со мной гулявшие, этим не занимались. И я, совсем ребенок, вроде как подчитывал книгу «На берегах Южного Буга», которую давал мне отец. Я еще помню, там есть глава «Волк в овечьей шкуре». Спрашиваю: пап, что это, как понять? Он говорит: такое есть выражение. Объяснял популярно, что это предатель притворяется, прикидывается.

Как-то маленьким гулял во дворе и встрял в какую-то передрягу: за кого-то заступился, подрался, пострадал, но победил. Мне это показалось по-детски необычайно важным, пришел домой взбудораженный и подробно рассказал папе все перипетии, запросив его оценку. Папа сказал, что, во-первых, я поступил благородно, заступившись за кого-то, а во-вторых, я поступил нехорошо, потребовав за это похвалы. Другими словами, но смысл таков. Я это запомнил на всю жизнь. Очень часто, уже будучи взрослым, встречал людей, которые были благодарны отцу за его помощь. Никто об этом не знал, даже мама. Он мог помочь устроиться на работу, подбросить денег, дать полезный совет. И никогда это не афишировал. Не принято

это было у нас дома.

Хотя существовали некие сложности, о которых в семье волей-неволей говорили. Кого-то из знаменитых людей, писавших о партизанах, о подполье, принимали в члены Союза писателей… а отца — нет.

— Непонятно, почему.

— Действительно непонятно.

— Ведь он уже стал профессиональным литератором: «Отряд идет на Восток», «Это было под Ровно», «Сильные духом», «На берегах Южного Буга», пьесы… Многие книги читают и сегодня.

— Есть у него еще одна незаконченная повесть. Должна была по замыслу отца называться «Астроном». Это биография одного винницкого подпольщика, который погиб. И папа взялся исследовать, изучать его жизнь с детства.

— Разведчик, будущий Герой Советского Союза Николай Кузнецов был в отряде у вашего отца. Об обстоятельствах гибели Кузнецова много разговоров.

— Досужих, что может быть так, может и иначе. Долго ведь искали — где, что, куда? Обстоятельства его гибели под вопросом. Отец многое после войны нашел в захваченных немецких архивах.

— Историк разведки Теодор Гладков считает, что ответ всё же может быть найден. Полагает, что немецкие документы попали в руки американцев и сейчас где-то у них пылятся.

— Думаю, в живых нет никого, кто мог бы рассказать. Но кое-что и кое о ком вспомнить можно. Например, вспоминаю одного вашего героя — разведчика, работающего и сейчас на улице Полянке. Дело в том, что в 1972-м мы разменяли нашу квартиру в Старопименовском на две, разъехавшись с мамой. Кстати, в квартиру в Старопименовском вселился известный артист балета и впоследствии хореограф Михаил Лавровский.

— Виктор Дмитриевич, мир не тесен, а мал. Его отец Леонид Лавровский жил с нами не то что в одном доме и подъезде, а этажом ниже, прямо под нами в доме Большого театра на Тверской, тогда улице Горького.

— Так вот, я переехал на Полянку, где теперь станция метро. И у меня создалось впечатление, что в нашем подъезде все, или почти все, были оттуда же, где раньше работал отец. Причем попадались довольно странные экземпляры. Дверь в дверь напротив жил пожилой вроде бы армянин с женой. Он практически не говорил по-русски и ни с кем не общался. Единственный раз попросил меня помочь, когда его жене стало плохо. Зашел я в квартиру — никакой мебели, одна плохонькая кровать и что-то на кухне. Еще на этаже жил очень немолодой

мужчина, немецко-прибалтийского вида, по-русски ну совсем не понимавший. Во всяком случае, за десять лет проживания там я не слышал от него ни одного слова. Жил еще генерал — с ним мы общались даже за пивом в заведении напротив. И судя по другим жильцам подъезда, которые практически не скрывали своей профессиональной принадлежности, всё это были возвратившиеся нелегалы, так и не адаптировавшиеся к нашей жизни. Сколько лет прошло, было бы любопытно узнать: кто это такие.

— Но никогда не узнаем. Вы, судя по всему, по отцовским стопам не пошли?

— Нет.

ГЕРОЙ С ТРАГИЧЕСКИМ ОТТЕНКОМ
Николай Кузнецов

О Николае Кузнецове написаны десятки книг, сняты художественные и документальные фильмы. Соратник легендарного Дмитрия Николаевича Медведева и бесстрашный партизан, советский разведчик, 16 месяцев действовавший под личиной обер-лейтенанта Пауля Вильгельма Зиберта, и бесстрашный исполнитель смертельных приговоров фашистской элите.

Давайте вспомним самые известные и неоспоримые факты. Родился Николай Иванович Кузнецов в 1911 году. По национальности — русский. Стал (пока не уточняем конкретный год) профессиональным разведчиком. В Великую Отечественную войну руководил разведывательно-диверсионной группой в городе Ровно Украинской ССР. Работал под видом офицера вермахта обер-лейтенанта Пауля Зиберта. Группа действовала под командованием командира партизанского отряда «Победители» чекиста Дмитрия Медведева. С 25 августа 1942 года по 8 марта 1944 года Кузнецов совершил ряд акций возмездия. Это он уничтожил палача украинского народа, главного немецкого судью Функа, генерала Кнута, вице-губернатора Галиции Бауэра, вице-губернатора Львова Вехтера и других высокопоставленных фашистских палачей, похитил и уничтожил начальника так называемых «Восточных войск» генерала Ильгена. Подготовил покушения на гауляйтера Украины Эриха Коха и генерала Даргеля…

Провел целый ряд разведывательных операций, добывал сведения стратегического характера. Именно Кузнецов сообщил о готовящемся в Тегеране во время Конференции лидеров антигитлеровской коалиции покушении немцев во главе с Отто Скорцени на «Большую тройку» — Сталина, Рузвельта и Черчилля. Кузнецов был убит бандеровцами в ночь с 8-го на 9 марта 1944 года. Звание Героя Советского Союза присвоено посмертно в 1944-м, награжден двумя орденами Ленина.

Однако в жизни разведчика Николая Кузнецова многое до сих пор остается под грифом «секретно». Помогал снять этот гриф исследователь и историк разведки Теодор Гладков. Так открывались новые странички в биографии Кузнецова. Теодор Кириллович ушел из жизни, но не все мои записи долгих с ним бесед расшифрованы.

— Теодор Кириллович, вроде бы о Николае Ивановиче

Кузнецове известно всё. Но именно в новом, XXI веке о нем пишут и рассказывают столько… К уже сложившемуся и устоявшемуся образу безупречного героя добавляются новые черты. Кузнецова обвиняли чуть ли не в стукачестве: до войны якобы доносил на своих. Он и холодный убийца, и обольститель — чуть ли даже не сводник, подкладывавший балерин из Большого чужим дипломатам.

— Стоп-стоп… Много трепа, ерунды, домыслов, сознательного искажения. Иногда желание приукрасить. Бывает, что и очернить. Но почему такой огромный интерес к Кузнецову? Наверно, потому, что фигура необычнейшая, совсем для своих времен нетипичная. И, это уж точно, не только героическая, но и во многом трагичная.

Кем на самом деле был разведчик Кузнецов?

Действительно, есть в биографии Кузнецова кое-что неясное, недосказанное, о чем раньше предпочитали умалчивать. Может, это, до поры скрываемое, и дало повод к пересудам?

— Теодор Кириллович, в до сих пор популярной книге Медведева «Сильные духом» автор мимоходом упоминает, что один из его подчиненных привел к нему Кузнецова в феврале 1942-го. Новый партизанский отряд Медведева как раз готовили к заброске в тыл фашистов, и Николай Иванович, инженер одного уральского завода, был представлен Медведеву как человек, прекрасно владеющий немецким и способный сыграть роль офицера вермахта. Позвольте вопрос прямой: сотрудничал до войны Кузнецов с органами или нет?

— Сотрудничал. Когда партизанский командир Дмитрий Медведев писал книгу «Сильные духом», прославившую и его, и погибшего в 1944-м Кузнецова, он не имел возможности рассказать о разведчике всю правду. «…Отряд Медведева должен был лететь под Ровно, и к нам пришел московский инженер, сказал, что знает немецкий. А через месяц появился Пауль Зиберт…» — написано в книге. Это — сказка для маленьких детей. Разведчики так не рождаются. Но Медведев, естественно, знавший истинную биографию подчиненного лучше, чем кто-либо другой, был скован секретностью. Не мог, не имел он права написать правду в своей книге и очень по этому поводу сокрушался. На самом деле Кузнецов был с 1930-х годов негласным сотрудником службы госбезопасности, работал на разных предприятиях Урала. А то, что он учился в Индустриальном институте, писал диплом на немецком — чушь.

Только годы спустя, в 1970-х, КГБ впервые разрешил написать, да и то одной строкой, что Кузнецов «с 1938 года начинает выполнять особые задания по обеспечению государственной безопасности». Из загадочной и ничего, в сущности, не раскрывающей формулировки следует, что 25 августа 1942 года в немецкий тыл приземлился с парашютом не подготовленный на скорую руку инженер с Урала, рядовой красноармеец Грачев, а достаточно опытный чекист, уже четыре года проработавший в органах. А сравнительно недавно удалось выяснить, что на самом деле к тому времени профессиональный стаж Николая Ивановича исчислялся не четырьмя, а десятью годами.

— Но это же опровергает все расхожие и такие привычные представления о Кузнецове.

— Уже с 10 июня 1932-го Николай Кузнецов — специальный агент окружного отдела ОГПУ Коми-Пермяцкого автономного национального округа. Предложение работать в ОГПУ — НКВД принял потому, что был патриотом, да и отчасти благодаря юношескому романтизму. Кодовый псевдоним — «Кулик». Затем в 1934-м в Свердловске он стал «Ученым», позднее, в 1937-м — «Колонист». В медведевском отряде действовал под именем красноармейца Николая Васильевича Грачева. А, к примеру, в Свердловске, куда летом 1934 года переехал из Кудымкара, значился статистиком в тресте «Сверд-лес», чертежником Верх-Исетского завода, наконец, расце-ховщиком бюро технического контроля конструкторского отдела. На самом деле числился в негласном штате Свердловского управления ОГПУ — НКВД. За четыре года в качестве маршрутного агента исколесил вдоль и поперек весь Урал. В характеристике того периода отмечалось: «Находчив и сообразителен, обладает исключительной способностью завязывать необходимые знакомства и быстро ориентироваться в обстановке. Обладает хорошей памятью».

— С кем же Кузнецов завязывал полезные для ОГПУ знакомства?

— На Уралмаше, на других заводах трудилось в те годы много иностранных инженеров и мастеров, особенно немцев. Собственных-то специалистов не хватало. Одни приехали из Германии еще в 1929-м во время кризиса, чтобы заработать, — платили им в твердой валюте. Другие искренне хотели помочь Стране Советов. А были и откровенные недруги: шеф-монтер фирмы «Борзиг» демонстративно носил перстень со свастикой.

Обаятельный и общительный Кузнецов умел легко сходиться с людьми разными — и по возрасту, и по социальному положению. Встречался с ними на работе и дома, беседовал по-немецки, обменивался книгами, грампластинками. Его сестра

Лида, тоже жившая в Свердловске и не имевшая ни малейшего представления об истинной профессии брата, за него переживала: такое общение с иностранцами могло ой как аукнуться ее любимому братишке Нике. Но Николай только посмеивался. О его связи с органами никто из родни так и не догадался — тоже немалое достижение для разведчика. И только 23 августа 1942 года перед заброской в отряд Медведева «Победители» вскользь бросил при прощальной встрече брату Виктору: если не будет о нем долгое время никаких известий, то можно заглянуть на Кузнецкий Мост, там в доме 24 ответят. После войны Виктор Иванович Кузнецов узнал, что это адрес приемной НКВД.

А Николай Кузнецов стремился, словно чувствуя, как сложится его дальнейшая судьба, перенять у немцев стиль поведения. Иногда копировал их манеру одеваться, научился носить хорошо отутюженные костюмы, к которым подбирал по цвету рубашки и галстуки, красовался в мягкой, слегка заломленной шляпе. Стремился быть в курсе новинок немецкой литературы, обращая внимание и на книги научно-технические, частенько заглядывал в читальный зал библиотеки Индустриального института. Отсюда, кстати, и миф: Кузнецов закончил этот институт и даже защитил диплом на немецком.

— Хорошо, общался молодой сотрудник Кузнецов с иностранцами, сходился с ними. А какой прок от этого чекистам?

— Как какой? Специальный агент Кузнецов без дела не сидел. Представьте тот же Уралмаш — центр советской военной промышленности. Там масса иностранцев, в том числе и немцев. Понятно, были и их разведчики, и завербованные ими агенты. Многие уехали, но завербованные — остались. А Кузнецов сообщал о настроениях, выявлял агентов. Тут и наводка, и вербовка, и проверка, и установка…

Работал Кузнецов и по сельскому хозяйству: в район, где он трудился в Коми, ссылали кулаков. Конечно, многих в кулаки записывали понапрасну. Но были и кулацкие восстания, и убийства активистов, селькоров, настоящее, а не липовое вредительство. Так что таксатор Кузнецов получил право ношения оружия. Не только винтовки, как все лесники. Был у него наган. Человек уходил в лес, а там убивали почтальонов, таксаторов, тех, кто представлял власть.

— Но как же Кузнецов оказался в Москве? Кто конкретно его рекомендовал?

— Сложная история. Отыскал его в Коми новый нарком НКВД, бывший партийный работник Михаил Иванович Журавлев. Отправил его на укрепление чекистских рядов, а сам быстро дослужился до главы республиканского министерства. Звонит он

в Москву в Управление контрразведки и докладывает своему учителю Леониду Райхману…

— Тому самому, которого обвиняли в пособничестве Берии?..

— Я отвечаю на ваш вопрос о Кузнецове, не вдаваясь в подробности биографии генерал-лейтенанта НКВД Райхмана, кстати, одного из бывших мужей знаменитой балерины Ольги Васильевны Лепешинской. (Был он вторым и не последним мужем балерины. Арестован, осужден, реабилитирован, но к супруге после тюрьмы не вернулся. — ***Н. Д.)*** Журавлев докладывает: «У меня тут есть парень фантастических актерских и лингвистических способностей. Говорит на нескольких диалектах немецкого, на польском, а здесь выучил коми, да так, что стихи на этом сложнейшем языке пишет». А у Райхмана как раз находился кто-то из его нелегалов, приехавших из Германии. Соединил с ним по телефону Кузнецова, поговорили, и нелегал не понял: спрашивает у Райхмана, это что, звонили из Берлина? Назначили Кузнецову встречу в Москве. Так и попал в столицу… Но на Лубянке Кузнецов ни одного раза в своей жизни не появлялся.

— Боялись пускать?

— Таких агентов было немного. Их не светили никогда. Могли сфотографировать человека, входящего в здание, и конец работе. Первая встреча, как бы по традиции, около памятника первопечатнику Федорову. Потом на конспиративных квартирах, в Парке культуры и в саду имени Баумана. Дали ему жилье на улице Карла Маркса в доме 20 — это Старая Басманная. Квартира напичкана разной техникой. Все интересующие Лубянку разговоры записывались.

Ловля на живца

— Его поселили под именем Рудольфа Вильгельмовича Шмидта, немца по национальности, 1912 года рождения. На самом деле Кузнецов, напомню, родился годом раньше. Выдавал себя за инженера-испытателя Ильюшинского завода и появлялся в форме старшего лейтенанта ВВС Красной армии.

— Но почему именно старшего лейтенанта?

— Кузнецов сообразил, что его возраст 29–30 лет — как раз для лейтенанта. Легенда для чужих: работает в Филях, на заводе, где выпускают самолеты.

— Удивительно, что на лейтенанта Шмидта так клюнули.

— Удачно придумано — Рудольф Шмидт, то бишь, в переводе на русский Кузнецов. Говорит по-немецки, родился в Германии,

когда ему было два года, родители поселились в СССР, где мальчик и вырос. Задним числом Кузнецову выдали паспорт на эту фамилию и «белый билет», чтобы не таскали по военкоматам. На такую заманчивую приманку сложно не клюнуть любой разведке. К тому же командир Красной армии по виду — истинный ариец. И какая выправка. Теперь часто публикуют фото Николая Кузнецова тех времен: он в летном костюме. Но вот что интересно или даже характерно. Той летной формы с тремя кубарями старшего лейтенанта ему никто не выдавал. Он рассказывал Райхману, что сам ее достал, придумал легенду и по ней действовал. Ни в какой армии никогда не служил и воинского звания не имел. Но как по-немецки подтянут, по-европейски элегантен. Теперь-то мы знаем: в собственной стране Кузнецов находился на нелегальном положении.

— Но звание могли бы присвоить.

— Ни звания, ни удостоверения. А при поступлении на работу, почти всегда фиктивную, он писал в анкетах, что от службы в армии освобожден по болезни. А был абсолютно здоров. Правда, когда проходил тщательнейший медосмотр перед отправкой в отряд Медведева, выявили у него дефект зрения. Но незначительный, оперативной работе не мешающий. И еще Кузнецов всегда писал, что языков не знает. И вот что любопытно: если приходилось, то мог выдать себя и за иностранца, плохо говорящего по-русски. Несколько раз потребовалось и такое.

— Где же он работал или хотя бы к чему был приписан?

— В Москве состоял негласно в штате, получал жалованье непосредственно в первом отделе — немецком, созданном в 1940 году. У Николая Кузнецова даже должность была единственная в советской спецслужбе: особо засекреченный спецагент НКВД с окладом содержания по ставке кадрового оперуполномоченного центрального аппарата. И окладом довольно большим. Все видели, что он активно общается с иностранцами. Было столько доносов. Куча доносов! Читал я их. Ну, скажу я вам, и писали. Самый активный — сосед по его коммунальной квартире: иностранцев водит и вообще.

— Догадываюсь, доносы попадали в одно и то же место.

— Должны были бы, по идее. Но из-за некоторой неразберихи взяла Кузнецова в разработку и наша контрразведка, установила за ним слежку. Даже клички ему давали: одна — «Атлет» за мускулистую фигуру, другая — «Франт» за элегантность в одежде. Я видел эти доносы, подписанные двумя разными людьми из наружки — «Кэт» и «Надежда».

— Наверно, стучали те же женщины, которых он и использовал.

— Совсем не обязательно. Женскими именами прикрывались и агенты — мужчины. Но Кузнецова могли рано или поздно взять.

— Разве начальники из разведки не предупреждали о нем своих коллег?

— Никогда. Это было бы для него еще опаснее. Разведчик не имел права назвать свои связи даже соседу по кабинету. Но попали сводки о поведении Руди Шмидта на стол наркому НКГБ Меркулову. И тот оказался перед дилеммой — арестовывать собственного спецагента или отдать приказ наружке на «Атлета» не реагировать. Раскрытие агента в планы ГБ не входило. И Меркулов нашел верное решение, начертав на слу-жебке: «Обратить внимание на Шмидта». Что на понятном для контрразведки языке означало: не трогать, не арестовывать, бесед не проводить, но наблюдение продолжать. Так что Кузнецов был кошкой, которая гуляла сама по себе. Иначе — опасно. Могли, вполне могли прихватить. Так, известного в определенных сферах Ковальского, который завербовал в Париже генерала Скоблина, свои же и расстреляли. Хотя и говорил, клялся им, кто он. Было это на Украине, а его искал Центр, утративший с ним связь. Кузнецов же из-под наблюдений уходил. Делал свое дело. Вербовал немцев. Добывал секретные документы. Его задача в контрразведке была в том, чтобы на него клюнули иностранцы, в первую очередь агенты немецкой разведки. И генерал Райхман подтверждал: «Мы его ничему не учили». А Кузнецов купил фотоаппарат и быстренько переснимал передаваемые ему агентами документы — сам научился фотографировать. И вождение машины тоже освоил сам. Тут было не до учебы в какой-нибудь разведшколе: к тому времени Кузнецова дважды исключали из комсомола. Сначала за то, что его отец якобы кулак да еще из бывших. Вранье. Была у Кузнецова и судимость. А еще через несколько лет, когда уже трудился в органах, новый арест. Не до высшего образования — не дали ему даже техникум закончить.

— Про арест давайте чуть позже. Но как он в свои молодые годы умудрился заработать судимость?

— Когда его как «сына кулака» выгнали из комсомола, то и из техникума отчислили за семестр до окончания. До конца учебы оставалось всего ничего, а ему дали лишь справку, что прослушал курсы. И девятнадцатилетний Кузнецов от греха подальше рванул по совету своего товарища в Коми-Пермяцкий округ. Куда уж дальше. Служил там лесничим, а кто-то из его прямого начальства проворовался. Кузнецов об этом сам и сообщил в милицию. А ему — за компанию — дали год условно и снова исключили из комсомола.

— Для будущего работника органов биография не самая подходящая. Прав я или нет: на той первой судимости его органы и прихватили, завербовали?

— Так обычно и бывает. А с Кузнецовым, к моему удивлению, история несколько иная. Однажды в Коми Кузнецов лихо отбился от напавших на него бандитов. И попал в поле зрения оперуполномоченного Овчинникова. Коми-пермяк по национальности, тот вдруг обнаружил, что недавно приехавший сюда молодой русский не только храбр и силен, но и говорит, причем свободно, на его родном языке. Это Овчинников завербовал Кузнецова, быстро поняв, что случайно попал на самородка… А потом в Коми Михаил Иванович Журавлев нашел силы, оторвал такой талант от себя, отдал москвичам. А мог бы Кузнецов до конца дней трудиться в своем далеке.

— Почему же он так и не прошел курс обучения чекистским премудростям?

— Райхман опасался, что при поступлении в чекистскую школу кадровики пошлют Кузнецова не на экзамены, а на посадку. А работать надо было сегодня. Ведь в пакт Молотова-Риббентропа разведчики не верили. Райхман со товарищи даже написали об этом рапорт. Но Меркулов, их тогдашний шеф, бумагу разорвал с напутствием: «Наверху этого не любят…» Москву наводнила немецкая агентура. Запустили очень хитрую комбинацию, и на Кузнецова вышли определенные круги. И поехало. Удалось перехватить двух дипкурьеров. Кузнецов сумел вскоре скомпрометировать и завербовать некоего Крно — дипломата, фактически замещавшего посланника Словакии. Тот провозил по дипломатическим каналам целые партии контрабандных часов, часть выручки от их продажи шла вроде бы на плату агентуре, а на самом деле все оседало в карманах Крно — такой был жадюга.

Кстати, часов, конфискованных разведкой, было столько, что сотрудникам наших органов госбезопасности разрешили покупать их по себестоимости. И те покупали.

А Кузнецов крепко жал на Крно, и информация от него, пропадавшего в немецком посольстве днями и ночами, пошла ценнейшая.

Затем благодаря Кузнецову нашли подходы к военно-морскому и военному атташе Германии. Да, он умел обаять людей. Вот германская делегация посещает ЗИС — знаменитый автозавод. И Рудольф Шмидт знакомится с членом делегации, который в свою очередь представляет добродушного Руди своей спутнице. Дама красива, ухаживания русского офицера ей приятны. Происходит сближение. А разведка получает

возможность регулярно читать документы из посольства Германии, где красавица работает на незаметной, но важной чисто технической должности, через которую автоматически проходят многие секретные документы. Ухитрился Кузнецов расположить к себе и камердинера немецкого посла, и его жену.

— Не совсем понятно.

— В его жизни непонятного немало. А перед войной благодаря Кузнецову проникли в резиденцию посла в Теплом переулке. Вскрывались сейфы, снимались копии с документов, и немецкая агентурная сеть попала в руки сотрудников Лубянки. А камердинер немецкого посла, считавший Кузнецова настоящим арийцем, фашистом, подарил ему под последнее предвоенное Рождество значок наци, книгу «Майн Кампф» и пообещал после окончания войны оформить членство в нацистской партии.

Разведен, детей нет

— Немало судачат о том, что Кузнецов часто использовал в своей работе прекрасных дам. Простите за грубость, будто бы подкладывал балерин и прочих художниц в постель к иностранцам. Называли даже имя одной народной артистки, да и других знаменитостей тоже.

— Было, но, конечно, не в тех гипертрофированных размерах, о которых болтают. Кузнецов был человек красивый, успехом у женщин пользовался. В том числе и у тех, у которых кроме него были и богатенькие поклонники, не только советские. Зарплата у балерин не очень большая, а иностранец и чулочки привезет, и тушь из Парижа, и еще что-то подкинет. Так что Кузнецов никому никого не подкладывал. Прекрасные дамы и без него свое дело знали. Да, среди балерин были и его источники, много чего Кузнецову рассказывавшие.

Случился у него и серьезный роман с дамой-художницей. Было ей тогда под тридцать, жила в роскошных апартаментах рядом с Петровским пассажем. Салон, богема — между прочим, в той квартире Кузнецов познакомился с актером Михаилом Жаровым. А Кузнецов, по-моему, серьезно влюбился в эту светскую львицу с дворянской фамилией — Кеану Оболенскую. Известен он ей был как Руди Шмидт. Начало 1940-х, и пакт — не пакт, отношение к немцам уже настороженное, за близкие связи с ними могли и наказать. Потихонечку немцев начали прижимать, из Москвы выселять, а Республика немцев Поволжья и вовсе обезлюдела, перевезли ее жителей в казахстанские степи. И Ксана, чтобы не дай бог ничего с ней самой не случилось, свою

любовь, говоря по-современному, взяла и кинула. Кузнецов же страдал. Уже когда был за линией фронта в партизанском отряде, доползли до него смутные слухи о замужестве Ксаны. Попросил Медведева в январе 1944-го перед уходом во Львов: если погибну, обязательно расскажи обо мне правду Ксане, объясни, кем я был. И Медведев, уже Герой Советского Союза, отыскал еще во время войны, в 1944-м, в Москве эту самую Кеану Оболенскую, выполнил волю друга, рассказал о Герое, ее до конца дней любившем.

— И последовала сцена раскаяния?

— Ничего похожего. Полное равнодушие и безразличие. Медведев, человек искренний, тонкий, за своего погибшего разведчика переживал.

— Может, Ксана ревновала? Приходилось же Кузнецову спать с другими женщинами.

— В оперативных целях. Пришлось благословлять Николая на эти романы. В результате была получена ценнейшая информация. А Ксана оказалась на редкость бездушна.

— Так обидно за Николая Ивановича. Я не знал, что такая у него приключилась любовь. А правда ли, что был Кузнецов когда-то в молодости женат?

— Чистая правда. 4 декабря 1930 года состоялась свадьба, и, бац, уже 4 марта 1931-го — развод. Не сложилась личная жизнь, и никогда уже не понять, почему. Так это и осталось между двумя людьми, судя по всему, в начале совместной жизни любившими друг друга. Бывшая его жена Елена Чуева оказалась женщиной исключительно благородной, достойной. Выпускница медицинского института, воевала, спасала раненых и закончила войну в звании майора. Демобилизовалась после победы над Японией. И, знаете, никогда и никому не хвасталась, мол, я — жена героя, и ничего не просила.

— Пошли какие-то разговоры о детях. Конкретнее — о дочери.

— Детей не было. Слухи о дочери действительно поползли и их проверили. У Кузнецова был лишь племянник.

Шпионы к нам летали пачками

— Кузнецов начал работать в Москве как разведчик в сложное предвоенное время.

— Да, и приходилось ему общаться с людьми разными.

Сделался завсегдатаем в знаменитом тогда ювелирном комиссионном магазине в Столешниковом переулке. Заводил там

знакомства и с народом благородным, и с нечистым. В артистическом мире знавал многих. Был момент, когда, чтобы легализовать Кузнецова, его даже хотели сделать администратором Большого театра. Но побоялись привлечь к нему слишком большое внимание.

Наибольшую активность немцы проявляли в 1940 и 1941 годах. В ту пору немецкая разведка развернула в СССР прямо-таки бешеную деятельность. Вот кто выжал из пакта Молотова-Риббентропа всё, что только можно. Какие делегации к нам зачастили! Ну, где такое бывало — человек по двести. И постоянная смена сотрудников — кто работал месяц-три, а кто нагрянул на день-два, выполнил задание и был таков.

— Но пишут об этом мало.

— Не самые удачные времена. О них и вспоминать не тянет. Огромный десант немцев был на ЗИЛе, множество торговых делегаций. Пойди уследи. Труднейшие для наших спецслужб годы. Бывало, что среди махровых шпионов вдруг появлялись в Москве и наши агенты, например Харнак, который вошел в историю как один из руководителей «Красной капеллы». Или наладили воздушное сообщение, полетела в Москву из Берлина и Кёнигсберга с посадками в наших городах их «Люфтганза». А вместо девочек — стюардесс в передничках — только бравые ребята — стюарды с отличной выправкой. Но и они менялись: два-три рейса, и другая команда. Так изучали маршруты немецкие штурманы из люфтваффе.

— Но я читал в мемуарах фашистских разведчиков, что постоянных немецких шпионов в Москве было мало. И потому в Берлине пользовались любым шансом, чтобы хоть на время заслать своих. А что наши? До Берлина добирались?

— Наши тоже туда летали. Но маленькими группами. Пока НКВД решит, кому можно лететь, кого выпустят…

— Я бы хотел вас спросить о запутанной истории с советским летчиком Алексеевым, загадочно погибшим при испытаниях новой модели самолета.

— Была такая немецкая эскадрилья под командованием мирового аса Теодора Ровеля, еще при его жизни названная именем командира. И на недоступных для летчиков других стран высотах совершала она облеты всех стран, на которых впоследствии нападал Гитлер.

— В немецких источниках о ней пишут скромно. Летали на огромных высотах, фотографировали. И всё. Кто летал? Куда? Что за эскадрилья Ровеля? Сначала Гитлер вроде бы приказал ей не нарушать границы СССР, чтобы не навести на мысли о несоблюдении пакта. Потом, ближе к лету 1941-го все прежние

ограничения снял. Если верить слухам, которые так и хочется назвать нелепыми, то эскадрилья Ровеля долетала чуть ли не до Москвы. Прямо юный авиатор Руст.

— Да, есть еще над чем поработать нашим исследователям, в том числе и историкам разведки. И действительно существуют сделанные пилотами Ровеля фотоснимки Ленинграда. Но вот появился наш летчик Михаил Алексеев и на экспериментальных моторах истребителя И-16 стал подниматься на высоты, близкие к немецким. И вдруг в одном из полетов погиб. Тут к инженеру-испытателю старшему лейтенанту Рудольфу Шмидту начали подкатываться не немцы, а японцы и живо интересоваться судьбой Алексеева. Ведь Шмидт по легенде работал в Филях, на заводе, построенном немцами. Их теперь здесь нет, но, кто знает, возможно, и оставили после себя агентов или людей, им чем-то обязанных? По всем признакам через любопытных японцев действовали осторожные немцы. Кузнецов сообщил начальству о возникшем интересе, выдал японцам полуправдивую и устроившую их версию. Правда, может, завысил потолок, которого достигал Алексеев. Однако что произошло на самом деле с Алексеевым, как он погиб, неизвестно.

Лингвист от матери-природы

— Теодор Кириллович, а что это за путаница с именами Кузнецова? Существует миф, будто придя в разведку, он получил новое имя.

— А вот это не совсем миф, только НКВД здесь ни при чем. Кузнецов родился 27 июля 1911 года в деревне Зырянка Камышловского уезда Пермской губернии. При рождении был наречен Никанором, по-домашнему — Ника. Имя Никанор парню не нравилось, и в 1931 году он сменил его на Николая. Но какая-то путаница, разночтения действительно оставались. Друг юности Кузнецова Федор Белоусов рассказывал мне, что когда родные и однокашники Николая Ивановича узнали о присвоении звания Героя Советского Союза некому Николаю Кузнецову, то думали, речь идет об однофамильце. Даже сестра Лидия и брат Виктор долгое время оставались в неведении. Полагали, будто он пропал без вести. Ведь точного подтверждения его гибели не было: даже в указе не писали, что «посмертно». Все-таки оставались несмотря ни на что какие-то слабые надежды, что разведчик отыщется. И в Москве истинная биография Кузнецова была настолько засекреченной, что Грамота Президиума Верховного Совета о присвоении ему звания Героя так и осталась невручennой его

родным. В конце войны она вообще затерялась, и только в 1965 году изготовили ее дубликат.

— Некоторые биографы Кузнецова считали, что Николай Иванович якобы этнический немец, выходец из немецкой колонии, которых до Великой Отечественной войны было множество. Этим и объясняли великолепное знание языка.

— Отец его Иван Павлович, как и мать Анна Павловна — люди исконно русские. Служил отец до революции в гренадерском полку в Санкт-Петербурге. А в гренадеры слабаков не брали. Тянул лямку семь лет. За меткую стрельбу был пожалован призами от молодого царя Николая II: привез часы, серебряный рубль и голубоватую кружку с портретами императора и императрицы. Однако никаким дворянином, белым офицером не был: сражался в Красной армии у Тухачевского, потом у Эйхе. Бил колчаковцев, дошел аж до Красноярска, но подхватил тиф и был уволен в 45 лет, как написал писарь Пятой армии Восточного фронта, «во исполнение приказа в первобытное состояние». И не кулак, как утверждают иные бытописатели. Когда Николай Кузнецов был обвинен в том, что скрыл сведения о зажиточном своем семействе, и исключен за это из комсомола, его мать передала сыну справку. Даже в то смутное время местные власти не побоялись подтвердить: «Кузнецов Иван Павлович при жизни своей занимался исключительно сельским хозяйством, торговлей не занимался и наемной силы не эксплуатировал».

— Откуда у Кузнецова такие способности к языкам?

— А от все той же природы. Мальчик из уральской деревни Зырянка с 84 дворами и 396 жителями овладел в совершенстве немецким. Лингвистом Николай Иванович Кузнецов был гениальным. Да и повезло ему несказанно с учителями иностранного. Так сложилась судьба — в его глухомань, откуда до ближайшего уездного городка 93 версты, занесло образованных людей, которым бы преподавать в гимназиях, а набирался, к счастью, у них знаний деревенский паренек Ника Кузнецов. В Талицкой школе-семилетке немецкий и французский вела Нина Николаевна Автократова. Образование школьный преподаватель далекого уральского селения получила в свое время в Швейцарии. Увлечение Кузнецова языками считали блажью. И потому загадочной казалась одноклассникам его дружба с преподавателем труда Францем Францевичем Явуре-ком — бывшим военнопленным, осевшим в тамошних краях. Нахватался разговорной речи, живых фраз и выражений из солдатского лексикона, которых в словаре интеллигентнейшей учительницы и быть не могло. Много болтал с провизором

местной аптеки австрийцем Краузе. Когда работал в Ку-дымкаре, на удивление быстро овладел коми, трудным, как и все языки угро-финской группы. Даже стихи на нем писал, о чем проведали вездесущие чекисты. Проучившись всего год в Тюмени, вступил в клуб эсперантистов и перевел на эсперанто свое любимое «Бородино» Лермонтова. В техникуме наткнулся на немецкую «Энциклопедию лесной науки», которую до него никто не открывал, и перевел на русский. А уже в Свердловске, где работал как секретный агент, сошелся с актрисой городского театра — полькой по национальности. Результат романа — владение польским языком, который ему тоже пригодился. В партизанском отряде «Победители», действовавшем на Украине, заговорил по-украински. Испанцы, служившие в лесах под Ровно в отряде Медведева, вдруг забеспокоились. Доложили командиру: боец Грачев понимает, когда мы говорим на родном языке, он не тот человек, за которого себя выдает. А это у Кузнецова, с его лингвистическим талантом, открылось и понимание незнакомого до того языка. В немецком множество диалектов. Помимо классического Кузнецов владел еще пятью-шестью. Это не раз выручало обер-лейтенанта Зиберта при общении с немецкими офицерами. Понятно, что для нелегала Кузнецова, действовавшего под легендированной биографией, встреча с уроженцем того немецкого города, где якобы и родился разведчик, была бы почти что крахом. Кузнецов-Зиберт, быстро уловив, из какой части Германии родом его собеседник, начинал говорить с легким налетом диалекта земли, расположенной в другом конце страны.

— А, возможно, у земляков разговор пошел бы откровеннее?

— Самое страшное для разведчика-нелегала нарваться на земляка: а кто у тебя в нашей любимой школе преподавал химию? И вот он провал, совсем близко. В Германии-то Кузнецов никогда не бывал.

Явление обер-лейтенанта Зиберта

— А как возник обер-лейтенант Пауль Зиберт?

— Почти год Кузнецов томился у нас в тылу. Возмущался, писал рапорты, просился на фронт.

— Мне рассказывали, что Николай Иванович еще до «Победителей» успел побывать в тылу у немцев. Но рассказ — смутный, мне не совсем понятный. Упоминалась разведывательная операция в районе Калинина.

— Скорее Калининского фронта. И для меня ее детали не

ясны. Кузнецов был заброшен в тыл к немцам. Провел там несколько дней, военные его деятельностью остались довольны. Вот, пожалуй, и всё, что мне удалось узнать. Но снова забрасывать Николая в тыл к немцам не торопились. Наконец включили разведчика в группу Медведева. Приказ подписал нарком НКВД Меркулов — уровень высочайший, уже говорящий о том, каких результатов ждали от Кузнецова.

В начале 1942-го под Москвой нашли документы убитых немецких офицеров. Приметы Пауля Зиберта — рост, цвет глаз, волос, даже группа крови — ну всё сошлось с кузнецовскими. Правда, Зиберт был 1913 года, а Кузнецов на два годка постарше. Кстати, родом Зиберт — из Кёнигсберга, теперь нашего Калининграда.

Несколько месяцев шла напряженная подготовка. Прыжки с парашютом и стрельба из разных видов оружия были в ней не самыми трудными испытаниями. Хотя вдруг выяснилось, что отличный охотник Кузнецов прекрасно стреляет из карабина и весьма неважно — из пистолета. Было это очевидно и Кузнецову. Через три недели он уже поражал цели с обеих рук: из парабеллума и из «Вальтера».

Кузнецову предстояло понять устройство чужой армии, освоить непривычный даже для него сленг. Непросто оказалось вникнуть в запутанную систему немецких спецслужб.

Ему показывали фильмы с кинозвездой Марикой Рёкк. Он видел картины любимицы фюрера Лени Рифеншталь, положившей свой талант на воспевание фашизма (и вдруг в наше время провозглашенной чуть ли не противницей гитлеровского режима). Он читал примитивные немецкие романчики, найденные в полевых сумках убитых немецких офицеров. Научился насвистывать любимые солдатские мелодии типа «Лили Марлен».

Потом под видом лейтенанта-пехотинца Кузнецова поместили в офицерский барак в советском лагере для военнопленных, находившемся под Красногорском. Держался он осторожно. Малейшая ошибка — и соседи по нарам не пощадили бы подсадную утку. А дисциплина, к удивлению Кузнецова, у пленных немцев была крепкая. И были они наглыми, уверенными, что вскоре всё равно возьмут Москву, что отсидка эта временная.

Спецагент прошел обкатку, нигде не засветился, принимали его фашисты за своего. В лагерном драматическом кружке, где он занимался (господи, был и такой), его ставили в пример другим за чисто литературное произношение. Он успел набраться так не хвативших жаргонных словечек. Даже завел приятелей, с которыми договорился встретиться после войны, до конца

которой «было недолго». И, может быть, понял главное — противостояние двух систем-антиподов всерьез и надолго. Никаких следов разложения потерпевшей первое свое поражение под Москвой немецкой армии, о которых вещали наши газеты и радио, Кузнецов не заметил.

Начальство такое «проникновение» порадовало. Ведь как примут «подсадку», предположить было сложно — чужой окопный язык, непривычные манеры. И открывшийся при этом актерский дар полного перевоплощения превращал Кузнецова в настоящего нелегала.

Он томился в ожидании дела, его рапорты с просьбой отправить на любое задание скапливались у начальства, пока, наконец, не было принято долгожданное решение.

В отряде Медведева «Победители» появился боец Николай Васильевич Грачев. А в городе Ровно — обер-лейтенант Зиберт. По причине двух ранений он, по легенде, был «временно не годен к фронтовой службе». Отправляли Кузнецова на короткий срок. Никто не мог и предположить, что он продержится почти полтора года. Это уникальный случай, рекорд — выдержать столько с липовыми документами. Ведь глубокая проверка его моментально бы выявила. И он не давал поводов ни для малейшего подозрения. Отправили бы документы в Берлин — и конец эпопеи.

— Как вы думаете, почему обер-лейтенанту, а потом и капитану Зиберту, лично уничтожившему немало фашистских бонз, удалось продержаться так долго?

— Он был великим разведчиком. Да, сегодня это кажется невероятным: русский человек, гражданский, ни в какой армии ни дня не служивший и даже воинского звания не имевший, в Германии никогда не бывавший, действовал под чужим именем 16 месяцев. А небольшой город Ровно насквозь просматривался гитлеровскими спецслужбами — контрразведкой, тайной полевой полицией, фельджандармерией, местной военной жандармерией, наконец, СД. Кузнецов же не только приводил в исполнение смертные приговоры фашистским палачам, но и постоянно общался с офицерами вермахта, спецслужб, высшими чиновниками оккупационных властей. Сколько ценнейших сведений он передал! Чего стоили одни только данные о готовящемся в Тегеране покушении на Сталина, Рузвельта, Черчилля!

— А если бы немцы все-таки захотели проверить личность Зиберта? Интендант, пусть и после тяжелого ранения, но уж слишком долго оставался он в Ровно.

— Тут многое зависело от двух факторов. Первый — от

легенды. Второй фактор — мастерство разведчика. С мастерством — всё ясно. А легенда была разработана блестяще. По ней Зиберт совсем не относился к интендантским крысам, которых не любили фронтовики. Ведь был ранен в тяжелых боях под Москвой, о чем свидетельствовала нашивка на кителе. Какие же огромные потери понесла тогда его часть, даже штаб был полностью уничтожен! А начал воевать еще «с польского похода», с сентября 1939-го, когда и заработал всегда красовавшийся на мундире Железный крест — пусть и второй степени.

Вскоре Кузнецову повезло: «его» 76-я дивизия была уничтожена в 1943 году под Сталинградом. Вряд ли кто-то из бывших реальных однополчан Зиберта остался жив. Разве что попал в плен. А если уж для глубокой проверки обращаться в Берлин, где могли как следует покопаться в архивах, то нужен был какой-то конкретный повод, явное подозрение. А Кузнецов-Зиберт их не давал. Он следил за мелочами с удивительной даже для Медведева тщательностью. Как-то ему показалось, что надеваемая им немецкая офицерская форма не достаточно отглажена. Утюга в отряде не нашлось. И тогда мундир отгладила… нагретым на костре топором Симона Кримкер. Для будущей разведчицы-нелегала это был отличный урок: мелочей в этой профессии быть не может. Или другой эпизод. Попал еще в Москве в руки чекистов мужской перстень с замысловатой монограммой. И по просьбе Кузнецова ювелир переделал гравировку на PS — Пауль Зиберт. Дорогое украшение Кузнецов, отправляясь в Ровно в форме обер-лейтенанта, надевал на палец, когда хотел произвести впечатление на важного и нужного ему собеседника. Крошечная деталь — но и она естественным и правдоподобным образом дополняла облик нелегала.

— Я встречался с полковником внешней разведки Павлом Георгиевичем Громушкиным, который и выправлял документы для Николая Ивановича. Ему было уже за девяносто, а он отлично помнил Кузнецова-Зиберта, только считал, что раскрывать эту военную страничку пока рановато. Кое-что рассказал, но просил «пока не публиковать». (Это «пока» прошло и потому позволю себе кое-что поведать в этой книге.) Бывший инженер-полиграфист Громушкин готовил документы фактически для всех нелегалов, включая своего друга полковника Фишера — Абеля. Хотя и тот был способен сделать документ на любом языке.

— Бывший заместитель Дмитрия Медведева по разведке Лукин рассказывал мне, что, по его подсчетам, документы Зиберта по самым разным поводам проверялись больше семидесяти раз. И о каждом случае Кузнецов докладывал.

Но только не думайте, будто Кузнецов был в Ровно этаким

волком-одиночкой. Под его началом действовали разведчики, с ним заброшенные, и бежавшие из плена бойцы Красной армии, местные жители. Его надежно прикрывали опытнейшие чекисты из отряда Медведева.

— Но сегодня некоторые авторы, пишущие о Кузнецове, подчеркивают, что в конце он уж очень уверовал в свою счастливую звезду, потому и погиб.

— В разведке, особенно нелегальной, не верить в свою звезду — значит, провалиться с самого начала. Да, Кузнецов верил. Почти всегда вера помогала. И когда на кузнецовского Зиберта началась настоящая охота, Николай Иванович воспринял это без особого страха. Может быть, тут стоило бы проявить еще большую осторожность. Но как? Затаиться, отказаться от проведения актов возмездия? Нет, это было не в его духе, Кузнецов на такое не пошел. Играл с судьбой в русскую рулетку. Он был блистательно находчивым человеком. Однажды немецкий офицер из спецслужбы предложил ему окунуться в речке. Кузнецов быстро выдумал предлог для отказа.

— Почему?

— У него по легенде два ранения, а на теле — ни одного шрама. Кузнецов знал, насколько он нужен, и никогда не позволял себе расслабляться.

Миссия невыполнима

Здесь я прерву беседу с уважаемым Теодором Кирилловичем. Жаль, что вскоре наши откровенные дружеские встречи прервались навсегда. Но были темы, о которых и я рассказывал Гладкову с максимально возможной на тот момент откровенностью.

В этой главе я не ставлю целью поведать обо всех подвигах Кузнецова. Скорее пытаюсь показать действия великого разведчика в суровейших военных условиях, где цена любого промаха — смерть. Мне претят некоторые современные книги, где фашистская контрразведка рисуется тупой, неповоротливой, постоянно проигрывающей нашей. Не нравится мне и переводная литература, типа мемуаров Шелленберга, где фашисты оправдывают себя, сваливая все беды и поражения на Гитлера, и хвастаются завербованными ими русскими агентами — в подавляющем большинстве подставами советской госбезопасности.

В Третьем рейхе удалось создать тотальную систему сыска и обнаружения. Мне она очень напоминает ту систему косвенных

признаков, которую использовала, может, и унаследовав от соотечественников, контрразведка ФРГ в борьбе против вездесущей «Штази».

Не потому ли в гестапо у нас не было своих агентов кроме Лемана — Брайтенбаха, раскрытого и убитого еще в декабре 1942 года? Да и попытки заслать хорошо подготовленных немецких антифашистов для восстановления связи с еще действовавшей «Красной капеллой» закончились арестом наших агентов и трагическим уничтожением всей «Капеллы».

Вспомним, что и удачных покушений, совершенных непосредственно в Германии на фашистских бонз, в длинном списке успешных операций что-то не значится. Ликвидации Гейдриха, фон Кубе и тех, кого покарал Кузнецов, совершались не на немецкой, а на чужой земле.

В этот же ряд труднейших операций возмездия ставлю и охоту Николая Кузнецова на гауляйтера Коха. Садиста, палача и карателя советская разведка обязана была уничтожить, как и наместника фюрера в Белоруссии Кубе, по личному приказу Сталина. И если Троян, Мазаник, Осипова с заданием справились, то с Кохом у Кузнецова не получилось. И, считаю искренне, не могло получиться. Миссия была заведомо невыполнима. Кузнецов это сознавал, мучительно переживая и коря себя за неудачу.

Сколько сил было потрачено на то, чтобы узнать, когда же Кох появится в Ровно. С огромным трудом добывал Кузнецов порой устаревшие сведения: 2 февраля 1943 года ему стало известно, что 27 января Кох прилетал в Ровно и в этот же день вылетел в Луцк. Или вот сообщение от 20 февраля того же года: вместо Коха всеми делами в Ровно заправляет его заместитель. Или Кузнецов узнает от знакомого немецкого офицера: рейхскомиссар лишь изредка выезжает в Винницу из Кёнигсберга.

Незадолго до 20 апреля 1943 года удача, наконец, улыбнулась Кузнецову. В день рождения Гитлера рейхскомиссар Эрих Кох должен был выступить в Ровно перед скоплением народа. План казался относительно простым — группа Кузнецова поодиночке пробирается поближе к трибуне, забрасывает ее гранатами и пытается скрыться. Николай Иванович оставил Медведеву прощальное письмо: совершить покушение и уйти с забитой людьми площади физически нереально. Но он, как и его разведчики-партизаны, готов на самопожертвование. Однако Кох в Ровно не приехал.

Не удался и другой план под названием «Самодеятельность» — группа из двух дюжин партизан, переодетых в немецкую форму, подходит, распевая разученную ими на немецком языке песню, к резиденции Коха в Ровно, берет дом штурмом и убивает

рейхскомиссара. Но идти на хорошо охраняемую резиденцию было чистым самоубийством, без малейших шансов на успех.

Однажды стала известна точная дата прилета Коха в Ровно. Близ аэродрома его ждала партизанская засада. При определенной удаче операция обещала быть успешной. Но фашист не прилетел. Вместо Ровно отправился на похороны погибшего в автокатастрофе соратника по партии.

Попытки уничтожить Коха военными методами можно было продолжать, забыв о риске. Вопрос заключался в ином. Никакого успеха они не сулили. И тогда опытные чекисты Медведев, Лукин и Грачев взялись за оперативную разработку покушения. Возможность узнать о планах Коха появилась неожиданно. Обер-ефрейтор Шмидт, кинолог по гражданской профессии, дрессировал собаку для охраны Коха. Черную ищейку он долей был сам передать рейхскомиссару, который собирался прибыть в Ровно 25 мая 1943 года и дней десять находиться с собакой рядом с Кохом.

У Зиберта с Шмидтом сложились приятельские отношения, обер-лейтенант подпитывал их, угощая жадноватого обер-ефрейтора в ресторане. И собака Шмидта тоже начала признавать Зиберта. Наученная не подходить к незнакомцам, она постепенно привыкла к другу своего хозяина и даже стала брать еду из рук Зиберта. Но еще не ясно было, как это можно использовать в дальнейшем.

Но Кузнецов, именно он, а не его руководители, придумал план проникновения в резиденцию Коха. У Валентины Довгер, пришедшей в партизанский отряд, было подлинное удостоверение о немецком происхождении. Она выдавала себя за фольксдойче, в брак с которой мечтал вступить обер-лейтенант Зиберт. Но фрау Валентина должна была отправиться на работы в Германию, что помешало бы свадьбе боевого офицера и юной красавицы. Всё это Довгер с Кузнецовым слезливо изложили в письме на имя Коха, которое обер-ефрейтор Шмидт передал через своего земляка-адъютанта рейхскомиссару. Только гауляйтер мог дать разрешение на брак и отменить отправку Валентины Довгер в Германию.

План мог и не сработать. Уж очень пустяковым был предлог для такой величины, как Кох, и Кузнецов это отлично понимал. Однако аудиенция была назначена. Как мне кажется, изверга Коха подвел приступ сентиментальности. Бывает, он накатывает на очень жестоких людей, подтверждая их ложную веру в собственную доброту.

Операция была намечена на 31 мая 1943 года. Группа партизан прикрывала Кузнецова и Довгер. Николай Иванович был

готов на самопожертвование. Предполагалось, что его с Валентиной введут в кабинет Коха, и она, передавая тому письмо, отвлечет внимание рейхскомиссара. Стрелять в Коха будет Кузнецов.

Но все сразу пошло не по плану. Валю пригласили в кабинет одну. Ее сопровождал охранник, а двое остались рядом с обер-лейтенантом. Один пистолет со специальными патронами был у Кузнецова на боевом взводе, второй со снятым предохранителем в кобуре.

Через три минуты Довгер вернулась за женихом. Обменяться даже короткими репликами оказалось невозможно. Перед сидящим за столом Кохом — двое телохранителей. Еще один стоял прямо за спиной Кузнецова. Две черные собаки лежали на ковре в центре кабинета между Кузнецовым и Кохом. Все трое телохранителей следили за руками Кузнецова. Полностью контролируемое охраной расстояние между Кохом и Кузнецовым — пять метров. Дотянуться до кармана, вынуть пистолет Кузнецов даже теоретически не успеет.

Кох устроил обер-лейтенанту настоящий допрос. Суть его состояла в том, что предстоящий брак арийца и девушки с нечистой кровью его возмущал. Когда разговор пошел в более мягких тонах, три охранника ни на секунду не отвлеклись, не изменили положения. За тридцать с лишним минут аудиенции ни одного шанса на выстрел.

Письменное разрешение Коха на брак, точнее на устройство Валентины на работу в Ровно, что спасало от угона в Германию, было получено. Выводили «влюбленных» через другие двери. Кузнецов получил от толпившейся у выхода свиты поздравления и пачку папирос от адъютанта гауляйтера. Кох остался жив. Кузнецов был морально убит. Покушение провалилось. Охрана оказалась сильнее.

Если же разбирать ситуацию внимательно, то выясняется, что действия телохранителей были небезупречны. Посетитель вошел в кабинет лица № 1 с двумя пистолетами: один — на боевом взводе, второй — в кобуре. Ни он, ни его спутница не были обысканы. Валентине позволили оставить при себе дамскую сумочку. Ошибки грубейшие.

А если бы:

1) обер-лейтенант Зиберт был одет не в летнюю форму, он мог бы, вероятно, очень вероятно, пронести с собой и гранату. Воспользоваться ею было все же легче, чем револьвером;

2) укрепи разведчик взрывное устройство на теле, акт возмездия мог бы быть совершен;

3) умела бы стрелять Валентина Довгер, у нее бы оставался

шанс на выстрел.

Попробуем теперь разобраться, реальны ли были эти три «если бы».

1. Иная форма, кроме летней, могла бы вызвать 31 мая подозрения. И этот вариант в принципе отпадал.

2. Взрывное устройство на теле? Да, погибнув, Кузнецов захватил бы с собой и Коха, и Валентину, и охрану. И Николай Иванович очень корил себя за то, что не предусмотрел такой возможности. Это был реальный, неиспользованный шанс убить преступника, пожертвовав собой и помощницей. Больше возможности подойти к Коху так близко могло и не представиться. И не представилось. Эрих Кох умер в 90 лет, так и не поплатившись смертью за свои злодеяния.

3. Перед покушением Валентину Довгер пытались научить стрелять из револьвера. Но молоденькая девушка была так слаба физически, что не умела самостоятельно даже взвести курок. Жаль. Известно, что советские спецслужбы имели в своем составе профессиональных ликвидаторов, в том числе женщин. Известно также, что ликвидаторы уничтожали недобитых фашистов и скрывавшихся предателей после войны.

Хотя покушение на Коха сорвалось, толк от аудиенции всё же был. Кузнецов принес в отряд важную информацию. Кох посоветовал боевому офицеру Зиберту не увлекаться фольксдойче и использовать свой опыт не в тыловом Ровно, а на полях решающего наступления, которое вот-вот развернется по приказу фюрера. Единственным местом такого сражения мог быть только Курск. Ставшая знаменитой Курская дуга изменила весь ход мировой войны. К информации, переданной Кузнецовым, в Москве отнеслись серьезно, ибо ее подтверждало несколько похожих сообщений, полученных из надежных источников, в частности от Кембриджской пятерки из Лондона.

И еще одно. Среди высокопоставленной фашистской челяди, бросившейся к Зиберту после длительной аудиенции у Коха с поздравлениями, был и человек с протезом вместо кисти правой руки. Зиберт быстро сориентировался, пожал ему левую руку. Нацистского судью Альфреда Функа он уничтожит позже — 16 ноября 1943 года в здании суда в Ровно.

Из ровенских лесов — о Тегеране

Среди знакомых Зиберта, поставлявших иногда интересную информацию, был майор СС Ульрих фон Ортель. Частенько он расхаживал и в хорошо сшитом штатском костюме. Однажды при

обер-лейтенанте Зиберте он заговорил с кем-то по-русски.

И это был не просто набор слов, почерпнутых из офицерского разговорника. Эсэсовец владел русским языком блестяще. Он попытался подловить Зиберта, спросив, понял ли тот, о чем шла речь. Тот среагировал точно — сказал, что вроде бы понял смысл нескольких произнесенных Ортелем фраз.

Образованный, хорошо разбирающийся как в политике, так и в искусстве, знакомец Кузнецова был по интеллекту гораздо выше армейских офицеров. Иногда он ставил в тупик обер-лейтенанта резкими отзывами о руководителях рейха, никогда, впрочем, не трогая самого фюрера.

Кузнецов не то что избегал встреч с этим человеком — был тот явно опасен, непонятен. Но, посоветовавшись в отряде с Медведевым и Лукиным, не стремился «разрабатывать» эсэсовца — слишком рискованно, неясно, к чему могло привести это знакомство. Николай Иванович чувствовал, что фон Ор-тель им интересуется, прощупывает. И не ошибся.

Был у майора Ортеля один большой недостаток — чрезмерная тяга к спиртному развязывала язык. Однажды во время ужина, оплачиваемого щедрым Зибертом, Ортель то ли в шутку, то ли всерьез предложил обер-лейтенанту попробовать себя в иной, более важной, нежели армейский офицер, роли. Зиберт взял время на размышление. В другой раз Ортель проговорился о специальной школе СС в Скандинавии, где, как понял Николай Иванович, готовят диверсантов для выполнения важных специальных заданий.

Задолжав однажды Зиберту некую сумму, майор пообещал вернуть ее персидскими коврами. Вместе с группой людей он собирался отправиться в Иран в ближайшее время на опасную операцию, успешное выполнение которой могло изменить ход всей войны.

Можно было бы принять всё это за пьяную болтовню. Но слишком уж хитер был фон Ортель. Да и вырвалось у него как-то признание, что провел он в СССР два года. Кузнецов, знавший весь довоенный состав немецкого посольства в Москве, был совершенно уверен: в дипломатах такой сотрудник не значился. Были основания предположить: Ортель — немецкий разведчик-нелегал с солидным опытом работы в СССР.

О готовящейся важной операции СС в Тегеране, способной изменить ход войны, было сообщено в Центр. Затем после одной из встреч с Ортелем Кузнецов передал уточнение: операцией в Тегеране будет руководить диверсант Отто Скорцени. Так в Москве узнали об операции «Длинный прыжок», в ходе которой немцы собирались во время Тегеранской конференции

уничтожить лидеров трех союзных государств.

Осторожная разработка фон Ортеля принесла ценнейшие плоды. В разговорах он начал упоминать о чудо-оружии, которое должно спасти Германию. Оставалось понять, пьяная ли это болтовня, дезинформация ли доктора Геббельса или немцы действительно близки к созданию нового, исключительно мощного и разрушительного оружия. С Ортелем продолжали работать, причем не всегда делал это обер-лейтенант Зиберт. О вербовке Ортеля речи не шло, его использовали втемную. Вскоре выяснилось, что майор не фантазировал. Так Центр получил подтверждение информации о создании баллистических ракет «Фау», поражающих цели с дальнего расстояния.

Майор СС Ортель не успел продвинуться в разработке обер-лейтенанта Зиберта. Планы привлечь его к какой-то секретной работе, отправить в Тегеран… не осуществились из-за нехватки времени.

А что же было с Ульрихом фон Ортелем дальше? Он успешно сымитировал собственную смерть — застрелился. Зачем это нужно было эсэсовцу, осталось неизвестно.

Однако Ортель действительно появился в Тегеране. Готовившаяся им и Скорцени операция «Длинный прыжок» была сорвана советской разведкой.

Место гибели известно

И вновь возвращаюсь к беседе с Теодором Кирилловичем Гладковым.

— В марте 1944-го Кузнецов был убит бандеровцами. И сколько же самых невероятных версий высказывается по поводу гибели.

— История его гибели действительно запутана. Давайте придерживаться единственно, на мой взгляд, правдивой версии… Отряду Медведева под Ровно делать было уже нечего: немцы оттуда отступали. Кузнецову дали задание выехать во Львов, уничтожить губернатора Галиции. Не получилось, тот заболел, и Кузнецов из автоматического пистолета убил вицегубернатора Отто Бауэра и высокопоставленного чиновника Гейнриха Шнайдера. А потом при невыясненных обстоятельствах проник во львовский штаб военно-воздушных сил, тремя выстрелами в упор уничтожил подполковника Петерса и ефрейтора. Что он делал в том штабе? Выяснить мы не можем, рассказать об этом Кузнецов не успел никому. Видимо, немецкий подполковник умер не сразу, ибо успел сказать, что стрелял в него офицер Зиберт.

Это последнее покушение в штабе немецких ВВС не было никем санкционировано. Лукин мне клялся и божился, что такого задания Кузнецову не давали. Может быть, разведчик решил напоследок хлопнуть дверью? Его обер-лейтенант Зи-берт уже вызывал определенные подозрения. Офицера в таком звании искали, проверяли всех поголовно. И тогда доктор Цес-сарский из отряда Медведева повысил его в звании, вписал в офицерскую книжку «гауптман». Однажды Кузнецов, который чудом избежал ареста после проверки документов, сам, по собственной инициативе «помогал» немцам: требовал документы у проезжавших по той же дороге, задавал вопросы, изображал из себя бдительного офицера. Но, скажу я вам, были и подозрения, что его выдала одна арестованная подпольщица.

— Кто же это?

— Нехорошо говорить. Женщины давным-давно в живых нет. А предполагалось, что Кузнецов осядет во Львове. Ничего не получилось. Отсидеться было негде. Явки, которые ему дали, уже не существовали: человек или погиб, или был арестован, а то и сбежал. Кузнецов совершил другие акты возмездия. Надо было уходить, и он вырывался из Львова, из сжимавшегося кольца, но надежные документы имел только шофер Иван Белов, а верному другу Яну Каминскому и самому Николаю Ивановичу взять их было негде.

А его уже ждут на всех выходах, повсюду повальные обыски, засады. В местечке Куровицы — заслон. Впечатление, что ловили именно его: обычным КПП командовал не лейтенант и не капитан, а майор. У немцев такого не бывало. Оставалось — только прорываться. Они рванули через шлагбаум, убили немецкого майора Кантора, уничтожили патруль. Вдогонку им влепили автоматную очередь, пробили шины. Проехали метров двести на спущенных и — в лес. Машину с простреленными колесами пришлось бросить. Это — март, а фронт под Львовом неожиданно остановился. Что там творилось? Наши войска где-то вырвались вперед, где-то остановились, шляются бандеровцы, отряды еврейской самообороны, стихийные отряды из наших окруженцев и партизан. Лес, скитания, их обложили, ну нет выхода.

— Можно же было где-то остановиться, переждать, затаиться.

— Не мог он, уже не мог. Рвался к своим. Они наткнулись на отряд еврейской самообороны. Те жили в бараках, успели обустроиться. Но в отряде — тиф. Там же встретил двух знакомых разведчиков из медведевского отряда. И они тоже — тифозные. Оставаться — рискованно: тиф валил наповал. Двум знакомым по партизанскому отряду Кузнецов сказал без утайки: постараемся

выйти к линии фронта, ведь Красная армия наступает. Откуда ему было знать, что фронт неожиданно остановился.

Кузнецову выделили проводника — бойца отрада местного парня Самуэля Эрлиха. Парнишка тот был смышленый, знал все лесные тропинки. И повел он вроде бы в нужном направлении, к линии фронта. Довел Николая Ивановича и двух его ребят до нужной точки и благополучно возвратился в свой отрад. Больше никто из свидетелей с нашей стороны Кузнецова живым не видел. Что, как полагал Дмитрий Николаевич Медведев, вовсе не свидетельствовало о его гибели. Бывало, выбирались его люди из передряг и похлеще.

— Кузнецов так и шел в немецкой военной форме?

— Да, только отпорол погоны. Очень боялся погибнуть при переходе линии фронта от пули своих. И приготовил пакет, в котором был подробнейший отчет и подпись «Пух». Под этим именем в отраде Медведева его не знали. Как Пух был он известен только высшему командованию, точнее — генералу Федотову.

— Тому самому, что участвовал в начале 1920-х годов в операции «Трест»? Соратник организатора советской внешней разведки Артузова?

— Именно. И Федотов, в конце концов, этот отчет передал в Четвертое управление, возглавлявшее всю эту партизанскую борьбу на временно захваченных немцами территориях. Но была сложность, мною уже упомянутая. Кузнецов полагал: при переходе его могут убить свои.

— Неужели нельзя предусмотреть каких-то паролей, знаков?

— Но как? Самое трудное в разведке в военных условиях — это возвращение. Были случаи — гибли на этом последнем этапе.

— Мне об этом не раз говорил генерал Дроздов, возглавлявший десятилетия спустя нелегальную разведку. Возвращение может стать, и становилось, этапом еще более сложным, чем вступление в жизнь под новой легендированной фамилией. Тут всего не предусмотришь.

— Известный фронтовой разведчик, писатель Овидий Горчаков рассказывал мне, как его три раза зверски избивали, когда он возвращался к своим. Говорите, подать условный знак? Но какой, для кого он, этот условный знак? С кем и когда могли условиться? Горчаков кричал, молил: я — военный разведчик, ребята, что вы делаете? Один раз уже думал — конец, не отдышаться. Так и с Кузнецовым.

И вот что мне удалось установить. Вышли они втроем на хутор Борятино и там издалека увидели людей в военной форме. Кузнецов послал Белова к крайней хате. Тот постучался, спросил:

войска есть? И ему сказал, что есть, только не ваши, а с зирками, то есть со звездочками.

— Наша Красная армия?

— Это были бандеровцы. А Кузнецов и его ребята приняли их за своих: бандеровцы были переодеты — этот прием они, мерзавцы, часто применяли — в советскую военную форму. Стычка, бой, пальба — и Николай Кузнецов и двое его ребят убиты.

— А как же история о том, что, не желая сдаваться в плен, Кузнецов, окруженный бандеровцами, взорвал себя противотанковой гранатой?

— Она меня больше всего угнетает. Ну, представьте себе — как это возможно? Граната должна с силой удариться о броню. Нет, всё это вранье.

— А что правда?

— Правда то, что пакет с донесением, подписанный «Пух», попал к бандеровцам. И только тогда те поняли, кого они убили. И началась торговля. Сообщили немцам, что разведчик взят полуживым, и в качестве доказательства дали отчет. Поставили условие: в обмен на Пуха — Зиберта освободить арестованных детей и жену одного из своих главарей Лебедя. Бендера был под арестом, и Лебедь его фактически замещал. В конце концов немцы согласились и обещание выполнили, улучшили жене и детям Лебедя условия содержания в лагере, стали хорошо кормить. Прошла неделя. Кузнецов мертв, а бандеровцы говорят немцам: он убит гранатой при попытке к бегству. Как можно убить человека при попытке к бегству? Только пулей. Так заварилась вся эта липа. Да они бы Кузнецова берегли как драгоценность — он бы был их единственной разменной валютой.

Немцы послали на место боя специальную группу СС и убедились, что Зиберт — Пух и еще двое погибли в бою. Каминского и Белова похоронили в соседней деревне. Поп Ворона, совершавший обряд погребения, рассказывал, что немцы привезли двух людей. Оба — в немецкой форме, но без погон. Видимо, это и были друзья Кузнецова.

Не щадил врагов. И себя

— А почему, Теодор Кириллович, вы считаете Кузнецова трагической личностью?

— Тяжело у него складывалась жизнь. Ему везде завидовали. Яркая личность всегда вызывает сложные чувства. Человек ни в каких школах — ни разведывательных, ни диверсионных не

учившийся, превратился в одного из величайших мастеров редчайшей профессии. Одарен с рождения способностями разведчика. Впитывал всё как губка. А его — дважды гонят из комсомола, исключают с последнего курса техникума. Или эта уже упоминавшаяся история, когда попались на махинациях его начальники, а ему — пусть не срок, но условно. Ведь Кузнецов их разоблачил, выдал милиции. Им дали по четыре — восемь лет, а Кузнецову «всего-навсего» год исправительных по месту работы минус 15 процентов зарплаты. Считается, будто он отнесся к этому спокойно — ерунда, формальности. Нет. Это травма на всю жизнь. И судимость на нем оставалась. Еще один арест — уже во время работы негласным агентом.

— Об этом я не слышал.

— Его тогда чуть не подвели под самую страшную в ту пору 58-ю статью — расстрельную. Допустил по неопытности несколько ошибок. Переживал, каялся, что никакого злого умысла не было. А ему чуть не припаяли предательство с контрреволюцией. Мог бы сгинуть: провел несколько месяцев в подвалах внутренней тюрьмы Свердловского управления НКВД. Уже в Москве рассказывал своему другу юности, что прошел через жуткие испытания. Даже волосы на голове выпадали. К счастью, нашлись смельчаки, рискнувшие ради «Ученого» личной безопасностью. Убедили начальство, что допустил молодой парень халатность, а его способности органам еще потребуются. И добились его освобождения.

— Вот о чем раньше никогда не упоминалось. Значит, и Кузнецова сталинские репрессии коснулись?

— Коснулись. И в душе всё это оставалось. И попав в Москву в начале 1940-х, Кузнецов вспоминал не только своих родственников, но и обидчиков. Даже писал злейшему врагу письма: я в столице на особой работе, объездил всю Германию, воевал с финнами. Сплошной вымысел, чистая мистификация. Никогда он за границу не выезжал.

— Согласитесь, есть тут признаки авантюризма.

— Многим великим людям они присущи. Но одно то, что Кузнецова приняли в отряд Медведева, где собрали людей исключительно проверенных, уже свидетельствовало о большом доверии. Может, и оставалось у Кузнецова после всего пережитого чувство обиды, но преобладало желание доказать, что он лучший, что нужен стране. Иногда он говорил во сне, причем по-русски. И врач партизанского отряда Цессарский, с которым они делили кров, его тормошил, будил. И отучил-таки.

— Читал об этом в ваших книгах.

— Но что именно говорил Кузнецов, я узнал у доктора

Цессарского сравнительно недавно. Разведчик всё время повторял: «Я еще им докажу, кто настоящий патриот». Слово в слово. Сидела в нем эта боль, не давала покоя. И прорывалась вот так. Когда он уходил на задания, оставлял прощальные письма. И командир отряда Медведев однажды сказал: «Николай Иванович, вы знаете (Медведев почти со всеми был на «вы»), с таким похоронным настроением идти на задание нельзя». Одно письмо Медведев даже разорвал. Одно, впрочем, сохранил.

Или вчитайтесь в строки письма брату Виктору, написанного Николаем Ивановичем перед отправкой в отряд: «Жертвы неизбежны. И я хочу откровенно сказать тебе, что очень мало шансов за то, чтоб я вернулся живым. Почти сто процентов за то, что придется пойти на самопожертвование. И я совершенно спокойно и сознательно иду на это»… И еще есть одна деталь, которая будет хорошо понятна людям старшего поколения. Николай Кузнецов, вопреки общепринятому мнению, никогда не был членом партии. Это им, комиссарам, партийцам, доверяли самые ответственные дела. Но Кузнецова с его сложнейшей биографией, боюсь, в партию тогда не приняли бы.

Во всем этом и был его трагизм. Полная готовность к самопожертвованию, мысли о смерти. Эта готовность отдать жизнь могла в тяжелейший момент сыграть свою трагическую роль.

— Как вы считаете, все ли факты биографии Кузнецова известны?

— Основные, пожалуй, да. Но что все… Нет, я бы пока утверждать это не рискнул. Не исключено, что ряд немецких документов, касающихся Кузнецова, хранится в архивах наших тогдашних союзников американцев. Они захватили их в 1945-м уже на территории Германии. Ведь всё, что мы знаем о разведчике, это данные с нашей стороны. А донесения немецких разведчиков о нем из довоенной Москвы? А запись разговоров с ним? Или, может, даже попытки вербовок Руди Шмидта? Ведь есть у спецслужб США полный и до сих пор не опубликованный отчет о деле «Красной капеллы». Ведь нашел же командир отряда Медведев в освобожденном Львове в архивах гестапо отчет Кузнецова за подписью «Пух». Вернее, копию этого отчета. Оригинал начальник тамошнего гестапо переслал в Берлин Мюллеру.

Медведев ищет друга

Да, у Дмитрия Медведева оставалась надежда, что Кузнецов

жив. Настолько верил он в друга. И командир «Победителей» стремился отыскать хоть какие-то его следы, установить истину. Что, если ранен или ушел с отступающим вермахтом на Запад и не имеет возможности восстановить связь? Всё может быть. И всё бывало.

Медведев давно запретил «Грачеву» писать перед уходом на задания прощальные письма. Кроме одного: весной 1943-го Кузнецов отправлялся на встречу рейхскомиссара Эриха Коха с местными жителями. Там он и собирался уничтожить палача. Успешное выполнение задания означало верную смерть. И Николай Иванович на конверте написал: «Вскрыть после моей смерти. Колонист». Это письмо Медведев всегда хранил при себе. Вскрывать его он не решался, по-прежнему надеялся на чудо, терпеливо ждал.

Как только освободили Львов, Дмитрий Николаевич с группой чекистов начали охотиться за оставленными немцами на Западной Украине диверсантами и бандитами. Попутно пытался разузнать хоть что-нибудь о судьбе Кузнецова. Сумел в общих чертах установить, чем на свой страх и риск занимался разведчик во Львове в феврале 1944-го.

Часть немецких архивов, оставленных в спешке во Львове, оказалась в распоряжении Медведева. В них командир нашел немало любопытного. Это в основном касалось отношений фашистов с руководителями ОУН и УПА. На многих направлениях украинские националисты действовали вместе с гестапо. Медведев сделал копию с документа, подписанного банде-ровцем, капитаном вермахта Иваном Гриньохом, служившим раньше в карательном батальоне «Нахтигаль». Он прямо писал: «ОУН готова сотрудничать с немцами на всех участках борьбы против большевизма». Отыскались и письменные просьбы оставить при отступлении секретные склады с оружием, чтобы большевики не забывали, что «украинские националисты в их тылу — это немецкие союзники и агенты».

Разбирая папку за папкой, Медведев чувствовал, что подбирается все ближе к разгадке судьбы Кузнецова. И действительно, наткнулся на документ, который УПА обязывалась передавать СД и полиции все материалы о коммунистах. Предлагалось отдать фашистам около двух десятков советских парашютистов, пойманных в Галиции.

Сомнений у опытного чекиста Медведева почти не оставалось. Где-то здесь, в этом развале бумаг донесения бандеровцев о его друге. И отыскался документ, в котором шла речь о столкновении подразделения УПА с человеком, одетым в форму офицера вермахта, и двумя его спутниками. В донесении

сообщалось, что при советском разведчике найдены немецкие документы на имя Пауля Зиберта.

Можно было считать поиск законченным, гибель Кузнецова и его друзей установленной. Поиском деталей, сбором подробностей занялись уже другие чекисты, а позже писатель-исследователь Теодор Гладков.

В тот вечер Медведев вскрыл прощальное письмо Кузнецова. Некоторые содержавшиеся в нем просьбы Николая Ивановича, в том числе деликатные, командир выполнил.

Вести пришли, откуда не ждали

Однажды меня разыскал по электронной почте исследователь Лев Моносов. Он читал мои материалы и нашел неточность в том, что касалось короткого пребывания Кузнецова в отряде еврейской самообороны. И имя бойца в этой моей книге уже приводится правильное. Открылись и новые факты деятельности Кузнецова-Зиберта в немецком тылу.

Итак, в период с 1941 по 1943 год фашисты устроили на Украине 50 гетто. Одно находилось под Ровно. За период оккупации немцы уничтожили 1 миллион 800 тысяч евреев — три четверти от общей довоенной численности. В Западной Украине, где гитлеровцы и местные украинские националисты действовали особенно жестоко, выжить удалось нескольким сотням человек, которые в основном были спасены партизанами. А в гетто Ровно доставлялись для уничтожения евреи как из захваченных гитлеровцами стран, так и из оккупированных западных областей СССР. К концу 1943 года в Ровно были убиты практически все согнанные в гетто — по некоторым оценкам от 80 тысяч до 100 тысяч человек. Само гетто было ликвидировано при освобождении Ровно советскими войсками. Город взяли 2 февраля 1944 года.

Тотальную ликвидацию евреев в Ровно проводили зондеркоманды СС и литовские карательные полицейские батальоны. Но даже на их жутком фоне выделялись садизмом украинские националисты. Была у них своя специальная служба УТА — украинская тайная полиция, она же украинское гестапо.

И в пересланных мне Львом Моносовым документах есть сведения о том, как Кузнецов спасал обреченных на смерть.

В его разведгруппу, действовавшую в Ровно, входила Лидия Ивановна Лисовская. Она родилась в этом городе в 1910 году. После окончания гимназии училась в Варшавской консерватории по классу фортепьяно. Свободно говорила на французском и

немецком языках. Красавицу Лидию даже приглашали сниматься в Голливуд. А она вышла замуж за польского офицера, который пропал без вести при защите Варшавы. Вот и вернулась в 1940-м вместе с матерью Анной Войцеховной Деми-чанской в Ровно и установила контакт с советской разведкой.

Лисовская привлекла к разведывательной работе свою двоюродную сестру Марию Микоту, которая по заданию партизан стала агентом гестапо под псевдонимом «17». Лидия Ивановна принимала активное участие в операции разведгруппы Кузнецова по похищению из Ровно генерал-майора фон Иль-гена — командующего восточными армиями особого назначения. Генерал Ильген был ключевой фигурой в руководстве вооруженными формированиями националистического толка, состоявшими из бывших граждан СССР, которые перешли на сторону оккупантов и принимали непосредственное участие в массовых казнях населения.

Убежденная антифашистка Лисовская не только выполняла разведывательные задания Кузнецова, она оказывала помощь скрывавшимся военнопленным и евреям. Как пишет Лев Моносов, согласно документально подтвержденным показаниям, в октябре 1943 года, когда через Ровно немцы гнали на казнь евреев, Лидия Ивановна Лисовская вместе с Николаем Ивановичем Кузнецовым спасли и прятали еврейскую девочку. Пауль Зиберт узнал от своих знакомых из гестапо о намечавшемся немцами расстреле и заранее обдумал этот рискованный шаг. Конечно, роль Кузнецова в спасении девочки была решающей. Одной Лисовской средь бела дня сделать это было невозможно. Ее немедленно уничтожили бы на месте за помощь евреям. Только Кузнецов в форме немецкого офицера мог беспрепятственно подойти к убитым зондеркомандой родителям девочки, взять окровавленного ребенка и вместе со своей дамой — Лисовской — перенести малышку в костел, а вечером отнести на квартиру Лисовской, у которой он якобы снимал комнату. Даже если к Кузнецову и подошел бы патруль с проверкой документов, то наличие формы немецкого офицера, документов и похищенного партизанами гестаповского жетона, дающего неограниченные полномочия его обладателю, снимало бы все вопросы. Украинские полицаи, вспомогательные части и литовские националисты, участвовавшие в конвоировании колонны и расстреле, вообще не имели права проверять документы у немецкого офицера.

Имя девочке — Анита — дал Николай Кузнецов. Во время ареста Лисовской гестапо и после ее смерти Аниту воспитывала мама Лидии Ивановны — Анна Войцеховна Демичанская. Имя спасенного человека, как пишет мне Моносов, установлено —

Анна Адамовна Зинкевич. Ее отыскали после войны, и Зинкевич официально подтвердила факт спасения. Об этом же дали свидетельские показания подпольщица В. Г. Грибанова и партизанки-подпольщицы А. И. Лобачева и О. П. Волкова.

Судьба Лидии Лисовской сложилась трагически. Подпольщице не раз грозила гибель. В ноябре 1942 года Лисовская была арестована гестапо, но всё обошлось и ее отпустили. В январе 1944-го последовали второй арест, жестокие пытки, имитация расстрела. Перед казнью она написала в камере на стене кровью прощальное письмо. По счастливой случайности (в день казни она находилась в камере без сознания) Лисовской удалось спастись.

Но в октябре 1944 года, уже после освобождения этой части Украины от оккупантов, Лидия Ивановна Лисовская и ее двоюродная сестра Мария Макаровна Микота были зверски убиты украинскими националистами. Лисовская посмертно награждена орденом Отечественной войны 1-й степени.

Приблизительно в октябре — ноябре 1943 года Кузнецов спас от смерти четырехлетнего еврейского мальчика, родителей которого убили фашисты. Разведчик вызволил ребенка из гетто и доставил в партизанский отряд. Это впоследствии подтвердили командир отряда «Победители» Дмитрий Медведев, комиссар Александр Лукин и врач Альберт Цессарский. Мальчика четырех лет, который не знал ни своего имени, ни фамилии, назвали Пиней. Был он крайне слаб, но медсестры его выходили. Сшили для него одежду, старались кормить получше. По просьбе Кузнецова мальчика отправили самолетом в Москву. По некоторым данным, по крайней мере, так утверждает Моносов, Кузнецов просил руководство советской разведки разрешить ему усыновить мальчика после войны, придумал ему имя. Этого спасенного Николаем Ивановичем малыша искали, однако найти не смогли. И это еще не всё. При проведении разведывательных операций в Ровно и окрестностях Кузнецов прятал евреев, помогал отправлять их в партизанский отряд.

ЛЮБИМАЯ РАДИСТКА НИКОЛАЯ КУЗНЕЦОВА
Африка де Лас Эрас

Два тяжелейших военных года, проведенные в партизанском отряде «Победители», радистка Машенька, а впоследствии полковник нелегальной разведки Африка де Лас Эрас, считала счастливейшими в своей жизни.

Африка де Лас Эрас, псевдоним Патрия, — одна из наиболее заметных и одновременно не слишком раскрытых фигур советской нелегальной разведки. Хрупкая, маленькая испанка, полностью посвятившая себе служению новой родине, она была в свое время едва ли не единственной разведчицей-ино-странкой, удостоенной за подвиги ордена Ленина. В родной Испании сражалась против Франко, а потом, судя по всему, стала одной из тех, кто готовил покушения на Троцкого. В годы войны — партизанка и радистка легендарного Николая Кузнецова. Многолетний создатель, руководитель нелегальных резидентур в Западной Европе и в Латинской Америке, после возвращения из нелегальной разведки она воспитала прекрасных учеников. Досье полковника Службы внешней разведки де Лас Эрас и ее дела — под грифом «совершенно секретно». Даже на нескольких орденских книжках, которые перелистываю, нет фотографий.

Африка де Лас Эрас родилась в испанском Марокко и скончалась 8 марта 1988 года в Москве.

Кто представит героиню

Ученица Африки де Лас Эрас, тоже полковник, продолжательница ее славного дела, возможно, сравнительно недавно вернувшаяся из тех же далеких краев, где работала ее наставница. Без рисовок — фамилия рассказчицы неизвестна. Имя? Любое простое наше имя подойдет к этой моложавой, красивой, элегантной русской женщине, полной дружелюбия к собеседнику и любви к Африке, которую звали в России Марьей

Павловной и которую собеседница считает чуть не второй матерью. Я буду называть полковника нелегальной разведки по-разному.

— Наталья Ивановна, мы, по-моему, где-то виделись? — начинаю я.

— Конечно, конечно, — кивает Татьяна Сергеевна. — На одном торжестве, — и невзначай припоминает дату (оказывается, пролетело уже столько лет) и даже место, где я сидел.

Да, Тамара Ивановна в рассказе об Африке де Лас Эрас не ошибается.

А начнем мы эту главу, не заботясь о точной хронологической последовательности, с Великой Отечественной войны. Слово Татьяне Ивановне.

Испанка в лесах под Ровно

Началась война, Африка участвовала в операциях, связанных с обороной Москвы. Училась на медсестру. Потом тоже пригодилось. Когда немцы подошли совсем близко к Москве, защищала город.

Кажется, в это время пришла к ней новая большая любовь. Если не ошибаюсь, познакомилась на улице Горького (теперь Тверская. ***— Н.Д.),*** по которой любила прогуливаться, с приятным молодым парнем Владимиром — офицером, по-моему, летчиком. Счастье было коротким, история трогательно-нежной, они и вместе-то почти не были. Вскоре он погиб.

Вначале на фронт Африку не брали. Тот человек, что однажды увидел маленькую красивую темноволосую испанку и отбирал нужных людей, наотрез отказал: разве можно этой хрупенькой в бригаду особого назначения, в партизанский отряд Медведева?

Она обратилась к Георгию Димитрову, сказала, что стыдно отдыхать и приехали они сюда, испанцы, чтобы участвовать в войне с фашистами, и знают, как их бить. У хорошо знакомого ей болгарина, одного из руководителей Коминтерна, она бывала вместе со своими соотечественниками. И Димитров попросил, замолвил слово.

Мне она рассказывала: «День, когда взяли в отряд, был для меня самым счастливым в жизни. Я прыгала, я летала. Спросили, умею ли стрелять, как с радио, и я ответила — что ворошиловский стрелок, и с радио тоже отлично, только вот с парашютом не прыгала, но за два часа обязательно научусь». И всё здесь — чистая правда, своих она никогда не обманывала. Решительности ей хватало, горячая испанка рвалась воевать и именно за советскую власть. Радио она освоила. И плавала здорово. Родилась на море и в ранней юности стала чемпионкой своего города.

Вот такой была наша Африкита. Два года сражалась в отряде

будущего Героя Советского Союза Медведева «Победители». Перед заброской отряду придали группу подготовленных радисток. Командовала ими Лидия Шерстнёва. И среди них выделялась Африка своей красотой, экзотичной внешностью.

Таких раньше партизаны не видели. А если и видели, то только в кино. «Ладно, мы защищаем Родину. Это наша страна, мы ее обязаны отстоять». Вдруг приезжает к ним испанка, которая прошла всю испанскую войну, рискует жизнью. Конечно, к ней относились с большой любовью. Гражданская война в Испании — это было что-то героическое, потрясающее.

А у «их» испанки огромные черные глаза. Говорят, что прямо африканка. Но я не думаю, что похожа. Просто смуглая, как настоящая испанская южанка. С гладким лицом. В 1970-е она уже старенькая была, и всё равно личико гладкое-гладкое.

И вдруг в отряде такая маленькая с тяжеленной радиостанцией, столько километров вышагивает. Первый год — мучительный, голодный, жили в землянках. Год второй — уже больше народу, больше одежды. Появилась еда. Что-то выращивали, собирали сами. Люди из деревень помогали, несли.

Но самое тяжелое для молодой женщины-испанки, выросшей во всегда теплой Африке, — холод, она замерзала, шила трусишки, рубашечки, но не помогало. Я сама — страшная мерзлячка. Не понимаю, как тогда Африка выжила, лютый, постоянный мороз выдержала. Не грел даже плотный ватник, заправленный в теплые брюки на ремне. Все валенки были для нее велики, и специально для миниатюрной радистки Маши сваляли маленькие, по размеру.

Ведь ей и еще двум группам радисток приходилось уходить лесами от отряда далеко — на 15–20 километров. Иначе запеленгуют немцы — они иногда подходили совсем близко — и конец отряду. В каждой группе радистка с тяжелой рацией и один-два бойца — автоматчика охраны. Все три радистки расходились в разные стороны и начинали сеанс связи одновременно. Две передавали неимоверную чушь, чтобы только отвлечь немцев. Африка — секретнейшие сведения для Центра. Она была лучшей радисткой и столько знала. С собой всегда брала две гранаты, револьвер и финку: поклялась не сдаваться живой. Окружат немцы — или подорвется, или заколет себя.

Сохранился рисунок, сделанный в отряде. На нем Африка вместе с испанцем, который охранял радисток, когда они работали. Потом обратно в отряд. И всю ночь зашифровывали сообщения, чтобы передать уже завтра. Ни поесть спокойно, ни поспать нормально практически невозможно.

Она в основном работала с Кузнецовым. Знала его, как Павла

Васильевича Грачева. И он от нее был в восторге, настолько уважал. Это я вам точно говорю, потому что часто встречала постаревших партизан в гостях у Африкиты. Они вспоминали, что он ее любил больше всех. Считал, что она была его радисткой. Часто даже никому другому ее не давали, она с ним работала, передавала его донесения.

Наверное, были на «ты». Она же испанка, привыкла, что если с другом на «вы», он мог и обидеться. Поэтому Африки-та со своими друзьями была на «ты».

Николай Иванович ее ценил. Однажды увидел маленькую испанку всю дрожащую, греющую руки над костром, а окоченевшие, скрючившиеся пальцы всё не отходили. Мороз — за сорок градусов. И тогда Кузнецов снял с себя свитер, отдал своей радистке, и она, малюсенькая, ушла с головы до пят в это кузнецовское тепло.

А потом он принес ей и двум другим девушкам теплые полушубки. Откуда только взял, где раздобыл? «Но я чувствовала себя настоящей королевой, — так рассказывала мне и не раз Марья Павловна. — Потому что Кузнецов принес специально для меня и черную шаль, кашемировую, с розовыми цветами, в которую я куталась. Кузнецов увидел шальку в каком-то магазинчике в Ровно. Цветастая шаль для него была символом Испании, о которой он столько слышал. И сразу купил ее.

Она меня и грела, и танцевала я в ней. Эх, жаль, как-то совсем близко подошли к отряду немцы, пришлось срочно уходить, и шаль потерялась». Потом Африка купила себе похожую.

Она, человек опытный, много чего повидавший, понимала, что этому симпатичному не слишком разговорчивому партизану выпала тяжеленная ноша. Лишних вопросов не задавала, ей и так всё было приблизительно понятно.

Узнала настоящее имя легенды нашей разведки годы спустя. Вернулась из долгой нелегальной командировки, и товарищи по службе рассказали, чьи сообщения она тогда передавала.

Никто в отряде не знал и ее настоящего имени — Маша и Маша. Конечно, понимали, что испанка, но расспрашивать подробности было совсем не принято. Но это не значит, что общалась она только со своими испанцами. Дружила со всеми.

А однажды суровая охрана вдруг наткнулась на Машу уже за пределами лагеря. Издалека увидели крошечный, к земле пригнувшийся комочек, услышали рыдания. Убили немцы испанского друга-партизана, который ее охранял, и Африки-та, чтобы не показать слабости, ушла из отряда, дала — может, впервые? — волю горю, чувствам. Потом просила наткнувшихся

на нее ребят: не рассказывайте командиру.

Командир «Победителей» Медведев ее любил. Перед смертью, уже в 1950-х, зная, что Африкита где-то очень-очень далеко, попросил жену передать ей свою книгу «Это было под Ровно» с надписью «Любимой радистке командира». Медведев был тогда уже очень болен, посвящение написала его жена. И книга после возвращения в Москву дошла до полковника де Лас Эрас. Только про Африкиту в ней, да и в других изданиях ни слова. Нельзя было рассказывать про испанку, которую партизаны в отряде звали Машенькой, Марией, Марусенькой. А после войны, когда партизаны приезжали к ней домой, — только Машенькой. Она просто взяла это имя. Или Марья Павловна.

Это потом Африке разрешили встречаться со своими спортсменами — партизанами. Бывала я на этих встречах. Африкита, вернувшись издалека, с такой радостью устраивала для этих немолодых и, поверьте, совсем небогатых людей отличный стол с собственноручно приготовленными блюдами. После долгих лет отсутствия оказалось у нее немало денег. Столько там проработала! Шла ей большая зарплата — получала 500 рублей. Тогда — огромные деньги. И вот когда к ней приходили партизаны, она старалась наготовить, чтобы их накормить. Если кто-то заболевал, доставала лекарства. Одевала друзей по отряду. Всегда их одаривала. И они ее, конечно, обожали.

Именно те годы в отряде Африка считала самыми счастливыми в своей жизни: «Мы были молодые, смелые, чувствовали плечо друга, и я благодарна Советскому Союзу, потому что он дал мне таких друзей».

Что ж, вернемся к истории жизни полковника де Лас Эрас.

Была секретаршей у Троцкого?

На этом фото Африка с Троцким, его близкой подругой Фридой Кало и другими довольно известными персонажами. Дружила с мексиканскими художниками Сикейросом и Риверой. У Сикейроса — твердые коммунистические убеждения. Ривера и Фрида — троцкисты, еще не отошедшие от этого учения. Потом Ривера от них отказался, примкнул к коммунистам.

Безусловно, де Лас Эрас познакомилась с Рамоном Меркадером и его родными, когда они были еще в Москве (участники покушений на Троцкого в Мексике, а Меркадер, напомню, зарубил его ледорубом. ***— Н.Д.).*** У нее были прекрасные отношения со всеми осевшими здесь испанцами. Большая группа,

они жили тут, в Москве, тесно общаясь друг с другом.

Говорят, она якобы была секретаршей Троцкого — вошла в этот круг. Но точно, дословно, что она конкретно делала, мне неизвестно. Ей дали задание, Африка его выполняла, и я уверена, что выполнила блестяще: за всю ее жизнь в нелегальной разведке не бывало ни разу, чтобы она чего-то не выполнила.

Был получен приказ Сталина, а для него было очень важно убрать Троцкого. Я не хочу зацикливаться на «правильно» или «не правильно» — это уже другой вопрос. Мы не говорили с ней об этом, мы, нелегалы, вообще никогда не спрашиваем друг друга ни о чем, на что трудно ответить. Таковы законы.

Раньше нелегалы даже никогда не встречались друг с другом. Правила были суровые. Теперь правила несколько смягчены, мы с мужем, например, дружим с Джорджем Блейком (знаменитый англичанин, тоже полковник Службы внешней разведки. — ***Н. Д.)*** **…** Она, так много нам с моим мужем давшая и столькому научившая, никогда не задавала вопроса, куда мы уезжаем.

Племянница мэра и генерала

Она родилась в Африке, там служил отец-офицер. Большая семья, где Африка, или ласкательно Африкита, была для папы самой любимой из всех детей. В ней было что-то располагающее, притягивающее. Легко сходилась с людьми, чувствовавшими в маленькой черноглазой девушке подлинную искренность.

Она вышла замуж в 19 лет. Фамилия первого мужа звучала для русского человека необычно — Арбат. Иногда в Москве она так и представлялась — Арбат, и было непонятно — почему, какой Арбат? А житье с испанским сеньором Арбатом не сложилось: муж-офицер был франкистом, у нее абсолютно иные убеждения. Сошлись два экстремала, он — крайне правый, она — сугубо левая. Их маленький ребенок умер. Ничего больше не держало — не связывало, они расстались. Умер и отец.

Африка с матерью уехала в Мадрид. Сначала работала на ткацкой фабрике — денег никаких, надо зарабатывать. Ей было тесно в семейном мирке, и она познакомилась с партийными руководителями, вступила во все левые партии сразу — социалистическую, коммунистическую, молодежную, потом навсегда выбрала коммунистическую. Днем вкалывала, а ночами выполняла партийные задания.

Левые были готовы взять власть, создавалось мощное движение. И Африка участвовала в восстании шахтеров Астурии, создавала революционные организации. Вела активную

политическую жизнь. Ей это было нужно, она родилась в Испании, там несправедливость буквально обрушивалась на людей, и для нее, человека благородного, настоящего интернационалиста, было неприемлемо видеть всё это и существовать безропотно, спокойно. Ее бросили в тюрьму, потом она скрывалась, была объявлена франкистами в розыск. Думаю, теперь масштаб личности этой женщины понятен.

Почему сеньора, отучившаяся в колледже, с благородной фамилией, из семьи, где дяди — генерал и мэр, а отец офицер, встала на такой путь? Ведь ее сестра, с которой Африка дружила, тоже была исключительно рассудительной, серьезной, но какие там левые взгляды…

Африкита не была бедна, ведь когда беден и голоден, несправедливость видится резче. Просто навсегда ступила на эту дорогу. Человек раз и навсегда выбранных убежденный, никогда за всю свою тяжелую жизнь не предавала идеалов. Настоящий боец — интернационалист Африка де Лас Эрас — действительно очень яркий персонаж. Нравится она, или кто-то не принимает ее из-за идеологических убеждений, но людей этого склада невозможно не уважать. Такой она родилась.

Ее первый муж погиб. Говорят, страдал, до конца жизни переживал, потому что очень любил ее — красивую, невероятно умную. Но что красота — мало ли красивых женщин? В ней чувствовалась несгибаемая личность.

В Испании началась гражданская война. Африка боролась с Франко не щадя себя. Рассказывают, что работала на советскую разведку с 1937 года после знакомства с резидентом Орловым. Да, тем самым, что потом ушел на Запад. Но здесь судьба ее щадила. Он ее не выдал, однако — как бы чего не случилось — пришлось Африке отправиться в Москву.

Не хотела жить в дорогих столичных гостиницах, куда селили до войны многих обосновавшихся в Советском Союзе руководителей коммунистических партий. Жила первые годы в коммуналке. Повторяла: «мы приехали бороться, а не ездить по санаториям». И пошла на фабрику — ткацкую.

Снова в разведку

Закончилась Великая Отечественная, но разведка Африку не забыла. Вызвали в Центр, предложили перейти в нелегалы. Она без раздумий согласилась. Снова прошла кое-какие курсы, опять радио и еще много чего. Быстро и как-то очень естественно освоила новые способы связи, да и всё остальное. Была радисткой

классной. Ей нравилось в СССР. Для других переход давался тяжело, болезненно, но не для Африкиты.

Единственное, что всегда мучило и к чему не могла приспособиться, — к русским морозам. Мерзла, всегда куталась. И мы с мужем, вернувшись в середине 1970-х из первой своей далекой командировки, сразу купили Марье Павловне шубу.

Сейчас мне попадаются статьи, где пишут, будто ее отца сослали в испанское Марокко из-за коммунистических взглядов. Это не так. Лас Эрас — фамилия благородная и в Испании, и особенно в Латинской Америке. Дядю Африки, — известного адвоката, выбрали алькальдом — по-нашему мэром, городским головой — персона важная. Немалая адвокатская контора, большая семья и огромный дом. Еще один дядя дослужился до генерала. Из троих братьев самый скромный ее отец — армейский офицер. Понятно, что социальное положение высокое, семья — родовитая.

Подучилась Африка и сама сделала себе легенду. Уезжала по некоторым собственным документам, часть биографии была действительно ее. Использовала фамилию первого мужа — упоминавшегося нами Арбата. Придумала новое имя — Мария-Луиза. А чтобы там ласковее отнеслись, «сделала» своим отцом не родного папу-офицера, а дядю-генерала. Потому и ходят слухи, будто она — генеральская дочка. Нет, это лишь часть легенды. Ее, сидевшую в испанской тюрьме и внезапно во время гражданской войны в Испании исчезнувшую, могли разыскивать. Поэтому полностью давать свои данные она, конечно, не могла.

Марию-Луизу вывезли в ГДР, в Берлин. И оттуда она, как беженка из Испании, перебралась в большую страну на Западе. Все шло плавно-гладко. Понимаете, у нее же вообще была душа артистки.

Она хорошо знала Пикассо, была знакома с Дали, дружила с поэтом Гарсиа Лоркой. Она познакомилась в первой после войны стране пребывания со многими писателями, художниками. Была очень интересна, невероятно интеллигентна.

Когда еще в молодости в Мадриде выпадало хоть немножко времени, занималась в Академии изящных искусств Сан-Фернандо. Уже нелегалом неплохо рисовала в художественной школе европейской столицы. Хотя не получила блестящего образования, сумела воспитать себя сама. Великолепно разбиралась в живописи, знала прекрасно историю искусств. Уже в Москве она нас всех привлекала к живописи. И это — навсегда.

Уехала после войны в страну, где ценили моду. И представьте, каким вкусом обладала, если даже там ее модный дом сразу приобрел клиенток. Наряды были недешевы, но дамы

оценили мастерство Африкиты. К ней ходили, приглашали к себе и, представляете, сколько всего рассказывали. Прикрытие для нелегала отличное. Она там работала несколько лет. Была в своей стихии, передавая в Центр много полезного.

А еще ночами слушала радио. Красный Крест вещал по-испански, пытаясь соединить родственников, потерявших во время гражданской войны друг друга и разбросанных по всему свету. Сколько их было!

Представляете, известная модистка, элегантная женщина. В доме ее собиралось высшее общество. А ночью в бесконечном списке испанских фамилий звучало и дорогое ей имя сестры. Та разыскивала свою Африкиту и была совсем рядом. Сестра вышла замуж, у нее уже было двое детей. И она с родственниками искала ее, Африку де Лас Эрас, исчезнувшую в 1937-м. Где их Африкита, что с ней случилось? Никто не знал правды. Знали, что она занималась революционной деятельностью. Ну и что из того? Прошли война и годы. Муж погиб, ребенок умер. Семья страдала.

Но Африкита молчала. И молчание это хранила до конца своих дней, даже когда многие испанцы после смерти Франко возвращались.

Я потом спросила: а нельзя было как-то дать родным понять, что хоть жива… Призналась мне: ей было очень больно, но разведку выбирают один раз и навсегда. «Я не могла ответить, потому что выбрала другую дорогу. Я была верна своей судьбе, верна своему долгу, до конца верна Службе». Никогда в жизни она не сделала ничего, что бы могло нанести вред разведке. Убежденность в нашем деле у нее — необыкновенная.

Где-то далеко-далеко

А потом из славной европейской столицы потребовалось уехать еще дальше, в Латинскую Америку. Такое пришло задание.

Но как получить разрешение на въезд? Было это очень трудно, потому что после войны многие рвались из голодной Европы туда, где мясо, фрукты, зерно.

В конце концов разрешение она получила. Ей помог муж-латиноамериканец. Он — интеллектуал, у него обширнейшие связи. Есть даже рисуночек, где они вместе. Подлинный или воображение художника?

А вот документы, которые она получила, самые настоящие, и наш нелегал оказался там, где нужен был Центру.

Было в ее стране многое, что интересовало, требовало объяснений и внимания. Вы поверите, но моя Африкита, с

которой мы были на «ты» и которую считаю бабушкой двух моих детей, никогда не называла мне ту страну.

Чем она там занималась? Важной работой. Никогда не выступала как прогрессивный человек левых взглядов. Наоборот, вела себя как консерватор. Сначала работала модисткой. Жила в своем доме с мужем. Имела прислугу. В ее мастерской работали местные помощницы.

Потом развелась. Открыла модный салон, быстро ставший популярным. Все видели, какая она энергичная, деятельная, активная.

Догадываюсь, что руководила людьми, работавшими на нас в нескольких государствах той части земного шара. Подбирала документальные варианты для наших товарищей. Поддерживала связи с другими агентами. Добывала и передавала информацию по всему континенту, потому что ее знакомые были очень высокопоставленными лицами, с которыми она поддерживала близкие отношения.

Центр ею был очень доволен. Она вырывалась сюда в отпуск. Впрочем, отпуск — это слишком относительно. Когда приезжаешь в свою страну, здесь на тебя столько всего наваливается. И на Африку тоже: ее готовили и переподготавливали, узнавали, что она может, что делает и что будет делать.

Нелегал — это серьезно, потому что нелегал — это не работа, это — образ жизни. И Африка всегда этим очень гордилась. Всякое бывает, случается нелегал настоящий и не совсем настоящий. Я вам честно скажу, вот кто был настоящим нелегалом. В ней было все: дух, совесть, честность невероятная и необыкновенное чувство справедливости. Кристально честный человек.

В то время возглавлял наше управление Александр Михайлович Коротков. Он ее обожал. Чтобы Коротков кого-то обожал!.. Был он человек очень деловой, умер рано. Я, к сожалению, его лично не знала. Африкита нам много про Короткова рассказывала. Как он к ней относился! Как-то раз она улетала, и Коротков — такого сейчас не бывает — поехал ее провожать. И с самолетом что-то случилось. Всю ночь она и Коротков просидели в аэропорту. Это уже о многом говорит.

Она была связующим звеном. Уехала, и приехали другие. Кстати, тоже фронтовики, прошедшие партизанскую школу. Да, государство небольшое. Но какая разница? Работая в стране, получаешь информацию не только оттуда. У нашей Африки были большие возможности. Наши разведчики в Латинской Америке ущерба этим странам не наносили. Какой ущерб!.. Иногда даже приносили им большую пользу. Бывает, ты добываешь

информацию о других государствах, создающих в своем отечестве чужие базы. Информационная работа сложная и тонкая. Совершенно не обязательно, что ты, зная президента, министров и так далее, получишь информацию именно от них. Они сами от тебя стараются получать новое, для них значимое.

Теперь неважно, что тогда нужно было Центру. У каждой страны — свои планы. И если Африка столько лет там работала, значит, получала очень важную для Центра информацию.

Часто ездила в одиночку по другим соседним странам. Нелегалы вообще никогда не пересекались. Тогда это было нереально. Могли иметь какие-то связи через других наших агентов, которые приезжали специально.

Или был, допустим, документальный вариант. Я знаю о таком реальном. Одной нашей паре Марья Павловна помогла подобрать документы. Потом муж умер, женщина еще работала, сейчас на пенсии. Она была одной из первых учениц де Лас Эрас. И, оказалось, Марья Павловна для нее подбирала документы. Представляете? Может быть, когда-нибудь нам удастся написать об этих людях, которые жили и работали там ради блага нашей страны. Они работали еще с разведчиками-неле-галами давних лет. Потрясающая пара!

Был еще один наш советский патриот. Я вам когда-нибудь расскажу историю про него. Он умер вскоре после 55-летия со Дня Победы. Ему дали звание полковника, но мы не успели его поздравить. Я ему только позвонила: «Товарищ полковник! Поздравляю вас!» Он мне: «Наташенька, я подполковник». Я говорю: «Нет, вы уже полковник». И мы купили шампанское, цветы, чтобы идти к нему. А он умер.

Вы знаете, их же надо беречь, они же уходят. У меня мама, 1925 года рождения, прошла всю войну. Да, с пятнадцати лет. Марья Павловна была старше. Когда они встретились, еще до нашего первого отъезда, я просто смотрела, слушала. А потом, когда мы на время вернулись, муж и я Марью Павловну привезли, и весь месяц она жила у нас. И две фронтовички очень полюбили друг друга. Сидели, рассказывали, как это было… Я думаю, кто сейчас это знает? Господи, ну почему же я их тогда не записала. По молодости казалось — всё так неизменно, вечно…

Вот про это надо поскорее написать. Может, в силу понятных вещей, даже не о ком-то конкретно, а про всю ту атмосферу. Боже, какое же у нас было невероятное богатство. Мы и сейчас на этом богатстве стоим. И если мы его будем передавать, хоть кусочками, чтобы немножко от него оставалось с нами, мы всегда будем жить и будем побеждать. А если нет…

Я не о пафосе. Я о наших людях — скромных, незаметных. Вы

посмотрите на Африку де Лас Эрас. Что она в жизни делала и кого учила! А если говорить о Латинской Америке… Даже мне трудно понять, как она всё успевала, да еще путешествуя по заданию Центра по странам.

Видимо, и в Центре поняли, что труд этот, безумно рискованный, напряженный, непосилен для одного человека. И решили прислать ей… мужа. Он же — начальник.

Нелегальный брак

Честно скажу вам, это был ее четвертый брак. Сначала тот испанский офицер, потом офицер советский — молодой белорус, погибший в войну, затем — латиноамериканский интеллектуал. А четвертый — Джиованни Бертони, псевдоним Марко, был нашим нелегалом с давних времен. И вот приказ для Патрии: выйти замуж. Решение в принципе верное. Она выбивалась из сил, а тут — такая подмога.

И еще один приказ — поступить в распоряжение Марко. Он, а не она, отработавшая в стране несколько лет, становился начальником. Оба — полковники, а знаете, какие мы полковники… Но никакого конфликта. Африкита спокойно приняла приказ. Да и, честно говоря, в семейной паре нелегалов старшим должен быть все-таки мужчина.

Им подготовили легенду: познакомилась с красавцем-итальянцем на его родине (где, кстати, она никогда не бывала), решили быть вместе. Он приехал и сразу заявил о своих левых взглядах, из-за которых и покинул Италию. Она всячески демонстрировала отдаленность от политики, аполитичный консерватизм. Отличный получился сплав, привлекавший публику самую разнообразную.

Центр выделил деньги, на которые они открыли в фешенебельном районе города антикварный салон. Социальный уровень клиентов, потенциальных источников, повысился. Они устраивали вечера, на которые поболтать и отведать ее вкуснейшие блюда собирались сливки местного общества. И лишь Марко высказывал недовольство: в прошлый раз ты приготовила гораздо вкуснее.

Да, нелегалу надо быть и незаметным, и в то же время интересным: иначе к тебе и ходить не будут, и не заинтересуются. А она была невероятно интересной — прекрасно разбиралась в живописи и очень хорошо рисовала. У нее была отличная библиотека, много фотографий…

Были ли они счастливы? Уже в Москве Марья Павловна

говорила мне, что в принципе — да. У нелегалов так бывает. Женились по приказу, а жили вполне нормально. Боевые товарищи, они сошлись, прекрасно понимали друг друга, стали настоящей семьей. И когда Марко после восьми лет жизни внезапно скончался от сердечного приступа, Африкита сильно страдала.

Не надо спрашивать: «А что они делали в этой стране?» Мы на такие вопросы не отвечаем. Работали на Родину. Она была связующим звеном. И когда годы спустя всплыли некоторые, лишь некоторые детали пребывания Африкиты и Марко в той самой стране, там разразилась небольшая буря. Президент, депутаты переживали: дружила ли с ними Африкита ради каких-то сведений, которые они ей точно — по их словам — не передавали, или… Хотя и не надо было Африке де Лас Эрас никаких сведений. Она в той стране жила, она всё видела. И была человеком настолько умным, что сама могла бы рассказать парламентариям столько… Она пробыла в той командировке 22 года. И спокойно вернулась, чтобы передать свой опыт нам, ее детям.

Учились у Патрии

А познакомились мы с Африкой де Лас Эрас, псевдоним Патрия, благодаря нашему великолепному куратору. Он пообещал: приведу я вас к одной женщине — нелегалу испанке. Боже мой, я всю ночь готовилась, вы себе представить не можете. Подбирала одежду, пробовала всякие прически, готовила первые фразы на испанском.

Нажимаем мы на кнопку звонка у ее квартиры, и выходит женщина. Синяя юбка, синяя блузка, очень всё простое. Волосы седые. И она спрашивает меня по-русски: «Хорошо пахнет?» Я ничего не поняла, я же думала, что сразу заговорим по-испански. И она повторяет: «Хорошо пахнет?» А это Африка пиццу приготовила, тогда еще у нас пиццы не было. И потом она улыбнулась, заговорила по-испански. Тогда я всё поняла. Это была, как говорится, любовь с первого взгляда. И даже родители, особенно моя мама, это мое отношение к Африките почувствовали.

Так вот, я вам стала рассказывать, что открывает дверь пожилая женщина, лет 60–65. Но, боже мой, когда она начинала что-то говорить или мы о чем-то ее спрашивали, глаза у нее загорались, и она моментально сбрасывала лет тридцать. Удивляюсь, как она перевоплощалась. С Африкитой было до того

интересно!

По-русски она уже потом говорила хорошо, хотя и с акцентом. Всё понимала. Но сказать, что абсолютно — нельзя. Иногда случались из-за этого забавные эпизоды. Когда мы однажды вместе ехали в автобусе, она увидела знакомую и начала кричать той на весь салон. Все повскакивали с мест смотреть на интеллигентную немолодую женщину. Я ей: «Так нельзя!» А она не поняла: «Почему?» Произнесенное ею на испанском слово прозвучало неким ругательством. И пришлось нам ей объяснять.

Столько лет прошло, но не было и дня, чтобы мы ее не вспоминали. Мой муж — он немножко педантичный, ему нужно было знать все, — иногда донимал наставницу вопросами. Она терпела, отвечала, объясняла. А иногда говорила ему: «Какого черта тебе нужно?»

Однажды, когда мы с мужем приехали на время в Москву, она поселилась у нас дома и жила с нами все те месяцы, пока мы здесь находились. Африкита играла с нашей дочкой, говорила с ней, естественно, по-испански. И Леночка, тогда совсем маленькая, все это до сих пор помнит.

Некоторые ее высказывания, прогнозы — прямо провидческие, мы это сейчас понимаем, а тогда они казались несбыточными. Потом, когда Африка ушла, мы очень жалели, что не общались с ней еще чаще, не задавали еще больше вопросов. Ведь ее опыт — это действительно кладезь знаний.

Полковника помнят

Африка де Лас Эрас умерла в 1988 году. Однажды 26 апреля, в день ее рождения, мы первый раз устроили небольшое торжество в ее память у нас в музее. Потом поехали к ней на кладбище. Мы помним этого невероятной доброты человека. Столько любви в ней было.

Конечно, мы были ее семьей. Как иностранке надо любить эту страну, чтобы отдать ей всё! И стараться вырастить преемников, сделать их такими же сильными.

Герои России супруги Коэн тоже работали с молодежью, как и наш нелегал Федорова. А наша Марья Павловна два года провоевала в партизанском отряде и еще 22 года проработала нелегалом.

Она одна из первых иностранцев, кто удостоен ордена Ленина. Коэны получили Героев позже. Вот сколько Африка сделала. Этим орденом ее наградили за боевую нелегальную работу. В партизанах она получила орден Красной Звезды. У нее

было две Красные Звезды, две медали «За отвагу» — это же величайшая медаль, выше любого ордена. У нее были и медали «Партизан 1-й степени» и «За победу», а еще и орден Отечественной войны.

Об Африке де Лас Эрас в Испании узнали только в 1989 году. О ней пишут. Но много неправды. Однако есть и искренние строки. Трогательно написала о ней двоюродная племянница — дочка ее двоюродной сестры. Большая семья, они все в Испании жили рядышком, дружили. И вот эта девочка пишет, что слышала рассказы про тетю Африкиту. И в словах ее уважение. Родная сестра Вертудес очень любила Африку, в ее честь назвала свою дочку Африкой.

В редких и коротких заметках о ее жизни я читала, что на склоне лет Африка де Лас Эрас была одинока. Неправда! Она была взрослой, казалась нам не молодой, уже не выезжала. А мы, молодые, учившиеся у Африкиты, ее обожали. Иногда я оставалась у нее ночевать и наутро, если к ней кто-то приходил, тихонечко убегала, потому что нельзя видеть…

У нее часто бывали испанцы, партизаны — она очень любила людей, общение, споры, наши песни. Сама Африкита почти не пела, но когда мы собирались на 9 мая, всегда пели. Такая была общность, такое понимание!

Она любила ходить в музеи, в театры, часто заглядывала в книжный магазин на улице Горького. Помните, «Дружба», где продавались книги на иностранных языках? Там работали ее испанцы. И она меня с ними познакомила. Я тоже покупала там книги.

Африка не пропускала выставок. Благодаря природной своей утонченности совершенно потрясающе чувствовала прекрасное и как могла доносила это до своих спутников. В те годы Антонова из Пушкинского музея устраивала столько выставок! Привозили Джоконду, приезжал Метрополитен-музей, мы увидели картины Гогена и были в восторге от Гойи.

У Африки была прекрасная библиотека, много книг по искусству. Когда мы приезжали, всегда ей привозили альбомы с живописью.

Она нас, молодых, научила вкусно готовить. Сама готовила великолепно и с каким-то изяществом. Любила сервировать стол, чтобы всё было идеально. И нас всех приучила — обязательно красивые скатерть и салфетки. Надо, чтобы всё было элегантно, тогда понравится и то, что на столе.

Мои дети стали ее внуками, фото моего первенца стояло у Африкиты на столике, она все повторяла: «Дождалась внука, дождалась».

Однажды, когда она была еще там, Центр приказал ей купить браслет. Ну, чтобы у нее вещь необыкновенной красоты была.

Знаете, как это бывало? Когда мы, ее девчонки, уезжали, она дарила нам что-то свое, оттуда привезенное, — старинные бокалы, чайный сервиз, золотой кулон… Это так вписывалось в нашу легенду. Подарок грел, прикрывал. Во-первых, это были натуральные вещи оттуда. Во-вторых, у нас ничего своего не было. Мы, ее ученики, до сих пор чувствуем себя как братики и сестрички, потому что наши легенды нелегалов были, безусловно, частью ее жизни.

Настало и время нашего с мужем отъезда. И она мне подарила серебряный набор для десерта, очень старинный. Потрясающей красоты вилочки, ножички и ложечки. Как будто это досталось мне по наследству от моих родителей, и это всё очень здорово включалось в нашу историю.

И еще один такой ее подарок ездил за мной по свету много лет. Однажды, когда я была далеко, а она уже тяжело болела и поняла, что не увидимся, передала мне туда через моего мужа тот самый браслет. Я поняла — это прощание. Быть может, эстафета. Она меня не дождалась, умерла 8 марта 1988-го. Сейчас браслет у меня, и я — в трудной ситуации, потому что заменить полковника де Лас Эрас невозможно.

Но, быть может, я тоже подарю его какой-нибудь хорошей девочке. Они есть и понимают: когда начинаются разговоры о зарплате, о том, кто и сколько получает, нелегальная разведка заканчивается. Они работают на Родину, как их учительница, как Африка де Лас Эрас — мать их учительницы. Мы, нелегалы, суеверны. Нельзя говорить: я сделаю это, я поеду… Надеюсь, когда-нибудь я подарю этот браслет. Только самую хорошую девочку я еще жду.

ПАРТИЗАН ПОЙМАЛ ПЕНЬКОВСКОГО
Иван Дедюля

Десятки тысяч людей шли в партизаны без всякого принуждения, что называется, по зову сердца. Мечтали сражаться, бить фашиста, мстить. Партизанское движение могло бы стать хаотичным, неуправляемым и анархичным, если бы им не руководили из Центра, но было оно по-настоящему народным. А в Белоруссии — в буквальном смысле массовым.

Судьба Ивана Прохоровича Дедюли — тому подтверждение. По образованию он учитель, окончил Могилевский педагогический институт. Но как следует поработать в сельской школе молодому педагогу не удалось. В декабре 1939-го в 22 года его призвали в армию. А потом грянула война, и 22 июня 1941-го начался его боевой путь. С первых дней, разгромив со своим батальоном колонну немцев, понял и уверовал: бить их вполне даже можно. Отступал, однако, достойно, с боями.

Был ранен. Подлечившись, около двух месяцев готовился к партизанской войне. Вместе с полусотней бойцов перешел линию фронта. За два года сражавшийся в Белоруссии отряд «Смерть фашизму» превратился в бригаду, комиссаром которой в 1943-м и назначили молодого Ивана Дедюлю. Его партизаны держали в страхе немецкие гарнизоны и полицаев. А все попытки уничтожить партизан, прервать их связь с местными жителями, внедрить в отряд провокаторов пресекались жестко и умело. Контрразведка в отряде действовала почти безошибочно.

После освобождения Белоруссии молодой партийный работник Дедюля вместе с народом поднимал республику из руин. Когда закончилась война, поступил в Высшую дипломатическую школу МИДа, а по ее окончании был направлен в командировку в Германию. Потом трудился в центральном аппарате министерства. Стал профессиональным чекистом, перейдя с 1954-го во внешнюю разведку. В 1957–1961 годах был помощником, затем заместителем резидента КГБ в Австрии. С середины 1962-го по 1967 год — резидентом КГБ в Израиле.

Достигнутые им «оперативные результаты» оцениваются как «значительные». После возвращения он долгое время работал в непосредственном подчинении у председателя КГБ СССР Юрия Владимировича Андропова. Помощник по разведке отвечал за связи с Первым главным управлением — теперешней внешней

разведкой. Полковник Дедюля награжден боевыми орденами, медалями и особо ценящимся среди чекистов нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности».

Когда мы познакомились, было ему за восемьдесят. Жил он далеко от центра Москвы и каждый раз встречал меня около дома. Иван Прохорович был невысок, кряжист, широкоплеч. Только опирался на здоровенную сучковатую палку — ну прямо из леса. Потом признался, что она при нем на счастье или на память о партизанских годах.

Его жена Валентина Павловна, как почти все жены разведчиков, была молчалива, да и сама, если не ошибаюсь, принадлежала к той же редкой профессии. Быстро собирала на стол, иногда сидела с нами, слушала мужа. Никогда ничего не добавляла к рассказам, а наоборот, когда вырывались у супруга откровения, укоризненно, чтобы он видел, покачивала головой. Мол, а вот об этом пока не надо бы.

Они поженились сразу после освобождения Белоруссии. Он — комиссар, она — единственная женщина из той полусотни бойцов, что пересекли в 1942-м линию фронта. Оба оказались однолюбами.

Рассказы Ивана Прохоровича вызывают доверие, ведь человек он совестливый. Комиссара бригады представляли к высокой награде, а он от нее отказался: в одной из операций потерял много партизан, значит, орден Ленина не заслужил.

В его отряде, перешедшем линию фронта, было, уж если совсем точно, 52 человека, из вооружения — один трофейный немецкий пулемет, десять автоматов и несколько винтовок. С этим и начали воевать в Смолевических лесах. А когда пришли наши, в бригаде было около полутора тысяч бойцов.

— Мы старались по возможности брать бежавших из плена или пробивавшихся из окружения солдат и офицеров. Из местных жителей — тех, чьи родственники уже сражались в отряде или помогали партизанам и так или иначе вызывали подозрение у немцев, — вспоминал Дедюля. — А как люди к нам рвались! Захотели бы, заставила бы нужда — и в леса подались бы около пяти тысяч человек.

Командиры и комиссары вынуждены были частенько отказываться от добровольного пополнения: вы хоть автомат или винтовку какую ни есть раздобудьте, а потом уж — в лес. Катастрофически не хватало оружия, патронов.

И нужда, конечно, страшная. Ни одежды, ни обувки. В отряде в лаптях ходить запрещалось. Это было бы для командира страшнейшим позором, если его боец в лаптях. Покупай, выменивай, добудь трофейное. Мародерства не было. В бою

забирали оружие — своего не хватало. Иногда еще шла где-то рядом стрельба, а партизан уже примерял обувку с убитого фрица. Часто ругались: до чего же подъемы у фашистов малые, как на них такие сапоги налезают. Приходилось разнашивать.

В основном в отряде сражались люди, на практике доказавшие: в партизанах они пригодятся, не превратятся в обузу. Стремление бить фашистов в Белоруссии было неистребимо.

— Иногда мне приходилось уговаривать, — рассказывал Иван Прохорович. — Товарищи, пашите, бульбу выращивайте. Детей растите и нам еды подбрасывайте.

Но слушались комиссара не всегда. Иные успокаивались, другие чуть не ультиматум ставили: «Или берете нас, или создадим свой отряд». И иногда создавали. В белорусских лесах действовали даже партизаны-одиночки. Бывший сапер Василий Лаврухин, к примеру, один сжег несколько маленьких мостов и взорвал две машины с немцами. Ночью, выходя на свою рисковую охоту, выслеживал фрицев — уничтожил семь человек. Конечно, в отряд «Смерть фашизму» его взяли.

Сколачивались и боевые группы из окруженцев. А вот силой воевать никого не заставляли. Наоборот, был у руководителей отряда огромный резерв добровольцев. Использовали его процентов на десять.

Немцы забрасывали в отряд и шпионов, и диверсантов. Однажды чуть было не отравили партизан мышьяком. Предателей судили и расстреливали.

— Поверьте, не было у нас мании подозрительности, — продолжал рассказ Иван Прохорович. — А вот без бдительности было никак нельзя. Скажу откровенно: никаких контрразведчиков-профессионалов к нам не присылали. Еще до перехода через линию фронта провели вместе с одним толковым парнем, Чуяновым, несколько бесед с бойцами. Обучили их каким-то азам контрразведки, а потом уж приходилось учиться на ходу. Чуянову передали список подпольщиков из Смолеви-ческого района, нужно было с ними установить связь, что потом наш товарищ и сделал.

А когда из полусотни человек отряд «Смерть фашизму» разросся до 600 партизан — три роты, то в каждой был свой доморощенный уполномоченный особого отдела. Ребят подбирали мы из своих — зорких, наблюдательных.

Абверовцы несколько раз забрасывали к нам агентов с легендой одной и той же, но весьма похожей на правду. Спасаюсь, мол, от преследования, потому и рвусь в партизаны. Но вот что характерно. Жителей из соседних деревень среди агентов не было. Пытались внедрить военнопленных, вроде как сбежавших

из лагерей, или кого-то из больших городов, к примеру из Минска.

Но в 1942-м мы установили связь с минским подпольем и людей, приходивших оттуда, вместе с подпольщиками проверяли. Иногда из города подавали нам знак: человек сомнительный. Бывало и подтверждали, что бежал из плена, уничтожив при этом лагерного охранника. Но мы всё равно не упускали такого из виду. Проходило время, доказывал парень, что подозрений не заслуживает, что настоящий боец, и мы относились к нему уже как к своему. Слово «бдительность» коробить не должно. Ведь тогда было как — или-или. Чуть недосмотришь — и большая беда.

И однажды закончилось всё трагически. Пробрался-таки в наш отряд диверсант. Дослужился даже до командира взвода. Сам из военнопленных и, когда бежал, установили мы это точно, убил двух охранников. Так что немцы и своих не жалели. Подонок этот — до сих пор фамилию помню, но не желаю осквернять память белорусских партизан, от его рук павших, — убил одного нашего командира и его адъютанта. Те как раз шли на встречу с минскими подпольщиками. Расстрелял обоих в упор. Отыскали его партизанские уполномоченные-контрразведчики с огромным трудом.

Было еще несколько других случаев. Тут уж иная легенда. Девиц молодых нам подбрасывали с жалобными такими историями. Мужа, отца, жениха убили, хочу мстить, а сами с немцами спелись.

Но в основном вербовали в абвере военнопленных. Прихватывали их на чем-то, и у тех дороги назад не было.

Как-то и я едва на тот свет не отправился. Спасло то, что человек я особо не пьющий. Отмечали день рождения, и кто-то подсыпал в стакан отраву. Я только пригубил и — не понравилось. И всё равно врач еле меня спас. Кто-то хотел убрать комиссара. И кто-то из своих, близких. Сколько лет прошло, а подозрения остались.

Но расскажу вам историю, которая едва не закончилась трагедией. Вдруг получаем мы из соседнего Борисова тревожный сигнал: абверовцы попытаются подбросить в отряд через засланных диверсантов какую-то отраву. У нас с едой было строго. Рядом с колодцем, который сами и вырыли, — всегда часовой. У котла с пищей, рядом с поваром — тоже. И тут из одного нашего отряда срочно докладывают, что в общем котле, за которым наблюдают постоянно, обнаружен мышьяк.

Практика у нас была такая: перед раздачей пищи повар, медсестра, иногда дежурный снимали пробу. А тут показалось,

что у варева цвет какой-то странный. Отдает голубизной. Отрядная наша кошка еду лизнула и сразу начала корчиться — точно мышьяк.

Пришлось задержать сразу восьмерых: и повара, и партизан, что рядом с варевом крутились и картошку чистили. Расследование ведем, от одного за другим бойцов подозрения отметаем. И остается один партизан. Сам — из военнопленных, из лагеря бежал… Но идем дальше, расследуем шаг за шагом. Выясняется картина довольно странная. Вроде как вернулся он за пару часов до обеда замерзший, аж жуть. И захотел горячей водичкой из котла чуть отогреться. Зачерпнул своей кружечкой из общего котла. Потом выяснили, что бегал партизан в соседнюю деревню на встречу с женщиной, которая, как сама говорила, удрала от немцев из Минска. Удалось ее нам выманить из деревушки поближе к лесу. Обыскали ее, и партизанский доктор подтвердил: найденное при ней вещество — мышьяк.

Вот вам и история. А мог бы весь отряд, как околевшая кошка, полечь.

На мой вопрос, может, и наивный, что с такими мерзавцами делали, Иван Прохорович Дедюля ответил просто: расстреливали. Такая уж тут была война. Но самосуда — никакого. Следствие, допросы проводили самые настоящие. И когда вину твердо доказывали, докладывали об этом в подпольный райком партии. Работал там специальный уполномоченный особого отдела. И если приговор подтверждался, то приводили его в исполнение. Но никогда, подчеркнул мой собеседник, партизаны этим не злоупотребляли.

Случалось, партизаны в боях несли тяжелые потери. Раз взяли немцы отряд в петлю, потеряли тогда убитыми около ста человек. Хоронили погибших в лесу. Ставили метки. И крест — как положено. Имя писали не всегда. Иногда только делали пометки в блокноте. Вырывались партизаны из фашистского кольца, снимали немцы блокаду леса, и бойцы отряда перевозили с этого партизанского кладбища останки своих товарищей на общегражданское. Ведь могли фашисты над останками надругаться.

Спросил я и о том, что же делали партизаны с пленными.

— Кто ж из немцев сдавался, — вздохнул Дедюля. — Или все патроны у них выходили или убивали в бою. Да и сдаваться им не давали. Свои же, в основном фельдфебели, могли запросто подстрелить, увидев, что рядовой не так отстреливается, пытается убежать. Нет, немец тогда рук не поднимал.

Пару человек мы все-таки в плен взяли. Один честно с нами сотрудничал. Куртом звали — Курт Ланге. Хороший малый, не

фашист, а мобилизованный работяга. Отстреливался до последнего патрона. Мы его на автомагистрали захватили, когда он сам залепетал: «Гитлер капут, Гитлер швайне…» Я немножко знал немецкий, ведь в могилевском институте нас учили.

Ну, и Ланге мы предупредили: надумаешь бежать или еще какие глупости, будет пух-пух и вообще очень плохо. Но плохо не было. Наоборот, Ланге обезвреживал мины, вынимал тол из неразорвавшихся бомб: взрывчатки-то у нас почти не было. Ланге нам пригодился. Десятка два бомб обезвредил, вывинчивая взрыватели. Мы потом из этого свои бомбы делали и взрывали на железной дороге и на шоссе Минск — Москва.

Как-то после бомбежки поздней осенью 1942-го нашел этот Курт Ланге две неразорвавшиеся бомбы. Положили они с возницей эти две штуковины по 100 килограммов на сани и поехали. Тут ненастье — то дождь, то снег мокрый, сани и занесло. Бомба о бомбу стукнулась, и взорвались они. Так, что ни возницы, ни лошадки, ни друга и товарища нашего по борьбе с фашизмом честного немецкого солдата Курта Ланге…

Как вышли на Пеньковского

Мы не раз встречались с Иваном Прохоровичем. Полковник внешней разведки в отставке был больше склонен к воспоминаниям о войне и не очень-то любил обсуждать дела своего чекистского ведомства. Не отпускало его партизанское прошлое. Но однажды сам позвонил мне: приезжайте, есть одна история, связанная с 1944 годом. Я примчался, и Дедюля впервые по-настоящему раскрылся, выложил сенсационные подробности о поимке Олега Пеньковского — одного из самых ненавистных предателей в истории советских, да и российских спецслужб.

Считалось, что поимка «крота» Олега Пеньковского — полностью заслуга наших контрразведчиков. Это они вышли на полковника ГРУ, два года передававшего секретные сведения американской и английской разведкам. Он нанес огромный, во многом невосполнимый ущерб Советскому Союзу, был в 1962 году арестован, предан открытому суду и казнен. «Дело Пеньковского» считается наиболее громким за всю историю отечественных спецслужб. Казалось, все подробности поимки предателя № 1 известны и подробно приведены в многочисленных книгах и кинофильмах.

Но есть и версия полковника Дедюли. Предупреждаю, что документального подтверждения ее нет. Но право на существование рассказ о том, кто и каким образом помог выйти

на предателя, бесспорно, имеет.

Сигнал о том, что в советских спецслужбах завелся «крот», пришел из… нейтральной Австрии.

— Иван Прохорович, давайте еще раз уточним, в каком качестве вы находились в Австрии?

— Ко времени отъезда в Вену я уже трудился в Первом главном управлении — теперь это Служба внешней разведки. А до этого был чистым дипломатом. Видимо, разведка приметила меня еще в Берлине: был такой Борис Наливайко, работал в консульском отделе. На берлинском мосту Глинике вместе с несколькими коллегами менял нашего Абеля — Фишера на американца Пауэрса. И, вероятно, Борис подсказал кому-то, что трудится в МИДе стоящий человек. Вызвали меня на Старую площадь в ЦК и прямо говорят: есть, Иван Прохорович, предложение укреплять органы, искоренять бериевщину, так что оказываем вам высокое доверие. Я им: братцы, сколько ж мне можно менять профессию? И учителем был, и военным, и партизаном, и дипломатом, а теперь — всё сначала. Пришел домой, а жена мне: ты о семье подумай, у тебя три сына и дочь. Вот это все мои сомнения и развеяло. Чтобы дети мои спали спокойно, имели вместе с моей страной прочное будущее, иду в разведку. И меня приняли в одно управление, сначала помощником начальника отдела, затем заместителем начальника отдела. А возглавлял эту работу знаменитый Александр Коротков.

— Тот самый, которого называли «королем нелегалов»?

— Человека этого я высоко ценил. А в Австрии я занимался вопросами ГП — главного противника.

— Если не ошибаюсь, так раньше называли американскую разведку.

— Не ошибаетесь. В Вене я без малого четыре года — с 57-го по 61-й — проработал заведующим консульским отделом посольства. С австрийцами отношения сложились хорошие, называли они меня генеральным консулом. И вот 9 мая, точно год называть не буду, возлагали мы с сотрудниками посольства венки к мемориалу советским воинам-освободителям. Австрийцев, наших друзей, приходило много — все с цветами. Картина — трогательная. И тут к нам с военным атташе обращается незнакомый человек лет пятидесяти. И на слабом, но понятном русском: «Поздравляю с праздником, благодарю за освобождение. Я вам тоже лично обязан, особенно вот этому товарищу, генеральному консулу». И показывает на меня.

Приятно, отвечаю, слышать, но интересно, где же наши пути пересекались? И вполне респектабельный господин с цветами отвечает, что в 1944-м, а сейчас он точно узнал мой голос, но

история эта длинная, сложная, и он бы хотел переговорить со мною один на один. Потому что времени беседа может занять немало, сейчас вокруг люди, однако чем раньше мы встретимся, тем лучше.

— Вас такая решительность не испугала?

— Признаться, меня все это озадачило. Но чувствую: хочет человек что-то рассказать. И предлагаю — давайте встретимся прямо сегодня в восемь вечера тут на площади неподалеку. И встретились. Центр Вены, толпы народа, и мы идем себе, прогуливаемся.

— Вы не боялись — вдруг какой-то шизофреник или еще похуже?

— Я на всякий случай взял контрнаблюдение. Присматривала со стороны пара хлопцев.

А австриец мне сразу: вы в 1944-м спасли мою жизнь, и поэтому я перед вами в долгу. Я служил в вермахте, и после разгрома под Минском наша 100-тысячная армия попала в кольцо. Некоторые прорвались на Запад, а мы — нет, и партизаны юго-восточнее Минска нас вылавливали. Одна из ваших групп нас даже не поймала — а просто нашла в лесу раненых и своими же брошенных. Человек двадцать и еще трое раненых, нами в плен захваченных красноармейцев. И всю эту группу посадили в грузовик и привезли к вам, господин генеральный консул, в партизанский отряд. Вы вышли к машине, и сердце у меня екнуло: кажется, конец. Но вы посмотрели на нас, спросили, как мы себя чувствуем, и я понял: не расстреляют.

— Иван Прохорович, а вы этот эпизод припомнили?

— Конечно, такое не придумаешь. Произошло это между Минском и Борисовом в деревне рядом с торфоразработками, неподалеку от Смолевичей. Я тогда приказал врачу нашей бригады Марии осмотреть немцев, и она кому-то сделала перевязку, кому-то йодом что-то помазала. Помогла, чем могла. Мы же сами беднюще жили, чуть не на подножном корму. Немцы осмелели, и кто-то мне на ломаном русском говорит: умираем, плёхо, очень плёхо, три дня ничего не ели. Пить, пить… Хорошо, объясняю им, напоить-то мы вас напоим, а вот с едой… Дали им по сто грамм…

— Водки?

— Что вы! Хлебушка. На кухне приказал отдельно сварить бурду для больных и измученных. Налили молочного варева, кому в кружку, кому в котелок.

— Иван Прохорович, и такой гуманизм после всего, что немцы в Белоруссии натворили?

— Я им объяснил, что хотя бригада наша и называется

«Смерть фашизму», мы бьем только тех, кто с оружием в руках, а вы не вояки, вы — пленные. И страдающие эти люди были готовы меня расцеловать.

Вспоминали мы с австрийцем нашу встречу под Смолевичами, и его прошибла слеза. И тут он снова: вы спасли меня, мою страну, и у меня к вам разговор. А сам поглядывает по сторонам. Я его спрашиваю, знает ли он, кто я такой. Он отвечает, что знает, потому и искал встречи, и ему меня Бог послал. Я спрашиваю уже прямо: что же случилось? И тут оказывается, что спасенный в 1944-м австриец живет в Вене и имеет связи со многими бизнесменами. Некоторые торгуют с Советским Союзом. И одна из лондонских фирм «Гревилл Винн ли-митед» имеет свой то ли филиал, то ли офис в Австрии.

— Так Гревилл Винн — тот самый английский коммерсант, который был связным у подлеца Пеньковского. Винна осудили, а потом быстренько обменяли на Бена Лонсдейла — нашего разведчика Конона Молодого, который отсиживал большой срок в английской тюрьме.

— Это теперь все известно и разложено по полочкам. А тогда австриец и сообщил мне, что смущает его лично в бизнесе фирмы «Гревилл Винн лимитед» странная деталь. Фирма собирается сконструировать специальный фургон для демонстрации фильмов и чтения лекций в Советском Союзе. Об этом написали даже английские и венские газеты.

— И что же его насторожило?

— В фургоне должно быть или двойное дно или скрытый тайник между стенами, в котором может поместиться человек. Значит ли это, что кого-то должны тайно вывезти из СССР? Или готовится какое-то преступление? С Гревиллом Винном мой собеседник знаком не был, а вот его доверенных лиц знал хорошо. Было над чем подумать, и мы договорились встретиться, когда австрийский друг узнает подробности. Решили, что он поставит условный сигнал.

— Иван Прохорович, и каким же у вас был с австрийцем этот условный сигнал?

— Перечеркнутый круг. Как только он появляется — это обозначает срочный вызов, и мы встречаемся в тот же день в заранее оговоренном месте и в определенное время. Каждый день на пути в посольство я проезжал мимо, визуально проверял, контролировал. И через три месяца я увидел сигнал.

— И что рассказал при встрече ваш друг-доброволец?

— Узнал он, что хозяин фирмы, заказавший этот самый фургон, не гешефтман (торговец. — ***Н.*** Д), а человек, используемый англичанами для поездок в Советский Союз для

шпионских целей. Этот Винн встречается там с одним высокопоставленным лицом то ли из Министерства обороны, то ли из Генштаба. Он — полковник или даже, возможно, генерал. Я спрашиваю: а какие еще признаки? Отвечает: фамилия его заканчивается на «ский», то ли Баньковский, то ли Петровский или нечто похожее. А еще этот человек часто выезжает из Москвы в заграничные командировки, и с ним встречается наш гешефтман, получает от него информацию. Если он занимает важный пост, то и информацию для чужих спецслужб дает ценнейшую. Так что, говорит мой австриец, вашу страну я отблагодарил и вас лично тоже. Можете, показывает на лацкан моего пиджака, просверливать дырочку для ордена.

— Иван Прохорович, что-то ваш австрийский друг чересчур уж сообразительный для торговца. И реалии он наши советские знал — «дырочка для ордена», и очень быстро разобрался с постановкой условных знаков.

— Я полагаю, он был не просто торговцем. А трудился в австрийской службе безопасности.

— Вы это потом выяснили?

— Это мое личное мнение. Потому что понимал он меня с полуслова — место встречи, назначенное время, вызов. Знал технику и методику. Поэтому и был осведомлен об этом самом Винне, о местном филиале или мастерской, которая с англичанином сотрудничала. Я даже спросил австрийца, не с американцами ли он работает, и тот ответил, что нет, но знакомые у него есть и в американском консульстве.

— Наверное, ваш коллега.

— Фамилию и имя его я не узнавал. Можно было и спросить, но я не считал, что это так важно, да и насторожить могло. Для меня главное было получить то, что я получил. И расстались мы так: если возникнут у меня вопросы, я поставлю условный знак, будет что-нибудь у вас — жду знака на том же месте.

— И почему-то мне кажется, что вторая встреча была и последней.

— Третьей и последней. Первая, которая все и решила — в Смолевичах, еще в 1944-м. В том-то и дело, что больше я его не видел, и в поле моего зрения он никогда не попадал. Но наверняка, если работал в австрийской спецслужбе, находился где-то рядом. Запроса из Москвы на телеграмму не приходило, и я своего знакомого из 1944-го не разыскивал. Хотя поработать с ним было бы очень интересно.

— Все равно ваш должник с долгами рассчитался сполна.

— Не то слово. Мы послали телеграмму особой важности начальнику внешней разведки Александру Михайловичу

Сахаровскому. Он всегда на такие сообщения реагировал очень быстро. Написали деликатно, чтобы уж очень не гнать волну. Ведь случай-то — необычный. Спустя несколько лет я поинтересовался, как проходила работа по этой телеграмме. До оперативного отдела она даже не дошла.

— Боялись спугнуть Пеньковского?

— Полагаю, действительно посчитали сообщением особой важности. Наверное, Сахаровский сам проинформировал контрразведку. Дальше я концов не искал. И еще в Вене понял, что наш сигнал принят к сведению.

— В книге полковника Ивана Мутовина «Схватка за нефть» я прочитал, что во время очередного приезда Винна в Москву за ним было установлено наружное наблюдение. Зафиксировали и его встречу с полковником военной разведки Пеньковским. И хотя это знакомство еще ни о чем не говорило, показалось очень странным, что разговор с Винном в гостинице велся в ванной комнате при открытых кранах, чтобы было побольше шума. Зачем это надо было полковнику ГРУ? Пеньковского взяли в оперативную разработку, и вела ее контрразведка очень искусно и, по понятным причинам, исключительно осторожно.

— Да, примерно через год Пеньковский был арестован. И я предполагаю, что наша контрразведка оставила время для сбора материала и даже, возможно, запускала через Пеньковского, до последнего момента ничего не подозревавшего, кое-какую дезу.

— Судили Пеньковского в мае 1963-го. Приговор — расстрел — привели в исполнение. А Винна, которому дали не десять лет, как требовал прокурор, а восемь, через год обменяли. Иван Прохорович, а вам пришлось делать дырочку в пиджаке, как предрекал ваш австрийский коллега?

— Да нет. Но разве в этом дело?

ОНА БЫЛА ЖИВОЙ ЛЕГЕНДОЙ
Надежда Троян

Героем Советского Союза партизанская разведчица Надежда Троян стала в 22 года. Тогда же, в 1943-м, Гитлер объявил Троян своим личным врагом: это она участвовала в операции по уничтожению наместника фюрера в оккупированной Белоруссии палача Вильгельма Кубе.

Надя, Надежда Викторовна Троян, не служила ни в НКВД, ни в родственных этому наркомату ведомствах. Но ее с полным основанием можно назвать настоящей разведчицей. Молодая девушка, студентка медвуза во время войны быстро осваивала совсем иные университеты — партизанский отряд стал для нее настоящей школой разведки, которую она окончила экстерном и с золотой медалью — Героя Советского Союза. Отряд, в котором воевала Надежда Троян, относился как раз к Четвертому управлению. А руководил управлением товарищ Андрей — чекист, а в свое время и нелегал, Павел Анатольевич Судоплатов.

Закончилась война, и Надежда Викторовна Троян начала жизнь сначала. Училась в Первом Московском медицинском институте имени И. М. Сеченова, защитила диссертацию, работала проректором, доцентом кафедры госпитальной хирургии, директором крупного НИИ.

Но война не отпускала, привязала накрепко, и Троян успевала еще работать в Комитетах ветеранов войны и защиты мира. Как председатель Исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца подняла эту организацию на небывалую высоту.

А после ранней смерти мужа, журналиста-фронтовика Василия Коротеева, растила двух сыновей. Всё получалось. Так бывает у талантливых людей, и Надежда Викторовна никогда не обижалась на банально-обывательский вопрос: «Как вы только все это успеваете, как?»

Долгая жизнь удалась: до девяностолетия, которое отмечалось 24 октября 2011 года, она не дожила меньше двух месяцев.

Нет, не случайно именно она вместе с Еленой Мазаник и Марией Осиповой совершили невозможное: уничтожили фанатичного палача Вильгельма Кубе, за два года правления убившего более четырехсот тысяч белорусов, русских, евреев на территории Белоруссии.

Кубе был не только убежденным нацистом — протеже

Гитлера превратился в настоящего изувера. Публично повторял, обращаясь к своим: «Надо, чтобы только упоминание одного моего имени приводило в трепет русского и белоруса, чтобы у них леденел мозг, когда они услышат “Вильгельм Кубе”. Я прошу вас, верных подданных великого фюрера, помочь мне в этом».

О своей матери Надежде Викторовне Троян мне рассказывал ее сын, потомственный медик, известный кардиохирург Алексей Васильевич Коротеев:

— Давайте вместе перелистаем наш семейный альбом. О моей маме есть что рассказать. Иногда меня спрашивают: что это за фамилия такая — Троян? Троя, Троянский конь… древняя династия… Но, нет, ничего общего с древними родами. Троян — в переводе с белорусского — всего лишь вилы с тремя зубцами. Мама очень гордилась тем, что она белоруска.

Вот первая фотография. Наде Троян — четыре года. Родилась в маленьком городке Дрисса Витебской области. Теперь город переименовали в Верхне-Двинск.

Это фотографии маминых родителей. Моей бабушке Дусе — Евдокии Григорьевне Троян — здесь за 40. Дед был участником Первой мировой войны, кавалером Георгиевского креста. После выучился на бухгалтера и работал на различных предприятиях.

В 1920—1930-е годы в поисках хоть какого-то нормального заработка семья с двумя детьми — Надей и ее младшим братом Женей — вынуждена была частенько менять место жительства. Где они только не останавливались — и в Иркутске, и в Канске, и в Воронеже, даже в Грозном. Поэтому Надя за время учебы сменила немало школ.

А в 1939 году семья переезжает в Красноярск. И Надежда поступает в школу имени 20-летия комсомола. Название было символичным: в дальнейшем с комсомолом было в ее жизни много чего связано. Стала секретарем комсомольской организации. Участвовала в школьных спектаклях. Организовывала встречи со знатными людьми. А еще она очень любила со своими школьными друзьями ходить в походы. Места там красивейшие, особенно знаменитые красноярские столбы. И вот они с одноклассниками разжигают лесной костер. На обороте этой фотографии интересная надпись: перед испытаниями по алгебре — 1939 год. Никто из них не подозревает, какие испытания ждут их всех всего через два года.

В параллельном классе учился Боря Галушкин. Занимался он в аэроклубе Красноярска. После школы судьба их развела. Они вновь встретились при совершенно неожиданных обстоятельствах. Весной 1943-го, когда мама была в диверсионноразведывательном отряде «Буря», входившем в

состав «Бригады дяди Коли», переходила она через ручеек по бревнышкам. А на противоположной стороне ручейка стоял какой-то парень и специально эти бревна раскачивал. Хотел привлечь внимание симпатичной девушки. Мама удержалась, дошла до берега, собиралась отчитать паренька, как она умела. Тут и выяснилось: это же ее школьный друг Борис Галушкин.

Студент института физкультуры, он, как и многие ребята из Московского инфизкульта, прошел специальную подготовку, стал бойцом омсбоновского отряда и был десантирован в то самое подразделение, где сражалась мама. Борис погиб, посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза. Именем Бориса Галушкина названа одна из московских улиц. До сих пор в его институте физкультуры, теперь он именуется университетом, проходят соревнования на приз Бориса Галушкина. Вот такие ребята учились с мамой.

Мама была интересной, на мой взгляд, даже красивой, очень красивой. И было у нее немало поклонников. Училась только на «отлично». И вдруг в десятом выпускном классе неожиданно получила двойку за контрольную по математике. А написала-то всё правильно. И тогда в первый раз пошла в школу моя бабушка Дуся: что, собственно, происходит? Проведенное ею «следствие» установило, что в школе появился молодой учитель математики, который был не прочь проводить дополнительные занятия с десятиклассницей после уроков. И решился ради этого влепить отличнице Троян двойку за контрольную. После воспитательной беседы с матерью ученицы пришлось ему поставить Наде Троян отличную оценку.

А у мамы был красный аттестат, который позволял без экзаменов поступать в любой институт. Она выбрала московский Первый медицинский, санитарно-гигиенический факультет. Почему? Да потому, что на сангике была возможность попасть в общежитие, а на лечебном факультете — нет.

Но второй курс пришлось начинать в Минске: отец нашел работу на шоколадной фабрике «Большевичка», она до сих пор радует минчан конфетами. И семья воссоединилась.

Вот интересная фотография. На обороте надпись — день рождения Петра. Кто такой Петр, я не знаю, но карандашиком написано «суббота, 21 июня». Смотрите: за окном темно, а в июне темнеет поздно. Следовательно, ориентировочно это — часов 11–12 ночи. Ребята радостно отмечают день рождения, и никто не подозревает, что через несколько часов их жизнь круто изменится. В следующую субботу Минск уже будет занят фашистами.

Вся семья оказалась в оккупированном Минске. Мама сразу

же начала борьбу. Оружием студентки мединститута были находчивость, решительность, смелость. Еще в школе прекрасно выучила немецкий. Это ей потом не раз помогало. Говорила без акцента, и немцы считали ее фольксдойче.

Уже в первые дни войны немцы устроили концлагерь на том самом месте, где Надя любила отдыхать с ребятами. Она знала, как туда подобраться незамеченной, да и фашисты в то время еще не были осторожными. И мама вместе с подругами перебрасывала за колючую проволоку хлеб, тряпки, смоченные водой, чтобы пленные могли хоть как-то утолить жажду. Она с девчонками помогла нескольким военнопленным бежать из концлагеря.

Дома у нее был радиоприемник, и она слушала сводки Совинформбюро. Писала листовки, расклеивала их. Делала примерно то же, с чего начинали краснодонцы из «Молодой гвардии». Никакой серьезной организации не было.

В 1942 году семья переехала в небольшой городок Смолевичи километрах в сорока от Минска. И мама устроилась в контору «Торфзавода». Знала, что в тех местах действует партизанский отряд, народ об этом уже поговаривал. Но как установить связь с партизанами? Чувствовала, догадывалась, что ее подруга, медсестра Нюра Косаревская каким-то образом с партизанским отрядом связана. Но та на расспросы не отвечала, молчала.

Однажды мама случайно услышала разговор между двумя немцами: запланирована карательная операция по уничтожению отряда. Мама всё бросила, побежала к этой Нюре: «Слушай, можешь мне верить, можешь — нет, но попробуй предупредить ребят, что здесь будут каратели». Подруга промолчала, но когда приехали несколько грузовиков и солдаты, выстроившись в цепь, начали прочесывать лес, то обнаружили там только погасшее партизанское кострище.

Через неделю Нюра подошла к Наде: «С тобой хотят познакомиться партизаны. Ты должна будешь прийти на поляну на краю города в лесочке, встать около большого дуба и три раза свистнуть». Сюжет прямо из пушкинского «Дубровского».

Мама взяла велосипед, добралась до поляны. Но свистеть не умела и прихватила милицейский свисток. Стала перед дубом и три раза свистнула — тишина. Походила-побродила, свистнула еще три раза. Решила: что-то перепутала, села на велосипед, чтобы уехать обратно.

И прямо перед ней зашевелился куст. Вылезает парень чуть постарше ее и спрашивает: «Ты чего здесь делаешь?» Отвечает: «Гуляю». А он: «Ты прямо соловей-разбойник, нас всех перепугала. Думали, это полицейская облава». Так мама познакомилась с бойцами партизанского отряда «Буря», который

входил в разведывательно-диверсионную «Бригаду дяди Коли». Ее возглавлял старший майор госбезопасности и будущий Герой Советского Союза Петр Григорьевич Лопатин.

Раньше было принято считать, что партизанские отряды — образование стихийное. Но теперь-то мы знаем, что их действия координировались Центральным штабом партизанского движения, который возглавлял Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко. И было у партизанского движения два направления. Тем, что создавалось в первые месяцы 1942 года знаменитым ныне Четвертым управлением НКВД СССР, руководил из Центра генерал Павел Анатольевич Судоплатов — легенда советской разведки. Главная задача — разведка и диверсии. Большинство военных фильмов о разведчиках — и «Фронт за линией фронта», и «Фронт без флангов», «Часы остановились в полночь» (о казни Кубе), и множество других кинокартин и книг как раз о бойцах этого самого Четвертого управления. В Москве, в районе Измайловского парка в учебных лагерях готовились разведчики-диверсанты. Помимо разведки и диверсий задачей радистов, подрывников, бойцов, владевших всеми видами оружия, было создание отрядов из местных жителей с твердой воинской дисциплиной.

К примеру, в момент высадки в немецком тылу в отряд Петра Лопатина входили 12 человек. Ядро — из чекистов, пограничников. Затем отряд превратился в огромную бригаду, состоявшую из нескольких подразделений.

Ну, и, назовем это вторым направлением, — стихийно возникавшие партизанские отряды из местных жителей, сбежавших из плена или попавших в окружение солдат и командиров. Их тоже постепенно брал под опеку Центральный штаб партизанского движения.

В один из лесных отрядов «Бригады дяди Коли» перешла вслед за мамой и вся наша семья, включая и маминого брата Женю. Бабушка моя в свои тогдашние 40 лет стала кашеваром. Дедушка помогал по хозяйству, выпускал партизанскую газету, оба воевали.

Пишут, что мама была медсестрой, но из ее рассказов я понял: в 1942-м, это уж точно, оказалась она вторым номером пулеметного расчета. Участвовала в боевых операциях.

Наиболее значительная из них — рельсовая война. Каждый немецкий эшелон — несколько батальонов живой силы, десятки танков и артиллерийских орудий. За два с половиной года разведывательно-диверсионная «Бригада дяди Коли» пустила в Белоруссии под откос 328 немецких эшелонов — получается, что несколько дивизий.

Дело было рискованное. Если кто сейчас мирно едет в Минск на поезде, то сразу видит: в двухстах метрах от железной дороги — лес молодой, а дальше — высокий, старый. Немцы леса вырубали, не давали партизанам подойти близко к железнодорожному полотну, его берегли, тщательно патрулировали. Перед проходом важного эшелона обязательно проверяли, заминировано или нет, пуская дрезину. А прямо перед эшелоном шла платформа с пулеметчиками. Делали всё, чтобы предотвратить партизанские диверсии.

Поставить мину было реально единственным способом — только под носом у врага. Мины были двух видов — контактные и те, что взрывались при поджигании бикфордова шнура.

Отряд «Буря» состоял в основном из молодых ребят, года по 23–24. Комиссаром был дядя Рома. Так у нас дома называли его после войны, фамилии уже и не помню. Худенький, тихий, скромный и застенчивый еврей, потом перебравшийся в Израиль. И здоровенные бойцы-бугаи относились к нему поначалу несколько снисходительно.

Но однажды зимой получили приказ: любой ценой уничтожить эшелон, на котором перевозились танки «Тигр-34». Днем партизаны заминировали полотно. И вот картина: белейший снег, горит бикфордов шнур, подожженный метрах в тридцати от приближающегося эшелона, с которого немцы всё это видят. Кажется, операция пройдет как надо. Шнур должен догореть, состав уже не успевает затормозить, и поезд полетит под откос. Еле успели унести ноги и скрыться в лесу. И вдруг непонятно почему бикфордов шнур погас. Задание сорвано.

И мама вспоминала, что в тот раз вперед особенно никто не рвался. На верную смерть идти не спешили. Эшелон с немецкими пулеметчиками совсем близко. И всяк, из леса выходящий, превращается в живую мишень. Все залегли, и тут тихий и щуплый дядя Рома кубарем несется к шнуру и поджигает его под градом пуль. Уцелел он чудом. Эшелон не успел затормозить и пошел со всеми своими танками под откос. Отношение к дяде Роме после этого существенно изменилось.

В феврале 1943-го во все партизанские отряды была послана сталинская директива: уничтожить наместников Гитлера на Украине — палача Коха, в Белоруссии — бесчинствовавшего Кубе.

На Украине на Коха охотился отряд Медведева, к Коху совсем близко подбирался Николай Иванович Кузнецов. Он сделал несколько попыток покушения на Коха, но тот избежал возмездия и дожил до глубокой старости. Умер он в польской тюрьме, где содержался в удивительно мягких условиях. Выходил на

прогулки, смотрел телевизор. Ему было разрешено получать письма, выписывать газеты.

А в Белоруссии с февраля 1943 года разведка, все партизанские отряды, подполье стремились уничтожить Вильгельма фон Кубе. Участвовала в этом и моя мама.

Кубе был не просто гауляйтером, но и лицом, приближенным к Гитлеру. Это его приказом Кубе, уничтожавший людей в концлагере Дахау, был назначен 17 июля 1941 года генеральным комиссаром генерального округа Белоруссия в рейхскомиссариате Остланд.

Для белорусов Кубе — воплощение дьявола. В первых числах июля в концлагерь рядом с Минском немцы поместили больше 140 тысяч человек — не только военнопленных, но и мужчин — жителей города и соседних сел. Быть славянином, русским или белорусом считалось преступлением. В гетто содержалось 80 тысяч евреев. Одной из самых бесчеловечных в мировой истории является операция с кощунственным названием «Волшебная флейта». С согласия гауляйтера арестовали около 52 тысяч жителей Минска. Большинство из них были зверски убиты. Повторю еще раз трагическую цифру — за два года правления Кубе было уничтожено 400 тысяч жителей Белоруссии. Был такой концлагерь Тростянец, ассоциировался он со словом «смерть». В нем погибли 206 500 человек. Из всех лагерей стран Европы только в Освенциме, Майданеке и Треблинке было убито больше.

Сожженная, уничтоженная гитлеровцами и бандеровцами белорусская деревня Хатынь превратилась в трагический памятник мужества простых людей и фашистской безжалостности. Были мы там с мамой холодной зимой, незадолго до открытия мемориального комплекса. Приехали в деревню, когда уже наступили сумерки. Мороз, народу — никого. Впечатления — на всю жизнь.

Кубе — не какой-то тупоголовый исполнитель чужой воли. Это он отдавал приказы на уничтожение людей и внимательно следил за их исполнением. Присутствовал на казнях, а однажды демонстративно вышел на площадь, мимо которой вели на расстрел колонну евреев.

Да, ликвидация Кубе была актом возмездия. Но не только. Его уничтожение должно было показать не одним фашистам, всему народу, что такие как Кубе — совсем не хозяева на оккупированной белорусской земле.

По данным историков, за Кубе охотилось больше десятка различных спецподразделений — оперативно-разведывательные группы ОМСБОН и Разведуправления Генштаба, созданные с их помощью партизанские отряды.

Было около десяти известных мне, тщательно подготовленных покушений на Кубе. Немцы называли его везучим. Мне кажется, дело не только в везении. Гауляйтер окружил себя профессиональной охраной, которая знала: случись что с Кубе, им тоже не сносить головы. Передвижения палача могли бы показаться хаотичными. Нет, они были хорошо продуманы. Он сознательно опаздывал на назначенные встречи. Переносил их, никого не предупреждая. Менял маршруты. Назначал важные мероприятия и не приезжал на них. Он был не просто осторожен. У него было звериное чутье.

В книге Главного маршала авиации Александра Евгеньевича Голованова «Дальняя бомбардировочная» упоминается одна из попыток ликвидации Кубе. Партизаны дали информацию, что он должен в определенный день и час приехать в Прилуки. И туда направили дальнюю бомбардировочную авиацию. Провели по существу войсковую операцию. Бомбы были сброшены, цели поражены точно. Но Кубе в Прилуках не оказалось.

В машину гауляйтера пытались въехать на заминированном грузовике.

Были намерения его отравить. Однажды казалось, что с Кубе покончено, но он каким-то чудом не выпил приготовленную для него отраву.

В феврале 1943-го всё было готово, чтобы уничтожить его на охоте. Ждала в лесу палача засада. Люди подполковника Орловского уничтожили «охотников» шквалом огня, весь кортеж машин изрешетили пулями. Завязался бой, во время которого Орловский получил ранения обеих рук, практически потерял слух. К счастью, потерь у группы не было, и она сумела добраться с раненым командиром до партизанской базы. За эту героическую вылазку и за другие подвиги Орловскому впоследствии было присвоено звание Героя Советского Союза. Готовилась радиограмма в Центр об уничтожении мерзавца. Но оказалось, что Кубе, не доехав трех километров до места охотничьего сбора, возвратился в Минск.

А чуть позже ликвидировать Кубе ценой своей жизни поклялся агент группы «Местные» Куликовский. Группа называлась так неслучайно. Входили в нее в основном белорусы, жившие раньше на территории Западной Белоруссии, где их звали «местными». Командиром «Местных» был опытный разведчик и будущий Герой Советского Союза Станислав Ваупшасов. А Куликовский, тесно связанный с партизанами, руководил у немцев отрядом самообороны. Имел все необходимые пропуска, чтобы проникнуть даже в Генеральный комиссариат. Ваупшасов честно предупредил Куликовского, что

ни одного шанса выйти оттуда после покушения у того не будет. Но Куликовский был непреклонен. Спокойно зашел в комиссариат, предъявив аусвайс, уселся в ожидании приезда Кубе. Но то ли тревожным жестом, то ли какими-то нюансами поведения насторожил гитлеровцев. Они окружили его, потребовали сдать оружие. Куликовский предпочел смерть плену. Убив двух немцев, пустил в себя пулю.

«Местные» во главе с Ваупшасовым провели еще одну операцию. Подготовили ее тщательно, привлекли для этого немало помощников. Кубе не мог не приехать на городской вокзал, где ждали специальный поезд с фронта. В поезде находились высший командный состав и офицеры. Людям Ваупшасова удалось немыслимое. Они заминировали охранявшийся днем и ночью вокзал. Взрыв прогремел в точно назначенный час, уничтожив немецкую верхушку. Но не Кубе. Тот приехал на вокзал гораздо позже.

И еще была одна попытка. Из минского подполья дошла до партизан проверенная информация. Гауляйтера ждут на заводе, где полно разбитой немецкой техники. Кубе хотят показать, как ее ремонтируют в главном цехе. Его и заминировали. Понятно, на скорую руку. Подпольщики рассчитывали, что до прибытия Кубе оставался час-полтора и следов минирования заметить никто не успеет. А уж после будет не до того. «После» не наступило. Гауляйтер так и не приехал. Цех пришлось всё равно взрывать, завод надолго вышел из строя.

Кубе должен был быть ликвидирован 10 июня по дороге на Слуцк. Группа военной разведки подготовила засаду и уничтожила немало соратников Кубе. А его самого в длинном кортеже машин не оказалось.

Гауляйтера хотели подорвать в театре 22 июня, где немцы отмечали начало войны. Взрыв уничтожил десятки немецких офицеров, но Кубе в театр не пришел.

Вроде бы удалось подобраться к его имению под Минском, но и здесь не получилось. Чудом удалось заложить мину в машину Кубе. Но автомобиль отправился в поездку без хозяина. Тот в последний момент изменил решение и остался в своем особняке.

В сентябре 1943 года Кубе был приглашен на банкет в офицерской столовой. Он дал согласие, и его терпеливо ждали. Прогремевший взрыв уничтожил три десятка фашистских офицеров. Но гауляйтер на банкет не явился.

А в «Бригаде дяди Коли» руководство операцией поручено было майору госбезопасности Ивану Федоровичу Золотарю. Они с мамой после войны встречались, и на фотографии он написал уже в Москве: «Моему боевому товарищу Надюше Троян от майора

госбезопасности Ивана Золотаря». В отряде «Буря» за операцию по уничтожению Кубе отвечал начальник разведки Володя Лапин, настоящее имя, по-моему, — Владимир Рудак.

В бригаде решили пойти по другому пути, более сложному, исключительно рискованному. Решили искать подходы к особняку на Театральной улице, где жил Кубе. Этот особняк существовал в Минске до 1970-х годов, и находилось в нем правление Союза писателей Белоруссии. Затем его снесли.

В 1943 году Минск находился на осадном положении. У всех казарм, домов, где размещались немцы, — опорные точки с охраной, а в квартале, где жил Кубе, строжайшие проверки. На улицу, где был дом Кубе, можно было попасть, только имея специальный документ. Даже многочисленной обслуге Кубе, его жены Аниты и двух маленьких сыновей надо было пройти две проверки, чтобы войти в зловещий особняк. Сначала их тщательно обыскивали нижние чины, а при входе в сам дом — дежурные офицеры.

А мама поддерживала связь с минским подпольем. Была удачлива, осторожна и с людьми сходилась не просто умело, а легко, искренне. Поэтому поручали ей самые сложные задания. Поставили перед ней задачу — сначала собрать сведения о распорядке жизни как можно большего числа обитателей дома.

И тут Кубе ошибся, допустил роковой просчет. Забывшись, пренебрегая предупреждениями охраны, купался в роскоши. Слишком много челяди, всякой обслуги. По самым приблизительным подсчетам, обслуживали дом около сотни человек, в том числе местные жители. Среди них, как верили в специальной группе «Артур», входившей в «Бригаду дяди Коли», мог, должен был отыскаться кто-нибудь, кто бы решился помочь партизанам.

Если бы верный человек был даже не найден, а хотя бы присмотрен, предварительно определен, надо было его завербовать и затем любым способом внедрить в дом.

Учитывая знание немецкого, маме сделали документы, и она переселилась в Минск под своей фамилией. Она даже заключила фиктивный брак, чтобы в случае чего объяснить этим свой переезд в Минск. Молодой человек, выбранный в «мужья», догадывался, что мама — подпольщица. Поэтому и помог.

Мама начала искать подступы и обнаружила, что в этом особняке работает горничной Татьяна Калита — бывшая студентка медицинского института, учившаяся на несколько курсов старше ее, которая потом преподавала в том же институте. А с мужем Татьяны мама училась в одной группе.

Связалась с Татьяной Калитой. Выяснила у нее, что среди

обслуги, убирающей дом, трудно найти подходящего для партизан человека. Гестапо для этой работы подбирало тех, кто советскую власть ненавидит.

Однако, намекнула Калита, есть среди прислуги народ порядочный. У некоторых родственники до войны работали в государственных учреждениях — партийных или военных. Была и еще категория граждан — обиженных немецкой властью, втихую презирающих фашистов и того же Кубе. Но самой надежной была только одна горничная — Галина Мазаник. Настоящее ее имя — Елена.

Есть несколько версий того, почему Мазаник была допущена в дом Кубе.

По одной из них, 55-летний гауляйтер благоволил к красивым девушкам. А Елена Мазаник была женщиной интересной. И у нее сложились очень хорошие отношения с женой Кубе — Анитой и двумя их детьми. В доме Кубе ее называли «Большой Галиной». Анита со временем собиралась забрать ее в Германию. Но даже «Большой Галине» не разрешалось убираться у них в спальне. Эти обязанности выполняла другая горничная, преданно служившая немцам. Искать подходы к ней было бесполезно.

Эти сведения в Центре проверили. И выяснилось, что немцы действительно недосмотрели. Мазаник и ее муж до войны работали… в минском НКВД, она — в столовой, муж — шофером, а теперь он в Москве.

Почему гестаповцы допускали подобные просчеты? Потому что им и в голову не приходило, что чувство ненависти может пересилить страх. Они считали, что сопротивление на местах подавлено, и сами уверовали, что жители Белоруссии превращены в послушных рабов. Исход войны не был еще предрешен. Но те, что стали служить фашистам ради спасения собственной жизни, чтобы не подохнуть с голоду, натерпевшись и насмотревшись, имели теперь к гитлеровцам свои счеты. И до колебавшихся, сомневавшихся начало доходить, что просто так отсидеться не получится.

Вот отрывки из письма, которое белорусские партизаны отправили одному из таких, то ли предавших, то ли надеявшихся пересидеть, но со временем прозревших.

«Гражданин Малюшкевич!

Мы получили сведения, что Вы недовольны немецкой властью, беззастенчивым грабежом Вашей Родины, неслыханными издевательствами над нашим народом.

Приятно слышать, если наши сведения верны, что Вы еще сохранили совесть честного человека. Но одного пассивного

недовольства теперь мало. Нужна активная борьба с теми, кто пришел незваным гостем на нашу родную белорусскую землю, нужна решительная помощь тем, кто уже теперь с оружием в руках борется с немецкими захватчиками.

Ваше общественное положение, Ваши знакомства и связи, доверие, которое немцы оказывают Вам, Ваше безупречное по отношению к немцам поведение до последнего времени могут дать Вам возможность оказать нам, партизанам, неоценимую помощь в борьбе с врагом. Вместе с тем Ваша помощь партизанам дает Вам и Вашей семье полную возможность спасти свою жизнь от неминуемой расплаты, которая в самом недалеком будущем ожидает Вас и Ваших коллег по работе. И не только спасти свою жизнь, но еще заслужить почет и уважение в случае, если Ваша помощь будет достаточно эффективной.

Германия, которой Вы служили до сих пор (надеюсь, Вы не настолько наивны, чтобы думать, что служите “незалежной Беларуси”), стоит уже на пороге поражения. Катастрофа Наполеона повторится и для Гитлера, но в еще более широких размерах.

Во время летне-осенней кампании 1943 г. (обычного сезона для немецкого наступления) Красная Армия не только отбила немецкое наступление, но сама перешла в контрнаступление…

Мы, партизаны, предлагаем Вам связь с нами и надеемся, что трезво взвесив факты, Вы согласитесь на наше предложение. Если Вам дорога своя жизнь и жизнь Вашей семьи, Вашей жены и детей, если в Вас жива совесть честного человека, если гуманность, любовь к Родине и свободе доступны и дороги Вашему сердцу, Вы, как всякий честный интеллигент, будете работать с нами.

Перед Вами два пути: или позор и репрессии Вам и Вашей семье, или честная и радостная работа на благородном поприще воспитания юношества после войны. Мы думаем, что Вы изберете второй путь.

Человеку, передавшему Вам это письмо, Вы дадите ответ на наше предложение. Если Вы хотите встретиться с нами, сообщите точное место и время встречи. Если немедленная встреча не представляется для Вас возможной, сообщите о Ваших возможностях, а мы в свою очередь дадим Вам ряд заданий.

Если же Вы не согласитесь на наши предложения и попытаетесь выдать человека, передавшего Вам это письмо, в руки немецких властей, смерть Вам и всем членам Вашей семьи будет единственной расплатой за Ваше предательство. Заверяю Вас в этом честном слове партизана. Письмо уничтожьте тотчас после прочтения.

Секретарь Борисовского Горкома комсомола — Владимир Б.».

Да, многим, вступившим по собственной ли воле или в силу обстоятельств в связь с гитлеровцами, надо было что-то предпринимать, причаливать к своему берегу. И если в 1941-м он виделся далеким, уже недостижимым, то теперь стал приближаться. К тому же оттуда, со своего берега, протягивали руку партизаны.

Моей маме представился случай выйти на Елену Мазаник. Было несколько встреч. Из дома Мазаник отпускали редко, и она, чтобы приходить к маме, придумала, будто у нее болят зубы. Записывалась к врачу, и мама этот момент использовала.

Но не сразу Елена Григорьевна, ставшая после войны маминой близкой подругой, согласилась сотрудничать с партизанами. Поначалу боялась, требовала доказательств, что мама действительно выполняет поручение командира партизанского отряда.

Мама передала в отряд всю полученную информацию. Партизаны смогли получить простенький, однако очень важный чертеж расположения комнат в доме Кубе, сделанный Еленой Мазаник.

Восемнадцатого августа 1943 года между Мазаник и мамой состоялся разговор. Это не было даже вербовкой. Просто одна смелая и убежденная в правоте молодая женщина поставила перед другой, в которой больше не сомневалась, сложную задачу: надо убить Кубе в его доме. Другого пути нет. Мазаник дала согласие. Начались уже вполне конкретные обсуждения, как практически осуществить акт возмездия.

Думаю, две организации — военная разведка и разведка НКВД — свою работу в какой-то степени координировали. Упоминал об этом в своих воспоминаниях и начальник партизанского штаба Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко. Мама сообщила о вербовке Мазаник в свой разведывательный отряд. Оттуда эту информацию передали в «Отряд дяди Димы» — его действия контролировала военная разведка. В распоряжении партизан были магнитные мины английского производства с часовым механизмом.

В сентябре 1943-го Мария Осипова из «Отряда дяди Димы» смогла доставить такую мину Елене Мазаник. А та прикрепила эту мину к пружинам кровати Кубе. В три часа ночи 22 сентября произошел взрыв. У Кубе оторвало левую часть тела.

По некоторым рассказам, беременная третьим ребенком Анита фон Кубе находилась рядом с мужем, но чудом не пострадала. По другим — Елена Григорьевна посоветовала ей

спать в другой комнате. У них были доверительные отношения. «Большая Галина» знала, что между Анитой и Кубе нет согласия, и сжалилась над молодой немкой. Анита Кубе дожила в Германии до глубокой старости и до конца дней старалась всячески обелить своего супруга.

Ну, поведение Аниты объяснимо. Но в последние годы нашлись и другие «адвокаты», которые пытаются представить палача чуть ли не защитником белорусского народа, спасавшим от казни даже евреев. Увы, подобная чушь тиражируется и в нашей прессе. Ее даже пытаются обманом выдать за официальную российскую точку зрения.

А моя мама, еще не зная о взрыве, — после него прошло всего несколько часов, — пробиралась в уже оцепленный город, чтобы передать мину той же Мазаник. Запрятала мину в торт и благополучно миновала все посты. Ее и проверяли, и обыскивали. Но мама обладала хладнокровием уникальным, к тому же была человеком очень общительным. Она заговорила охранников — и мину пронесла.

Когда пришла на место, где должна была встретиться с Мазаник, выяснилось, что город блокирован, потому что ищут убийц Кубе. Мама поняла, что надо как можно скорее уходить в лес. Но выйти из города было практически невозможно. Да еще с миной. Ее потом часто спрашивали: зачем опять рисковала жизнью, снова пронося сквозь кордоны эту английскую мину? Разве нельзя было от мины избавиться? Ведь Кубе казнен, акт возмездия совершен. Она объясняла мне: партизанам не хватало таких вот английских миниатюрных мин, выбросить мину — это как избавиться от боевого, лично тебе доверенного оружия. Такие были понятия о чести у того, боевого, партизанского поколения. На выходе из города маму проверяли стоявшие в оцеплении словаки в немецкой форме. Она с ними нашла контакт, и они ее выпустили из Минска. А через несколько дней в партизанский отряд пришли 12 словаков из того подразделения.

Для фашистов уничтожение Кубе стало страшным ударом. Они объявили траур. Гитлер прислал в Минск самолет с гробом для Кубе.

Немцы провели следствие. Довольно быстро выяснили, кто провел операцию. И Гитлер объявил всех ее участниц своими личными врагами. Были у него в личных врагах и подводник Маринеско, и художник Борис Ефимов…

Елену Мазаник и Марию Осипову одним кружным путем, а маму другим доставили на далекий хутор в «Отряд дяди Димы». Пришлось понервничать, дожидаясь самолета из Москвы. Нельзя им было оставаться в белорусских лесах. И после войны, по

крайней мере мама и Елена Мазаник, опасались мести со стороны недобитых фашистов.

После смерти Кубе в Минске начались облавы. Невиновных ни в чем людей арестовывали на улицах, врывались в их дома. Две тысячи человек были убиты.

Сегодня раздаются голоса: мол, не надо было убивать Кубе. Все равно немцев погнали бы. Но знали ли об этом те, кого обрекли на смерть в концентрационных лагерях и тюрьмах, те, кто рисковал жизнью, метр за метром освобождая нашу землю от оккупантов? Известие о казни Кубе люди встретили как акт справедливого возмездия. Немцы тоже поняли, что безнаказанно совершать преступления на чужой земле им никто не позволит. Гитлеровская теория о бесполезности действий одиночных фанатиков была разбита. Моральное состояние немцев было подавлено. Они понимали: если добрались до Кубе, будут карать и других. Кто следующий?

Между тем маму с подругами доставили в Москву на специально присланном самолете. И там им пришлось пройти сложную процедуру долгого, детального, однако, если можно так сказать, дружелюбного допроса. «Протокол допроса Троян Надежды Викторовны от 23 октября 1943 года» был рассекречен спецслужбой совсем недавно по просьбе автора этой книги.

В Москве долго обсуждали, чем наградить трех основных участниц успешной операции. Итог дискуссиям подвел Сталин: «Надо дать Героя всем трем смелым девчонкам».

Двадцать девятого октября 1943 года, в день рождения комсомола, Надежде Троян, Елене Мазаник и Марии Осиповой были присвоены звания Героев Советского Союза. Золотые звезды Героев им вручал в Кремле «всесоюзный староста» Михаил Иванович Калинин.

Если не ошибаюсь, этого звания удостоились лишь 95 женщин, из них трое — за уничтожение Кубе.

Приведу здесь один короткий рассекреченный документ:

«сл-2

СПРАВКА

на Героя Советского Союза ТРОЯН Надежду Викторовну

ТРОЯН Н. В., 1921 года рождения, уроженка дер. Дрисса Витебской области, белоруска, член КРСС, до Отечественной войны училась на 2 курсе Медицинского института в г. Минске.

С первых дней немецкой оккупации Минской области ТРОЯН установила связь с партизанским отрядом Героя Советского Союза тов. ЛОПАТИНА П. Г. и выполняла ряд важных специальных заданий командования этого отряда. Она неоднократно проникала в расположения воинских частей

противника и дважды внедрялась в административные органы оккупантов, где собирала необходимую разведывательную информацию и передавала ее в отряд. Принимала непосредственное участие в подготовке операции по ликвидации палача белорусского народа Кубе.

За боевую деятельность в тылу противника, проявленное мужество и героизм в борьбе с немецкими захватчиками в годы Великой Отечественной войны ТРОЯН Надежде Викторовне присвоено звание Героя Советского Союза.

НАЧАЛЬНИК ЦЕНТРАЛЬНОГО АРХИВА КГБ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР — полковник

Подпись (расшифровка подписи)

“5” мая 1965 года».

Далее от руки:

«Справку и фото в 1 экз. получил

Подпись (расшифровка подписи)

5/V-65 г.».

На справке — пометки от руки: «Группа “Артура”».

Одна деталь меня, признаться, удивила. На справке значится номер страницы — 345 (!). Сколько же всего было мамой совершено! О чем, возможно, мы никогда не узнаем. И о чем, бесспорно, были осведомлены мамины друзья — партизаны и чекисты.

А мама до последних дней жизни дружила с Еленой Мазанию. Та жила в Минске, долгие годы работала заместителем директора библиотеки Академии наук Белоруссии. С Осиповой они обе контактировали реже. Может быть, так сложились взаимные симпатии. А может, сказывалась принадлежность к различным спецслужбам — разведке и ГРУ, к которой относилась Осипова?

После отъезда мамы в Москву ее семья — родители и брат Женя по-прежнему оставались в лесу. Мою бабушку Дусю наградили медалью «Партизану Великой Отечественной войны».

Об участии в удачном покушении на Кубе заявили сразу несколько отрядов. Одному из их командиров, приписавших этот подвиг «своим», пришлось после расследования понести наказание.

Мама хотела вернуться в лес. Но ее туда по понятным причинам не пустили. Было очень рискованно. На всех, кто имел хоть какое-то отношение к уничтожению гауляйтера Кубе, фашисты объявили охоту.

Надежда Троян стала студенткой третьего курса Первого медицинского института имени Сеченова. Там преподавали такие светила! Абрикосов, Збарский, Семашко, Ахутин, Виноградов…

Медики произносят их имена с трепетом. К примеру, Збарский бальзамировал тело Ленина, Виноградов был лечащим врачом Сталина. Мама гордилась, что рекомендацию в партию ей давал сам Семашко.

Как я предполагаю, больше всего ей нравились акушерство и педиатрия. Была она обычной студенткой. В 1947-м сдала на «отлично» государственные экзамены и получила красный диплом.

В ноябре 1945 года Центральный комитет комсомола включил ее в состав делегации на Первый Всемирный конгресс молодежи в Лондоне. Собрали в основном бывших фронтовиков. И они пришли в гимнастерках, в бушлатах, в военных шинелях. Среди девушек были летчицы бомбардировочной авиации, немцы называли их ночными ведьмами. В составе делегации были Герой Советского Союза, белорусский партизан Петр Миронович Машеров — впоследствии многолетний руководитель республики и секретарь подпольного обкома комсомола Михаил Васильевич Зимянин, ставший вскоре одним из заметных партийных работников.

Для поездки в Англию делегатам выдали костюмы, которые почти всем показались шикарными, а для многих вообще оказались первыми в жизни. Среди тех, кто помогал делегатам приодеться, был комсомольский завхоз — парень хороший, доброжелательный, но малообразованный. Собрал он однажды всю группу, человек двадцать, и спрашивает: «Ребята, вроде все одеты, обуты, всё есть. Может, чего не хватает?» Ему отвечают: «Спасибо, но вот эмоций у нас маловато». Завхоз не понял: «Чего-чего? А сколько вам надо?» Ребята знали, что чего у завхоза ни попросишь, всё давал, только уменьшал в два раза. И попросили: «А можно килограммчиков десять?»

Мама любила розыгрыши и стала разыскивать якобы включенного в делегацию Остапа Бендера. При перекличке никакого Бендера, конечно, не оказалось, а завхоз разволновался: «А кто это? Он откуда?» Его успокоили: «Это из Азербайджана. Возможно, уехал домой».

Встречали наших ребят в Лондоне хорошо. Делегация — солидная, была пресс-конференция, множество встреч. На конгрессе приняли очень важный документ — обращение к молодежи всего мира: «В войне мы были едины. В мире мы должны оставаться объединенными. Мы так же, как и вы, хотим мира, свободного от войны и страданий. И он будет у нас. Вперед за наше будущее. Ноябрь 1945 года».

В Лондоне зашел с иностранными сверстниками разговор о героизме. И мама рассказала делегатам о Зое Космодемьянской. В

первый раз она услышала о подвиге Зои еще в Минске в 1942-м. Говорили о партизанке, как ни странно, немецкие солдаты. Чуть позже историю о погибшей разведчице Зое довелось услышать в «Бригаде дяди Коли». Мама подружилась с Любовью Тимофеевной, матерью Зои и Александра Космодемьянских — двух Героев Советского Союза. У меня и моего старшего брата книга о Зое и Шуре, написанная и подаренная нам их мамой Любовью Тимофеевной, была одной из самых любимых.

Когда начались нападки на Зою и сам ее подвиг попытались поставить под сомнение, моя мама поддержала журналиста, писателя Георгия Николаевича Фролова, долгие годы собиравшего материал о Космодемьянской и других молодых партизанских разведчиках. Она даже написала послесловие к книге Георгия и Ирины Фроловых «Москвички-партизанки — Герои Отечества».

На том конгрессе в Лондоне был в составе делегации Герой Советского Союза Виктор Ливинцев, командовавший 1-й Бобруйской партизанской бригадой. Это он впоследствии написал книгу о другой молодой разведчице Елене — Лёле — Колесовой, посмертно, как и Зоя, удостоенной звания Героя.

А еще одной разведчице — Вере Волошиной, погибшей в районе Наро-Фоминска приблизительно в то же время, что и Космодемьянская, звание Героя, но уже России, присвоили в 1994 году.

У мамы осталось на всю жизнь теплое отношение к комсомолу, к молодым. Она всегда и с радостью откликалась на детские и молодежные мероприятия. На Красной площади принимала школьников в пионеры. Когда приглашали, выступала на комсомольских съездах.

И в 1947 году Надежда Викторовна Троян вышла замуж за Василия Игнатьевича Коротеева, моего отца. Он был фронтовым журналистом, военным корреспондентом «Красной звезды», как его друг Константин Симонов и Михаил Шолохов. Провел всю войну на передовой, был ранен. Первая статья о подвиге 28 панфиловцев, совершивших подвиг под Москвой у разъезда Дубосеково, подписана Василием Коротеевым. Воевал в Сталинграде, откуда он родом. До войны был главным редактором «Сталинградской правды». Он дошел до Берлина и расписался на рейхстаге.

После войны работал в «Литературке», был собственным корреспондентом «Известий» в Египте. Встречался с президентом страны Гамалем Абдель Насером. Освещал визит Хрущева. Написал несколько книг. Одна из наиболее известных — о капитане «Варяга» Рудневе.

Жили мы в доме на Беговой, недалеко от улицы Правды, где давали квартиры многим журналистам. В 1949 году родился мой брат Саша. В 1954-м — я. Семья у нас была дружная, веселая. Из детских воспоминаний сложилось впечатление, что всегда дом был полон людей. Вечно у нас кто-то гостил, оставался ночевать.

Но в конце 1950-х отец тяжело заболел. Долго не поднимался с больничной койки. Оперировали его в Научном центре хирургии, где я долгие годы работал. А в 1964-м отец умер. И вдруг в доме всё стихло.

Мама, врач на кафедре госпитальной хирургии, начала брать какие-то дополнительные дежурства, подработки. Жить-то как-то надо было. Наступил непростой период.

Пришел к нам однажды Константин Михайлович Симонов. Говорит маме без всяких предисловий: «Надя, у меня вышла книга, там и о Василии. Хочу поделиться гонораром». Дал он маме тысячу рублей. По тем временам да для нашей семьи — сумасшедшие деньги. А однажды пригласил меня к себе домой, тут, недалеко от станции метро «Аэропорт». Подписал мне книгу «Разные дни войны». И тогда, мальчишкой, я понял разницу между понятиями «хороший знакомый» и «друг». Симонов — друг и настоящий.

Кафедра госпитальной хирургии, где после войны работала мама, — это та самая, что впоследствии стала Институтом Петровского. Ее коллегами были мой будущий профессор Иван Захарович Козлов, будущий академик, ректор Первого мединститута Владимир Иванович Петров — оба только что вернулись с фронта. Надо было двигаться вперед, и они изучали языки, читали иностранные медицинские журналы.

В 1950 году пришел на кафедру госпитальной хирургии Первого меда Борис Васильевич Петровский. Великий врач, с которым у нашей семьи до последних его дней сохранялись теплые отношения. Был он прекрасным учителем. Мама защитила у него диссертацию по сложной и мало тогда у нас разработанной теме и была в 1965-м утверждена в звании доцента по кафедре хирургии.

Мама работала на кафедре долго. И Первый мед был для нее родным домом. Гордилась она и своими учителями, и своими студентами, среди которых тоже был Герой Советского Союза — медик, летчик-космонавт Борис Борисович Егоров.

По пятницам Борис Васильевич Петровский проводил так называемые докторские учебные конференции, на которых каждый заведующий отчитывался о сделанном. Это людей воспитывало, объединяло. И мама, даже когда уже работала в других местах, обязательно по пятницам приезжала в Первый

мед.

Она была знакома со многими легендами той советской эпохи — летчиками Байдуковым, Водопьяновым, Мосоловым, Ляпидевским, Чечневой, Кожедубом, Маресьевым, радистом Кренкелем, маршалами Жуковым и Коневым, руководителем отряда космонавтов Каманиным, писателем Сергеем Смирновым, открывшим для нас имена многих неизвестных героев Великой Отечественной.

В 1967 году министр здравоохранения Борис Васильевич Петровский назначил Надежду Викторовну Троян директором Научно-исследовательского института санитарного просвещения. Занимался этот институт, как тогда говорили, пропагандой здорового образа жизни. Мама ездила по всей стране, встречалась с врачами разных стран.

В 1971 году ее избрали председателем Исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР. В то время это была мощная организация, выполнявшая часть функций нынешних МЧС и Минздрава.

По представительности Красный Крест не уступал Международному олимпийскому комитету, а Надежда Викторовна Троян была вице-президентом Международного Красного Креста и общалась с самыми высокопоставленными особами — с королевой Великобритании, с президентом Никсоном, иранским шахом Пехлеви и многими другими. Одной из задач Красного Креста было постоянное привлечение доноров. И мама для этого много ездила по стране, в том числе и на гремевший в ту пору БАМ.

Благодаря маме я был знаком с некоторыми разведчиками, в том числе с нелегалами. В частности, я лично знал Павла Анатольевича Судоплатова, руководившего в годы войны Четвертым управлением, а также Михаила Ивановича Фило-ненко и его жену Анну Федоровну Камаеву, которые тоже были партизанами.

Филоненко и Камаева дружили с мамой, но после войны, году в 1947-м, куда-то исчезли. Теперь-то можно рассказать их историю. Они стали нелегалами, работали сначала в Чехословакии, затем в Латинской Америке. У них трое детей, родившихся там и не подозревавших, что они русские. Когда Михаил Иванович серьезно заболел, пришлось срочно возвращаться в Москву. Как же тяжело далось это и ему, и Анне! Их дети только в Москве поняли, кто их родители: «Теперь мы знаем, кто вы. Вы — русские шпионы». На родном языке дети не говорили.

Прекрасный хирург Бураковский сделал Михаилу Ивановичу

Филоненко аортокоронарное шунтирование. Сегодня — это рабочая операция, хотя весьма непростая. Тогда она была связана с большим риском. Помимо этого у Филоненко был рак поджелудочной железы.

Короче, возникли проблемы: требовалось диетическое питание. В Латинской Америке пара «работала миллионерами», по крайней мере, были людьми очень обеспеченными. А зарплату, которая шла им в Советском Союзе, они перечисляли в Фонд мира. Когда приехали на родину, денег у них оказалось немного, а хороших продуктов достать было трудно. Помните это словечко «достать»? И мама специально ходила к Андропову. Он помог. Но продукты требовались постоянно. И когда мама стала руководителем советского Красного Креста, то получила право на талоны в закрытую столовую на улице Грановского. И однажды она нам с братом объявила: половина талонов — нам, половина — Филоненко. Мы часто навещали Михаила Ивановича, когда он лежал в госпитале. Как-то раз я пришел и долго говорил с ним. На редкость откровенным получился тогда у нас разговор. Это сегодня, как врач, я понимаю, что было у него предчувствие — ночью Филоненко умер.

А однажды маму пригласили на празднование годовщины, не помню уж какой, образования внешней разведки. И пришла она домой радостная. На ее пригласительном билете были роспись «Рудольф Абель» и еще маленький рисунок с русским пейзажем. Они, нелегалы, были закрыты. Но маму знали многие. Рудольф Иванович вежливо осведомился: «Не будете ли вы против, если распишется и мой коллега?» И тот, что был гораздо моложе Абеля, тоже поставил подпись — «Лонсдейл». Так мама познакомилась еще с одним нелегалом — Кононом Молодым. Ну, и третья подпись — Зоя Ивановна Воскресенская. Мы-то ее знали как писательницу, автора детских книг о Ленине, а не как разведчицу Зою Рыбкину.

Еще мама рассказывала мне, что когда приходила на стадион «Динамо» в праздники, то всегда встречала Игоря Иванова, занимавшего пост министра иностранных дел. Его отец был одним из командиров отряда ОМСБОН.

До последних дней своей жизни мама активно участвовала в ветеранском движении. Кстати, это она добилась, чтобы в Москве станцию метро «Измайловская» переименовали в «Партизанскую».

А еще в 1973-м маму наградили орденом Красной Звезды. Он был получен в мирное время, но за подвиги и дела сугубо гражданские его не давали. Думаю, ее наградили за работу по линии Красного Креста и каких-то специальных смежных организаций. Вероятно, госпиталь Красного Креста в такой

закрытой стране, как Иран, играл для соратников мамы определенную роль. Возможно, в сборе информации или контактах, которые там было сложно контролировать иранской спецслужбе САВАК.

Вообще у нее было немало наград. Помимо золотой звезды Героя Советского Союза и ордена Ленина, орден Отечественной войны, ордена Красной Звезды и Дружбы народов, два ордена Трудового Красного Знамени. Имя Надежды Викторовны Троян присвоено московской школе № 1288, в которой создан посвященный ей музей. На здании Музея истории Первого медицинского института установлена в ее честь мемориальная доска, а в самом музее есть рассказывающая о ней экспозиция. И Центральный музей Великой Отечественной войны на Поклонной горе тоже хранит память об этой легендарной женщине.

АБЕЛЬ И ГЕЙНЕ
Александр Демьянов

До недавнего времени имя этого героя произносили редко. Но мне повезло. О разведчике Александре Демьянове, которого немцы считали своим агентом Максом, а наши присвоили псевдоним Гейне, мне на исходе жизни поведал полковник Иван Иосифович Мутовин.

Жил он в Краснодаре, и мы с ним долго переписывались. Посылали друг другу свои книги о разведке, перезванивались, и вот, наконец, я выкроил денек, чтобы побывать на Краснодарской земле.

То ли стало действительно «можно», то ли проживший долгую-долгую жизнь полковник почувствовал, что пора, но решил гостеприимный хозяин скромной квартиры в центре города поделиться со мной интереснейшей информацией. В ту пору я как раз собирал материалы о моем любимом герое внешней разведки Рудольфе Абеле — Вильяме Фишере. И полковник госбезопасности в отставке, имевший доступ к секретным материалам, он же писатель Иван Мутовин, поведал мне только ему в ту пору известную историю своего земляка, потомственного дворянина и очень храброго человека Александра Петровича Демьянова.

Именно Рудольф Абель наставил на путь истинный начинающего разведчика Сашу Демьянова. Мутовин узнал об этом от Абеля.

Приезжая в Москву в служебные командировки, Мутовин всегда навещал своего бывшего шефа — полковника в отставке Виктора Усватова. Однажды Усватов с женой Ксенией пригласили друзей, в том числе и Мутовина. Усватов пообещал Ивану Иосифовичу, что его ждет интереснейшее знакомство. И действительно, среди гостей оказался генерал-лейтенант Павел Анатольевич Судоплатов, человек-легенда, «заваливший», как говорят разведчики, украинского националиста Коновальца. Ксения Усватова и жена генерала Эмма были дальними родственницами, детство провели вместе, и две семьи поддерживали дружеские отношения. Так что разговоры велись откровенные. К тому же мужской состав компании принадлежал к одному ведомству.

Узнав, что Мутовин прибыл с Кубани, Судоплатов вдруг спросил, как на Кубани увековечено имя первого атамана кубанского казачества Антона Головатого. Мутовин ответил, что

Головатый — один из основателей кубанской столицы, но памятник ему и его соратникам поставлен в Тамани.

Тут генерал объяснил: спросил об атамане потому, что во время войны работал с правнуком атамана Сашей Демьяновым. Отец его, казачий есаул царской армии, пал смертью храбрых в Первую мировую в 1915-м, когда сыну исполнилось четыре года. Мать — выпускница Бестужевских курсов — слыла в Петербурге красавицей.

Сашу в детстве возили за границу учить языки. До революции Демьяновы жили в родовом гнезде, в Анапе. Их семью хорошо знал генерал Улагай. После революции им предлагали эмигрировать во Францию, но они остались на родине. Демьянов-младший окончил казачью школу в Тамани, потом поступил в институт, стал инженером. Это был красивый молодой человек, с благородными манерами.

По словам Судоплатова, чекисты установили контакт с Демьяновым в Ленинграде в 1930-е годы. Потом его с матерью перевезли в Москву, где Александр сотрудничал с органами под псевдонимом Гейне. Инженер-электрик получил работу по своей специальности на «Мосфильме».

Культурная и светская жизнь кипела на киностудии вовсю. Демьянов легко вписался в компанию актеров, сценаристов, поэтов. Подружился с режиссером Михаилом Роммом и со многими другими деятелями искусства. Женился на ассистентке режиссера Татьяне Березанцевой.

Постепенно его круг знакомств расширялся, завязались связи с иностранными дипломатами, журналистами. Демьянов дворянского происхождения не скрывал. Да и в эмигрантских кругах проверить это можно было легко. Однажды молодым перспективным инженером заинтересовались сотрудники немецкого посольства, а точнее — абвера.

И наши начали готовить на случай войны Демьянова-Гейне для большой игры с немцами. Узнать обо всем этом впоследствии помогли Мутовину товарищи из Краснодарского управления ФСБ. По просьбе полковника-ветерана материалы по Демьянову были для него рассекречены, и он получил доступ к архивам.

Предвоенная Москва была нашпигована немецкой агентурой. И Судоплатов разработал план радиоигры, которая бы помогла выявить тех, кто сотрудничает с чужой разведкой или хотел бы вступить в контакт с ней. Когда началась война, эта операция под кодовым названием «Монастырь» переросла в настоящее противостояние между двумя воюющими сторонами, приобрела, можно сказать, государственный масштаб.

И, как поведал Судоплатов, в первые осенние месяцы Великой

Отечественной шифровальному и радиоделу обучал молодого разведчика Демьянова Вильям Фишер, будущий Абель, в ту пору уже признанный во внешней разведке радистом № 1.

Мутовин познакомился с Абелем — Фишером в марте 1966 года в закрытом госпитале — был его соседом по этажу. Общаясь с Рудольфом Ивановичем в больнице, он долго не затрагивал эту тему, понимая, что дело Гейне засекречено. Но как-то решился спросить о кубанском земляке. Услышав фамилию Демьянова, Абель резко повернулся к Мутовину и спросил, откуда тот о нем знает. Мутовин объяснил, что от Судоплато-ва, и тогда Рудольф Иванович немного раскрылся.

По его словам, эта крупнейшая чекистская операция развивалась так. Демьянов до войны сумел заинтересовать немцев, и те готовили его на вербовку. Даже присвоили ему псевдоним Макс. А наши тоже готовили Демьянова под именем Гейне.

Обучали Александра в московской школе радистов на улице Веснина, в двухэтажном деревянном доме на углу улицы Луначарского. После войны там была детская библиотека. Свел Абеля — Фишера с Демьяновым сотрудник разведслужбы Маклярский, специалист по работе с творческой интеллигенцией.

Под руководством опытного наставника Александр научился разбирать и собирать радиоприемники и радиопередатчики. Ему хорошо давалась работа на ключе. В назначенные часы выходил на связь с другими курсантами. Когда Фишер бывал в разведывательном управлении, он зачастую сам связывался с Гейне, совершенствуя ученика в радиопремудростях.

Иногда Фишер устраивал рискованные эксперименты. Они с Демьяновым оставались на связи даже при сигнале «воздушная тревога». Так радист № 1 приучал Сашу к работе в экстремальных условиях.

Когда они работали с рацией в одной комнате, Фишер создавал искусственные помехи. Шумел, при приеме и передаче сообщений выкрикивал фразы на разных иностранных языках, иногда использовался и коронный прием: прямо над ухом Демьянова хлопал резко закрываемой шахматной доской. Фи-щер часто и подолгу беседовал с Демьяновым. Ему нравился этот умный молодой человек, схватывающий всё на лету.

Немцы приближались к Москве, и поступила команда перейти на ускоренный курс обучения. Благодаря своему наставнику Гейне стал не только хорошим радистом, но и шифровальщиком.

А в декабре 1941 года они вместе отправились в сторону фронта. Увы, ехать далеко тогда не пришлось. Демьянов

переходил линию фронта близ Гжатска. И там наши, сами того не зная, добавили этому переходу смертельного правдоподобия. Пустили Сашу прямо по своими же заминированному полю. Не было оно обозначено на картах, как минное. И Демьянова, считал Абель, спасло только чудо.

Наставник подготовил Демьянова и к жесточайшей проверке, которую ему предстояло пройти в абвере. Немцы его допрашивали, грозились расстрелять, имитировали сцену казни. Гейне, не дрогнув, упорно повторял свою легенду. В результате немцы поместили его в разведшколу и в феврале 1942 года (по некоторым другим данным, в середине марта 1942-го) забросили в Москву.

Задание немецкий разведчик Макс получил очень серьезное — попасть в Генеральный штаб Красной армии. И он его выполнил. По легенде, в разработке которой принимал участие и Абель, взяли Макса к маршалу Шапошникову офицером связи. Оттуда, из Генштаба, и передавал Демьянов в центр абвера «разведывательные» сведения, а фактически — подготовленную чекистами дезинформацию.

Было у Макса и другое задание — создать организацию из надежных людей и принимать курьеров с той стороны на конспиративной квартире. С этим заданием он тоже блестяще справился. Правда, не без помощи жены Татьяны и тестя — профессора Березанцева, знаменитого московского врача. Квартиру медицинского светила советская разведка тоже использовала в своих целях.

С немецкими курьерами «работали» методами старинными, апробированными. Вооруженных и наиболее опасных жена Демьянова Таня усыпляла специальными таблетками — растворяла их в чае или водке. Пока те спали, специалисты из нашей разведки успевали обезвредить их ручные гранаты, боеприпасы и яды. Но бывало, «гости», как правило, отличавшиеся отменным здоровьем, несмотря на сильное снотворное, неожиданно просыпались. Но обходилось без провалов. Агентов абвера потом либо изолировали, либо перевербовывали. Некоторым позволяли вернуться в свою штаб-квартиру при условии, что те доложат об успешной деятельности в Москве немецкой агентурной сети. Таким образом было обезврежено более полусотни немецких лазутчиков.

Радиоигра с абвером становилась всё интереснее. О ней регулярно докладывали Сталину. И в середине 1942 года техническое обеспечение радиоигры снова было поручено Рудольфу Ивановичу.

Коренной перелом в Великой Отечественной войне

произошел в ходе Сталинградской битвы. Теперь, когда материалы разведки рассекречены, известно: в победе советских войск под Сталинградом большую роль сыграли спецслужбы. Немецкое командование было обмануто. Поверило дезинформации. 4 ноября 1942 года Демьянов, работая под руководством Абеля, передал: советский Генштаб готовит крупное наступление под Ржевом, а под Сталинградом активных действий не планируется. Немцы клюнули на наживку и направили резервы, раньше предназначавшиеся для армий, воевавших на Сталинградском фронте, к Ржеву. Около Ржева они советское наступление сдержали, а на Волге сражение проиграли вчистую.

Но руководитель абвера адмирал Канарис по-прежнему полностью доверял Максу. Так, незадолго до начала сражения под Курском тот получил указание Канариса: передавать шифром информацию о планах советского Генштаба каждую неделю. И по-прежнему рядом с Гейне находился Абель. Искусство разведчиков заключалось в том, чтобы подготовить Демьянову такие дезинформационные сведения, в которые бы немецкое командование поверило на все 100 процентов.

Летом 1943 года донесения Макса не раз вынуждали немцев переносить сроки наступления на Курской дуге. Это, конечно, было на руку советскому Верховному командованию. Два крупнейших военных сражения Второй мировой войны были выиграны и благодаря усилиям разведки. Операции, задуманные как контрразведывательные, обрели масштаб стратегических.

Демьянов успешно продолжал водить немцев за нос и после Курской битвы. Отсюда и кочующий из одной иностранной книги в другую миф, будто у абвера в нашем Генштабе действовал ценный агент. Действительно, впервые сигнал об этом подал из Германии советский разведчик полковник Шмидт, служивший в шифровальной службе абвера. Англичане, занимавшиеся расшифровкой телеграмм из Берлина, сообщили эту информацию русским коллегам. Член Кембриджской пятерки (о которой я еще расскажу в этой книге) Энтони Блант, работавший в британской разведке, встретился с советским резидентом в Лондоне Горским, чтобы сообщить: «у немцев в Москве есть важный источник информации в военных кругах».

После войны на читателей обрушились целые горы книг об успешном внедрении агента в советский Генштаб. Генерал Вальтер Шелленберг, начальник немецкой службы внешней разведки, в своих неоднократно переизданных и у нас мемуарах хвастался: ценная информация поступала от источника, близкого к самому Рокоссовскому. И правда, Демьянов-Гейне на некоторое

время по просьбе разведчиков был пристроен к легендарному маршалу офицером связи и передавал дезинформацию оттуда.

Был введен в заблуждение и другой немецкий генерал — Гелен. В своих воспоминаниях он тоже нахваливал агента Макса, называя его главным источником стратегической военной информации на протяжении самых трудных лет противостояния. По мнению Гелена, «работа Макса являлась одним из наиболее впечатляющих примеров успешной деятельности Абвера в годы войны». Может ли разведчик мечтать об оценке более высокой?

Когда Гелен заменил Канариса на посту руководителя военной разведки, он предложил американцам использовать «очень надежного агента» в разведывательных целях против СССР. Но те замешкались, и принять Макса на связь не успели.

Тема предательства одного из офицеров Генштаба периодически муссируется в некоторых публикациях. Но нет никаких доказательств того, что она имеет под собой хоть какую-то почву. Обычная игра разведок. В случае с Демьяновым — блестяще разыгранная.

У меня оставалось еще немало вопросов о Демьянове, но Мутовин перешел ко второй неизвестной мне истории, и я решил задать их ему позже. Он пообещал познакомить меня со своим жившим неподалеку товарищем Александром Козловым — легендарным разведчиком из фашистского «Сатурна», о котором сняты многосерийные фильмы. Но как-то все закрутилось, завертелось… В Краснодар выбраться я больше не сумел. Звонил Мутовину, однако телефон молчал. А когда однажды дозвонился, узнал, что Иван Иосифович скончался.

Всё же я позволю себе сделать два-три дополнения к рассказу полковника.

Сыну дворянина Александру Петровичу Демьянову пришлось испытать немало. В Ленинграде, куда они с матерью вернулись в середине 1920-х годов, Саша работал электромонтажником и учился в Политехническом институте. Но вдруг его из института отчислили — с обычной тогда для детей лишенцев формулировкой: «как социально чуждого элемента».

А в 1929-м последовал арест: его взяли по доносу за «хранение оружия и антисоветскую пропаганду». В «Энциклопедии разведки и контрразведки» сообщается, что пистолет был Демьянову подброшен. Не надо долго гадать, с какой целью. В том же году он был завербован ОГПУ. В 1930 году Демьянова перевели в Москву. Далее последовали контакты с московской богемой, интерес к нему со стороны немецкой разведки. Не правда ли, напрашивается определенная аналогия с судьбой другого разведчика, Николая Кузнецова, ставшего во

внешней разведке Героем Советского Союза № 1? К сожалению, посмертно. Подвиг Демьянова оценен гораздо скромнее — Красной Звездой, а немцы наградили его Железным крестом.

Радиоигра с абвером, о которой рассказывал полковник Мутовин, получила официальное название — операция «Монастырь». Через фронт под Гжатском Макс-Гейне-Демьянов переходил как эмиссар прогерманской организации «Престол».

С Абелем судьба снова свела Демьянова в конце лета 1944 года. Оба участвовали в другой крупной контрразведывательной операции — «Березино». Именно за разработку этих операций получил Абель орден Ленина.

После войны была задумана еще одна операция с привлечением Демьянова. Вместе с женой Татьяной он оказался в Париже. Наши спецслужбы терпеливо ждали, что на Демьянова, так и не разоблаченного агента абвера, выйдут немцы или, что виделось более вероятным, англичане. Но ни разведки других стран, ни эмигрантские круги интереса к нему не проявили. Александр с Татьяной возвратились в Москву. И, как это часто случалось в послевоенные годы, разведка рассталась с одним из своих героев.

По моему глубокому убеждению, подвиги Александра Петровича Демьянова не были оценены по достоинству. Только сейчас благодаря таким сподвижникам, как полковник Мутовин, вспомнили о Гейне. Появились газетные публикации, изданы книги. Частично причиной тому являются лишь недавно снятый с Гейне гриф секретности и, по-моему, в гораздо большей степени некоторая инерция мышления: в свое время приоткрыли несколько страничек очень удачной для советской разведки тайной войны и решили этим и ограничиться.

Главные действующие лица секретных операций, выжившие в Великую Отечественную, теперь ушли навсегда. Архивы покрываются толстым слоем пыли. Да и не так много желающих в них копаться. Вот почему столь ценно каждое слово ветеранов, еще остающихся с нами. Мы ловим эти последние признания уже на излете. Тяжело сознавать и больно писать, но еще пара лет, и единственными свидетелями останутся лишь пожелтевшие странички из личных дел героев-разведчиков. Много ли они нам расскажут и заменят ли живых свидетелей?

А Александру Петровичу Демьянову после возвращения из Парижа пришлось вспомнить о прошлой гражданской профессии. Он трудился инженером-электриком в московском научно-исследовательском институте. Его не стало в 1978 году. Катался на лодке по Москве-реке, энергично гребя веслами. И умер мгновенно от разрыва сердца. Было ему 68 лет.

ИЗ НЕЛЕГАЛОВ — В АКАДЕМИКИ
Иосиф Григулевич

Свой второй фронт против фашистов Иосиф Ромуальдович Григулевич, он же Григ, открыл в 1936 году в сражавшейся с франкистами Испании. А до того была долгая охота за Троцким в Латинской Америке, закончившаяся в Мексике.

В военные годы его подпольная группа взорвала множество судов со стратегическим грузом, и они так и не доплыли из Аргентины до фашистской Германии.

Ему удавалось то, о чем другие даже мечтать не могли. Ну, не было такого в истории разведки, чтобы нелегал стал в 1950-х послом Коста-Рики в Италии, Ватикане, Югославии.

С каким гневом посол Коста-Рики Теодор Кастро обличал СССР, выступая на VI сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Париже! (Именно там, а не в Нью-Йорке.) Кастро обвинил Советский Союз в похищении детей греческих коммунистов и левых. При этом он ссылался на Библию, цитировал древнегреческих философов, взывал к человеколюбию. Эта десятиминутная речь тронула присутствовавших заботой о детишках, на самом деле прекрасно устроенных в СССР. Выступление костариканца обсуждалось в кулуарах, а глава советской дипломатии Андрей Вышинский так отозвался о нем: «Не скрою, по части красноречия он достиг больших высот. Но как политик — он пустышка. И место ему не здесь, на этом представительном форуме, а в цирке». Зато представитель Коста-Рики заслужил похвалу госсекретаря США Дина Ачесона, хлопнувшего его по плечу: «Друг мой, если Вышинский кого-то публично отругает, это только придает публичный вес и известность».

После сессии в Париже посол Кастро удостоился аудиенции у папы римского Пия XII. Встреча произошла по инициативе самого папы. Кастро откровенно поделился своими впечатлениями, делая упор на силу СССР и авторитет его представителей. По мнению Кастро, этот авторитет обусловлен тем, что русские постоянно говорят о мире. И Пий, к Советскому Союзу не благоволивший, согласился: «Новая мировая война может принести только несчастья и никакого утешения». А вскоре папа римский тоже заговорил о необходимости мирного сосуществования государств.

Прошло немного времени, и Теодор Кастро, псевдоним «Макс», был награжден орденом Мальтийского креста и возведен

в рыцарское достоинство.

Неизвестно, каких высот он мог бы достигнуть — он был недосягаем для чужих контрразведок, — если бы не пришедшая в 1953 году из Москвы странная директива. Центр приказывал срочно возвращаться на родину. И Григулевич вместе с женой-мексиканкой Лаурой, не говорившей по-русски, и полугодовалой дочкой Ромуэллой приехал в СССР. По преданию, дочку привезли в корзинке. В Советском Союзе она получила имя Надежда.

И что ему оставалось делать? Он был оторван от привычной среды, от блестяще освоенной профессии. В определенной степени Григулевичу (Григу) выказали недоверие: в 1956 году его отношения с разведкой были официально завершены и он был выведен из нелегального резерва. Другой, да почти любой, впал бы в депрессию, пристрастился бы к алкоголю. А Иосиф Ромуальдович Григулевич в 40 лет начал все заново.

Он написал более тридцати книг, которые сегодня назвали бы бестселлерами, и множество научных трудов. Некоторые люди науки и литературы забеспокоились, зароптали — какой-то чужак вторгся в заповедную область и как развернулся! Одному человеку такое не под силу, на него работает команда наемных ученых. На самом деле мало кто умел вкалывать, как вкалывал он.

Постепенно, однако, к новичку привыкли. Его кандидатская, потом докторская диссертации были восприняты уже как само собой разумеющееся. А затем Григулевича избрали членом-корреспондентом Академии наук СССР. Это было уже второе академическое звание Григулевича. Первое — почетного академика — он получил в Риме в итальянской Академии культуры и искусства, где выступал с лекциями по истории древней культуры Латинской Америки.

Но не только своими латиноамериканскими исследованиями и историческими работами по Ватикану он обеспечил себе место под московским солнцем. Сам облик Григулевича внушал доверие. Он обезоруживал окружающих своим дружелюбием, добродушием, умел сходиться с людьми, всегда являлся душой компании.

В этой главе я расскажу о деятельности Григулевича во время Великой Отечественной и приведу беседу с его дочерью Надеждой Иосифовной Григулевич.

Второй фронт Григулевича

После успешного покушения на Троцкого (здесь мы не будем

останавливаться на деталях — не в этом суть данной книги) в конце декабря 1940-го Григулевич снова оказался в Аргентине. Ему предстояло легализоваться и обязательно сменить свой чилийский паспорт с отметками о проживании в Мексике, где и был настигнут Рамоном Меркадером (не без участия нашего героя) Лев Троцкий. Хотя в местных газетенках и мелькнули статейки о неком враге Аргентины «Мигеле», Григулевич ими не обеспокоился: автор публикаций злорадно «похоронил» пламенного коммуниста «Мигеля», да еще и в назидание другим в общей могиле.

Аргентинский паспорт, не липовый, а самый настоящий был получен сравнительно легко — за 600 долларов. Может быть, повезло. А может быть, помогли связи с еврейскими благотворительными организациями, которые обустраивали в Аргентине, пусть и за деньги, бежавших сюда от фашизма евреев. Благотворители слегка шельмовали, отправляя всех просителей в одну и ту же провинцию, где решения о предоставлении гражданства принимал неплохо оплачиваемый ими суд. Разгорелся скандал. Но, к счастью, никого из обладателей новеньких паспортов он не коснулся.

Поднаторевший в коммерческих делах Григулевич мудро решил не вкладывать отпущенные ему Центром государственные деньги в крупные сделки, не открывать слишком заметных коммерческих предприятий. Быстро прогорев в Буэносе на производстве никому не нужных свечей, он приторговывал лекарствами и алкоголем. В конце его почти четырехлетней и очень плодотворной для советской разведки деятельности выяснилось, что Москва потратила на резидента и его группу всего около двух тысяч долларов. Сумма по всем временам абсолютно смехотворная. Григ самостоятельно обеспечивал себя и своих помощников.

Получив аргентинский паспорт, Григулевич кропотливо строил в Аргентине собственную сеть. В апреле 1941 года в Буэнос-Айрес прибыли его давние коллеги по разведке, еще не отошедшие от мексиканских подвигов.

Размеренное развитие событий прервало нападение Гитлера на СССР. В конце июня 1941-го Григ получил послание. Оно долго добиралось до адресата. Сначала шифровку отправили по радио в советскую резидентуру в Нью-Йорке. Там текст перенесли тайнописью на обычное письмо, которое было отправлено авиапочтой в Буэнос-Айрес в синем конверте. Григулевич, теперь под оперативным псевдонимом Артур, был назначен резидентом, которому предстояло создать агентурную сеть не только в Аргентине, но и в других странах Латинской Америки. А еще

сообщалось, что 6 июня 1941 года он награжден орденом Красной Звезды за недавнее выполнение специального задания.

Артур в силу обстоятельств оказался единственным советским профессиональным разведчиком в этой части света. Значит, это ему подбирать, внедрять, легализовывать не только агентов, но и руководителей резидентур для «своего» и соседних государств. Справиться с этим одному человеку невозможно. Однако Артур справился.

Одной из важнейших задач резидентуры было проведение диверсий с целью сорвать поставки стратегического сырья из Аргентины и других стран в Третий рейх. Опыта подобной работы, даже несмотря на участие в гражданской войне в Испании, у Артура не было никакого. Он понял: надо создать специальную группу. Назвал новое подразделение Д-группа. «Д» означало — диверсионная. Но искать и вербовать аргентинцев, готовых бороться с нацизмом, следовало очень осторожно. В первые месяцы после нападения Германии на СССР в Аргентине царила если не эйфория, то явно одобрительное отношение к Гитлеру — по крайней мере со стороны властей. Пусть немцы перебьют этих коммунистов, а мы посмотрим — таков был лейтмотив официальных высказываний.

В Буэнос-Айресе много говорилось о нейтралитете, однако правительство ничего не делало для того, чтобы остановить распространение в стране фашистской идеологии.

Артур для начала пошел проторенным путем. Пока надо опираться на осевших в стране русских, поляков, украинцев, короче, славян. И потому возглавить Д-группу он поручил Феликсу Вержбицкому. У поляка, покинувшего Западную Украину в 1920-х годах, были золотые руки и трезвая голова. Он привлек к работе нескольких соотечественников. Те привели украинских друзей-антифашистов. Вержбицкий руководил Д-группой и изготовлением снарядов для уничтожения кораблей, доставлявших сырье в Германию.

Среди главных помощников Артура был аргентинец «Тин-то». Относительно молодой человек двадцати семи лет, убежденный антифашист. Есть основания предполагать, что он остался в советской внешней разведке надолго, став нелегалом.

Аргентинец Антонио Гонсалес работал механиком в химической лаборатории. Он по поручению Артура и занялся созданием снаряда-бомбы с зажигательной смесью.

Первую свою операцию Д-группа провела в центре Буэнос-Айреса. Немецкий поэт Гёте наверняка бы перевернулся в гробу, узнай он, что в названном его именем большущем книжном магазине не только продавались «Майн Кампф» и прочие

фашистские опусы, но и располагался нацистский центр, открыто пропагандировавший идеи Гитлера. Книги, толстые журналы и газеты из «Гёте» расползались по всей Латинской Америке.

Уничтожить рассадник заразы взялась молодая немка по имени Грета. Она иногда заходила в магазин, покупала фашистские газетенки, а заодно запоминала расположение книжных стендов и, главное, служебных входов-выходов. Бомбу она получила от одного из самых верных людей Артура, который и сейчас значится как Марчелло. Кем был на самом деле этот итальянский синьор, неизвестно. Зажигательную бомбу, аккуратно упакованную в женскую хозяйственную сумку, Грета «забыла» на складе, где хранились кипы книг и журналов со свастикой.

Взрыв прогремел глубокой ночью. Человеческих жертв — никаких. А вся фашистская литература сгорела дотла. Причину взрыва полиция установить не сумела, однако желающих заглянуть в нескоро открывшуюся после капитального ремонта нацистскую лавочку стало меньше.

Одновременно Артур пытался понять, что имеет в виду Центр, приказывая уничтожать стратегическое сырье, поставляемое из Латинской Америки в Третий рейх. Во-первых, оказалось, что все грузы отправляются морем в Испанию и Португалию через порт в Буэнос-Айресе, что хоть как-то облегчало задачу Д-группы. Располагаться, снимать помещение для своих надо было здесь же, в порту или поблизости. Во-вторых, в число основных партнеров-поставщиков Германии входили: сама Аргентина (вольфрам, медь, продукты и шерсть), Чили (натриевая селитра для изготовления динамита и пороха), Боливия (олово), Бразилия (кофе и какао).

Посылать корабли со стратегическими грузами под немецким флагом в Германии не решались. Фрахтовали суда из Португалии, Испании и даже Швеции.

Григулевич знал порт как свои пять пальцев. Он быстро нашел там людей, готовых поставлять ему информацию о кораблях и грузах.

Вержбицкий ухитрился снять помещение «для производства консервов» рядом с портом. Бомбы помещались в банки, в каких в Аргентине обычно хранили оливковое масло. Одному человеку наладить чуть ли не серийное изготовление бомб было не под силу. Помогать Вержбицкому вызвался его друг — рабочий порта Павел Борисюк — по-местному Пабло, приехавший в Аргентину с Волыни.

Самым трудным было вытачивать для бомб металлические детали. Требовался опытный токарь-фрезеровщик. Его отыскали

товарищи Артура. Чистокровный аргентинец под оперативным псевдонимом Оскар дополнил этот боевой Интернационал.

Д-группа фиксировала даты отплытия судов. По замыслу Артура, бомба должна была взорваться только через несколько дней после того, как судно со стратегическим грузом вышло в море. Иначе полиция быстро обнаружит Д-группу. Умельцы сконструировали зажигательную бомбу огромной мощи и, главное, замедленного действия. В море гремучая смесь из разнообразных веществ, вступавших в реакцию, воспламенялась, потушить огонь было невозможно.

Члены Д-группы устанавливали зажигательные мины в трюмах и на грузовых палубах кораблей, отплывающих из Буэнос-Айреса. Обычно их проносили на борт местные докеры — аргентинцы. Но после нескольких случившихся в море взрывов полиция стала обыскивать всех поднимавшихся на борт, даже грузчиков. И Вержбицкий умудрился наладить производство плоских снарядов, которые смельчаки прикрепляли к ногам бинтами — от колена и выше. И ни разу при обысках никто из Д-группы не попался.

После войны специалисты из внешней разведки получили рецепт изготовления страшной смеси. К их удивлению, химические вещества были подобраны вполне грамотно. Они подтвердили: изобретенное и сделанное кустарным методом в Аргентине «приспособление может служить для зажигания горючих и трудновоспламеняемых материалов». Однако сам процесс производства был рискованным, одно неточное движение могло привести к катастрофе.

Как подсчитал уже после Победы Феликс Вержбицкий, он с товарищами изготовил около двухсот зажигательных снарядов замедленного действия. Приблизительно 170 из них были «отправлены в плавание». Порой докерам удавалось заложить в разных частях судна по несколько бомб — для надежности. Грузчики распарывали мешки, вынимали часть груза и вместо него закладывали смертоносные «консервы».

Всё же то, что ни одна такая бомба не была обнаружена, можно объяснить и везением. Разведчику нельзя без удачи. А Иосиф Ромуальдович Григулевич никогда не был ею обделен.

Пожары и взрывы на судах в открытом море приписывали действиям союзных подводных лодок. Эти слухи всячески раздували и люди Артура. Хотя ему было точно известно: никаких субмарин союзников в этой части света, к сожалению, нет.

Впрочем, Д-группа проводила диверсии и на суше. В 1942 году ей удалось поджечь рядом с портом склад, где хранились десятки тысяч тонн селитры, доставленной из Чили и ждущей

отправки в Германию. Первая попытка не удалась, зажигательная бомба почему-то не сработала. И тогда, по предложению украинца Якова, заложили вторую, более мощную: связали две бомбы вместе. И грохнуло так, что пожарные бились с пламенем больше двух суток. Уголовное дело по уничтожению 40 тысяч тонн чилийской натриевой селитры было вскоре закрыто. Несмотря на некоторые подозрения в поджоге, полиция не произвела ни одного ареста.

Что позволило Д-группе совершать столь рискованные операции? Во-первых, тотальная конспирация, к которой успешно приучили и любящих поболтать аргентинцев. Во-вторых, общая вера в справедливость своего дела — она добралась и до Латинской Америки вместе с победами Красной армии под Сталинградом и Курском. В-третьих, умелый подбор людей в диверсионную группу. В-четвертых, идеология. Все участники Д-группы не получали ни песо. Работали только на добровольной основе. По настоянию Грига им было запрещено покупать на свои средства нужные для изготовления бомбы химикаты. Он чуть не насильно всучивал им деньги на посещение врачей: работа с химическими веществами наносила вред здоровью. А зарабатывали подпольщики, вкалывающие в порту, крохи. Иногда Артур приглашал то одного, то другого — всегда отдельно — на хороший ужин.

Григулевичу несколько раз приходилось выезжать в Чили, в Уругвай, да и в некоторые другие соседние страны — по заданию Центра он создавал там агентурные сети и диверсионные группы.

В середине 1943 года работающие в порту соратники Артура заметили, что количество кораблей с натриевой селитрой из Чили резко сократилось, да и рисковых мореплавателей, готовых доставлять ее из Буэнос-Айреса в Европу, осталось немного. Вся морская братия прослышала о пожарах и взрывах на судах, отправлявшихся в Германию.

А корабли взрывались до лета 1944 года. Сколько же их потонуло? Уже после войны в Центре подняли архив и по донесениям попытались установить нанесенный ущерб. Он оказался огромным. 14 судов точно было уничтожено. Но не доплыло до пунктов назначения больше, гораздо больше.

В середине 1944 года диверсионную работу пришлось прекратить. Сигнал об угрожающей в Аргентине Д-группе опасности был получен из Великобритании. Советская агентура (не Кембриджская ли пятерка? — ***Н. Д.)*** добыла секретные документы английской и американских спецслужб. Еще в 1941 году британская цензура — вдумайтесь — на Бермудах обратила внимание на показавшееся странным письмо из Нью-Йорка в

Буэнос-Айрес. Изучив его, бдительные англичане обнаружили под строками тайнопись и шифр. Затем было перехвачено еще два похожих письма, отправленных из Нью-Йорка в Аргентину. Что дало основания предположить: русская разведка имеет своих агентов в Буэнос-Айресе. И начался поиск советских разведчиков.

Он мог закончиться трагически для всей советской агентурной сети в Латинской Америке. Ведь Артур занимался не только организацией диверсий. Он проводил вербовки, добывал информацию. О работе резидента судят по количеству агентов, находящихся у него на связи. У Григулевича их было в Буэнос-Айресе, Сантьяго и Рио-де-Жанейро около шестидесяти!

И если бы не одна промашка, никогда бы не узнать англичанам, что по наводке надежного друга он в 1943 году попытался привлечь к работе посла Кубы в Сантьяго. В документах этот неизвестный человек значился как нелегальный представитель России в Аргентине. А предлагал он кубинцу отправиться в Турцию, чтобы вступить там в антифашистскую борьбу.

К счастью, Артура быстро предупредили об угрозе. Деятельность Д-группы была законсервирована, как объяснили подпольщикам, в связи с открытием второго фронта. А оставшиеся зажигательные бомбы Вержбицкому приказали демонтировать. Он аккуратно перенес их на конспиративную квартиру, чтобы там с двумя подпольщиками разобрать. И вдруг, перемещая два снаряда, уронил на них металлический инструмент. Грянул взрыв. По непонятной случайности два помощника Вержбицкого не пострадали. Он, тяжелораненый, приказал им бежать. Прибывшая полиция обнаружила истекающего кровью человека на полу. Арестованного Вержбицкого доставили в больницу: ампутировали ему левую руку выше локтя, удалили левый глаз. Правый глаз не видел. В 36 лет он полностью потерял зрение.

Обессиленного Вержбицкого через две недели посадили в тюрьму. Начались допросы. Феликс молчал. Артур сумел найти хорошего юриста, не пожалев на это собственных денег. Выбранная опытным адвокатом тактика была проста. От всего отказываться. Не сломали Феликса и уголовники, в камеру которых бросили слепого. Он сумел найти с ними общий язык, до истязаний не дошло. Его регулярно навещала русская жена. А юрист добился невозможного: уголовное дело не возбудили, и инвалида выпустили на свободу под залог, понятно кем внесенный. Вержбицкий сразу был нелегально переправлен в Уругвай, куда вскоре вывезли стараниями резидента супругу и двух детей.

В 1956 году семья Вержбицких переехала в СССР. Феликс Клементьевич жил и работал штамповщиком в Люберцах на предприятии для слепых. В 1968 году на Лубянке ему торжественно вручили орден Отечественной войны 1-й степени и две медали. Скончался Феликс Вержбицкий в 1986 году.

А Григулевич остался в Аргентине. В ответ на запрос Центра, не рискует ли он, не подвергается ли опасности, ответил: «Я вас прошу лично обо мне никогда не беспокоиться. Сижу здесь прочно. Лишь глубоко сожалею, что в эти тяжелые для нашей священной Родины дни мне не удалось до сих пор принести более существенной пользы».

Попал под кампанию

Возможно, думаю я, путь от разведчика-нелегала до члена-корреспондента Академии наук был пройден с виду легко благодаря навыкам, полученным в той же разведке. А может, был у Иосифа Григулевича дар Божий?

Если с жизнью «после разведки» всё понятно, то вот с «до» и «во время»… Например, главный для меня вопрос: почему успешного разведчика отозвали?

В пятом томе «Истории очерков советской и российской внешней разведки» дается такая трактовка отзыва. Хотя в 1953 году на президентских выборах в Коста-Рике и победил хорошо знакомый ему человек, ожидаемого и обещанного продвижения по службе Григулевич не получил. Больше того, на пост посла в Италии был назначен другой дипломат. И, как пишется в официальной истории, «таким образом, дальнейшие перспективы Макса (оперативный псевдоним разведчика. ***— Н.Д.)*** стали весьма туманными. Учитывая складывающуюся обстановку и состояние здоровья Луизы (псевдоним Лауры. — ***Н.Д***.), Центр решил, что командировка нелегалов должна быть завершена».

Что случилось с его боевой помощницей и женой? В «Очерках» пишется, что «состояние здоровья Луизы требовало длительного лечения (что было недалеко от истины)». Несколько туманно. Впрочем, тумана в биографиях таких легендарных личностей, как Григулевич, всегда хватало. А здоровья у Луизы-Лауры, родившейся в 1915 году, хватило для того, чтобы надолго пережить мужа: она скончалась в 1997-м, он — в 1988-м.

Наша встреча с дочерью академика, Надеждой Иосифовной Григулевич, помогла мне найти ответы на многие вопросы в биографии Григулевича.

— Умер Сталин, и отозвали если не всех, то очень многих. В

том числе и отца. Понимаете? Попал под кампанию. Другая причина неизвестна.

— Это было бегство?

— Никакого бегства. Из Рима — в Австрию, где маму какая-то женщина повела по магазинам: купили таз, чтобы меня купать, две кастрюли и еще что-то. Вот и приехали с этим из заграницы.

— Семья посла Теодора Кастро жила в Италии. И как вас перевезли в СССР?

— Отец добился ранга посла. Да, его клеймил Вышинский. Но это же взялось не с неба. Мало кому из дипломатов такое удается. Успевал работать в библиотеке Ватикана. Иначе откуда бы родиться книге «Ватикан — финансы, религия и политика»? Написал ее уже здесь, и она стала кандидатской. Сейчас к ней начали постепенно возвращаться, там есть все о Ватикане. Представьте, разведчик-нелегал, дающий стране множество секретнейших сведений, еще и работает в библиотеке. Он стал чуть не дуайеном латиноамериканского дипломатического корпуса. Григулевич, между прочим, приложил руку к тому, что наши органы завладели секретом атомной бомбы. Согласитесь, что такой человек мог многого достичь.

Я постарался выяснить, каким образом Григулевич был связан с «атомной» разведкой. Действительно, есть неподтвержденная информация, что прикрытием для агентов Григулевича была работа в аптеках. Одна из них находилась в американском штате Нью-Мехико в городке Санта-Фе. Предполагается, всего лишь предполагается, что работавшие там агенты-фармацевты получали сведения от агентов-сотрудников атомной лаборатории Лос-Аламоса и передавали их наезжавшим в Санта-Фе курьерам.

И был еще один «атомный» эпизод. Посол Коста-Рики в Италии Кастро однажды сообщил в Центр, что американцы размещают усовершенствованное атомное вооружение на своих зарубежных военных базах. От кого получил эту информацию посол, неизвестно. Но она подтвердилась.

Однако вернемся к беседе с Надеждой Иосифовной Григулевич.

— Отца не признали участником войны. И воинского звания у него не было. Но Григулевич этим не был никогда озабочен. Помог Павел Георгиевич Громушкин. Он ходил, добивался, его выгоняли из кабинетов, а он возвращался. И в конце концов официально признали и отца, и маму, потому что она во всём этом участвовала. А у отца не было орденских планок, он никогда ничего не носил.

— Носить было что?

— Было. Начиная с Мальтийского креста. Он сейчас хранится в музее недалеко от Москвы.

— Корзинка, в которой вас привезли, тоже там?

— Далась всем эта корзинка. Не было ее. Меня привезли в коляске, тогда в СССР невиданной, с отстегивающейся частью, где и лежал младенец. Но если нужна байка, пожалуйста. В аэропорту, рассказывала мама, нас встречали. И так все были возбуждены, так заболтались, что сели в авто без меня. Опомнились — с собой только два чемодана. Оказалось, меня с отстегнутой частью коляски случайно бросили в багажник. Хорошо, сверху ничего тяжелого не положили. Я, говорят, спокойно себе спала.

— Как вас все-таки звали?

— Родилась я в Риме, поэтому отец назвал меня Романелла. Когда приехали в Союз, народ быстренько окрестил меня Ромашкой. Отец понял, что Романелла Иосифовна для здешних мест — это круто, и назвал меня в честь мамы — Надеждой.

— А что с покушением на Тито?

— Отец был послом, он мог находиться рядом. Но это всё из той же серии — это было не его. Знаю, что Судоплатов и Эйтингон были категорически против, чтобы этим занимался Григулевич. Не тот это человек. К счастью, не состоялось. Но я хотела бы сказать об ином.

В разведке тогда работало удивительное поколение. Это были люди идеи, сформировавшей моего отца, его соратников. Можно говорить, что идея — коммунистическая, но мне кажется, это не совсем правильно. Скорее, это была идея справедливости, справедливого миропорядка. Мальчик Иосиф Григулевич в десять лет познакомился со всей мировой классикой. Это, понятно, от Господа Бога. Папа учился в русском реальном училище в Паневежисе, где была великолепная библиотека. Он сидел и читал всё подряд сутками напролет, в том числе и произведения Маркса. Учитель попросил Иосифа привести библиотеку в порядок, но порядок — немножко не по его части.

А дальше вся молодежь ушла в революцию. Иосиф Григулевич был одним из комсомольских руководителей Белоруссии и Литвы. Они с семьей переехали в Вильнюс, и кто-то на него настучал, когда они с друзьями расклеивали прокламации. Его посадили в тюрьму. Оттуда всё и пошло. Мать, горячо им любимая, сильно за него переживала. Она умерла, не дожив и до пятидесяти лет, и папа подписывал все свои книги «Лаврецкий» — ее девичьей фамилией.

Потом он уехал в Аргентину к отцу — аптекарю, там осевшему. А потом была война в Испании. Некоторые серьезные

исследователи считают, что Вторая мировая война началась не в сентябре 1939 года, а еще в 1936-м, с гражданской войны в Испании. Может быть, это звучит несколько вычурно, но действительно вся прогрессивная молодежь мира, все лучшие люди уехали туда сражаться против Франко. И Григулевич тоже поехал в Испанию: из Аргентины, через Париж. Поверьте, вопреки тому, что вы, возможно, читали, никто его в Испанию не посылал. Там формировались добровольческие отряды, они сражались за Республику. Отсюда и многие знакомства отца. Прежде всего с интеллигенцией. Он работал переводчиком.

— Говорил на многих языках?

— Тогда еще нет. Хотя, как и многие уроженцы Литвы, на разных — естественно. Помимо литовского, знал русский, польский и, понятно, родной — караимский.

— Караимы — народ, живущий в Литве, сейчас — неподалеку от Тракая, их своеобразной столицы. Во время войны фашисты истребляли караимов, так же как и евреев.

— Отец гордился тем, что он караим, у него в советском паспорте так было и записано. А в школе он учил немецкий и древние языки. Остальные, включая испанский, итальянский, английский, выучил позже.

— Готовый кадр для разведки.

— Все разговоры о том, что Григулевич разведчик чуть не с пеленок, — спекуляции. В Испании были лучшие силы советской разведки — Эйтингон и знаменитый Орлов, который потом ушел на Запад. Орлов и стал непосредственным начальником Григулевича.

— Сколько же народа начинало у Орлова!

— Меня удивляет другое: скольких же людей находили на улице, и они становились теми, кем становились.

— А меня поражает вот что: Орлов сбежал, а многие к нему относятся с уважением.

— Он дал слово. Никого не выдал, хотя потом, после смерти Сталина написал книгу — она одна из лучших, потому что в ней нет злобы, написана отстраненно.

— А ваш отец хорошо отзывался об Орлове?

— В высшей степени. Он им восхищался. И что здесь удивительного? Та эпоха дала такие вот личности. Есть ли они сегодня?

— И вашему отцу приходилось устранять в Испании троцкистов?

— Не лично, конечно. А как у нас во время Гражданской? И в Испании шла настоящая гражданская война. Ничего страшнее нет и быть не может. Наверно, что-то такое у отца было, приходилось.

А как иначе? Я лично знала людей, чьих родителей франкисты заживо закапывали в землю.

— Как вы думаете, почему, в отличие от других разведчиков, ваш отец, хорошо знавший Орлова, не пострадал? Абеля-Фишера, к примеру, выгнали из органов и, считалось, ему еще повезло… А ваш отец вскоре после Испании участвовал в операции «Утка» по уничтожению Троцкого.

— Документы того дела по-прежнему закрыты. Полагаю, эта операция — самая трагическая страница в его жизни. И, к счастью, ничего у них тогда не вышло.

— Но не по вине вашего отца. Он себя там проявил достойно.

— Не знаю, по чьей вине. Но результата не достигли. Хотя сколько уж на Троцком было крови… Троцкий свое получил. Но я бы попросила прощения у внука Троцкого — ему пришлось тяжело. У Григулевича были трагические моменты в жизни, и, думаю, это расплата как раз за то покушение. И, наконец, найденные в немецких архивах документы подтверждают: Троцкий вел переговоры с фашистами. Факт налицо. Вот почему покушения на Троцкого проходили в 1940-х, в канун Второй мировой. Были у него соратники по всему миру, он обратился к немцам. Тогда и была затеяна операция. Долго тянулась история — Скандинавия, Турция, Мексика. Хотели устранить его где-то в другом месте. А получилось, что пришлось пересекать весь земной шар — до Мексики. И иметь дело с ненадежными людьми — мексиканцами да еще с художниками.

— Типа великих Сикейроса и Риверы. А с Меркадером, которому это удалось, ваш отец был знаком?

— Конечно. Но познакомились они уже потом. И я его видела. Две разные оперативные группы, которые по всем законам жанра не имели права знать друг друга. Отец жалел Меркадера: двадцать лет за решеткой. И какая сильная личность!.. Выдержал все пытки, а пытали его поначалу каждый день. Никого не выдал.

— Ваш отец был послом Коста-Рики, наверняка не самым бедным «латиноамериканцем» в Риме. Мог бы что-то припасти на черный день…

— Вы рассуждаете с точки зрения современного человека. А это были другие люди. Когда в 1990-е в нашей квартире, наконец, появилось высокое начальство по той, прежней профессии, гости испытали шок: в нашем жилище не оказалось ничего ценного. Даже когда отец пошел работать в академию, стал писать книги и финансовая ситуация изменилась, разговора о каких-то покупках в нашем доме не возникало. За всю жизнь он купил в дом большой стол для работы и стулья: пошел в ГУМ, а там какая-то

дама, небывалая тогда история, отказалась от гарнитура. И десятилетиями за этим удобным раскладным столом он писал свои книги. Даю вам слово: больше ни одной вещи не купил в дом. Его это не интересовало.

Как отец выжил? Удивляются: в такой неблагодатной среде стал академиком. А какая почва была у генералов Судоплато-ва и Эйтингона, которые сидели в тюрьме? Или у тех, кого расстреляли? Среди них были и друзья отца.

— Но ведь это очень тяжело — не по своей вине остаться без дела, которое блестяще знал и которому был верен. И подняться на новые высоты.

— Отец такой не один. Сколько отсидел другой выдающийся разведчик Дмитрий Быстролетов? И оставил после себя тома книг. Григулевич не самый глупый человек. Его не поставили к стенке, не посадили, оставили в покое. Ведь за что Эйтингона и Судоплатова посадили как раз в 1953-м?

— Вероятно, за Берию. Ваш отец его не знал?

— Я не в курсе, кого он знал, кого — нет. Знаете, в чем подвиг? Каждому человеку, ну, почти каждому, даются какие-то способности. И свои Григулевич использовал на тысячу процентов. В жизни у него ничего не было — никаких хобби, развлечений. Я помню только согбенную спину и его пишущего. А отдыхом для него было чтение, та же работа. Нет, была отдушина — говорил по телефону. Если ехал «отдыхать», значит, в руках огромный чемодан с книгами и рукописями.

— А как приспособилась к этой ситуации ваша мама? Каково было мексиканке Лауре в далекой холодной стране? Она начала учить русский с нуля?

— Мама знала много языков, но не русский. Ничего, выучила. У меня были русские няни. Сказать, что она тут радовалась жизни, не могу. Работала: переводила, преподавала. Однако всю жизнь посвятила отцу.

— А вы работаете?

— Преподаю в Академии наук, пишу.

— В разведку не пошли?

— Меня туда не приглашали. Хотя мы, дети разведчиков той поры, орешки крепкие, друг с другом знакомы, дружим, иногда в определенном месте в определенный день встречаемся. А мама — талантливая — жила ради отца. Да и я, маленькая, сильно болела. В Советском Союзе нам помогала соседка Вера Федоровна. Увидев маму, она сразу поняла, что та без нее просто пропадет. Отец-то только работал и работал. Мама не понимала, как это — что-то «достать»? А соседка «доставала».

Но отец жил полной жизнью. На склоне лет стал встречаться

с молодыми коллегами по своей прежней профессии. Ему было о чем рассказать.

РОМАН С РАЗВЕДКОЙ
Зоя Воскресенская

Общий тираж книг писательницы Зои Воскресенской — 21 миллион 642 тысячи. Донесения разведчицы Зои Рыбкиной обычно печатались в трех экземплярах.

Впервые я увидел ее будучи школьником. На эту встречу сгонять никого не пришлось, а наш 9 «А» явился в полном составе. Вот уж повезло! К нам приехала сама Зоя Ивановна Воскресенская — автор «Рассказов о Ленине» и «Сердца матери», которые мы в середине 1960-х изучали по школьной программе.

Подтянутая, хорошо одетая, строгая, но и доброжелательная, она говорила о своих книгах и о Володе Ульянове очень просто, без излишнего писательского пафоса. Не давила на идеологические пристрастия будущего вождя мирового пролетариата, больше делала акцент на его человеческие качества, особенно на любовь к маме — Марии Александровне. Нам всем понравилось — и строгим дочерям маршалов Советского Союза, и сытым сыновьям министров и их замов, и продвинутым, как теперь бы сказали, детям знаменитых артистов и писателей, а также ребятишкам из окраинных тогда Сокольников, которыми специальную «английскую» школу № 1 разбавляли для соблюдения какого-то неведомого «процента зачисляемости».

Слегка удивила лишь пара прощальных фраз, сказанных ею на отличном немецком, а потом и на хорошем английском: прославленный автор романов и повестей о Ленине призвала нас, изучавших в спецшколе ***English*** со второго класса, неустанно совершенствовать свои языковые знания. И любимая наша учительница Ольга Джорджевна еще долго корила ленившихся: смотрите, как хорошо говорят на иностранном люди, профессионально с языками не связанные.

Оказалось, Зоя Воскресенская имела к языкам самое непосредственное отношение.

Только в 1990-х председатель КГБ СССР Владимир Крючков непонятно почему рассекретил одну из лучших советских разведчиц. Зоя Воскресенская-Рыбкина, полковник, служила за границей, была нелегалом.

Возможно, предчувствуя надвигающиеся перемены, Владимир Александрович Крючков хотел сделать для КГБ и писательницы как лучше: глядите, какие у нас в госбезопасности талантливые люди. Но время для открытия новой героини оказалось не самым

подходящим. Хорошо еще, что остановился только на Зое Ивановне. А мог бы назвать еще немало прославившихся в разных областях хорошо знакомых ему людей, которым бы пришлось выдержать хай и похуже обрушившегося на полковника Рыбкину. За примерами далеко ходить не надо, только зачем? Время для снятия секретных грифов, как говорится, «еще не пришло», да и дело столь тонкое, что и приходить ему незачем.

Ведь какая поднялась шумиха в те переломные, смутные годы по поводу Воскресенской! Работала в органах, даже нелегалом, а сама писала о Ленине, получила за это Госпремию в области литературы и премию Ленинского комсомола…

Но объективно-то — книги были хорошие. Чистые, немного наивные, написанные понятным слогом именно для детей. В них, да, — и воспевание вождя, но и светлые, такие вечные истины — любовь к родным, послушание, стремление к лучшему, упорство, трудолюбие и мужество в достижении цели. Истины не коммунистические, а прямо библейские. Никто не сравнивает Зою Ивановну с Жорж Санд. Но и цели у писательниц были разными, и эпохи — тоже. Разве что обе писали под псевдонимом. Теперь имена хулителей уже забыты, а Воскресенская снова с нами. Нет, ее романам о В. И. Ленине переиздание не грозит. Сегодня она нам более интересна как полковник Рыбкина, о которой снимают фильмы, художественные и документальные. Показанный к 70-летию Победы фильм «Мадам совершенно секретно» вполне правдивый.

Служа в разведке, она получила гораздо больше наград, чем на писательской ниве.

Все нападки полковник Рыбкина пережила с достоинством. И, поняв, что джинна обратно в бутылку уже не загнать, написала две биографические книги, в которых, конечно, с определенными купюрами, поведала о своей жизни.

Разведбиография Зои Воскресенской началась в 14 лет — ее взяли в ЧК сначала писарем, потом библиотекарем. И она пошла не по карьерной лестнице, а по жизненной стезе уверенной, твердой поступью. Не совсем понятно, каким образом дочь железнодорожного рабочего смогла столь успешно играть роль светской дамы сначала в провинциальной Риге, а потом и в переполненных знатью Австрии и Германии. Однажды, когда ее собирались «брать с поличным» в дорогом отеле в Осло, она сознательно устроила скандал. И норвежские спецслужбы побоялись беспокоить богатых постояльцев, сбежавшихся на крики обиженной красавицы. Использовав некое замешательство контрразведки, девушка исчезла. А кто бы передал в тот же день агенту множество исписанных листочков и шесть зарубежных

паспортов для наших нелегалов, застрявших в Скандинавии?

Но скандальности и авантюрности в молодой разведчице не было никакой. Умение ладить с людьми, хорошее знание языков, даже сознательное решение уступить в споре ради достижения чего-то большего постепенно превратили ее из простого разведчика в поле в мудрого руководителя.

Только вот со своим непосредственным начальником Борисом Ярцевым, он же Рыбкин, Зоя некоторое время никак не могла сработаться. Что ж, такое бывает, когда сходятся две сильные личности. Кому-то приходится уступить или… Уступили оба. Неожиданно для Центра после рапортов об отзыве из Финляндии в Москву из-за невозможности совместной работы вдруг попросили: разрешите оформить брак. И жили счастливо до 1947 года…

В 1940 году у опытной разведчицы уже не было никаких сомнений: Гитлер готовится напасть на СССР, война неизбежна. Прогноз Рыбкиной подтвердило и событие, произошедшее 17 мая 1941 года. В истории Большого театра не запечатлевшееся, однако в анналы разведки вошедшее. Немцы решили, что надо создавать видимость хоть каких-то культурных связей с Советским Союзом, и прислали в Москву солистов балета Берлинской оперы. В честь их отъезда состоялся прием в немецком посольстве Германии, на который были приглашены ведущие артисты балета Большого театра, деятели культуры и представители Всесоюзного общества культурной связи с заграницей — ВОКСа.

Майор госбезопасности Зоя Рыбкина никакого отношения к этому приему не имела. Не входит в задачу сотрудников внешней разведки присутствие на подобных мероприятиях. Тут вовсю работает контрразведка. Но начальник сразу двух ее отделов Петр Васильевич Федотов вызвал известную ему лишь по фамилии сотрудницу сопредельного ведомства в свой огромный кабинет. Зоя Ивановна очень удивилась, когда Петр Васильевич попросил ее присутствовать на обеде в посольстве Германии.

Кому же, как не ей? Зоя Ивановна бывала в Германии, отлично говорила по-немецки и, как опытный оперативный работник, могла реально оценить обстановку, создавшуюся в Москве на территории иностранной державы, угрожавшей СССР. Для Зои Ивановны выполнение задания коллег по иному направлению не предвещало ничего хорошего. Ее могли узнать немецкие дипломаты, которым она была известна под другой фамилией. Да и просто «светиться» было ни к чему. Наверняка среди немцев будет немало представителей ее с Федотовым профессии. Да и времени до начала приема оставалось мало, а

надо было еще одеться, получить пригласительный, обговорить детали…

Все это майор лаконично изложила Федотову. Тот ее аргументы понял, но моментально отверг: заменить Зою Ивановну было некем. Чтобы хоть как-то прикрыть разведчицу, из ВОКСа, выполнявшего приказы Лубянки, успели уведомить немецкое посольство: вместо заболевшей сотрудницы Рыбкиной на приеме будет наша переводчица Ярцева.

И вскоре из принадлежавшей ВОКСу машины, подъехавшей к посольству Германии, вышла красивая женщина в бархатном платье со шлейфом. Тут же подъехали авто с артистами из Большого. Среди них Зоя Ивановна узнала популярнейших Семенову и Тихомирову.

Через несколько минут пребывания в посольстве она поняла: прием организован на скорую руку. Еда — невкусная, приготовлена небрежно. Во все разговоры с гостями лезет военный атташе — установленный советской разведкой представитель абвера. Он нагло нарушает этикет и даже перебивает посла Вернера фон дер Шуленбурга. Немцы захотели создать впечатление общения представителей культуры двух стран, дабы показать, что все в порядке, договор в силе. Ярцевой пришлось переводить официальные речи и тосты. Занятие — всепоглощающее, не оставляющее времени ни на еду, ни на общение.

И вдруг грянул вальс. Кто-то поставил пластинку, и сам Шуленбург неожиданно пригласил красавицу-переводчицу на танец. Та с удовольствием согласилась.

Здесь мне хочется рассказать о том, чего нет ни в каких книгах Зои Ивановны Воскресенской. Рискуя карьерой и идя против собственного Министерства иностранных дел, посол Шуленбург убеждал Гитлера не начинать военных действий против СССР. Возможно, чтобы быть более убедительным в своих докладах из Москвы, даже завышал военный потенциал Советского Союза. Не делая из Шуленбурга антифашиста, замечу, что, по некоторым данным, проверить которые абсолютно невозможно, в трех беседах со своим коллегой, послом СССР в Берлине Деканозовым, он предупреждал о грядущем нападении Гитлера, не называя точной даты. Да она ему была и неизвестна, так как три встречи с послом проходили в мае в Москве, перед описываемым нами приемом.

В ноябре 1944 года Шуленбург, участник заговора против Гитлера, был казнен. А удался бы группе немецких офицеров вермахта план «Валькирия», не передвинь кто-то случайно портфель с бомбой подальше от фюрера, и, вероятно, быть бы

Шуленбургу министром иностранных дел Германии.

И еще одно. Шуленбург занимал пост посла в СССР с 1934 года. Долгое пребывание в чужой стране не проходит ни для кого, или почти ни для кого, бесследно. Ты невольно проникаешься к постепенно превращающейся в близкую и для тебя державе уважением. Следишь за ее делами и планами, будто за своими собственными. Воевать против нее кажется глупым. Вернер фон дер Шуленбург совсем не хотел войны с Советами.

Думается, что у посла глаз был наметан и переводчицу в партнерши он выбрал намеренно. Для начала честно признался, что не слишком любит танцевать. Однако Шуленбург старательно «прокружил» даму по посольским помещениям. Трудно считать это случайностью. Или тем более невнимательностью опытного дипломата. И сколько же полезного подметил наметанный взгляд вальсирующего товарища майора. Во многих залах картины сняты и недавно: на их местах на стенах была яркая краска. Она не выцвела, что создавало явный диссонанс. А в одной из дальних комнат Рыбкина увидела гору чемоданов. Значит, в посольстве готовятся к отъезду.

Представитель ВОКСа Ярцева заторопилась, но тут военный атташе Германии затеял ее проверку: в каком отделе общества культурных связей работаете, по какому направлению, и если по скандинавскому, то какие в планах ближайшие выезды? Майор в бархатном платье не стала утруждать себя поиском ответов, а атташе, как пишет Воскресенская в книге, успел по каким-то своим каналам проверить: гостья блефует. И с гордостью сообщил ей об этом открытии. Зоя Ивановна резко оборвала его на полуфразе. Атташе ей был не нужен, плевать она на него хотела.

Тут абсолютно случайно и подоспела Марина Тимофеевна Семенова. Усталая после спектакля, да еще и бесполезного приема, она со словами «пора и честь знать» первой покинула посольство. Вслед за ней на машине ВОКСа укатила и Зоя Ивановна.

Охрана руководителя контрразведки была удивлена, когда женщина в бархатном платье предъявила удостоверение майора и поспешила к самому Федотову. Доложила о снятых картинах, собранных чемоданах и всем прочем, подтверждающем: немецкое посольство готовится к скорому отъезду.

Увы, и на сей раз глава государства отнесся к оперативной информации скептически.

Перед войной Зоя Рыбкина занималась горячими германскими проблемами, заменяя собой на этом направлении чуть ли не все аналитическое управление, которого тогда, увы, не существовало. Как бы то ни было, все сообщения о неизбежном

нападении Гитлера на СССР стекались со всего мира к ней. И именно Зоя Ивановна убедила молодого начальника внешней разведки Павла Фитина добиться приема у Сталина с ею же в основном и подготовленным докладом. 17 июня 1941 года Фитин сообщил Иосифу Виссарионовичу о донесениях разведки. Вождь усомнился в достоверности информации, но Фитин подтвердил: источник надежен. Так он отозвался о наших друзьях, организацию которых после Великой Отечественной именуют «Красной капеллой». Но отчеты Корсиканца, Старшины и других Сталин проигнорировал.

Бесспорно, случайное совпадение, но «Красная капелла» сыграла роковую роль в жизни семейства Рыбкиных. Об этом речь пойдет позже.

В начале войны аналитика Рыбкину сгоряча чуть не отправили на занятую немцами железнодорожную станцию. Она должна была устроиться стрелочницей (или сторожихой) на полустанке и передавать в Центр сведения о передвижении немецких эшелонов. Но все-таки нашелся тот, кто этот идиотский приказ отменил.

И Зоя Ивановна взялась за настоящее дело. Первый партизанский отряд из сотрудников НКВД был подготовлен и отправлен за линию фронта и ее усилиями. А потом последовало назначение в Швецию, к послу Александре Михайловне Коллонтай. Мужа Бориса — резидентом, Зою — руководителем пресс-службы посольства.

Александра Коллонтай, член партии с 1915 года, была отправлена в благополучную и в свое время не очень важную для СССР Швецию если не в ссылку, то на отсидку. Она отметилась в разгромленной Сталиным «рабочей оппозиции», проповедовала слишком свободные — и не только в вопросах любви — взгляды, была дружна с Лениным… Прегрешений достаточно для ГУЛАГа, а ей повезло: с 1930 по 1945 год в послах.

Человек независимый, своеобразный, блестяще Скандинавию знающий и еще довольно одинокий — вот кто стал начальницей Зои Рыбкиной, работавшей в Швеции под псевдонимом «Ирина». И Зоя Ивановна сумела наладить отношения взаимопонимания с первым лицом посольства. На мой взгляд, она превратила аристократичную Коллонтай в свою верную союзницу.

И этот счастливый, прямо хрестоматийный союз разведки и дипломатии принес нам в нейтральной стране небывалые победы. Сначала удалось удержать Швецию от вступления в войну на стороне Германии, а в 1944-м добиться заключения перемирия между СССР и Финляндией.

Но вернемся к «Красной капелле». Переданные перед самой

войной и уже в ее первые дни антифашистам радиопередатчики до Москвы не дотягивали. Ведь предполагалось, что Центр будет связываться с Берлином из Смоленска, а город уже был под немцами.

И Рыбкиным поручили восстановить связь с Берлином, послав туда из Стокгольма верного человека. Таким «верным» им показался шведский инженер и промышленник Эрикссон, чья фирма сотрудничала с Германией. И швед, частенько в рейх наведывавшийся, согласился выполнить просьбу русских друзей: передать в Берлине их приятелю-немцу маленький подарок — галстук и коробочку с запонками. Выполни Эрикссон эту просьбу, и еще неизвестно, как сложилась бы судьба «Красной капеллы», да и Зои с Борисом.

Но в Берлине перед самой встречей Эрикссон дрогнул, выбросил подарок в помойку. И пришедший к нему радист так и не получил долгожданного и необходимого «Красной капелле» для связи миниатюрного оборудования.

Вскоре всех антифашистов, кроме группы, работавшей в Гамбурге, арестовали и казнили. Теперь известно: в провале виноват немец, добровольно сдавшийся Красной армии и сумевший по заданию наших военных добраться до Берлина. Нарушив приказ, образцовый семьянин поспешил в больницу к рожавшей жене, где и был арестован гестапо. Он не выдержал пыток, вступил в радиоигру, выдал… Так не стало «Красной капеллы».

А тогда виновным за провал сочли Бориса Рыбкина. Последовали арест, допросы по-бериевски. Но признаваться ему было не в чем. Прошло время, и Рыбкина отпустили, вернули на прежнее место работы.

Не это ли стало причиной его гибели в 1947-м в автокатастрофе под Прагой?..

Зоя Воскресенская не была обделена наградами. Однако одного ордена, к которому была представлена, она так и не получила. Представление на орден Ленина застряло в верхах. Скоро выяснилось, что затормозил награждение Лаврентий Берия, объяснив отказ поставить свою подпись очень просто: Ленин бабе не положен.

В 1953 году после казни Берии в органах начались чистки. Среди осужденных и попавших на долгие годы во Владимирский централ оказались генерал-лейтенант Судоплатов и его верный зам генерал Эйтингон.

Подполковника Рыбкину неприятные события обходили стороной. До тех пор, пока на партсобрании она не отказалась публично осудить Судоплатова. И сразу же вышел приказ о ее

увольнении из органов. До выслуги лет оставалось полтора года, на руках — маленький сын и мать. Рыбкина попросила дать ей возможность дослужить хоть где-нибудь. И ее, героя войны, резидента разведки, отправили на работу в ГУЛАГ, почти на два года. Подполковник Рыбкина теперь занимала должность в Воркутлаге, перешла в МВД и носила высокую папаху.

А в ГУЛАГе была такая практика: люди, свое отсидевшие, получали новый срок, отправлялись на поселение. Зоя Ивановна, как и еще до войны попавший точно в такую же ситуацию полковник и будущий легендарный Герой Советского Союза Дмитрий Медведев, помогала заключенным добиться справедливости, вернуться на свободу. Вроде бы всего лишь соблюдала закон. Но в те времена для попавшей в опалу разведчицы это был смелый поступок.

Зоя Ивановна Рыбкина отслужила свое и вернулась в Москву в 1956 году. В отставку вышла в звании полковника.

Ее первые литературные опыты посвящены разведке — чему же еще. Но в издательствах ей говорили прямо: написано гладко, а вот специфики разведки вы не знаете. Не делать же ей было большие глаза и выдавливать наивное: откуда?

То же самое говорили и полковнику Абелю, скрывшемуся под псевдонимом Лебедев и принесшему на суд издателей книгу о разведчиках. Вердикт: неплохо, но не Абель.

И Зоя Ивановна принялась писать о Ленине. Это было можно. И среди сотен и тысяч конкурентов, сочинявших на ту же разрешенную тему, выбилась в лучшие. Возвратив фамилию Воскресенская. Завершала карьеру лауреатом.

После того как ее «выдал» Крючков, Зоя Ивановна взялась за книгу о себе «Теперь я могу сказать правду». Но не увидела ее изданной. В 1992 году Зоя Воскресенская-Рыбкина скончалась на 85-м году жизни.

ХУДОЖНИК СЛУЖИЛ НА ЛУБЯНКЕ
Павел Громушкин

О работе во внешней разведке полковник Павел Георгиевич Громушкин говорил не слишком охотно. Профессиональный художник, он предпочитал демонстрировать свои действительно необычные картины. Но о нескольких эпизодах, связанных с Великой Отечественной войной, да и не только с ней, всё же поведал.

Мы виделись довольно часто и на протяжении долгих лет. Эта глава соткана из наших отдельных разговоров.

Павел Георгиевич Громушкин пришел на Лубянку в 1938 году, а распрощался со Службой госбезопасности в уже очень зрелом возрасте. Скончался он в 2008-м, на 95-м году жизни. Это он еще в военные годы готовил документы для наших разведчиков, работавших в немецком тылу. Но мало кто знает, что Павел Георгиевич в начале Великой Отечественной войны под дипломатическим прикрытием трудился в Болгарии, которая тогда была союзником гитлеровской Германии.

— Павел Георгиевич, как вы попали накануне Великой Отечественной в Болгарию? Страну, всегда считавшуюся дружественной России.

— Понимаете, многие по-прежнему в плену нами же созданных мифов. В Болгарии у нас братушки, с Францией — всегда особые отношения и, уж конечно, Черная Африка боготворит Советский Союз, а теперь и Россию. С мифами, легендами, особенно приятными, тяжело расставаться. Но я решил на склоне лет все-таки с ними распрощаться. Сколько можно себя обманывать! Я и сейчас вам всего не расскажу. А если что-то попрошу отложить на потом, то вы же отложите?

— Обещаю.

— К первой длительной загранкомандировке в Болгарии я готовился более года. Надо сказать, что перед отъездом меня с супругой наставлял сам начальник разведки Павел Михайлович Фитин — прекрасный человек и руководитель, молодой, талантливый.

В январе 1941 года, когда в Европе вовсю шла Вторая мировая война, вместе с женой мы уже были в Софии.

— Что же такого интересного вас ждало в Болгарии?

— Интересного? Я бы сказал необычайно сложного. Ни в одной стране мне потом так сложно и неуютно не было. Каждая встреча с агентурой давалась с огромным трудом. Одна из

наиболее рискованных операций, в которой участвовал и я, была связана с довоенной осью Берлин — Рим. А через год, в 1936-м, Германия подписала пакт с Японией.

— Но при чем тут находящаяся на европейском отшибе Болгария?

— Именно в Софии находился ценный источник информации, через него мы получали сведения о планах и конкретных шагах этого блока. Особенность работы заключалась в том, что источник доверял только одному человеку — Василию Ивановичу Пудину. Он завербовал японского дипломата, и тот передавал ему шифры Министерства иностранных дел Японии. И в Центре, куда они передавались, в первые годы войны читали почти всю переписку между японцами, Берлином и Римом.

— Этот японец в Софии напоминает Зорге, действовавшего в Токио.

— Ничего общего. Зорге — патриот, разведчик, который начинал у нас в ИНО. А дипломату-японцу мы платили большие деньги. Всю связанную с этим деятельность поручалось обеспечить группе разведчиков, в том числе и мне. Операция прошла успешно. Полученная информация о планах Берлина, Рима и Токио была необходима нашему командованию для принятия важных стратегических решений.

— А данные вашего японского источника, работавшего в Болгарии, совпадали с теми, что передавал из Японии до войны и в ее начале до своего ареста Рихард Зорге?

— Да, всей этой информацией наш агент располагал, сидя в Болгарии. А необычность ситуации заключалась в том, что, когда 1 марта 1941-го войска Гитлера вошли в Болгарию, все думали: нас интернируют, вышлют, закроют посольство. Потом фашисты напали на СССР, началась Великая Отечественная. Но болгарский царь Борис оставил всё, как было. Представляете? Мы бьемся с Гитлером, немцы в Болгарии, а у нас с болгарами дипломатические отношения. Только и до прихода немцев болгарская полиция к нам плохо относилась.

— А ведь мы считаем их братушками, друзьями, благодарными русским за освобождение от турецкого ига.

— Я и говорю: мифы живучи. Народ еще так, более или менее, а власти, охранка… Иногда где задержишься, засидишься — и болгарские полицейские чуть ли не за руку тащат советских дипломатов: «Давай-давай, иди к себе в посольство». Вот такой дипломатический иммунитет. Однажды сопровождавший Василия Пудина сотрудник утром накануне отъезда в Москву ушел в город, чтобы купить подарки. Вдруг через некоторое время в посольство звонят из полиции, спрашивают, не советский ли

гражданин у них находится. Консул и я выехали в полицию, где нашли своего товарища избитым до неузнаваемости. Оказывается, в кафе, куда он зашел по пути, ему что-то подсыпали в чашку кофе. Потом затолкали в машину, отвезли на окраину Софии, избили, забрали документы и подарки, а самого бросили в канаву. Случайно его увидел священник, шедший по дороге в деревню. Он и позвонил в полицию. Так что, получается, разведчику только Бог и помог. А приход немцев еще сильнее обострил обстановку. Но разведка работала. Тут уж кто кого.

— И кто же кого?

— Выезжает из посольства наша машина. А за ней — сразу их. Еще раз наша — и они. Но мы знали, что болгары не могли больше пяти сыскных машин держать. Поэтому ехали на важную встречу так: наших пять машин да их пять, а уж шестое, седьмое авто — снова наше, и ищи ветра в поле.

— Павел Георгиевич, еще во время нашей первой встречи в середине 1990-х вы мне обещали рассказать о Николае Кузнецове.

— Обещал — слишком сильно сказано. Вы просили меня рассказать некоторые подробности о Николае Ивановиче. И я ответил, что еще рано.

— Но прошло почти полтора десятка лет. Может, пора? Вы же с Кузнецовым были хорошо знакомы. Готовили для него документы на имя обер-лейтенанта вермахта Зиберта. Его потом больше семидесяти раз в Ровно и во Львове проверяли и никаких подозрений.

— Всё-то вы знаете. Но было же не совсем так.

— А как?

— Ну, хорошо. После возвращения из Болгарии я действительно помогал в 1942-м Кузнецову. И всех документов, как этого иногда требовала легенда, изготавливать не пришлось. Дивизию, в которой служил обер-лейтенант Пауль Вильгельм Зиберт, под Москвой разгромили. И на наше везение в ее штабе нашли много документов погибших офицеров вермахта. Отослать в Берлин извещения о смерти немцы не успели. Наступали наши стремительно, а немцы еще не привыкли к таким поражениям.

Неоформленные дела погибших, в полном порядке и как следует немцами подшитые, показали Николаю Кузнецову. Он быстро просмотрел несколько комплектов. И буквально изумился, наткнувшись на дело обер-лейтенанта Пауля Вильгельма Зиберта. В книжке, немцы называли ее зольдбухом, были и фотографии, и описание примет. Всё, как положено — рост, цвет волос и глаз, размер обуви, группа крови. И все, даже кровь, полностью совпадали с кузнецовскими. Правда, родившийся в Кёнигсберге офицер был на два года моложе Николая Ивановича. Но это —

мелочь.

Мы решили задним числом «спасти» Зиберта. Возродили его, убитого. В реальный зольдбух немцы факт смерти занести не успели, и мы записали серьезное ранение. В зольдбухе была строка «собственноручная подпись владельца». И я вместе с коллегой из моего управления учили Кузнецова расписываться, как Зиберт. Николай Иванович был хорошо обучаемым. Получилось быстро, мы даже удивились. Кстати, моментально осваивал чужие подписи и мой друг Вилли Фишер — будущий Рудольф Абель. А для выбранной Кузнецовым легенды требовалось для достоверности создать какую-нибудь маленькую историю. Несколько фото, какие-то письма, некоторые незначительные документы.

Мы с фотографом из нашей Службы решили снимать его в форме офицера вермахта у него дома. Приехали в квартиру, где жил Кузнецов. Николай Иванович вспомнил: а Железный крест? Нацепили, быстро нашли нужный ракурс. Фотографировали так, как любили позировать офицера вермахта. И еще сделали кое-какие фото, чтобы на подлинных документах Зиберта был наш Николай Иванович.

А потом началась наиболее трудоемкая, требующая времени и терпения, работа, которой ненавидят заниматься некоторые специалисты по изготовлению документов. Тут далеко до творчества. Каждый жест должен быть размерен и продуман.

Известными нам приемами сняли фотографии Зиберта с подлинников. Дальше — еще сложнее. Не зря наши помощники собирали немецкие трофеи. Снимки печатали на немецкой фотобумаге. Был у нас настоящий — их — фотоклей.

— А печати тоже были у вас немецкие?

— Не было. Использовали для печати подлинную мастику. И записи в документах Зиберта я и мой товарищ делали немецкими чернилами.

— А зачем вам нужен был напарник? Вы же сами на все руки мастер.

— Но не до такой степени. Нельзя делать разные записи одним и тем же почерком. Между прочим, нам в 1943—1944-м давали на экспертизу документы некоторых советских офицеров, вызывавших подозрение контрразведки, Смерша. И немцы попадались как раз на том, что использовали одну и ту же руку. Не мог один и тот же штабной писарь путешествовать за офицером по всем фронтам, куда того бросали судьба и начальство. Вот и ловили мы их шпионов и диверсантов.

— Павел Георгиевич, вы общались со многими выдающимися разведчиками — от легендарных Николая Кузнецова, Рудольфа

Абеля до Героев России Морриса и Леонтины Коэн.

— Работа в разведке подарила мне встречи с людьми, часть которых вошла в историю — в российскую, да и в мировую. По оперативной линии я участвовал в подготовке разведчиков к работе за линией фронта, за границей. Вы всё ждете, что я раскрою профессиональные секреты. Нельзя! Но о военных эпизодах, об отдельных нелегалах всё же расскажу.

— Тогда начнем с Рудольфа Абеля, он же Вильям Фишер?

— Мы с ним знакомы с 1938 года. Дружили, работали в одном отделении, но в разных группах. Потом его в самом конце 1938-го уволили и возвратили в разведку только во время Великой Отечественной войны — в сентябре 1941-го.

— Правда ли, что в военные годы его забрасывали в тыл врага под видом немецкого офицера?

— Во время войны Вильям работал в Четвертом управлении НКВД у Павла Судоплатова. Немецкий язык он знал отлично, но на той стороне у фашистов не был. Участвовал в операции «Березино», когда наш отряд выдавал себя за сражающуюся в советском тылу немецкую часть. Сбрасывали туда немцы на парашютах своих диверсантов, и их приветствовал для начала офицер вермахта — он же Фишер. Сам допрашивал немецких шпионов, диверсантов. Оттуда и пошло, что был во время войны нелегалом, ходил в немецкой форме.

— А описанная в книге другого известного нашего полковника — нелегала Конона Молодого история, будто его, молодого фронтового разведчика, поймали за линией фронта фашисты и отвели к немецкому офицеру, который оказался Абелем и тут же его отпустил, дав пинка под зад, тоже миф?

— Чистейший. Ничего похожего. Молодый был мистификатором. А хорошо относившийся к нему степенный Вильям Генрихович Фишер молчал, коллегу не подводил и даже подыгрывал. Фишер нелегально работал в Америке…

— По вами изготовленным документам?..

— А когда в 1955-м он в последний раз приезжал в Москву в отпуск, я его провожал в аэропорт. И он мне вдруг сказал: «Паша, стоит ли ехать обратно? Мне уже все-таки за пятьдесят. И в Америке я долго. Очень тяжело». Но в аэропорту взял себя в руки, собрался.

— Неужели были какие-то предчувствия? Подозревал, что помощник Вик Хейханен может предать?

— Может, что-то и чувствовал. Сильно был озабочен своим возвращением в США. Хейханен вел себя безобразно. Ругался с женой, да так, что соседи не раз вызывали полицию. Пьянствовал: денег, естественно, не хватало, и тратил оперативные средства.

Абель даже не давал ему адреса, где жил. Сказал только район, Вик и показал его американцам.

— Вы общались и с Кононом Молодым. Его эпопея напоминает судьбу Абеля: тоже нелегальная и на редкость успешная работа, только в Англии. Потом предательство, арест, тюремное заключение. Обменяли на английского шпиона, и Молодый вернулся в Москву. Правду ли говорят, что его быстро отправили в отставку?

— Нет, Бен в отставке не был. Но с оперативной работы его направили в наш институт. И кем — заведующим сектором. А ведь он мог еще продуктивно работать с молодыми разведчиками. Было чему их учить.

— Значит, его не уволили.

— Бен ушел из жизни слишком рано. Столько тяжелейших переживаний и испытаний в Англии. А тут еще свои «добавили». Конон был большим умницей. Я иногда приглашал его на хоккей.

— Тогда хоккеем увлекались многие.

— Я не просто увлекался. В 1970-е годы состоял как общественник в дисциплинарной комиссии Федерации хоккея с шайбой СССР. Был у меня пропуск. И я водил Бена в ложу Дворца спорта «Лужники». Иногда он приезжал на хоккей с Вячеславом Тихоновым.

— Тем самым, который играл Штирлица? Они были знакомы с Молодым?

— Это со мной Тихонов был знаком. А с Беном они дружили. И, по-моему, даже семьями. У нас, разведчиков, существует легенда, что Вячеслав Тихонов именно Бену посвятил свою роль в «Семнадцати мгновениях весны». Но история Молодого в какой-то степени положена в основу другого фильма — «Мертвый сезон», и играл Бена Донатас Банионис. Скончался Молодый во время прогулки по лесу от сердечного приступа. Было ему 48 лет. А с «Семнадцатью мгновениями» связан несколько иной сюжет.

— Какой же?

— Помните, радистка Кэт при родах кричит, как и все женщины, на родном языке, на русском? И попадает в гестапо. А настоящая разведчица, не киношная, сдержалась. Родила за границей, и всё прошло нормально. Об этом рассказали писателю Юлиану Семенову, и эпизод вошел в «Семнадцать мгновений…».

— Нельзя ли хотя бы сегодня рассказать об этой женщине?

— Сегодня, наверное, можно. Аня — ткачиха с фабрики «Красная роза». Попала к нам в 1938-м. В годы войны служила у Судоплатова. Учила чешский язык. Потом из Чехословакии отправилась с мужем, нашим разведчиком Михаилом Филоненко, и сынишкой Павликом в Латинскую Америку.

— А ребенок понимал, кто его родители, куда и зачем они едут?

— Нет, мальчишечка был маленький совсем. Тоже учил чешский. Судьба у них сложилась непросто. В свое новое далекое-далеко ехали третьим классом, условия на пароходе страшные. Но добрались, удачно оформили все документы. И тут с Павликом произошло несчастье: местные мальчишки-хулиганы случайно прострелили ему ногу. Тяжелое было испытание, но Павлик выдюжил. А наша Аня родила еще и дочку. И не кричала, никак себя не выдала. Назвали девочку Марией. Когда семья после долгих лет нелегальной работы возвратилась в Советский Союз, дети никак не могли понять, почему они оказались в Москве.

— Родители что, абсолютно ничего им не рассказывали?

— Разве можно! Такова специфика жанра — нелегалы же. Русский язык дети, конечно, выучили и быстро во всём разобрались. Как-то был такой случай. Вернулась домой пара нелегалов — Ашот и Кира — после очень долгой командировки за рубежом. Приехали их встречать две дочери. Все взволнованы, а разговор не клеится: родители за десять лет почти забыли русский язык, и чуть ли не с переводчиком им пришлось на первых порах общаться.

Или возвращается наш нелегал с женой после долгих лет за границей. Приходит с ней в гости, и хозяева удивляются: «Ты что, на иностранке женился? Она по-русски еле-еле говорит и с каким акцентом». А супруга — простая женщина из провинции. Но здесь перед отъездом ее хорошенько языку страны пребывания обучили, там они проработали девять лет, дома она ни разу, в отличие от мужа, не была. Не подходило это под легенду. И вот результат. Но всё это проходит, быстро возвращается на круги своя.

— Павел Георгиевич, бывает, почитываю вашу необычную книгу «Разведка — люди, портреты, судьбы». В ней — короткие рассказы о друзьях-разведчиках и написанные вами портреты этих героев. Знаю, что живописью занимаетесь с молодых лет.

— Когда в 1938-м меня позвали в разведку, я долго сомневался. Ведь я работал там, где трудитесь вы — на улице Правды, дом 24. Занимался иллюстрациями, фотографиями. Довелось сотрудничать со многими чудесными художниками. Кук-рыниксы, Радов, Борис Ефимов… — это для меня добрые знакомые, не просто знаменитые имена. Как же не хотелось уходить. Я считал, что в 25 лет с профессией определился, свое дело любил, и будущее мне, молодому полиграфисту, виделось совсем иным. Но тогда был набор. Отказов не принимали.

Собеседование с большим начальником по фамилии Берия я прошел успешно, и началось…

Наш совершенно закрытый отдел возглавлял известный в прошлом австрийский спортивный организатор Георг Миллер, с 1927-го перешедший на нелегальную работу в советскую разведку. Вот Георгий Георгиевич и наставлял молодых учеников — меня и Вилли Фишера, тоже способного рисовальщика.

— И вы изготовляли надежные документы для разведки и Коминтерна.

— Да. Но не только.

— Говорят, что однажды изготовленные вами документы одного нашего арестованного нелегала послали на экспертизу. И после детальнейшего изучения дали ответ: эти документы никогда не выдавались, но являются подлинными.

— И я такое слышал. Такой ответ я бы прямо в рамочку над столом вместо почетного диплома повесил.

— Вы преуспели и в разведке, и в творчестве. За серию портретов разведчиков 23 декабря 1987 года вам присвоили звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

— Рисовал я не только коллег по профессии, но и природу, и людей, которых ценю за то, что они сделали для России. Кроме выдающихся разведчиков-нелегалов, в этой книге есть портреты Георгия Жукова, Льва Толстого, Александра Пушкина, Че Гевары, Святослава Федорова. А космонавт Юрий Батурин, с которым я поддерживаю дружеские отношения, взял с собой на Международную космическую станцию «моего» Абеля. И он висел на так называемом месте космонавта. Позже в космосе побывали еще три мои работы — портреты Пушкина, Гагарина и Высоцкого.

— В моей филателистической коллекции есть блок нарисованных вами марок с портретами нелегалов.

— Да, по моей инициативе впервые в СССР были выпущены почтовые марки героев-разведчиков. Мне долго отказывали: зачем мы будем их светить? А я терпеливо объяснял: чтобы знали героев. Горжусь, что тогда убедил, настоял.

— Вы мне как-то рассказывали таинственную историю с исчезновением портрета Че Гевары.

— История поразительная. В конце 1980-х по просьбе устроителей большой выставки представил я портрет Че в Центральный дом Советской армии. И в первый же день он пропал. Смотрительница клялась, что отлучилась всего на пять минут. Потом организаторы выставки перед мной извинялись. Говорили, что его, возможно, кубинские студенты взяли: после некоторого периода охлаждения в отношениях они восприняли

факт появления Че в Москве с воодушевлением. Но не менее таинственным образом исчез и еще один вариант портрета Че Гевары. Я его подарил своему сотруднику, он как раз работал на Кубе. А уже в Москве пригласил к себе домой кубинского знакомого. Если коротко, то после этого визита мой сослуживец этого портрета больше не видел.

— Павел Георгиевич, вам за 90, а вашей памяти можно только позавидовать.

— Мне не за 90. Скоро 95. Такая у меня профессия. Какая же разведка без хорошей памяти.

P. S. Мы познакомились в 1994 году, когда Павел Георгиевич Громушкин весь в орденах пришел ко мне в редакцию с необычной просьбой. Он собрал все самые достойные рисунки и картины своего друга Абеля — Фишера для книги. Написал душевное предисловие. Только денег на издание собрать никак не удавалось: в те годы и Абель оставался для некоторых героем под вопросом. Подумаешь, советский нелегал, наступил всеобщий мир, а вы, Павел Георгиевич, о разведке.

И старый человек собирал подписи знаменитых разведчиков, писателей, известных журналистов под письмом с просьбой большому руководителю: издайте альбом, он станет хорошей памятью Абелю. Я счел за честь подписать такое послание. Потом звонил кому-то — бесполезно.

Однако полковник Громушкин не привык отступать. Бился за память товарища. И альбом увидел свет.

Последняя наша встреча состоялась в Доме журналиста на открытии выставки его картин в мае 2008 года. Кто знал, что и дни его, и выставка — последние, а до девяноста пяти лет он не доживет.

РАЗВЕДЧИК ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ
Яков Серебрянский

О Якове Серебрянском, руководителе СГОН — Специальной группы особого назначения, должно быть, известно всё, а на самом деле даже в серьезных книгах каждая глава или упоминание о нем сопровождается приблизительно таким комментарием: «О роли Серебрянского, руководившего этой операцией, неизвестно практически ничего». Или: «С этой поездки нелегала Серебрянского в страну Икс до сих пор не снят гриф секретности». И даже срок давности в 75 лет не помогает сорвать этот проклятый, может быть, и вечный прилипший к разведчику гриф.

Некоторые историки даже саму его фамилию ставят под сомнение. Не было такого Серебрянского, был разведчик Бергман.

— Но это же полный нонсенс, — пожимает плечами мой собеседник. — Отца звали Серебрянский, Яков Исаакович Серебрянский. Возможно, Бергман — это одна из его многих нелегальных фамилий.

И комнатка скромной квартиры пенсионера, бывшего инженера 81-летнего Анатолия Яковлевича очень напоминает мини-музей памяти отца: фото, копии самых разных бумаг, фолианты с вырезками и награды.

— Я сделал альбом об отце, — показывает мне большущую книгу Анатолий Серебрянский. — Вычертил его генеалогическое древо. Отыскал некоторые документы. Вот 1908 год — первый арест отца. Я читал — что за убийство начальника тюрьмы. Ерунда. Или вторая версия — за убийство пяти погромщиков. Тоже чушь. Арестовали его за хранение переписки незаконного содержания, имеющей отношение к тем людям, которые подозревались в убийстве начальника тюрьмы. Вот еще: в 1914 году он в списке нижних чинов, которые были ранены на Первой мировой войне.

Историк разведки Анатолий Судоплатов, сын генерала Судоплатова, говорил мне: на руках твоего отца крови нет. Он не имел никакого отношения к внутренним разборкам. Он не участвовал в эксах. Не причастен к убийству Кутепова. Да, это он организовал его похищение. В автомобиле, в котором везли генерала, отца не было. Да, были его люди. Но их целью было не убить главу РОВСа, а доставить в Москву и устроить суд над ним. Никто не связывает действия группы отца и с убийством перебежчика Порецкого — Райсса, оставшегося до войны на

Западе. Иногда имя Серебрянского ставят в ряд с фамилией Волльвебера. Немецкий антифашист — диверсант Эрнст Волльвебер и его сторонники до и в первые годы войны вели разведку, взрывали и топили корабли Германии в Балтийском море. Но это был не терроризм, а жестокая борьба с нацизмом. А СГОН под руководством отца совершала диверсионные акты.

Меня интересует, что делал отец в Китае. Видимо, создал свою сеть, ведь там переплетались интересы многих стран. В Китае действовал и разведчик Эйтингон. Отец себя там хорошо проявил. Но чего добился? Может быть, то, что было на самом деле, так и останется неизвестным.

А это — копии наградных документов. Два ордена Ленина — первый он получил в 1936 году, второй — за подвиги в Великую Отечественную. Награжден двумя орденами Красного Знамени, медалями «За оборону Москвы», «Партизану Отечественной войны I степени», «За Победу над Германией», почетным оружием. Не уверен, есть ли в разведке еще кто-то, дважды отмеченный знаком «Почетный чекист», как Серебрянский. Для разведчика этот Знак — что скрипка Страдивари для виртуоза-музыканта.

И я разделяю восхищение Анатолия Яковлевича. Сколько же совершил человек, первая Особая группа которого еще в 1930-е годы была переименована чекистской молвой в «группу дяди Яши». Известно, что благодаря этой группе была создана широкая агентурная сеть глубокого залегания. В случае войны задачей сети было проведение диверсий на стратегических объектах потенциального противника. Кроме того, группе было дано право, так и написано в инструкции, карать на чужих территориях врагов Страны Советов, предателей, диверсантов, террористов из белогвардейцев. Эта Особая группа была своего рода параллельной структурой, действовала самостоятельно и независимо от разведывательной службы. И возглавлял ее уже тогда опытный нелегал Серебрянский. Считается, что в нашей стране именно он положил начало этому направлению.

Видимо, Серебрянский нелегально работал в Палестине и в Польше. Считается, что ему удалось создать агентурную сеть в сионистских организациях этих — и не только этих — стран. В середине 1930-х он расширил резидентуры во Франции, Японии, даже в Китае, который тогда оккупировали японцы. Помимо этого, резидентуры СГОН действовали в Германии, на Балканах, в Прибалтике, Скандинавии. Возможно, СГОН проникла и в Италию. Считается, что в Специальную группу особого назначения входило 16 резидентур, в общей сложности 200 человек.

Так и неизвестно, что делал Серебрянский в Румынии, за что

его там задержали (и быстро выпустили) в 1931-м. Об этом в официальной биографии сообщается как-то мимоходом — «был проездом», задержали — отпустили.

Видимо, знакомство Серебрянского с Судоплатовым произошло в сентябре 1936 года, когда Серебрянский возглавлял Центр закордонной разведки органов безопасности. И даже сам Судоплатов об этом Центре почти ничего не знал.

Но за что же тогда трижды сажала Якова Исааковича его любимая советская власть? Ладно, в 1921 году взяли сотрудника ЧК за то, что был в молодости эсером. Продержав под следствием четыре месяца, выпустили в марте 1922-го — поняли, что с правыми эсерами у Серебрянского теперь нет никаких связей. В 1938 году его пытали на допросах, хотя до этого обласкали наградами. Уже во время войны, в августе 1941-го, приговорили «за шпионаж» к расстрелу, а жену Полину, лейтенанта госбезопасности, к десяти годам. В 1956 году он скончался в тюрьме от сердечной недостаточности.

— Отец никогда, ну, почти никогда, не рассказывал о своих служебных делах, — продолжал Анатолий Яковлевич Серебрянский. — Не был сух, однако на ласковые слова скуп. Спокойный, сдержанный, немногословный. В своем раннем детстве я отца практически не помню, разве только осталось ощущение его физического присутствия. Время от времени находил я утром под подушкой книжки-малышки, еще какие-нибудь радостные для меня безделушки. Были очень для детей интересные кусочки сахара, привозил он их из Франции. Если такой кусочек бросить в воду, то оттуда выплывает рыбка. Иногда в нечастые свободные воскресенья отец брал нас с мамой в театр. В дни больших праздников водил меня на парад и демонстрацию. А в годы войны я очень мало видел отца. Он, как многие в те времена, возвращался в три-четыре часа утра, спал до десяти и уезжал. В очень редкие дни приезжал обедать.

Не могу припомнить случая, когда он бы повысил на меня голос. Хотя, как я себе представляю, поводов было, конечно, немало. Не помню также, чтобы родители друг с другом разговаривали на повышенных тонах.

Значительно чаще я стал видеть отца после его выхода в отставку в 1946 году. Но и тогда он был постоянно занят, много читал, писал, переводил, я старался его особенно не тревожить. Но это — мое детство.

До вполне зрелого возраста я не представлял себе, чем он занимался. Я горжусь своим отцом, хотя он сам никогда не считал себя героем. Просто делал свою работу, как этого требовала безопасность страны.

Уже взрослым кое-что об отце я узнал от мамы, от своего старшего двоюродного брата и из редких открытых архивов. Но большинство дел по-прежнему засекречено.

Считается, что отец работал настолько чисто, что и у нас, и в зарубежье до последнего времени практически никакой точной информации о нем не было. Ничего не просачивалось. И это показалось мне характерным для его рабочего почерка.

Можно предположить, что опубликование некоторых секретных документов способно было навредить советской власти. К чему тогда эти темы обсуждать. Но что могло бы нанести ущерб СССР? Например, неудавшееся покушение на посла фашистской Германии в Турции фон Папена во время войны. Советский Союз, как было официально заявлено, к этому покушению отношения не имел. Хотя должен был бы иметь, потому что это происходило в феврале 1942-го. Но мы сказали: не наше дело, если какой-то террорист взорвался где-то на бульваре Ататюрка. Всё это сто раз описано и рассказано. Потом выяснилось, что один из замешанных был действительно нашим работником, второй, как оказалось, ни при чем. Они отсидели по два года и были отпущены. Но больше подобных операций (видимо, Анатолий Яковлевич имел в виду операции неудачные. ***— Н.Д.) я*** как-то не могу обнаружить. А раз так, то я затрудняюсь говорить об этом.

— Давайте тогда говорить о том, что точно известно.

— Отец хорошо знал Рудольфа Абеля, он же Вильям Генрихович Фишер. У отца он работал долго. С 1931-го в Особой группе, задолго до СГОН. Как и друг Вильяма Генриховича — настоящий Рудольф Иванович Абель, тоже туда включенный. Они оба считали Якова Серебрянского учителем, был он для них непререкаемым руководителем и близким человеком. В 1934-м Фишер вошел в Специальную группу особого назначения — СГОН.

Когда отца посадили, а СГОН разогнали, Фишера, слава богу, не арестовали, не репрессировали, но из органов уволили. А в 1941 году выпустили отца из тюрьмы, и одним из первых его дел было разыскать Вилли. И Фишер вошел в обновленную «группу дяди Яши». В ней, кстати, состоял и будущий Герой России Юрий Колесников. Да и, думаю, настоящий Абель.

Когда Фишер вернулся из американской тюрьмы, он меня месяца через два разыскал и пригласил на свою дачу в Челюскинскую. Говорили и вспоминали о моем отце долго. Но об операциях, о том, что делали в войну, он не рассказывал. Только объяснил мне, почему в Штатах при аресте взял имя Абеля.

Вильям Генрихович был у Конотопа, тогда секретаря Московского обкома партии: «Я ему рассказал о твоем отце, пусть

знает. Может и поможет». Отец тогда еще не был реабилитирован, и мы переживали. Но как мог помочь нам Конотоп? Потом звонил Вильям Генрихович мне домой, спрашивал, как живу, не нуждаюсь ли в чем-нибудь. Был он душевный, добро помнил.

Зачем его отец ездил в США под фамилией Бороча, Анатолий Серебрянский не знает. Но любопытнейший эпизод, напоминающий сцену с радисткой Кэт из «Семнадцати мгновений весны», рассказал:

— Отцу пришлось лечь на операцию — аппендицит. Уговорил врача оперировать под местным наркозом. Никак нельзя было под общим: вдруг заговорит по-русски. Но на лицо положили маску, сделали по ошибке общий наркоз. И когда отец очнулся, медицинская сестра ему сказала: «Вы так сжали челюсти, что мы боялись: вдруг проглотите язык». Заговорил бы отец не по-английски, и конец легенде. И даже в таком состоянии он сумел справиться.

Из Москвы, из Центра ему прислали деньги, чтобы отдохнул после операции. И отец поехал в самый дешевый пансионат, считая, что не имеет права тратить деньги государства на себя.

Или вот вам интереснейший документ: копия паспорта Эндрю Бороча, по которому он находился в США. И подпись отца вполне подлинная. Бланк натурализации от 19 сентября 1931 года, подтверждающий, что Бороча действительно въехал в Америку. На паспорте и на бланке две абсолютно одинаковые подписи. Никаких сомнений в реальном существовании Бороча у американцев никогда не существовало.

И сколько же легенд ходит о работе отца в Штатах. Например такая. Когда Серебрянский был в США, контрразведка его выследила. Но президент распорядился: не сажать, а выслать его, чтобы не портить отношения с Советской Россией. Мифотворчество доходит до идиотизма. Если бы в Америке тогда знали, что Серебрянский — советский разведчик, его бы до сих пор не выпустили.

Многие из прошедших школу в «группе дяди Яши» составляли во время войны основу партизанских отрядов, забрасываемых в тыл немцам. К примеру, группу, заброшенную в Словакию, возглавлял Николай Варсанофьевич Волков. Его часто путают с однофамильцем, попавшим под репрессии. Но Николай Волков несчастий чудом избежал. Как рассказывает Анатолий Яковлевич, в одном из архивов отыскался запрос некого деятеля из ЦК партии. Тот спрашивал НКВД, нет ли компрометирующих сведений на Волкова Николая Варсано-фьевича. Ему ответил новый начальник разведки Фитин: Волков работал в Китае в составе Особой группы. Задания ему давал находящийся ныне под

арестом Серебрянский. Но лично против Волкова никаких компрометирующих материалов нет. И от Николая Волкова отстали.

Волкова из Китая отозвали, работал он в центральном аппарате. Во время войны перевели в Четвертое управление НКВД. Его группа из девятнадцати человек очень быстро выросла в Словакии в партизанскую бригаду «Смерть фашизму» численностью в 600 бойцов. Принимала активное участие в Словацком восстании, за что Волкову было присвоено звание почетного гражданина города Банска-Бистрицы. Вот какими были ученики Серебрянского. Дружеские отношения с Волковым сохранились и после войны. Он часто бывал у нас дома на улице Горького, куда мы переехали. Вообще дом был серьезный. Там жили Серов и другие руководители госбезопасности. Целый этаж занимал нарком Меркулов.

Но прежде, чем поселиться в этом доме, семье Серебрянских пришлось пережить много испытаний. Пока родители сидели в тюрьме, Анатолий жил у тети — сестры его мамы. Мальчику, привычному к тому, что родители месяцами не бывали дома, и в тот раз объяснили: папа с мамой в командировке. И тетя перевезла Толю к себе. Если бы не она, маленького Толю, как и десятки тысяч других малышей, отдали бы в детский дом и сменили бы ему фамилию. Таким образом детей, помещенных в эти приюты, заставляли забыть — кто они, кем были их родители. И дети забывали.

А тетя не испугалась. Многие тогда отказывались от родственников и поближе, чем племянники. Началась война, и она увезла Анатолия в Омск, куда эвакуировали Наркомзем, в котором она работала. В конце 1941-го ее вызвали в НКВД. Тетя на всякий случай сложила все необходимое в чемоданчик. Тихо попрощалась с племянником. В свои восемь лет он уже понимал, что НКВД — очень серьезно. А за тетей, рассказывает Анатолий Яковлевич, приехала машина. Вернулась она счастливая — ее сестру Полину Серебрянскую, разведчицу-нелега-ла, работавшую в ссылке на лесоповале, освободили, как и Якова Серебрянского. 9 августа 1941-го они были амнистированы. Вскоре Полина Натановна приехала в Омск.

В конце 1941 года Яков Исаакович выхлопотал разрешение вернуть жену и сына в Москву. И в один зимний день высокий улыбающийся человек в кожаном пальто и в кепке подхватил Толю на руки на вокзале. Мальчик крепко обнял его. Наконец-то папина командировка закончилась.

Спустя годы Анатолий Яковлевич рассказывал об этой командировке отца:

— В 1938-м отца арестовали. Он молчал на допросах, и тогда Берия написал резолюцию: «Тов. Абакумову: крепко допросить». И допросили, применяя пытки. А потом приговорили к смерти…

Когда началась война, Сталин был вынужден выпустить из тюрем и лагерей приговоренных к длительным срокам, а то и к высшей мере кадровых военных и чекистов. Освободили и Серебрянского. По одной версии, за него ходатайствовали перед Сталиным Судоплатов, Эйтингон и др. По другой версии, Иосиф Виссарионович сам вспомнил о «дяде Яше» и осведомился у Берии, где Серебрянский. Узнав от наркома, что Яша приговорен к расстрелу и ждет исполнения смертного приговора в Лефортове, недовольно нахмурился: «Идет война, а у тебя разведчики сидят по тюрьмам». Возможно, припомнил вождь, что Серебрянский участвовал в охоте на Троцкого, и подумал, что сейчас он очень пригодился бы в борьбе против немцев. А может, Берия сообразил, что без Серебрянского придется туго. Ведь даже в Лефортове его подчиненные не раз вызывали дядю Яшу из камеры смертников. Советовались, как действовать в той или иной ситуации. И Серебрянский никогда не отказывал в консультации.

Я спросил Анатолия Яковлевича, что он думает об освобождении своего отца в 1941-м:

— Был такой Константин Константинович Квашнин, он оставил свои воспоминания. Захаживал к нам домой, они с отцом хорошо знали друг друга. Квашнин был слушателем первого и единственного набора школы отца 1938 года. Судя по всему, отец набирал в ту группу на первый курс разных специалистов. Квашнина взяли чуть ли не из аспирантуры, был он человеком образованным. Пишет об отце очень тепло. Его лестные оценки несколько преувеличены. Это от него идет легенда, что Сталин спросил Берию, где там ваш Серебрянский. Я в это не верю. Я знаю только одно: отец был на приеме у Сталина, говорил с ним, был он там не один, со своим начальством. Мой двоюродный брат, фронтовик, профессор Минского университета, был достаточно близок с отцом, который с ним многим делился. В частности, вспоминал, что беседа у Сталина произвела на отца, человека далеко не восторженного, а спокойного, разумного, большое впечатление. Но не думаю, что Сталин его запомнил среди тысяч людей. Поэтому верю версии Судоплатова об освобождении отца по его инициативе. Когда немцы стояли у Москвы, Судоплатов обратился к Берии. Просил выпустить опытных разведчиков. Берия лишь бросил: «Они вам нужны?» И еще не расстрелянных отпустили. Сталинский нарком был настолько циничен, что даже не спросил: «Виновны или не

виновны?» И так всё было ясно.

И еще: из тюрем и лагерей было освобождено всего около двух десятков чекистов. Не более. Остальных успели расстрелять, сгноить в лагерях. Те, кого не выпустили, погибли чуть позже. Немцы приблизились к Москве, и с арестованными, не только из специальных служб, не церемонились. Так что масштабы «милости» вождя не стоит переоценивать.

Чудом избежавший высшей меры старший майор госбезопасности Яков Серебрянский был измучен тюрьмой, допросами, пытками. Наступили решающие дни войны, судьба страны висела на волоске. В своей книге «Легенда Лубянки. Яков Серебрянский» Иосиф Линдер и Сергей Чуркин пишут, что «дядя Яша» был в таком тяжелом состоянии, что ему, несгибаемому, понимающему, что дорог каждый час, пришлось месяца два лечиться. По свидетельству Анатолия Серебрянского, его отец даже перенес инфаркт. Но поднялся на ноги.

Сразу после этого Якову Исааковичу выделили кабинет на Лубянке и приказали создать Особую, специальную группу — ее в разных источниках и называют по-разному. Ее участники предпочитали говорить «группа “Я”». Костяк составили прежние сотрудники СГОН, те, кто знал иностранные языки, имел опыт работы за границей и участвовал в боевых операциях.

Теперь опытные разведчики вместе с обученными Яковом Серебрянским новичками должны были действовать в тылу у немцев, в Западной и Восточной Европе. 3 октября группа стала официально именоваться 2-м Отделом зафронтовой работы НКВД.

Серебрянский организовал совершенно секретные школы для обучения разведчиков-диверсантов. Теперь он носил два ромба — был старшим майором госбезопасности или, по-армейски, командиром дивизии. В принципе, это генеральская должность. Когда его освободили в 1941 году, то присвоили звание полковника. Другим, когда освобождали и аттестовывали, давали звание уровнем ниже.

По дошедшим до широкой публики весьма отрывочным воспоминаниям выпускников секретных школ Серебрянского, они проникали на хорошо охраняемые объекты врага, занимались минированием и диверсиями, выводя из строя новейшую военную технику.

Но все эти операции остаются под грифом «секретно». О том, что это были за группы, мне рассказал Анатолий Яковлевич Серебрянский во время нашей встречи. В 1942 году отец взял его с собой в Малаховку. Там готовился к заброске в тыл врага отряд. В нем были венгры и австрийцы. Отец разрешил Толе даже

пострелять из боевого оружия и пообщаться с австрийцами — высокими, стройными парнями. Толе понравился симпатичный Андре Залка — сын героя гражданской войны в Испании генерала Мате Залки.

Это были не пленные, а, скорее всего, люди из Коминтерна. Они хорошо говорили по-русски. В Советском Союзе они жили и работали, а пришла пора — были готовы его защищать. И что бы ни говорили о Коминтерне, как бы его теперь ни клеймили, каких бы ярлыков ни навешивали, надо честно признать: лучшие кадры отечественной нелегальной разведки росли именно в его невидимых миру недрах. До определенного времени между Коминтерном и советской внешней разведкой было полное взаимопонимание. Яков Серебрянский поддерживал добрые отношения с Иосифом Пятницким, который до войны координировал в Коминтерне работу спецслужб.

Пятницкий был расстрелян в годы репрессий. Но старые кадры ИНО и ОГПУ, к которым относился и Яков Серебрянский, использовали прежние связи и во время Великой Отечественной.

В конце июня 1941 года Георгий Димитров, генеральный секретарь Коминтерна, встречался с Молотовым. Нарком иностранных дел сказал ему, что коммунисты других стран должны помочь советскому народу. Перед Коминтерном были поставлены задачи: организовать саботаж и диверсии в тылу противника, создавать там партизанские движения, разлагать войска фашистов, особенно союзников Германии: румын, венгров, итальянцев. Но самое главное и исключительно сложное — организовать разведывательную работу в странах Европы. Дело в том, что в Болгарии, Румынии, Словакии, Польше агентурная сеть Коминтерна была загнана в глубокое подполье, потеряла связь с советской резидентурой и с Коминтерном. Немецкие спецслужбы действовали очень эффективно. До Советского Союза удалось добраться лишь немногим членам этих разгромленных групп. Можно предположить, что они влились в состав СГОН.

Далеко не всё, особенно поначалу, шло успешно. Так, в Болгарию были заброшены разведывательно-диверсионная резидентура особой группы «Братушки» и похожая резидентура, созданная по линии военной разведки. Их работа в Болгарии в августе — сентябре 1941 года закончилась неудачей. Из 53 человек 37 были быстро арестованы.

Этому есть объяснение. Забросить диверсионные группы с оружием, рациями, продовольствием и прочим снаряжением на чужую территорию всегда очень сложно. Но если там уже существуют подготовленные обученные агенты, заранее созданы секретные, подпольные базы, на которых хранится все

необходимое для диверсионных групп, то задача облегчается.

Где действовал австро-венгерский отряд или, как в ту пору говорили, контингент, подготовленный Яковом Серебрянским, неизвестно.

Попробую обратиться к очень взвешенным, сдержанным воспоминаниям Героя России Юрия Колесникова, «действительного члена группы “Я”». В начале войны он готовился к заброске в тыл врага под руководством Серебрянского. Вместе с ним в уфимской спецшколе проходили обучение немцы… офицеры вермахта. И вовсе не сдавшиеся в плен, а те, кто отслужил в Германии, а потом воевал в гражданскую в Испании на стороне республиканцев. После поражения эти члены интербригад обосновались в СССР. Началась Великая Отечественная война, и немецкие антифашисты вошли в различные специальные группы. Они не только учились сами у Серебрянского и его помощников, но и передавали опыт будущим разведчикам, таким как легендарный Николай Кузнецов.

Необходимо упомянуть здесь и «Красную капеллу». Существует твердое убеждение, что к августу 1942 года она была полностью уничтожена. Однако это не совсем так. Некоторым антифашистам все же удалось избежать ареста. В частности, тем, кто действовал в Гамбурге. Агенты этой группы, которая была создана Серебрянским и Эйтингоном, не были напрямую связаны с группой Харнака — Шульца-Бойзена. Они работали в основном в фирмах «Фарбен индустри» и «Тиссен», а также в порту Гамбурга. Все эти люди, а также еще несколько агентов влияния ушли в подполье. К сожалению, о их деятельности известно немного. Но можно предположить, что и они не были обойдены вниманием Серебрянского.

А в конце войны Яков Серебрянский вместе с Абелем-Фишером и другими профессионалами разведки участвовал в операции «Березино». Авторство операции приписывают полковнику из Четвертого управления Маклярскому. Сталину идея понравилась.

Тогда НКВД месяцами и до самого мая 1945 года дурачил немцев, маскируясь под немецкую часть, сражающуюся с Красной армией в ее глубоком тылу. Из Берлина летели на помощь «своим» опытные офицеры, диверсанты, сюда перебрасывались оружие, деньги, продовольствие. Спускавшихся на парашютах немцев встречал сухощавый офицер вермахта. Он же Абель — Фишер. Из семейной переписки Вильяма Генриховича я узнал, что появлялся в том чекистском отряде и Яков Серебрянский.

Почему-то точно установлено, что Яков Исаакович привлек к

сотрудничеству — не буду писать, завербовал — взятого в плен фашистского гросс-адмирала Редера, возглавлявшего до 1943-го ВМФ Третьего рейха.

Но как такое удалось? Анатолий Серебрянский узнал об этом от самого Павла Анатольевича Судоплатова.

— Арестованного в 1945-м Редера привезли из Германии и поместили на даче Судоплатова. Адмирал и не подозревал, что это за место. К нему подселили моего отца. Он знал немецкий в совершенстве, хотя не уверен, что его произношение было безукоризненным. Но адмирал Редер мог предположить, что сосед-бизнесмен общается с ним на одном из многочисленных немецких диалектов. Отец говорил по-французски, по-английски, на иврите — недаром много лет проработал нелегально в Палестине, Франции, Бельгии, Скандинавии, а еще в Китае, Японии и много где еще. Вообще в моей семье языки давались легко. Мама прекрасно говорила по-французски. И настолько это в нее вошло, что перед смертью она вдруг заговорила по-французски. Почему, я не понимаю. Может, из-за того, что они там долго жили?

Тут я позволю себе сделать одно предположение. Когда отец обосновывался как разведчик-нелегал в какой-либо стране, он пользовался разными легендами. Но всегда представлялся не местным, не коренным жителем, а эмигрантом. Так, в 1929-м во Франции он открыл фабрику, и его деятельность никогда не вызывала подозрений. Может, эмигрировал по легенде из Германии или другой страны. Только не из России: в 1929-м эмигрантов оттуда быть уже не могло.

Вот и адмирал не догадывался, кто мой отец. Редеру он представился интернированным бизнесменом из Германии, говорили они только на немецком, и сомнений у Редера не возникало.

За какое-то ограниченное время, а было у него еще много других важных дел, «бизнесмен» убедил адмирала, что тому надо идти на взаимовыгодное сотрудничество с нашей страной. В 1955 году Редера освободили, полагаю, не без нашей помощи. Видимо, его хорошо использовали в 1947 году в Нюрнберге. Наверное, благодаря этому он избежал смертной казни. Редер прожил до 1960-го.

Когда 8 октября 1953 года Якова Серебрянского арестовали в очередной раз, пыток не применяли. Но как издевались!.. Постановление об амнистии, принятое в августе 1941 года, отменяли. Завели уголовное дело на жену Полину. А Якову Исааковичу высшую меру предложили заменить на 25 лет лагерей.

И никаких доказательств вины. Но генерал-майор Цареградский давил, требовал признания. Какого? В чем? Следователь настаивал: вы шпион — и английский, и французский. Полная нелепость. До XX съезда оставалось всего ничего. Многие политические, дожившие до середины 1950-х, уже были амнистированы, кое-кто и реабилитирован. Они начали возвращаться домой. Но Серебрянский попал в политические жернова, из которых было не выбраться.

— А что за история с некоей токсикологической лабораторией? Вашего отца обвиняли в ее организации.

— Здесь у меня есть очень четкое понимание, — уверенно говорит Анатолий Яковлевич. — Сын заместителя наркома Ежова Семена Жуковского написал книгу о своем отце. Тот был хозяйственником, его расстреляли вместе с Ежовым. Хотя к оперативным делам он отношение имел косвенное.

Жуковский-старший интересен тем, что когда после кровавого Ежова пришел Берия, то произвели очередную реорганизацию. И эту пресловутую лабораторию у моего отца забрали и присоединили к хозяйству капитана госбезопасности Алехина. И Жуковский в своей книжке приводит выдержки из протокола допроса Алехина. Тот пишет: «Я получил химлабораторию. Я считаю, и я написал по этому поводу докладную, что эта химлаборатория — настоящее вредительство. Потому что там не было ни одного химика. Там были какие-то бывшие белые эмигранты… Надо разобраться в деятельности предыдущего руководства этой лаборатории».

Тот же историк разведки Анатолий Судоплатов пояснил мне, что химлаборатория, она же токсикологическая лаборатория, для отца была прикрытием в Москве для работы его группы. Я могу сослаться на Зою Зарубину, которая мне тоже кое-что об этом говорила. Были такие семьи разведчиков — Василий и Лиза Зарубины, Павел Судоплатов с женой, Серебрянский с моей мамой Полиной.

Мы знали, что они куда-то уезжали, откуда-то приезжали, мы всегда были рады их видеть. Но куда уезжали, мы не знали. Чем занимались, тем более. А они на работе сидели рядом в комнатах, и все делали одно и то же дело. Но чем конкретно занимались? У каждого были свои секреты.

В 1956 году, после смерти Серебрянского, его сына вызвал в Военную прокуратуру какой-то большой чин.

— Сообщил, что отца моего нет, — рассказывал мне Анатолий Яковлевич. — И вдруг спросил: «А вы знаете, что ваш отец был эсером?» Я очень удивился, но сказал, что знаю. Тела нам не выдали, отца кремировали. Где покоится прах, мне не

сказали. Так что нет у нас официального захоронения. Из косвенных источников стало понятно: большая вероятность, что он в Первой большой братской могиле на Донском. И я взял оттуда горсть земли, положил в коробочку, сверху — орденские планки и захоронил там.

Борьба пусть за посмертную, но реабилитацию Якова Исааковича шла больше пятнадцати лет. Жена Полина Натановна писала жалобы, просьбы, обращения. Ничего не помогало.

Думаю, если бы не тогдашний председатель КГБ СССР Юрий Андропов, Якова Серебрянского не реабилитировали бы. Но благодаря удачному стечению обстоятельств Андропову стало известно о подвигах «дяди Яши». Готовилась к изданию книга о героях-разведчиках, где вдруг мелькнула запрещенная фамилия. Андропов заинтересовался, предложил разобраться. В его руки попала и жалоба Полины Натановны. После тщательного расследования дела Серебрянского он был реабилитирован в мае 1971 года. Однако реабилитация партийная затянулась почти на два десятилетия. Решение о ней было принято только осенью 1989-го. Государственные награды Серебрянского вернули его сыну лишь в 1990-е, почему-то вызвав в военкомат по месту жительства.

— Долго пришлось дожидаться справедливости. Была годовщина смерти отца, мне позвонил полковник Воробьев из внешней разведки. И сказал, что представители СВР хотят отдать долг памяти Якова Исааковича. Я повел полковника и двух его коллег помоложе по Донскому кладбищу. Нечто вроде экскурсии. Они увидели могилы Судоплатова, Эйтингона, Молодого. Надо время от времени устраивать такие поездки, чтобы молодые запоминали фамилии знаменитых разведчиков.

— Анатолий Яковлевич, а у вашей мамы было какое-то звание?

— Маме присвоили звание лейтенанта госбезопасности в 1937 году. До этого она ездила вместе с отцом, оба были нелегалами. Но отец не позволял себе жить свободно, потому что маме командировочные не платили, она не являлась работником органов. Просто ездила с отцом. Буквально так. А звание ей присвоили за год до ареста.

— А потом это звание отобрали?

— Она больше там не работала. В какой-то момент отец решил отправить маму в Париж. Надо было передать деньги агентам. Работал там некий Гарри. Я не знаю, были ли какие-то еще способы передачи, но отец избрал такой. А мама официально в органах не состояла. И возник вопрос, на что она будет в Париже жить. Они всерьез об этом думали. Еще эпизод на ту же

тему. Отцу надо было оплатить в Испании покупку не чего-нибудь, а самолетов. Ни чеков, ни переводов в ту пору не было, да и операция была непростая. И отцу прислали туда чемодан денег. Он на этом чемодане спал, пока, наконец, не удалось расплатиться с фирмой. Когда мы жили на улице Горького, вся мебель в квартире была с бирками от хозяйственного управления. Своего ничего у нас не было. После войны отцу пришлось выйти на пенсию. Ему предложили: можно списать какую-нибудь эмку, а вы ее купите. Но он сказал «не надо», хотя машину водил хорошо.

— А что еще рассказывала мама?

— Она рассказывала больше отца. Но не о разведке, не об оперативных делах, а о собственных впечатлениях. Во Франции какое-то время работала одна. И французские мужчины примечали молодую и красивую одинокую женщину. «Я плавала по Сене, — рассказывала мама, — и ко мне привязался какой-то молодой человек с назойливыми ухаживаниями. И вдруг этот молодой человек спрашивает меня о пароходике, который толкает баржу: слушай, а как это называется? Каким образом я вспомнила это слово по-французски, как оно всплыло, я не знаю». Какие-то совсем частные моменты. После рождения в Брюсселе и скорой смерти моей сестры, когда мама выходила на улицу, полицейские говорили ей: «Побольше ешьте, мадам Лебанон, обязательно ешьте». Такая она была тощая.

— А почему мадам Лебанон?

— Это по легенде их с отцом фамилия.

— Когда ее выпустили из тюрьмы в середине 1950-х, ей дали пенсию, какие-то льготы?

— Нет, что вы. Ее освободили и выслали из Москвы, по-моему, это был 1956 год. Она жила в Щекине, поехала к моему старшему двоюродному брату, военному, сотруднику военкомата. Потом мама добилась реабилитации — своей, затем и отца. Вернулась, кажется, в 1969-м, и тогда дали пенсию, комнату. Всё это тянулось долго-долго.

— Под занавес нашей беседы спрошу: почему ваш отец так упорно молчал о своей работе, хотя уже был на пенсии? Поверьте, у многих разведчиков появляется потребность поделиться воспоминаниями, опытом.

— Я думаю, не у многих, у некоторых. Отец ничего не рассказывал. На всех людей его профессии, арестованных и вышедших из тюрем, влияли два фактора. Первый: они давали подписку о неразглашении. Второй — боялись за своих детей: я им расскажу, как меня мучили, а они пойдут обсуждать со своими сверстниками, как папу били. И еще неизвестно, чем это для нас закончится. Иногда мы, дети разведчиков тех лет, встречаемся —

раз в год, обычно 8 мая. Вспоминаем родителей. Мы понимаем, что они нас берегли. Но мы лишились той огромной информации, которую могли бы сохранить. Да, наши родители выбрали такой путь.

— А как сложилась ваша судьба? Ведь с детьми арестованных родителей не церемонились.

— Со всеми было по-разному. Мне дали закончить Московский энергетический институт. Я был комсомольцем — энергичным, увлеченным. Прихожу к секретарю парткома института, говорю, что вчера отца арестовали, а завтра выборы в какой-то комсомольский орган. Меня выдвигают. На собрании встает секретарь и говорит: вчера у него арестовали родителей. Думаю, это было протестное голосование, я получил почти 100 процентов «за». Очень сомневаюсь, чтобы все 100 процентов меня так любили. Всю жизнь проработал по специальности в Москве. Был такой Центральный научно-исследовательский институт комплексной автоматизации. Очень доволен. Немало повидал и много успел сделать. Я кандидат наук. Работал до 75 лет. После того как я формально ушел, еще года два работал в составе «райской» группы по своей специальности. А сейчас много времени посвящаю сбору сведений, составлению альбомов об отце.

Напомню, скончался Яков Серебрянский 30 марта 1956-го в Бутырской тюрьме во время очередного допроса от сердечного приступа. Я набрался решимости и спросил Анатолия Яковлевича, верит ли он в эту версию.

— Да. Пожалуй, это правда, — ответил Анатолий Яковлевич. — Тяжелая работа, риск, война. Пытки в 1938-м. Сердце не выдержало. Шел отцу 64-й год. Когда отца выпустили в 1941-м, его сразу отправили в стационар на Варсонофьевскую. И он лежал там в госпитале. Потому что с сердцем у него уже тогда было плохо. Я к нему туда приезжал. У него возле кровати стоял динамик, он читал сводку Верховного главнокомандования — освободили Наро-Фоминск. (Значит, это было 26 декабря 1941-го. — ***Н. Д.)***

Был у отца помощник, адъютант, секретарь, не знаю, как его и назвать, Саша Балакин. Очень себя ругаю, что не смог с ним своевременно связаться. А когда я сообразил, что хорошо бы встретиться, полковника Балакина уже не было в живых.

Саша рассказывал маме, что часто во время работы отец ложился на диван, потому что ему было плохо с сердцем. Ну и сколько можно выдерживать допросы?

После третьего, последнего ареста всё имущество Якова Серебрянского конфисковали. Потом его сыну передали список

вещей. Он уместился на маленьком листочке. Такие были тогда люди.

ИЗ ГЕСТАПО ДОНОСИЛИ точно
Александр Коротков

Дату нападения Германии на Советский Союз разведчик Александр Коротков сообщил прямо из столицы Третьего рейха. Его называли «королем нелегалов». В трудное послевоенное время высокие звания разведчикам присваивали редко, а Александр Михайлович стал генералом. Руководил «нелегальным» управлением.

Он пользовался необыкновенным уважением своих подчиненных. Знаменитые теперь нелегалы Елизавета и Михаил Мукасей в беседах со мной называли его чуть не родным отцом. Считали, что настоящими разведчиками их сделал он и только он. Герой Советского Союза Геворк Вартанян говорил, что таких профессионалов, как Коротков, еще надо поискать. Полковник внешней разведки Африка де Лас Эрас рассказывала своим ученикам — будущим нелегалам: Коротков был не только великолепным организатором, бесстрашным разведчиком, но и теплым, отзывчивым человеком.

Между тем ничто не предвещало его триумфальной карьеры. Скромный паренек начинал учеником электромонтера. Безотцовщина, бедность, борьба за копейку. Он и отца-то своего, бросившего семью, ни разу в жизни не видел. А когда уже в зрелые годы представился случай с ним познакомиться, в последний момент избежал общения. Ведь еще мальчишкой обещал матери никогда с отцом не встречаться.

Паренек упорно цеплялся за каждый шанс выбиться из нужды. Возможно, когда-нибудь о легендарных кортах «Динамо» напишут исследование, где будет точно указано, когда и кто на них играл, попутно сделав карьеру в органах госбезопасности. Я и сам могу припомнить Героя России, атомного разведчика полковника Владимира Барковского, тренировавшегося тут до глубокой старости. Видел в трусах и майке еще одного видного руководителя разведки, скончавшегося прямо во время тренировки: теннис — из тех видов спорта, что незаметно вытягивает из человека все силы. Тут сражались старейший чекист России Борис Гудзь, начальник внешней разведки Леонид Шебаршин да еще столько известных и прославленных…

Коротков прекрасно освоил «буржуазный» теннис к 1927 году. Его настоящая жизнь началась на «Динамо» лет в 18, здесь же, на Петровке, и закончилась 27 июня 1961 года смертельным сердечным приступом. Мало прожил, много успел.

И то, что именно к нему подошел чекист Вениамин Герсон, знавший еще Дзержинского, это не просто перст Божий, но и заслуга юного Короткова. Он так хорошо «подкидывал» мячик завсегдатаям кортов — чекистам, что был замечен Герсо-ном, организовавшим общество «Динамо». Многолетний помощник Феликса Эдмундовича позвал Сашу прямо в ЧК, на саму Лубянку. По динамовскому Уставу спортсмены-динамовцы должны были или служить в органах, или обязательно работать в относящихся к этому обществу учреждениях. Только это и давало право выступать за «Динамо».

Короткова, конечно, не сразу взяли в чекисты. Для начала определили в хозяйственный отдел комендатуры. Но и для того, чтобы быть принятым в ОГПУ монтером по лифтовому оборудованию и лифтером, потребовалось личное поручительство Вениамина Леонардовича Герсона. Поэтому одна из книг Теодора Гладкова о генерал-майоре Александре Михайловиче Короткове и называется «Лифт в разведку».

Подъем по лубянской служебной лестнице был совершен словно на скоростном лифте. В этом, конечно, помогал и все тот же теннис, и более серьезный футбол, в котором у Короткова тоже были успехи. Но никакой спорт не вознес бы его на вершины, если бы не природная смышленость. В 1928-м он уже был делопроизводителем не где-нибудь, а в Иностранном отделе (ИНО). А в начале 1930-го — помощником оперативного уполномоченного, комсомольским секретарем и общественником.

И вдруг выяснилось, что помимо отличной физической подготовки и сообразительности долговязый паренек быстро осваивает иностранные языки. Немецкий он учил с пожилым носителем языка из Коминтерна, а французский — с милой девушкой Марией Вильковской, выросшей за границей. Она стала его первой женой и затем верной помощницей в нелегальных странствиях.

Однажды в конце 1990-х мне довелось мельком увидеться с дочерью Короткова и Вильковской — настойчивая, как и отец, статная, уверенно отстаивающая собственную точку зрения. Немного за мать обиженная.

Но на первых порах индивидуальное обучение принесло быстрые плоды. В 1933-м «Длинный», таков по понятной причине один из первых оперативных псевдонимов Короткова, уже работал нелегалом в Париже. Учился в Сорбонне, выдавая себя за австрийца чешского происхождения.

Как журналист, начинавший карьеру в спортивном отделе, я не могу не рассказать, как переживал Коротков за старшего брата Павла, игравшего в составе сборной Москвы на парижском

стадионе. 1934 год, наши приехали на рабочую спартакиаду во Францию, и команду собрали что надо — не совсем из рабочих, а из лучших игроков столицы. Среди них — динамовец Павел Коротков — будущий заслуженный мастер спорта, двукратный чемпион СССР и обладатель Кубка страны в составе московского «Динамо». Небритый (для конспирации) Александр Коротков, сидя в предпоследнем ряду переполненного стадиона, тихо болел за Павла. Об этой их встрече младший брат поведал старшему лишь годы спустя.

Жалел ли Александр, что он не на поле вместе с ребятами-футболистами? Думаю, уже нет. К тому времени он еще не сложившийся разведчик, но зато действующий нелегал, выезжающий, естественно, под чужим именем и в Италию, и в фашистскую Германию, где поддерживал связь с двумя ценными источниками.

В Париже студент пытался вербовать, не всегда удачно, французских офицеров. Одна из вербовок закончилась тем, что французы попытались выяснить, почему юный антрополог — такова была по легенде будущая профессия студента Сорбонны — активно интересуется офицерами их Генштаба. Это еще не провал, но Короткова отправили от греха подальше на родину. Это было в 1935 году.

В Союзе он долго не задержался. В начавшиеся чистки не попал, а поехал в Германию по линии нелегальной научнотехнической разведки. Добывал образцы нового оружия. И понимал, что война с нацистской Германией неизбежна. Его сообщения в Центр доказывали: вооруженное столкновение двух систем — лишь вопрос времени.

Во Франции, куда его снова вернули в 1937 году, он занимался в основном политической разведкой. И еще, об этом известно не доподлинно, говорится глухо, уничтожением предателей и врагов советской власти. И работа в этих двух столь разных направлениях на удивление складывалась. Его коллег по закордонной разведке объявляли шпионами, расстреливали, а Александру Короткову вручили орден Красного Знамени.

И вдруг его вызвали в Москву. Почему-то многие мои герои были уволены из органов и подвергались репрессиям именно под Новый год. Берия в конце декабря устроил разнос группе чекистов, публично клеймя предателями. Среди них оказался и ошарашенный Коротков. Все молчали, а орденоносец Коротков попытался защититься от нелепых обвинений. На него все смотрели с ужасом: перечить Берии в этой среде было не принято.

Но за все за это Короткова «всего лишь» уволили из НКВД. А могли бы запросто расстрелять, отправить в лагерь. Другие

«счастливчики», как ученик и дальний родственник самого Артузова Борис Гудзь, уходили в водители автобуса, молчали, тактично пережидали в преддверии лучших времен.

А Коротков еще и написал наркому. Это послание никак не назовешь покаянным. Он никого не обвинял, но и не оправдывался, не клялся в любви к товарищу Сталину, а просил восстановить его в органах. Письмо было резкое, по тем страшным временам — дерзкое.

И Берия по непонятным причинам возвратил Александра Короткова. Как такое могло произойти? Ведь по логике Берии и прочих Коротков являлся типичным предателем. На Лубянку, пусть и в лифтеры, его взял Герсон, в 1938-м арестованный и в 1940-м расстрелянный. В Париже «Длинный» работал у резидента Орлова, сбежавшего на Запад. Попытка одной из вербовок закончилась выводом из Франции. Полный набор для предъявления обвинения по любимой Берией 58-й статье. Да, за вторую командировку во Франции Короткова наградили орденом. Но в 1939-м прямо обвинили в предательстве. И он, в отличие от других, молчащих ягнят, бурно против этого протестовал, обвинения отвергал, доказывал, что никакими врагами советской власти не завербован.

Логику его увольнения, как и возвращения, проследить сложно. Да и нет ее здесь. Если только предположить, что до всесильного Лаврентия Павловича дошло: лишь невиновный человек способен на подобную дерзость. Или смелость. Вторая причина: Коротков продержался до 1939-го. Из органов уже были вычищены сотни и сотни. А на столе Берии лежала докладная записка проверяющих: связь Короткова с арестованным Герсоном не установлена.

Приближалась война, что Лаврентию Павловичу было совершенно понятно. Надо было кому-то и работать, восстанавливать связи, передавать и обрабатывать подготовленную источниками информацию. Особенно в Третьем рейхе.

В профессиональных качествах Александра Короткова сомнений не возникало. Степанов, таков был теперь псевдоним разведчика, не раз информировал об угрозе войны. И источники его Берия считал надежными. Короткова назначили заместителем начальника 1 — го отделения внешней разведки, где он, к ужасу, понял, что в последовательно зачищенных Ягодой, Ежовым и Берией резидентурах некоторых стран вообще не осталось его коллег. Да, пришли по набору новые, способные люди, но совсем неопытные. Даже в стране главного противника, Германии, резидентуру возглавлял дилетант Амаяк Кобулов, брат дружка

Берии Богдана Кобулова. А помогали ему еще двое разведчиков. Немецким языком из всех троих владел лишь один. Каково это было сознавать Короткову, над которым в свое время подсмеивались, что он говорит с венским, так и было, акцентом.

И в конце августа 1940-го в Берлин по приказу наркома Берии отправляется на месяц, не больше, сотрудник Степанов. Полномочия, полученные лично от наркома, у него были самые широкие. Может действовать и через голову Кобулова. Пусть Сталин считает, что у Советского Союза в запасе еще год, а то и два. А Москве нужна объективная картина обстановки в столице Третьего рейха, о чем Степанов получил задание информировать Берию напрямую. Он мог откровенно высказывать в донесениях свои собственные суждения, если они даже расходились с мнением посла или резидента.

Как ни странно, Кобулова это положение устраивало. Пусть Степанов берет на себя всю ответственность. Ясно, что профессионал, но до поста резидента не дорос. Коротков тоже остался при своих. При таком раскладе Кобулов вряд ли рискнет вмешиваться в его работу.

Коротков постарался побыстрее установить, что стало с агентами, связи с которыми были на два-три года заморожены. Заморожены? Мягко сказано. По существу работа была парализована. Ведь даже когда агент «Корсиканец» приезжал в Москву в составе немецкой делегации, на него, ждавшего появления советских друзей, никто не вышел.

Коротков сумел разыскать правительственного советника Имперского министерства экономики Арвида Харнака, действовавшего под этим псевдонимом, и его жену, тоже нашего агента Милдред, имевшую псевдоним «Японка». Короткова поразил своим мужеством старший сотрудник разведывательного отдела люфтваффе Харро Шульце-Бойзен, псевдоним «Старшина». Оказалось, что в подпольной группе Харнака и Бойзена более шестидесяти человек, в основном антифашисты. Этот берлинский костяк «Красной капеллы» будет уничтожен через год после начала войны. Но прежде они успеют передать столько ценнейших сведений…

Коротков оставался единственным нерасстрелянным и нерепрессированным, кто знал Брайтенбаха — Лемана в лицо. И, соблюдая максимум предосторожности, вышел и на агента.

Вильям (Вилли) Леман был кадровым сотрудником гестапо, гауптштурмбаннфюрером СС. Никто его не вербовал. Он был, по терминологии спецслужб, инициативником, то есть предложил свои услуги советской разведке добровольно еще в 1929 году. Одно время в обязанности Лемана входило наблюдение за

иностранными дипломатами, в том числе сотрудниками нашего постпредства, торгового представительства, других учреждений. Именно благодаря Леману удалось избежать арестов и вывезти из Германии нескольких советских разведчиков, попавших в поле зрения гестапо.

Коротков был приятно удивлен. Запросы Брайтенбаха отличались скромной разумностью. Скорее он работал на идейной основе. Лишь однажды, еще в 1930-х, когда Вилли сильно заболел, ему передали по приказу руководителя ИНО Артура Артузова солидную сумму денег на лечение. А потом, чтобы не вызывать подозрений, деньги эти остроумно легализовали: подстроили Леману выигрыш в тотализаторе на берлинском ипподроме… Брайтенбах, передавший, между прочим, в Москву информацию о первых испытаниях боевых ракет дальнего действия молодого инженера Вернера фон Брауна, был единственным нашим агентом в гестапо.

Выход на Лемана был совершен вопреки всем канонам разведки. Сначала Степанов — Коротков разыскал квартиру Лемана. На счастье, тот жил по старому адресу. Потом, дежуря у его дома по утрам, незаметно доводил до работы. Брайтенбах по-прежнему служил в гестапо. И только после этого условным, заранее оговоренным телефонным звонком вызвал на встречу — в маленькую пивную на окраине города, где двое скромно одетых мужчин вряд ли привлекли бы внимание. Брайтенбах захватил с собой ценнейший документ: копию доклада начальника Главного управления имперской безопасности Гейдериха «Советская подрывная деятельность против Германии».

Леман был готов к продолжению сотрудничества, и Степанов передал его на связь сотруднику резидентуры Журавлеву.

Командировка «на месяц» затянулась. В Берлине Коротков провел полгода. Антифашисты из «Красной капеллы» и Брайтенбах постоянно предупреждали о том, что Гитлер готовится к войне, и Александр Михайлович, к тому времени назначенный заместителем резидента, передавал эту информацию в Центр. Строго говоря, их данные лишь подтверждали его тревожные опасения. Но с начала 1941-го сообщения о том, что война разразится совсем скоро, стали нарастать снежным комом. В мартовском донесении Короткова, адресованном лично наркому Берии, были и такие строки: «Решен вопрос о военном выступлении против СССР…» Сам разведчик был настолько убежден в достоверности информации, стекающейся к нему сразу из нескольких источников, что предложил принять немедленные меры для связи со своей немецкой агентурой во время войны. А Леман предупредил его,

что сотрудники гестапо фактически переведены на казарменное положение. К тому же самому Брайтенбаху приказали переговорить с отставными ветеранами уголовной полиции: надо возвращаться на работу, на Востоке предстоят большие дела, куда и отправятся сотрудники из Берлина. А старым кадрам придется занять их место. Но не надолго. В результате блицкрига СССР будет разгромлен уже к зиме.

И в отличие от того, что пишут некоторые авторы, будто все тревожные сообщения игнорировались, информация от агентов Короткова воспринималась в Москве серьезно. Леману всегда доверяли.

Центр оценил работу «Старшины» и «Корсиканца». Для Харнака и его группы стали присылать с дипломатической почтой рации, шифры, коды, деньги… Но Коротков просто физически не смог передать антифашистам всю аппаратуру и немецкие марки, доставленные из Москвы во второй половине июня. А радист резидентуры не успел как следует обучить работе на рации немецких антифашистов.

Вилли Леман назвал точную дату нападения Германии. Утром в четверг 19 июня 1941 года в посольском кабинете выходящего на связь с Брайтенбахом сотрудника разведки Бориса Журавлева раздалась комбинация из двух звонков. Они различались определенным интервалом и продолжительностью. Такова была договоренность: звонили из двух разных телефонных автоматов, но расположенных близко друг от друга. Эти звонки означали срочный и категорический вызов на встречу. На нее мгновенно отправился не заместитель резидента Александр Коротков (так указано во многих публикациях), а его непосредственный подчиненный Борис Журавлев. Встреча длилась всего несколько минут. Создалось впечатление, что Брайтенбах даже забыл о правилах конспирации. Обычно сдержанный, он едва выдавил: «Война. Всё решено и бесповоротно. В воскресенье, 22-го. В три утра. По всей линии границы, с юга на север. Объявление будет формальное. Одновременно с первой бомбой. Прощайте, товарищ!» Так что вряд ли после всего этого можно десятилетиями говорить о «внезапности» фашистской агрессии.

Шифрограмма в Москву ушла немедленно, и чтобы придать ей, наиважнейшей, еще более солидный вес, не по линии резидентуры, а через дипломатическое представительство. На подготовку к войне у Советского Союза оставалось почти трое суток.

Когда началась война, Коротков находился в Берлине. И даже в эти дни успел немало. Хотя уже в три часа утра 22 июня здание

советского посольства было оцеплено эсэсовцами в стальных касках и с карабинами в руках.

Единственным дипломатом, которому позволили выезжать в немецкий МИД по предварительной договоренности и в сопровождении начальника охраны посольства офицера СС Хайнеманна, был назначен Валентин Бережков — хороший друг Короткова.

Он и помог разведчику вырваться из посольства. Бережков переговорил с Хайнеманном, придумав версию, по которой Коротков хочет проститься со своей любовью — красавицей-немкой и передать ей подарок.

Возможно, даже вероятно, что эсэсовец понял: все это — игра. Однако Коротков был в курсе того, что Хайнеманн, руководивший охраной посольства уже два года, не проявлял неприязни к советским дипломатам, охотно с ними беседовал. Так что был шанс, что он игру примет. Коротков деликатно переговорил с ним, предложив оставить в распоряжении эсэсовца свои накопления. Ведь при депортации из Германии советским гражданам разрешалось захватить с собой лишь чемодан с носильными вещами и сто марок. Коротков отдал Хайнеманну тысячу, сказав: пусть уж Хайнеманн на эти деньги оплатит свое парадное обмундирование, всё равно пропадать его маркам. Дважды, 22 и 24 июня, немец вывозил Короткова в город и высаживал где-нибудь около метро. Часа через два забирал в другом назначенном месте, и они возвращались в посольство. За это время Коротков звонил по телефону-автомату «Корсиканцу» и «Старшине», передавал инструкции, шифры, деньги…

Опасно смертельно. Ведь уже шла война, а советский разведчик расхаживает по Берлину. Окажись Хайнеманн провокатором, Короткова не спас бы никакой дипломатический паспорт. Он мог бы запросто исчезнуть и навсегда. Ведь формально Коротков всё время находился в посольстве. 2 июля, когда советские дипломаты уезжали из Берлина, они попрощались с начальником охраны. Тот дал понять, что знает: «красавица-немка» тут ни при чем. «Возможно, — сказал Хайнеманн, — мне придется когда-нибудь сослаться на эту мою услугу. Надеюсь, она не будет забыта».

После войны Коротков пытался разыскать Хайнеманна. Не сумел. Почти все члены «Красной капеллы», жившие в Берлине, были уничтожены. Но то, что сделали они, Коротков, другие наши разведчики, так или иначе приближало час Победы…

Вилли Леман был убит гестаповцами. Его судьба удивительна. Оберштурмфюрер СС, старший офицер гестапо Вилли Леман на Лубянке проходил сначала как А/201, а затем

под именем Брайтенбах. И, знаете, что поразило лично меня больше всего? До чего же сложна — непредсказуема человеческая судьба. Педант, непревзойденный конспиратор, осторожнейший и опытнейший агент, не позволяющий себе ничего лишнего ни в разговорах, ни в выпивке, был умерщвлен в Доме смерти берлинской тюрьмы Плетцензее в конце 1942 года.

А его непутевый соратник и друг, бывший полицейский Эрнст Кур, он же Рауле, он же А/70, с помощью которого Леман и установил связь с нашими, вышел сухим из воды. Не просыхающий хронический алкоголик, выпивающий после получения денег от советской разведки 17 рюмок коньяку в разных пивных точках, нашпигованных сосисками и шпиками. Болтун, звонивший подшофе своему советскому куратору прямо домой и спрашивавший: как это по-русски «пролетарии всех стран…»? Человек, которого советская разведка вывезла на несколько лет в Швейцарию — только бы не навел, не выдал Лемана. Грубиян, на которого жаловалась в полицию сожительница и квартира которого несколько раз обыскивалась гестапо, ибо гражданскую жену заподозрили в коммунистических симпатиях… И этот Кур выжил, выдюжил, пишу об этом не без симпатии, и даже продолжил сотрудничество с советской разведкой в послевоенные годы. Он был вычеркнут из списков агентурной сети лишь в 1950 году, да и то по возрасту: бесшабашному агенту шел уже восьмой десяток.

А Леман, скромный, незаметный, был бесценен. И не потому, что оказался единственным в своем роде. Его эффективность, как стало понятно из рассекреченных архивных материалов, фантастическая. Неприметный «дядюшка Вилли» работал бок о бок с такими зловещими фигурами фашистских спецслужб, как Мюллер и Шелленберг, и ухитрился обмануть всех, всех до одного. Он напередавал в Центр ценнейших сведений на 28 томов! Предупреждал о готовящихся арестах советских разведчиков и агентов. Давал подробнейшие описания структур гестапо. Сообщал о политических планах Гитлера. А чего стоило одно лишь официальное вступление в члены СС. Леману, как и всем остальным, пришлось документально доказывать свое арийское происхождение вплоть до 1800 года, а чтобы претендовать на офицерское звание — до 1750-го! И все эти тщательнейшие проверки он прошел, был номинально зачислен в 44-й Берлинский штурмовой отряд СС.

Один из старейших работников гестапо назвал точную дату — 25 апреля 1941 года — предстоящего вторжения в Югославию. Это имело огромнейшее значение: Гитлеру пришлось отсрочить войну с Советским Союзом. И теперь понятно, чем объясняется

разнобой в датах начала нападения на СССР, — о них регулярно передавали в Центр самые разные источники советской внешней и военной разведок.

То было последнее сообщение Брайтенбаха. Связь с ним была прервана. Впрочем, к весне 1942-го Центр не сумел восстановить ее ни с одним из своих берлинских агентов, в том числе участников мощной «Красной капеллы». Но, напомню, 5 августа 1942 года в район между Брянском и Гомелем опустились на парашюте два советских агента — два немца антифашиста Хесслер и Барт. Через неделю пара радистов с двумя рациями, действовавшая под видом отпускников, добралась через Варшаву и Познань до Берлина. Она должна была восстановить связь с «Красной капеллой», а уж потом…

Видимо, была встреча с Брайтенбахом. Судя по всему, на нее отправился уже гестаповский агент: Хесслер и Барт были арестованы. Хесслер выдержал все пытки, не сказал ни слова. А Барт предал.

И Леман был арестован. Его громкий провал обозначал бы конец карьеры многих людей в гестапо, поэтому Мюллер сделал все по-тихому. О последних днях и часах Лемана известно мало. Кроме того, что замучили его в тюрьме Плетцензее. Жене Маргарет сказали, что ее муж скончался во время секретной командировки, а сообщение о его смерти появилось в официальном информационном бюллетене 29 января 1943 года…

Чтобы сохранить тайну, Маргарет Леман даже не тронули. Сразу после войны ее отыскал в Берлине полковник Александр Коротков. Добился для вдовы агента Брайтенбаха усиленного продовольственного пайка. Еще через несколько лет Александр Коротков, генерал и руководитель советской нелегальной разведки, вручил Маргарет Леман в присутствии нескольких своих сотрудников золотые часы с надписью «На память от советских друзей».

Коротков относительно благополучно выехал из Берлина. Эшелон с интернированными советскими дипломатами прибыл в Москву в июле 1941-го. Александр Михайлович тут же включился в работу. Возглавил немецкий отдел внешней разведки. Он отвечал за заброску разведчиков и наших агентов в Германию и в страны, поддерживавшие нацистов.

Коротков организовал специальную школу, где готовились для заброски в фашистский тыл советские нелегалы. Ему довелось побывать в Афганистане. Установив тесные связи с английской разведкой, он предотвратил готовившийся там фашистский переворот. Несколько раз полковник Коротков ездил в Югославию, встречался с Тито, передавал считавшемуся тогда

верным нашим другом маршалу личные послания Сталина. Есть основания считать, что Коротков работал и за линией фронта.

Мне лицо Короткова хорошо знакомо. Я всегда всматриваюсь в кадры кинохроники, снятой в момент подписания Акта капитуляции фашистской Германии в Карлсхорсте. Ведь там присутствовал и мой отец — фронтовой корреспондент Совинформбюро и «Известий». И всегда вижу высокого офицера — полковника, стоящего рядом с растерянным Кейтелем. Это — Александр Коротков.

После войны Коротков возглавил нелегальную разведку. Затем помогал создавать органы безопасности в ГДР.

Но отношения с председателем КГБ СССР Александром Шелепиным у него не сложились. Их взгляды на положение в Германии были противоположны. В 1961-м после разговора с Шелепиным генерал-майор Коротков был почти уверен: из разведки ему придется уйти. Но на следующий день на заседании в ЦК КПСС откровенный и стратегически обоснованный доклад генерал-майора Короткова о сложнейшей ситуации в ФРГ и ГДР был неожиданно встречен с пониманием. Шелепин от выступления отказался. Вопрос об увольнении в такой обстановке был неуместен.

И Александр Михайлович отправился снимать стресс на свои любимые динамовские корты. О матче с партнером — начальником ГРУ генералом армии Иваном Серовым вспоминали потом многократный чемпион СССР по теннису Борис Новиков и его сын Андрей — корреспондент ТАСС. Коротков играл спокойно, уверенно подавал, передвигался по корту. Допустив две двойные ошибки на своей подаче, подошел к сетке. И упал как подкошенный. Новиков быстро подбежал к нему. Коротков был мертв — разрыв аорты.

РЕЗИДЕНТ ДРУЖИЛ С ДЕ ГОЛЛЕМ
Иван Агаянц

Молодой чекист Иван Агаянц выбрал в годы войны для Сталина надежного союзника.

Об Иване Ивановиче Агаянце известно не так много. Даже название специального подразделения, им и созданного, до сих пор засекречено. А работало это направление столь успешно, что в обход всяческих бюрократических канонов его руководителю полковнику Агаянцу было присвоено в 1965 году звание генерал-майора. Случай для тех лет — редчайший.

Фамилия Агаянца появилась в открытой печати благодаря Герою Советского Союза Геворку Андреевичу Вартаняну, первым наставником которого он стал еще во время войны в Тегеране.

— 4 февраля 1940 года я впервые вышел на встречу с советским резидентом Иваном Ивановичем Агаянцем, — рассказывал мне Вартанян. — Был он человеком строгим и в то же время добрым, теплым. Это именно Агаянц в 1943 году руководил, подчеркиваю, руководил с государственных высот, координировал серьезнейшую операцию по предотвращению покушения фашистского диверсанта № 1 Скорпени на Сталина, Рузвельта и Черчилля во время Тегеранской конференции. Агаянцу, которому исполнилось всего 32 года, подчинялись 120 оперативных советских сотрудников. Все они были разбиты на периферийные резидентуры, число которых в разные годы войны достигало 41. Я работал с ним до конца войны, пока он не уехал в 1945-м во Францию.

Но операция по предотвращению немецкого «Длинного прыжка», возможно, оказалась не самой главной в карьере Агаянца. Именно сыну армянского священника из азербайджанского города Елизаветполе, ныне Гянджа, было суждено выполнить сугубо доверительный приказ главы Советского государства: выяснить, с кем из многочисленных руководителей Франции, не смирившихся с немецкой оккупацией, следует иметь дело.

Казалось, на роль своеобразного селекционера подошел бы опытный дипломат-аналитик. Но во время тяжелой войны положились на разведчика. 1 августа 1943 года Иван Агаянц вылетел на самолете союзников из Тегерана в Алжир. В Иране Агаянц был известен всем как дипломат советского посольства Иван Авалов. Эта фамилия сохранилась за ним для работы под прикрытием и на послевоенные годы. Был у него и другой

псевдоним — оперативный, для своих — Форд.

Это сейчас мы знаем, какую большую роль сыграл генерал де Голль в развитии отношений наших двух стран. Но в первые годы войны западные союзники в молодом французе сомневались, считали его калифом на час. Предполагалось, что главным собеседником для «Большой тройки» станет более сговорчивый в отношениях с Великобританией и США, действительно хорошо известный генерал Жиро. Только он пользовался открытой поддержкой англичан и американцев.

Но в Алжире начал действовать созданный генералом де Голлем и пока еще совсем непонятный для Кремля Национальный комитет сражающейся Франции (НКСФ). И Агаян-цу поручили организовать при нем представительство СССР.

Что представляет собой Национальный комитет сражающейся Франции, было неясно. Некоторых московских стратегов волновали его трения с французскими коммунистами. А может быть, это просто разногласия, возникшие на первых порах? Будут ли представлены коммунисты в новом правительстве после войны? Союзники из Англии и США упрекали де Голля в высокомерии и внушали это при каждом удобном случае советским партнерам.

В Алжире Агаянц, мгновенно оценив обстановку и действия многочисленных важных и второстепенных лиц, возобновил личные взаимоотношения с возглавившим комитет генералом де Голлем, с которым судьба коротко свела его еще в Тегеране. Поверив в молодого француза, Агаянц решил сойтись с ним поближе, чтобы рассеять сомнения.

Высшему руководству страны надо было понять, что представляет собой генерал. Может ли он превратиться в национального лидера? Личные контакты с де Голлем позволили Агаянцу сделать ряд правильных выводов об отношении француза к американцам и англичанам. Узнать, какой тот видит борьбу с фашистами. Не пойдет ли на сотрудничество с теми, кто предлагает объединить после физического уничтожения Гитлера силы с США и Англией, навалиться всем вместе на СССР. Как представляет себе генерал послевоенное устройство Европы.

У Агаянца была еще одна, чисто разведывательная миссия: выяснить, чем конкретно занимаются в Алжире разведки союзников. Со всеми этими задачами, поставленными Сталиным, он справился безупречно.

Агаянц провел с де Голлем несколько встреч. Отношения у них сложились доверительные. Беседовали они подолгу. Познакомился Иван Агаянц и с ближайшими помощниками де Голля — выслушал их оценки ситуации, узнал о планах.

Выяснилось, что и американские, и английские спецслужбы к де Голлю и его сподвижникам относятся скептически, никакого интереса к его комитету не проявляют.

Между тем де Голль тоже разобрался в своем собеседнике, оценил его искренность. Французу понравился посланец Москвы — культурен, блестяще образован, хорошо знаком с принципами внешней политики его страны. Вероятно, понимая, с кем он имеет дело, генерал решил через Ивана Авалова дать понять Москве свою готовность к сотрудничеству.

Агаянц сумел донести до Сталина: у СССР есть вероятные союзники в оккупированных крупных странах Европы. Московский диалог Сталина и де Голля, к обоюдному удовлетворению сторон, состоялся и продолжался гораздо дольше намеченного. А информация из Алжира была учтена советской стороной на Тегеранской конференции и при выработке наших с французами послевоенных отношений, чему де Голль был искренне рад.

Закончилась Тегеранская конференция, и Агаянц снова отправился в Алжир. На этот раз он встречался с Морисом Торезом. Руководитель коммунистов Франции поведал посланцу Москвы, как именно видится ему участие мощной тогда компартии в правительстве страны, которое будет сформировано после победы над фашизмом.

Отвлекусь немного от французской темы. Человек, взваливший на себя немыслимый объем работы, успевал проводить оперативные мероприятия не только в Иране, но и работал против немцев в нескольких странах Северной Африки и Ближнего Востока. Особенно важны были его командировки в Египет, Алжир, Ирак. Он наладил отношения и с иранскими курдами. В горных селениях «советник Авалов» появлялся в национальной одежде, в чалме, в разношенных старых башмаках. Разнообразие в методах работы поразительное. И, понятно, скольких усилий, в том числе и физических, это стоило.

Постоянное напряжение сказалось на здоровье. Иван Иванович тяжело болел. Мучил, не отпускал подхваченный в Иране туберкулез. Но он продолжал работать. Болезнь терзала всю оставшуюся жизнь. После операции он много лет жил с одним легким. Но никто ни разу не слышал от него ни одной жалобы. Терпел. И, может, от этого сострадал другим, всегда приходя на помощь в ней нуждающимся.

Закончилась война, и в 1946 году Агаянц был назначен резидентом во Франции, куда переехал с женой и тремя детьми. Поле деятельности для разведки широченное. Во французскую столицу на важные международные конференции зачастили

делегации со всего света. Здесь заключались договоры — политические и экономические. Париж находился под пристальным наблюдением всех разведок. Агаянцу предстояло установить контакты не только с французами, но и с членами делегаций других стран. Обстановка, по мнению резидента, была для этого благоприятная.

Руководители советского внешнеполитического ведомства Молотов и Вышинский, регулярно получавшие информацию, добытую разведкой, были довольны. По свидетельству одного из участников тех событий, «нас неоднократно принимал Вячеслав Михайлович Молотов и не только благодарил за полезную работу, но и ставил задачи по освещению тех или иных интересовавших советскую делегацию вопросов».

Особый успех — План Маршалла по послевоенной политике США и их союзников в Европе. Он попал в руки Агаянца благодаря преданной и смелой агентуре. А она была и в кругах, специально занимающихся разнообразными направлениями в отношениях с Советским Союзом, и во французской контрразведке. Это помогало избежать провалов, свести к минимуму количество провокаций. Секретный вариант этого плана тотчас был передан членам прибывшей в Париж советской делегации.

В те послевоенные годы генерал де Голль опять пошел на контакт с Агаянцем. Им не мешала и разница в возрасте. Де Голлю — 56, советский дипломат на 20 лет моложе. Они прекрасно понимали друг друга. Я уверен, что Иван Иванович смог оказать определенное влияние на де Голля. Эти отношения с руководителем Франции сыграли большую роль в нашей внешней политике.

Агаянц был не только талантливым разведчиком. Он — настоящий эрудит, любил живопись, прекрасно разбирался в литературе. Это благодаря Ивану Ивановичу удалось возвратить на Родину около полусотни полотен художника Кончаловского, а также ценнейший архив композитора Рахманинова. Усилиями Агаянца в Москву «прибыли» дневниковые записи в ту пору необычайно популярного в СССР писателя Ромена Роллана.

Рассказав о военных и послевоенных подвигах Агаянца, позволю себе вернуться к самому началу биографии нашего героя.

Отец его был священником, потом стал учителем. В семье было три сына, и все они пошли в ЧК. Сначала уехали в Москву и поступили на службу в ОГПУ старшие Александр и Михаил.

Иван окончил школу, и его сразу взяли на партийную работу. В 1930-м, после окончания экономического техникума,

девятнадцатилетний Иван присоединился в Москве к старшим братьям.

А до этого, так уж получилось, воспитывала его в основном старшая сестра, врач по профессии. Именно в ее семье набирался он знаний, взялся за изучение иностранных языков.

В заявлении с просьбой принять в ряды чекистов написал: готов исполнять в органах любую работу. И в Москве грамотного паренька взяли на должность старшего делопроизводителя Управления по борьбе с экономическими диверсиями. Место скромное, до оперативной героики далеко. Но парень старался. В характеристиках замелькало «добросовестный, преданный, деятельный», «хорошо развит», «инициативный толковый работник». Избрали Ивана в комитет комсомола, потом секретарем комитета.

К Ивану Агаянцу начали приглядываться. Ему, понятно, хотелось оторваться от бумаг, мечтал об оперативной работе. Помогал старший брат Александр, к тому времени набравшийся опыта в органах.

Если Геворку Вартаняну повезло с Агаянцем, то и Ивану Агаянцу повезло с главным учителем — Артуром Христиановичем Артузовым, одним из основателей советской разведки, руководившим в 1930-е Иностранным отделом ОГПУ. Агаянц бережно хранил конспекты лекций Артузова, перенимал у него не только чисто профессиональные навыки, но и манеру работать с подчиненными, умение четко ставить задачу. Несмотря на молодость Ивана, к нему прислушивались и старшие коллеги.

Молодому чекисту легко давались иностранные языки. Он не был полиглотом, но свободно владел французским, турецким, персидским, испанским. Понадобилось — и выучил английский, итальянский. Интересовался юриспруденцией, изучал историю.

В 1936 году он стал сотрудником внешней разведки, в 1937-м получил звание младшего лейтенанта и характеризовался как «крайне добросовестный работник». В том же году был послан в первую загранкомандировку во Францию, где работал в резидентуре под прикрытием Торгпредства, а потом стал заведующим консульским отделом.

Вскоре Агаянца направили в Испанию. Вот где проходила серьезнейшие испытания советская разведка. Битва с Франко закончилась поражением республиканцев. И в тяжелые дни отступления молодому разведчику была поручена ответственная миссия: спасти руководителей испанских коммунистов, уже тогда легендарную Долорес Ибаррури и Хосе Диаса. Агаянц справился с заданием, доставил их в Москву, ставшую для обоих испанцев пристанищем на долгие годы.

Но знания, опыт Ивана Агаянца были нужны в Париже. И в 28 лет он стал заместителем резидента во Франции. Нападение Германии на эту страну не стало для него неожиданностью, как и быстрое падение Парижа. Он и его товарищи по службе это предвидели, что нашло отражение в тревожных сообщениях в Центр.

Возвращение в Москву было предопределено ходом истории. И хорошо проявившего себя в зарубежье Агаянца назначили заместителем начальника, а вскоре и начальником отделения одного из отделов Главного управления государственной безопасности НКВД. Прошло еще немного времени, и он стал заместителем начальника отдела Первого управления НКГБ СССР, предтечи ПГУ, а затем и СВР.

За 72 часа до начала войны Иван Агаянц на основе точных донесений сообщил руководству точное время нападения фашистов на СССР. Данные были получены от антифашистского подполья. К удивлению Агаянца, реакции на эту информацию из Центра не последовало.

Грянула Великая Отечественная, и летом 1941-го по приказу молодого начальника разведки Павла Фитина тридцатилетний Агаянц отправился в Иран, чтобы возглавить все работающие там резидентуры внешней разведки. Вместе с женой Еленой он вылетел в Тегеран на армейском бомбардировщике. Супруга, кадровая сотрудница НКГБ СССР, была беременна, но это не остановило ни ее, ни мужа: Елена Ильинична всю жизнь оставалась верным и, отмечу, профессиональным помощником Ивана Ивановича.

Здесь сознательно опущу этот «иранский» период, потому что о важнейшей операции того времени — срыве фашистской операции «Длинный прыжок» по уничтожению руководителей «Большой тройки» расскажу в главе, посвященной супругам Геворку и Гоар Вартанян.

В 1947 году Агаянца вызвали в Москву. Сначала он возглавлял одно из управлений, затем учился в Высшей партийной школе и в адъюнктуре при Военно-дипломатической академии.

А с 1954 по 1959 год преподавал, став руководителем кафедры специальных дисциплин в разведывательной школе № 101. Сейчас это Академия внешней разведки. Там Иван

Иванович тоже оставил глубокий след. Это при нем был издан учебник политической разведки — первое пособие такого рода. И слушателям школы, знаю точно, учебник очень пригодился.

А теперь я хочу предоставить слово ветерану внешней разведки полковнику Виталию Викторовичу Короткову. Участник Великой Отечественной, он работал в Москве под руководством Ивана Ивановича Агаянца:

— В те годы холодной войны обстановка менялась быстро. Как и прежде требовалось добывать информацию. Но чтобы на равных биться с главным противником — Соединенными Штатами, одного этого было уже недостаточно. Требовались мгновенная реакция, быстрый и активный ответ. Наша внешняя политика нуждалась в поддержке. Действия чужих разведок надо было предупреждать и срывать, противопоставлять им собственные. Для этого для постоянной координации и было создано специальное подразделение, которым руководил Иван Агаянц.

Он начал с нуля, с чистой доски. Однако авторитет полковника Агаянца был настолько высок, что ему удалось быстро подобрать толковых помощников, способных исполнителей. Причем Иван Иванович выбор делал сам и, насколько знаю, здесь не ошибался.

В этот отдел попал и я.

Кабинет у Агаянца был затемненный, свет не бил в глаза. Захожу, он сидит в полутьме. И разговор пошел мягкий, спокойный. Сразу почувствовал: Агаянц настроен по-доброму.

И стал я, как у нас говорят, «немцем», то есть занимался в новом подразделении западногерманской разведывательной службой. В коллективе почувствовал иную атмосферу: доброжелательность, никаких трений между руководителями, между работниками. Это шло от Ивана Ивановича, он мог повлиять на окружающих, настроить на верную волну. Определил направления деятельности отделов. Причем каждому ставил посильную, выполнимую задачу, каким-то своим особым чутьем понимая, кто на что способен. И, не удивляйтесь, давал свободу творчеству.

А подразделение было любопытное, неважно, как оно называлось. О нем и сейчас мало известно. Занимались мы и внешней политикой. Исключительно много зависело от того, как мои товарищи, коллеги оценивали поступающую информацию. Перерабатывали ее таким образом, чтобы было выгодно использовать в наших интересах.

Атмосфера в подразделении благоприятствовала творчеству. Кто хотел писать — пожалуйста. Если вы находите какие-то интересные материалы, публикуйтесь.

В то время существовал спецархив, там хранились трофейные документы. Было много материалов, связанных с карательными акциями немцев на временно оккупированных территориях.

Иван Иванович Агаянц приучал людей думать шире, не замыкаться только на каких-то оперативных проблемах. Слишком распространяться не буду. Тема пока закрытая, о ней почти не упоминается. Разве что в специальной литературе проскакивают иногда отдельные эпизоды.

Если вспомнить историю, то в 1923 году создали по решению высшего партийного руководства специальное бюро по дезинформации в рамках ЧК, МИДа и Генштаба. Работа в тот период шла довольно активно, но потом постепенно затухла. Затем не стало и единого центра. Служба что-то в этом плане делала. Но не было это чем-то отработанным, отдача была небольшая.

Иван Иванович понимал, насколько это важно и нужно. Вышел с предложением и смог создать по-настоящему новое подразделение. Сам разрабатывал структуру, методику его работы, план своеобразных акций. Это был новый шаг.

И работа пошла совершенно по-другому. Наступил момент, когда ЦРУ и Госдепу пришлось ежегодно докладывать Конгрессу США о деятельности советской разведки в этой сфере. Доклады публиковались, анализировались. Большинство активных мероприятий приносили весомые результаты.

В свое время наша резидентура в Париже смогла получить секретные материалы Министерства обороны и военного командования США о планировании атомного нападения на Советский Союз. Наши товарищи завербовали одного американца, который работал в пункте связи. Он принимал эти донесения, пакеты с планами, с документами из Вашингтона и переправлял их дальше, в Западную Германию. Там всё это удавалось копировать и — сюда, в Москву. Такие акции осуществлялись долгие годы. Материалы мы публиковали: доводили до сведения общественности эти планы. Секретов не выдаю. В шестом томе «Очерков истории российской внешней разведки» приведено содержание этих документов. Повторюсь, всё, точнее, почти всё, что связано с работой этого подразделения, пока закрыто.

Конечно, повезло, что подразделение возглавлял Агаянц.

Иван Иванович старался отслеживать рост каждого оперативного работника. Приглашал к себе на беседу. Обсуждал отдельные проблемы конкретно, напрямую, а не через кого-то. Наставлял подчиненных: берегите себя, разведчиков готовят на долгие годы.

Заботился о каждом. Как-то я заболел. Новый год, а я в

госпитале. Приезжает ко мне один из руководителей с новогодним подарком. Книга о скульптуре на немецком языке, поскольку я германист, и автограф Ивана Ивановича Агаянца с пожеланиями скорейшего выздоровления и поздравлениями.

И так бывало всегда. У одной нашей сотрудницы слегла мама. Тогда Агаянц связался с Минздравом и вскоре было получено разрешение положить ее в Институт кардиологии.

Иван Иванович старался, чтобы мы общались семьями. В Центральном клубе два или три раза в год собирался весь коллектив с женами. Большой концерт, угощение, вино. Приглашались и знаменитые люди, познакомиться с которыми было не только интересно, но и полезно. Агаянц в этих встречах участвовал. Не просто по должности, как организатор и руководитель, а как товарищ. Даже один его внешний вид вызывал уважение. Подтянут, хорошо, я бы сказал, элегантно одет. Понимаете, таким руководителем гордились. Старались брать с него пример.

Многое решал и чисто профессиональный опыт. Он прошел такую нелегкую школу в зарубежье. И делился знаниями щедро. Было это видно всем: кто хотел учиться, набираться навыков, попадали в благоприятную среду.

Мы вербовочной работой в нашем подразделении не занимались, цели ставились несколько иные, но работавшие с Иваном Ивановичем за границей считали его блестящим вербовщиком. Он лично приобрел немало агентов и в Иране, и во Франции. И люди, привлеченные Агаянцем, трудились вместе с ним, с его последователями не один год.

Была у него своя манера поведения. Он никогда не повышал голоса. Никогда. Тихо, спокойно высказывал свои мысли, свои соображения. И подчиненного слушал внимательно. Обсуждал всё высказанное, пытался в мягкой форме обратить его внимание на недоработки или моменты, которые тот не учел.

Агаянц был удивительно тактичным человеком. Даже давая суровую оценку, он умел одновременно указать верный путь к решению. Подсказывал, как выработать правильную версию. Такая повседневная манера общения с оперативным составом приводила к тому, что мы не просто его уважали, а по-настоящему любили. Он был для нас примером того, как надо работать, как вести себя в коллективе с подчиненными. Если хотите, это и была воспитательная работа. Демонстрировал, показывал, как надо общаться с людьми, как вдохновлять на более успешные, результативные решения возникающих проблем.

Меня, да и всех Агаянц поражал феноменальной памятью. Вообще-то, у большинства людей моей профессии она развита

неплохо. А Иван Иванович мог досконально воспроизвести ход какого-то события и даты. Он помнил имена и, что не часто случается с начальниками, общающимися с огромным количеством людей, отчества подчиненных, с которыми ему когда-то и где-то приходилось встречаться. Это вызывало и удивление, и благодарность за такое к себе отношение.

Еще два качества — вежливость и внимательность были у него врожденными. Вошел к нему в кабинет вызванный сотрудник, и Иван Иванович вставал из-за стола, чтобы с ним поздороваться. А если заходила сотрудница, то Агаянц ждал, когда она устроится на стуле, садился только после дамы.

И, знаете, как часто бывает. Человек хорошо работает, а начальник старается его у себя удержать. Иван Иванович поступал по-другому. Он старался сам помочь нам, дать возможность заниматься оперативной работой, рекомендовал для поездок в загранкомандировку. Потому что считал: это способствует оперативному росту.

Но Агаянц вовсе не был эдаким начальником-добрячком. Оценки сослуживцам давал прямые, честные. Надо было — критиковал. Служил у него в подразделении Анатолий Яцков. Атомный разведчик, в 1996-м ему посмертно присвоили звание Героя России. За плечами сложнейшие командировки, в США работал с нашими агентами, передававшими ценнейшие сведения об атомной бомбе.

Но жизнь непредсказуема — развелся с женой. Как в те годы и было принято, решили его персональное дело заслушать на партсобрании. И, знаете, Иван Иванович был за то, чтобы строго наказать его по партийной линии. Собрание шло нормально, спокойно. Выступает один товарищ и говорит: за что Яцкова наказывать? Жена к Анатолию особых претензий не имеет, ну, полюбил, следует ограничиться тем, что поставить на вид. Собрание к доводам прислушалось, работником Яцков был отличным и отделался самым легким наказанием. Но как же был недоволен Иван Иванович. Правда, промолчал, ни на кого не давил, хотя и сидел насупившись. Был он вот такой, правильный.

Поскольку место работы здесь в основном было более-менее стабильное, на первом этапе создания коллектива сложилась ситуация, при которой кадровики старались сплавить сюда тех, кто по разным причинам не имел возможности выезжать в командировки. Это подразделение какой-то период считалось отстойником, где уж сядешь и никуда больше не поедешь, не будет у тебя дальнейшего развития.

А Иван Иванович смог эту тенденцию переломить. И люди пошли в это подразделение, стали охотно здесь работать, а по

возвращении опять стремились попасть сюда же. Это подразделение давало очень много оперативному составу с точки зрения политического развития, политического роста.

У Агаянца были тесные контакты с Министерством обороны, с Генштабом, МИДом и Госпланом. Он был там своим. Он, а не начальник разведки звонил, встречался, договаривался с высоким руководством самых разнообразных ведомств по всем нашим проблемам.

Иван Иванович довольно долго проработал на этом месте. В декабре 1965-го руководство разведки дало достойную оценку его усилиям: «Благодаря правильной организации работы отделом успешно проведен ряд активных мероприятий, направленных на разоблачение планов США и оказание влияния на позиции правительств, генштабов и разведок противника по политическим, экономическим и военным вопросам. Принимал участие в выполнении заданий инстанции (так именовался ЦК КПСС. — ***Н. Д.)*** по срыву агрессивных планов США против Кубы, а также Конго и Лаоса… В настоящее время И. И. Агаянц занимает должность, которая по перечню должностей не подлежит замещению генералами. Однако, учитывая заслуги и многолетнюю деятельность И. И. Агаянца в органах разведки, а также то, что он многие годы занимал должности, подлежащие замещению генералами, считаем возможным в порядке исключения представить к присвоению звания генерал-майора».

Двадцатое декабря — наш профессиональный праздник, День разведчика. А в его канун, 16 декабря 1965 года, Совет министров СССР принял постановление о присвоении Ивану Ивановичу Агаянцу звания генерала. Он и был настоящим генералом, боевым, действующим, никаким не паркетным и не кабинетным.

В 1967 году Агаянца назначили заместителем начальника Первого главного управления КГБ, ныне это Служба внешней разведки России. Но все его последователи в подразделении очень умело сохраняли созданную им обстановку в коллективе.

Семья у него была на редкость дружная. Вместе с женой Еленой Ильиничной он вырастил сыновей Николая и Александра. Николай стал журналистом, Александр — дипломатом. А дочка Арфеник посвятила себя семейным делам. Благодаря ей я и узнал многие факты из биографии ее отца, о котором вам с удовольствием рассказываю.

Я считаю, что выполнил свой долг, рассказав об этом замечательном человеке. Наш учитель Иван Иванович Агаянц был отмечен высокими наградами: это ордена Ленина, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени, два ордена Красной Звезды, многие медали, ордена и

медали зарубежных государств. Агаянц награжден очень ценящимися в нашей среде нагрудными знаками «Заслуженный работник НКВД» и «Почетный сотрудник госбезопасности».

Я горжусь тем, что работал в его подразделении, общался с ним. Пришел туда майором. Там же я стал полковником. Выехал на пять лет в командировку в Германию. Потом снова Москва, поработал два-три года, опять уехал в командировку, но в это время Иван Иванович уже не работал — болезнь.

Иван Иванович Агаянц прожил очень яркую, но, к сожалению, недолгую жизнь. Зато он оставил после себя целую плеяду высокопрофессиональных чекистов. Среди них генерал Всеволод Радченко.

Всеволод Радченко был руководителем оперативного направления. Однажды Агаянц отправил его в Прагу — мы там реализовывали одно мероприятие.

Обнаружили мы в нашем спецархиве интересные немецкие трофейные документы, дискредитировавшие гитлеровский режим, вермахт и гестапо. В данном случае мы собрали документальные свидетельства о том, что сделали фашисты с Австрией. Были и документы о захвате Чехословакии.

Документы настоящие, подлинные. Нужно было привлечь к ним внимание, сделать так, чтобы ими заинтересовалось как можно больше людей. Мы решили инсценировать их затопление в одном из озер Чехословакии, а потом, якобы случайно, герметически упакованные ящики обнаружили подводники-любители.

На основании этих материалов я в 1964 году под псевдонимом Вит. Королин опубликовал статью «Черный клад Черных озер» в популярном тогда еженедельнике «Неделя», издававшемся при газете «Известия». Вот маленький отрывочек, который введет в курс дела: «…Пришел июль 1964 года. Со страниц мировой прессы прозвучали названия мало кому известных за пределами Чехословакии озер — Черного и Чортова. Сотрудники пражского телевидения приехали сюда снимать фильмы о шумавских легендах. В подводных съемках им помогали водолазы — любители из союза содействия армии.

Но вместо хоровода веселых русалок и водяных участникам экспедиции пришлось увидеть призраки Второй мировой войны — заминированные ящики. После предварительного изучения часть их была представлена общественности.

Несколько дней назад в Праге состоялась пресс-конференция, организованная Министерством внутренних дел ЧССР, в ходе которой министр тов. Штроугал ознакомил представителей прессы, радио и телевидения с несколькими из многих сотен

важных нацистских секретных документов, которые нашли на дне Черного озера».

Здесь же фото, на котором «стрелками обозначены места, где нашли гитлеровские документы».

Ящики вскрыли. Всё, что хранилось в них — правда до последнего слова. И об оккупации, о расстрелах, о роли местных приспешников. Никаких выдумок. Но документы, что называется, «всплыли» на поверхность таким вот образом и потому интерес вызвали повышенный. Их проверили, признали достоверными. И на этой основе появилось множество публикаций, не только в нашей и в чехословацкой прессе, но и в западной: «Кулисы Третьего рейха», «Тайны Черного озера», «Совершенно секретно: тайны Шумавских озер»…

О последних днях жизни Агаянца ветеран разведки Всеволод Радченко рассказал в своей книге «Главная профессия разведка»: «Агаянцу сделали операцию на коже, небольшую… он уже вышел на работу, но через 2–3 месяца вновь лег в “Кремлевку”. Я, как партийный секретарь Службы и “старый кадр”, служивший с первых дней ее создания, регулярно бывал в ЦКБ у Ивана Ивановича.

Болезнь развивалась очень быстро. Однажды Агаянц пригласил меня пройтись по парку. Было тепло. Говорили о делах. Но вдруг он остановился и сказал, что у него неожиданно появились опухоли в районе подмышек и в паху и… замолчал. Я попросил его разрешения посоветоваться в службе о возможности помочь в лечении, так как этот вопрос, как я понимал, приобретал чрезвычайный характер. Прибыв на работу, доложил о своих худших опасениях заму Агаянца С. А. Кондрашову (впоследствии генерал-лейтенанту СВР в отставке. — ***Н. Д.)***. Он при мне позвонил Ю. В. Андропову, председателю КГБ. Реакция была немедленной. Председатель тут же предложил организовать у Агаянца консилиум лучших врачей Москвы.

Я был при проведении консилиума в ЦКБ. Выводы были неутешительными: быстро прогрессирующий рак. Один из профессоров прямо назвал сроки жизни — 3–4 недели. Так и случилось…»

— Он умер 12 мая 1968 года, не дожив до пятидесяти семи лет.

Сколько уж лет прошло, сколько поколений чекистов сменилось, но память о нем хранят все, его знавшие, хоть раз соприкасавшиеся с ним, — завершает нашу беседу полковник Коротков. — И молодые ребята, приходящие нам на смену, о нем знают. Есть при входе в просторный Музей истории внешней разведки в Ясеневе большая Мемориальная доска. На ней

золотыми буквами выбиты имена выдающихся наших разведчиков. Удостоившихся такой чести не так много, за все годы существования нашей Службы, с декабря 1920-го, меньше ста человек. Иван Иванович Агаянц занимает среди них место достойное. Похоронен Иван Иванович Агаянц на Новодевичьем кладбище, рядом с женой.

ШЕСТЬ ЖИЗНЕЙ ПОЛКОВНИКА АБЕЛЯ
Рудольф Абель — Вильям Фишер

Разведчик нелегал Вильям Генрихович Фишер, он же полковник Рудольф Иванович Абель, прожил пять чужих жизней плюс шестую — свою собственную.

Советские граждане, наверное, никогда не узнали бы о существовании Фишера — Абеля, если бы не совсем уж громкое дело о его аресте в 1957 году в США и обмене в 1962-м на сбитого в российском небе американского летчика Пауэрса.

Фишер родился в городе Ньюкасл-он-Тайн в 1903 году и говорил на английском так же хорошо, как на родном русском. В разведку пришел 2 мая 1927-го. Нелегал успешно работал во многих странах, но, несмотря на это, был уволен из НКВД 31 декабря 1938 года. Могло быть и хуже, многих его друзей и коллег расстреляли, обвинив в шпионаже. Как всегда бывает в этой жизни, под подозрением оказываются абсолютно не те…

Я уже рассказывал в этой книге, как в начале Великой Отечественной войны вернули на службу немногих, выживших в лагерях или уволенных со службы опытных чекистов. Среди них был и Фишер. Это потом, при аресте в Штатах он взял имя старого друга и коллеги Рудольфа Абеля.

Фишер вспоминал, что самым спокойным периодом его жизни был тот, когда он работал на заводе, куда устроился в середине 1939 года. Два года и девять месяцев он жил без разведки, трудился под своим именем и обходился без всяких явок и паролей.

Перечитывая толстенную пачку писем, написанных Вильямом Генриховичем жене Эле, я наткнулся на поразившее меня откровение. Он писал любимой, что не хочет и думать о бывшей работе, устал от ее бесконечных сложностей и никогда не вернется к прежнему. То ли это была минутная слабость, то ли обида? А может быть, чистая правда вырвалась из-под пера уже многое познавшего человека?

Известно, что во время Великой Отечественной Фишер служил в управлении генерала Павла Судоплатова. В совершенстве владел немецким, считался лучшим радистом органов и обучал молодых разведчиков и агентов диверсионному делу.

С ним связана история, докопаться до правдивых истоков

которой мне пока еще не удалось: то ли пропали военные архивы, то ли не дошла еще очередь до открытия новой главы. Существует версия, будто Фишер действовал в фашистском тылу под видом немецкого офицера.

В воспоминаниях другого советского нелегала — Конона Молодого — я наткнулся на такой эпизод. Молодый, заброшенный в немецкий тыл, был чуть ли не сразу пойман и доставлен на допрос в контрразведку. Допрашивавший его фашист не долго мучил Молодого, а оставшись наедине, обозвал будущую звезду советского шпионажа «идиотом» и вытолкал пинками за порог. С тех пор и до конца дней у Молодого побаливал копчик. С «фашистом» Молодый встретился снова, уже по приказу Центра, в нелегальной командировке в Америке. Оба мгновенно узнали друг друга. Правда это или вымысел? Молодый был горазд на такие, повергающие в сомнения мистификации.

Еще до возвращения в Четвертое управление НКВД скромный инженер Фишер совершил подвиг подмосковного масштаба. Мотаясь в пригородном поезде с дачи в Челюскинской на завод и обратно, услышал он ранним утром тихий разговор в тамбуре, куда вышел покурить. Два неприметных пассажира решали, где лучше выйти. Один предлагал на вокзале в Москве, другой возражал: надо бы пораньше, а то поезд проскочит в другую часть города. И одеты были они по-нашенски, и акцента никакого, но Вильям Генрихович вызвал патруль и парочку арестовали. Оказались они немецкими парашютистами.

Как он распознал в этих двоих диверсантов? Его насторожили слова: «поезд проскочит в другую часть города». Именно так организовано движение в Берлине. Но откуда не бывавший, если верить официальной биографии, в Берлине Фишер знал эти берлинские тонкости и почему так быстро среагировал, почуяв фальшь? Или бывал он и в Берлине?

Хорошо знавший Абеля — Фишера Владимир Вайншток, сценарист культового «Мертвого сезона» (с Абелем они если и не дружили, то были откровенны, бывали друг у друга в гостях), был уверен: Рудольф Иванович служил в немецком штабе. Даже вставил в картину подтверждающую это фразу главного героя, которого играл Банионис, — о том, что сначала штабом, в который он, советский разведчик, пробрался, командовал Гальдер, а потом Йодль. То есть указывает даже конкретное место службы — оперативный штаб сухопутных войск Германии. Уже после выхода знаменитой в ту пору книги Кожевникова «Щит и меч» (разведчику она не понравилась) Абель рассказывал Вайнштоку, что мог вытащить бумажник из кармана Гитлера, которого видел в среднем раз в месяц.

Меня же уверяли, что такого не было, архивных материалов не сохранилось, подтверждений нет. Я пытался изучать по месяцам и по годам, где бывал мой герой во время Великой Отечественной. Читал его письма близким, записывал то, что мне рассказывали его дочь Эвелина Вильямовна и приемная дочка Лидия Борисовна. Там не обнаружилось таких вот временных промежутков, достаточных для глубокого внедрения.

Однако тема Берлина всплыла однажды в лекции, которую полковник Абель читал ученикам — будущим нелегалам. Я процитирую «лектора» дословно: «В своей практической работе разведчик нуждается не только в источниках информации, но также в услугах людей, могущих хранить материалы, аппараты, быть “почтовыми ящиками” и оказывать подобные услуги ему. Я вам расскажу о маленьком инциденте, где случайность помогла нашему товарищу.

Дело было в Берлине в конце 1943-го. Город ожесточенно бомбили. Поздно ночью, возвращаясь домой, нашего товарища, там работавшего, настиг очередной налет. Он укрылся от осколков в ходе, ведущем в подвал разрушенного дома. Где-то между разрывами бомб и снарядов вдруг раздался слабый звук рояля. Он прислушался и убедился, что играют мазурку Шопена. Другой человек, может быть, и не обратил бы внимания на звуки рояля, тем более на то, что играют Шопена. Наш товарищ вспомнил, что Шопена фашисты играть запретили. Подумал, что играющий ищет покоя в музыке и должен быть человеком, который за девять лет существования нацизма не поддался его влиянию. Разыскал вход в подвал и нашел там двух женщин. Мать и дочь. На рояле играла дочь.

В итоге этого “случайного” знакомства была получена надежная квартира, где наш товарищ мог спокойно готовить свои сообщения, хранить документы и прочее хозяйство разведчика. В этой квартире он провел последние дни боев в Берлине и ждал сигнала Центра о выходе из подполья.

Я надеюсь, что этот случай из нашей практики даст вам представление о характере нашей работы. Внешне она не изобилует очень большим драматизмом. Не обязательно иметь министра в качестве источника информации. Вполне достаточно завербовать доверенного слугу. А в США я проработал с 1948 года по 1957-й. Потом тюрьма, арест и в 1962-м обмен».

О ком из «наших товарищей» рассказывал слушателям полковник? Ясно, что о человеке интеллигентном, даже под обстрелом сумевшем быстро сообразить, что играют запрещенного Шопена. Не собственным ли опытом делился нелегал, великолепный музыкант, со своими учениками?

Хотелось бы поверить, что так. Но это расходится с фактами и датами, точно установленными.

Из рассекреченных архивов было разрешено выплыть одному любопытному и документально подтвержденному эпизоду, связанному с моим героем. В середине 1944 года немецкий подполковник Шорхорн попал в плен. Его удалось перевербовать и затеять операцию по отвлечению крупных сил немецкого вермахта. По легенде, подброшенной немцам ведомством Павла Судоплатова, в белорусских лесах действовало крупное подразделение вермахта, чудом избежавшее плена. Оно якобы нападало на регулярные советские части, сообщало в Берлин о перемещении войск противника. Нападение на наши войска — сплошной вымысел, которому в Германии тем не менее поверили. А вот регулярную связь с Берлином блуждающая в лесах небольшая группа немцев действительно поддерживала. Именно переодетый в форму фашистского офицера Вильям Фишер и затеял вместе со своими радистами эту игру. В группу входили и попавшие в плен, перевербованные немцы. Операция эта получила название «Березино». Из Берлина в Белоруссию вылетали самолеты, немцы сбрасывали для своей группировки десятки тонн оружия, боеприпасов, продовольствия. Больше двух десятков прибывших в распоряжение Шорхорна диверсантов были арестованы, частично перевербованы и включены в радиоигру. Нетрудно представить, какую дезинформацию они передавали. За всё это лично фюрер произвел Шорхорна в полковники, Фишер был представлен к высшей награде рейха — Железному кресту. За эту же операцию и за работу во время войны Вильям Генрихович Фишер был награжден орденом Ленина.

Немцев дурачили таким образом больше одиннадцати месяцев. Уже совершил самоубийство Гитлер, был взят Берлин, а радиоигра всё продолжалась. Только 4 мая 1945 года Фишер и его люди получили последнюю радиограмму откуда-то из Германии, уже не из Берлина. Их благодарили за службу, сожалели, что не могут больше оказывать помощь, и, уповая лишь на помощь Божью, предлагали действовать самостоятельно.

С 1948 года он нелегально работал в США. Хорошо известно о том, как Фишер руководил в Штатах сетью советских «атомных» агентов. Гораздо меньше пишут о его связях с нашими нелегалами в Латинской Америке. Они, в большинстве своем офицеры-фронтовики или партизаны, незаметно вели наблюдения за американскими судами и были готовы, в случае необходимости, совершать диверсии. Завербовали китайцев, проживавших в процветающей Калифорнии. И те уже знали, как и по какому сигналу пронести взрывчатку на корабли ВМС США,

доставлявшие военные грузы на Дальний Восток. Необходимости, к счастью, не возникло. Но иногда нелегалы Филоненко и другие, годами работавшие в Латинской Америке с женами, иногда выбирались в Соединенные Штаты, встречались с Фишером и совсем не в Нью-Йорке. Партизанские, диверсионные навыки могли пригодиться и резиденту, и его людям.

Была, по моим изысканиям, не более, и еще одна агентурная сеть, которую контролировал или с которой сотрудничал Фишер. И в Америке ему пригодилось знание немецкого. На восточном побережье США он был связан с немцами-эмиг-рантами, которые боролись с Гитлером еще до и во время Второй мировой войны. Это они совершали диверсии в различных захваченных фашистами странах. Тут всплывает имя боевика Курта Визеля, в годы войны помогавшего известному диверсанту-антифашисту Эрнсту Волльвеберу. В Штатах он сделал отличную карьеру, став инженером судостроительной компании в Норфолке. В конце 1949-го и в 1950-х годах Ви-зель имел доступ к самой секретной информации.

Есть некоторые, подчеркну, некоторые основания предполагать, что в годы Великой Отечественной Фишер действовал в определенных эпизодах под именем Рудольфа Абеля.

Рудольф Абель и Вилли Фишер были друзьями. В столовую и то ходили вместе. На Лубянке шутили: «Вон Абели пришли». Возможно, они познакомились в Китае, где оба работали радистами. Может быть, судьба свела их в 1937-м, как считает дочка Фишера Эвелина.

В военные годы оба жили в маленькой квартирке в центре Москвы. Жены, дети были отправлены в эвакуацию. И вечерами на кухне собирались трое. Их даже окрестили, что было по тем временам оригинально и смело, «тремя мушкетерами».

Кто же был третий? Когда через несколько десятилетий после войны разрешили выезжать за границу и навсегда, третий, радиожурналист Кирилл Хенкин, чекистом так и не ставший, собрался и уехал. К удивлению, отпущен он был мирно, без скандалов, пообещав хранить молчание.

Молчание, возможно, и хранил, однако книгу «Охотник вверх ногами» о Вильяме Фишере и его последних мгновениях написал. Ну да бог с ним, с Кириллом Хенкиным, скончавшимся в возрасте около девяноста лет в Германии. Некоторые эпизоды из его книги любопытны. Выехавший из СССР Хен-кин вынужден был соблюдать законы эмигрантского жанра, иначе кто бы издал книгу. Но вот момент, сомнений не вызывающий. Начались чистки, и кабинет, в котором сидели Рудольф Иванович Абель и

четверо сослуживцев, с каждым днем пустел. Один за другим коллеги куда-то вызывались, уходили и не возвращались. На столах, затем ночью опечатывавшихся, оставались личные вещи, стаканы с чаем. А на стуле долго висела чекистская фуражка. Ее почему-то не убирали, и она служила грозным напоминанием о судьбе ее владельца.

Я рискну высказать догадку о причинах настоящей дружбы двух героев этого повествования. Было в судьбах двух разведчиков — Абеля и Фишера — нечто общее, что, как мне кажется, их и сблизило. Оба не были баловнями фортуны. Судьба их била жестоко: душевные раны от ударов своих же заживают трудно. И заживают ли? Вильяма Фишера, как известно, в довоенные годы чисток и расстрелов уволили из НКВД. Рудольфа Ивановича Абеля после расстрела брата — старого большевика — тоже выкинули из органов, а потом вернули. И хотя жена происходила из дворян, а родственники остались в оккупированной Риге, в дни войны его не трогали.

Видимо, Абелю доверяли, раз дело ограничилось лишь письменными оправданиями:

«В отдел кадров НКВД СССР.

Рапорт.

Довожу до сведения, что на временно оккупированной немцами территории Латвийской ССР в г. Риге остались проживавшие там мои родители и младший брат.

О судьбе моих родных мне ничего не известно.

Зам. нач. 3 отделения 4 управления НКГБ СССР, майор Госбезопасности Р. Абель».

К счастью для майора, он был крайне нужен: «…С августа 1942 г. по январь 1943 г. находился на Кавказском фронте в составе опергруппы по обороне Ілавного Кавказского хребта. В период Отеч. войны неоднократно выезжал на выполнение специальных заданий».

И ключевая фраза, дающая ответ на вопрос, чем он занимался: «Выполнял спецзадания по подготовке и заброске нашей агентуры в тыл противника».

Война у каждого своя

Дочь Фишера Эвелина рассказывала мне о дружбе отца с Рудольфом Ивановичем Абелем, о том, как жила ее семья во время войны.

— Точно судить не берусь, но встретились они с Рудольфом Абелем, вероятно, в году 1937-м, когда оба служили в органах. И

появился он у нас, на Втором Троицком, после нашего возвращения из Англии, приблизительно в декабре. И вскоре стал приходить часто.

Папа был выше дяди Рудольфа. Он — тощий, темный, плешь у него приличная. А дядя Рудольф — блондин, коренастый, улыбающийся, с густой шевелюрой. Третий друг появился гораздо позже — Кирилл Хенкин. В военные годы он у них учился в школе радистов, и отец с дядей Рудольфом с ним в ту пору сошлись. Так Хенкин рассказывал, что их там никто не различал. Были совершенно не похожи, но тем не менее их путали. И потому, что очень много свободного времени проводили вместе. Они были Абель с Фишером или Фишер с Абелем и ходили в основном парой. Видимо, делали одно и то же дело. Но какое — не знаю, мне судить трудно, и не касается это меня ни в коей мере. Их работа — это их работа. А дружили они очень.

Сначала, до войны, они дружили еще с Вилли Мартенсом — звали его Вилли Маленьким. Он был моложе дяди Рудольфа, поэтому назывался Маленьким. У меня даже есть подозрение, хотя какое тут подозрение: дядя Вилли одно время тоже работал в Комитете. Потом всю жизнь, и во время войны, в военной разведке. Отец дяди Вилли и мой дедушка, оба старых большевика, друг друга хорошо знали. У Мартенсов дача тоже была в Челюскинской. Я и с Мартенсом-старшим — Людвигом Карловичем — была неплохо знакома: типичная немецкая личность с хорошим таким брюшком. Вот они втроем, еще до Хенкина, и дружили.

Во время войны, когда мы с мамой жили в Куйбышеве, папа, дядя Рудольф и Кирилл Хенкин жили втроем в нашей квартире. Потому что у дяди Рудольфа в доме, по-моему, номер 3 по улице Мархлевского, окна были выбиты: напротив упала бомба, вставить стекла было невозможно, и он перебрался к папе на Троицкий. А Кириллу, который учился у них в разведшколе, вообще негде было жить. И он тоже приходил к папе на квартиру. Спал вот на этих двух креслах — им лет по 300, вероятно, середина XVIII века. Кирилл связывал их веревочками и спал. Но почему спал на креслах, я не понимаю, кроватей там было достаточно. Может, матрасов не хватало, а кресла — более или менее мягкие. Во всяком случае, эти трое мужчин жили, как умели, вели хозяйство. Завесили окна, так они у них завешенными и оставались. Папа рассказывал, что когда они стали нас ждать и затемнение сняли, то пришли в ужас от того, какого цвета стены. Тогда была клеевая краска, обоев не было, и стены они помыли, дядя Рудольф помогал. А он к тому времени, к марту 1943-го, уже вернулся к себе, на Мархлевского. Там и после

его смерти жила жена дяди Рудольфа — тетя Ася, до тех пор, пока на склоне лет, уже когда сама себя никак не могла обслуживать, не переехала в пансионат. Детей у них не было…

Отца вернули в органы в сентябре 1941-го. Позже, уже в 1946-м, в доме ходили разговоры, будто поручился за него любимец Берии генерал Павел Судоплатов. И вот в это я склонна верить. Судоплатову, о котором отзывались как о суровом профессионале, нужны были опытные и проверенные люди. Отец сразу пошел на работу, исчезал из дома, не показывался сутками. Мама не слишком волновалась, наверняка знала, где он и что он.

Но 8 октября 1941-го мы с мамой и папой выехали из Москвы в Куйбышев. По этому поводу возникла путаница. Некоторые люди уверяют, будто папа во время войны долго работал в Куйбышеве. Его теперешние коллеги из Самары даже приписывают отцу организацию там специальной разведывательной школы. Это не так.

Мы уезжали в эвакуацию. Целый состав, семьи чекистов в теплушках, а с нами еще и Спот. Совершенно замечательный, изумительный игристо-шерстный фокстерьер с типично английским именем. Папа сказал: если Спота не согласятся взять в теплушку, то я его пристрелю, потому что иначе он погибнет. Но согласились, и наша теплушка оказалась единственной, которую на всем долгом пути не обворовали — благодаря собаке никто посторонний подойти не мог. Кроме меня в теплушке ехали еще двое детей, они были в диком восторге от того, что у нас собака.

В конце октября состав дотащился до Куйбышева, но высадиться нам не дали, хотя у мамы была договоренность с местным театром оперы и балета, что она останется работать там, как артистка. Высадили в Серноводске — маленькая курортная дыра километрах в ста. Папа с нами пробыл, по-моему, дня два, уехал в Куйбышев — и пропал. Мы сидели без всего — ни карточек, ни денег. Выгрузили нас и забыли.

И тогда мама развила бурную деятельность. Ехала с нами в теплушке жена одного сотрудника — профессиональная певица. И они вдвоем организовали для летной части, которая была поблизости, концерт. Участвовали в нем все, кто мог. Я играла на виолончели, а моя двоюродная сестра Лида читала стихи «О советском паспорте». Лида росла в нашей семье как родная.

Руководство части осталось очень довольно концертом: было им в Серноводске довольно неуютно. В благодарность они маму на своей военной машине отвезли в Куйбышев, потому что к тому времени туда можно было попасть только по пропускам. Маму сразу взяли в театр. Но она, жена разведчика, тут же решила

отыскать, где там местные органы: хотела найти папу. Вместо этого попала в милицию, откуда ее вытащил директор театра. Встречались же и тогда смелые люди.

А потом на улице мама случайно встретила дядю Рудольфа Абеля. Они страшно обрадовались, потому что Абели уезжали из Москвы сами по себе. Дядя Рудольф и сказал маме, что он остался в Куйбышеве, а папа в командировке: поехал в Уфу за каким-то оборудованием. Отдал маме бутылочку спирта и сказал, что когда Вилли вернется, мы ее с ним разопьем. Спирта было немного, и пошел он на совсем иное. На обратном пути из Уфы или откуда-то из тех краев отец провалился под лед речки Уфимки. Приехал в Серноводск мокрый, грязный и весь во вшах, потому что когда из реки выбрались, то пустили их обогреться в деревенскую избу. Там и набрались всей этой живности. Маму к себе даже близко не подпустил. Что они везли, понятия не имею, может, вы это узнаете в других местах. Ну а весь спирт ушел на то, чтобы устроить папе санитарную обработку.

Пробыл отец в Куйбышеве после этого еще недели две. Потом уехал в Москву и больше не возвращался. А мы оставались в Серноводске очень недолго. Жили в основном в Куйбышеве, сначала немножко на улице Горького, потом на Кооперативной на углу Фрунзе и, по-моему, Льва Толстого. Но долго там не задержались. Вернулись в Москву в марте 1943-го, когда отцу удалось оформить нам полагавшийся для этого пропуск.

А дядя Рудольф оставался в Куйбышеве дольше, чем папа. И так как оба занимались одним и тем же делом — готовили партизан — то, я думаю, куйбышевские товарищи перепутали и приписали организацию специальной разведшколы моему папе. Нет, в школе в поселке Серноводск работал Рудольф Абель. Может, отец, возвращаясь из своих командировок, тоже ему помогал. Преподавали радиодело, с которым оба были отлично знакомы. Потом их учеников забрасывали в тыл к немцам.

Их часто путали. Но чтобы один из них выдавал себя за другого, как пишется в некоторых книгах, — ерунда. Господи, ну чего только не навыдумывают. Говорят, будто папа использовал имя «Абель» еще в военные годы — неправда. Чушь всё это.

Вообще, если верить молве, то где только мой отец в войну не работал. Даже в Англию и Германию его отправляли. Нет, в военные годы папа ни в какие Великобританию и Берлин не ездил.

Я знаю, что папу послали в партизанский отряд в Белоруссии, а врачом у них был один из братьев — знаменитых бегунов Знаменских. У папы был фурункул, и отцу очень нравилось рассказывать, что вскрывал его хирург и спортсмен Георгий

Знаменский. Хотя спортом отец абсолютно не интересовался. Но на велосипеде, на роликах ездил. А вот на лыжах — не умел.

После войны узнала: отец участвовал в операции «Березино», даже получил за нее награду, по-моему, орден. Но все тихо, без всяких литавр.

Отец уезжал довольно часто и надолго. А на сколько, я тогда не подсчитывала и сейчас мне трудно сориентироваться, хотя жили мы. конечно, вместе. И после войны он мало о своих военных делах рассказывал.

Что у меня еще из военных воспоминаний? Вот как-то врезалось: у папы было двое учеников — два брата-немца. И он с ними занимался, готовил. Единственный раз они у нас появились — красавцы светловолосые, лет по двадцать или поменьше. Пришли почему-то за швейной машинкой — что уж они с ней делали? Я потом нарушила негласный семейный запрет, спросила отца, как у них потом сложилось. Он расстроился, потому что сложилось очень плохо. Оба погибли, когда их сбрасывали в Югославию.

Еще один случай связан с боевым оружием. Я после возвращения из эвакуации увидела в первый и в последний раз у отца пистолет. Могу и ошибиться, но, кажется, «ТТ». Отец куда-то ночью торопился и пистолет оставил дома. Показывал мне, как его собирать-разбирать. И очень гордился, что у него это быстро и ловко получается. Но мама этот оставленный пистолет моментально у меня отобрала. А так, я и не знаю, стрелял ли отец когда-нибудь из боевого оружия, нет ли. Разговора никогда не заходило.

Вся его настоящая жизнь была в работе, вне дома. И о ней — молчание.

Даже 9 мая 1945 года мы особенно не отпраздновали. Папы, как почти всегда, не было дома — очередная командировка. Где он, что он — мы не знали. А садиться без него за стол, поднимать бокалы не хотелось.

Из войны еще такой эпизод. Поскольку со светом случались всякие неполадки и спички тоже превратились в крупный дефицит, а в доме к тому же все были курящие, принес отец зажигалку. Я в то время еще не курила, но бабушка, мама, сам отец… Зажигалка была предметом его гордости, у нее была платиновая спираль.

История этой зажигалки оказалась довольно интересной.

Пришел кто-то из сотрудников и сказал: «Ой, Вилли, какая у тебя хорошая зажигалка. Ты должен такую же сделать нашему начальнику». На что папа возразил: «С какой стати? Начальник наш сам умеет всё это делать. У него и возможностей достать

необходимые детали гораздо больше, чем у меня». На следующий день папа приходит на работу — зажигалки нет. Он быстро сообразил, в чем дело. Пошел к начальнику — а она там на столе. Отец сразу: «Привет, к тебе попала по ошибке моя зажигалка». Забрал ее и ушел. И потом принес домой.

Вообще, начальство — особая категория. Если уж совсем честно, то папа не любил начальства. Старался с ним не связываться. Почему и отчего — не знаю. Не любил. Фамилия Коротков (после войны начальник всех советских нелегалов. — ***Н.Д.),*** конечно, у нас дома звучала, но сказать, что у отца были какие-то отношения с Коротковым вне службы — нет. Сахаровский (возглавлял управление, отвечавшее за нелегалов, дольше других. ***— Н.Д.)*** упоминался еще реже. А вот фамилия Фитина (глава внешней разведки военных лет. ***— Н.Д.)*** произносилась — но в военное время. До войны главным там был Шпигельгласс. Но кроме фамилий — ничего…

А когда папа уже вернулся (ни разу за наши встречи не сказала Эвелина «вернулся из США» или «отправился в Штаты». — ***Н.*** Д), случилась такая история. Потянуло его на литературную деятельность. Тогда только начали издавать журнал «Кругозор». И вот в первых номерах он написал повесть. Вместо имени автора — полковник три звездочки.

Там описывалась та самая радиоигра («Березино». — ***Н. Д***.), которую они вели с немцами. Если не ошибаюсь, сюжет таков: кажется, в партизанский отряд попадает взятый в плен немецкий офицер. И его уговаривают вести радиоигру со своими. И в результате наши получают оружие, посылки, к ним высаживают немецкий десант.

Но с повестью получилось нехорошо. Потом некий человек написал по ней сценарий и на телевидении сняли фильм. И без всякого отцовского ведома. Папа попытался возмутиться. Но ему сказали: подумаешь, полковник три звездочки, тоже мне, псевдоним. И на этом вопрос был закрыт. Отец был очень недоволен. Конечно, обидно. Я считаю, что это был плевок в лицо и совершенно нахальный. Попался бы мне этот сценарист, я бы ему пару слов сказала, причем с большим удовольствием. Что воровство — занятие нехорошее и наглое.

Но вступать в ссоры, доказывать что-то жуликам… Всё это было ниже отцовского достоинства. Да и дел у него всегда было много.

Потом в журнале «Пограничник» была еще одна повесть отца — «Конец черных рыцарей». Но совершенно другой сюжет, разные истории.

(Н. Д.: изложу коротко сюжет повести. Советский разведчик

выслеживает нацистов, скрывающихся в самых разных странах. В конце концов извилистая дорожка приводит его в Париж, где он с помощью французских друзей-коммунистов и разрушает нацистскую сеть.

Образ разведчика абсолютно автобиографичен. В рассуждениях главного героя о нелегальной разведке есть определенная специфика в диалогах. Понятно, что пером водил профессионал.

В редакции «Пограничника» повесть оценили, напечатали. А еще сказали: автор, понятно, из органов, «но не Абель». Узнав, что это именно он, смутились.

Вильям Генрихович вложил в «Черных рыцарей» немало личных военных воспоминаний. Мне помимо пассажей о разведке понравился увиденный Абелем Париж, где и я прожил немало лет. А путешествия по винным подвалам с дегустациями, эпизоды в парижских ресторанах, описания еды, приправ, соусов и запахов — это прямо энциклопедия французской жизни.

И снова возник вопрос: откуда Абель всё это знает? В таких подробностях и деталях дать живую картинку способен лишь человек, хорошо знавший и полюбивший переменчивый, не всем открывающийся город. Но опять-таки если верить биографии полковника, нога его в Париж не ступала.

Значит, что? Не верить? Я — всё о маленьких и таинственных закоулках. Из них даже пытливым биографам Абеля-Фишера не выбраться.

А повесть заметили. И с разрешения автора даже поставили по ней на телевидении пьесу. Абелю и пьеса, и особенно актриса из Театра им. Моссовета, в ней сыгравшая, понравились.)

Семейные хроники

Приемная дочь Абеля — Фишера Лидия Борисовна Боярская позволила мне опубликовать несколько писем Вильяма Генриховича. Они простые. В них — атмосфера военных лет.

13 января 1943 года

Письмо Вильяма Фишера в Куйбышев, где живет семья в ожидании пропуска для возвращения в Москву.

«…Насчет приезда в Москву… Ждал, надеялся, что смогу уже послать тебе пропуск, но пока все задерживается. По этому вопросу у нас создалось товарищество с Мишей Яриковым (коллега по разведке. ***— Н. Д.)*** и еще одним товарищем. У меня ведь есть веская причина ускорить ваш приезд — это болезнь Эвуни (дочери Эвелины. — ***Н. Д.).*** Всё, что можно, я делаю и буду

делать. Хочу видеть вас дома.

Не зря я год уже прожил монахом и не ищу другую семью или связь…. Ты тоже должна подготовиться. Надо подумать, как упаковать арфу. Без арфы тебе переезжать нельзя…

Я достал для Вали Мартенс (жена Вилли Мартенса. — ***Н.Д.)*** немного дров и елку, а она мне одолжила валенки, так что ноги в тепле. В квартире (московской. — ***Н.Д.)*** у нас холодно, газ не действует. Когда ты приедешь, я раздобуду печурку и немного дров, и ты сразу же будешь иметь действующую кухню. Рудольф (Абель. ***— Н. Д.)*** еще не приехал…

Я строю планы уйти из Наркомата. Либо на завод, либо заняться живописью. Сяду тебе на шею на годик и подучусь. Я буду не хуже, если не лучше этих мазил, которые забрали себе власть в этой области. А можно заняться и работой на заводе. Только не Наркомат. Хватит!..»

15 ноября 1944 года

Вильям Фишер руководит радиоигрой с немцами во время операции «Березино». Пишет он жене из далекого партизанского отряда.

«…Я тебе писал, что здесь славный врач, известный спортсмен Знаменский (бегун). Он из простой крестьянской семьи, своим упорством добился докторского диплома и немалых результатов как спортсмен. Еще есть Ермолаев — фотограф, охотник и рыболов. Он сможет устроить пропуска на Учинское водохранилище — о чем сообщи Яше Шварцу — мы будем иметь рыбу, а осенью — уток.

Живем мы здесь примитивно. Рабочий день у меня начинается в 3 ч. утра. Это только недавно, в связи с изменением обстановки. Дежурю. С 10-ти работаю с перерывами, периодически сплю. Кушаем в 10, 16.00 и 21.00, причем обед очень хороший, но завтраки и ужины слабоваты. Главным образом по жирам. В связи с большой нагрузкой я получил дополнительный паек.

Живем в крестьянских шубах и усиленно кормим блох. Пятна на бумаге от керосина, течет лампа… Шубы здесь добротные и большие, но очень грязные. Какой только хлам не найдешь на полках, в закутках и на чердаках — целое и битое, нужное и ненужное — всё свалено вместе…»

8 декабря 1944 года

Письмо из партизанского отряда

«…Видимо, 12 декабря будет машина на Москву. С ней едет наш охотник Ермолаев, который, очевидно, занесет тебе это письмо… Как с моим жалованьем? Я дал Ермолаеву доверенность и, может быть, ему удастся получить деньги за декабрь м-ц и

передать тебе. Вообще вопрос связи с тобой нужно разрешить, т. к. по всем признакам дело приняло форму длительной операции, и насколько она затянется — трудно предвидеть. Похоже, что Новый год я буду встречать в дебрях Белоруссии. Загрузка работой несколько снизилась, делать нечего, книг нет. Если сможешь — пришли мне 3 книги по радио (перечисляет книги. — ***Н.Д.)…*** хочу вспомнить старое и еще историю ВКП(б). Ермолаев расскажет о нашем житье-бытье подробнее…»

17 декабря 1944 года

Письмо из белорусских лесов

«Дорогая Элечка! Сегодня получил твою посылку и письма… Это свое письмо я передал через товарища, который сюда уже не вернется. Это мой старый знакомый по школе 1937 года, симпатичный, пожилой человек Белов Алексей Иванович. Он после Рудольфа преподавал Морзе… Скоро начнем передвигаться, но не думай, что мы где-то у фронта. До ближайшей точки фронта не меньше 400 км и кроме обычных житейских опасностей никаких больше нет. Простудиться я могу и в Москве, так что за меня ты не волнуйся… Посылаю ночник, который я нашел в брошенном немцами хламе. Если подбавлять воска, то фитиль почти что вечный. Попробуй использовать жидкий парафин, он должен гореть. Мы здесь тоже колдуем над всякими источниками света. Но у нас все-таки лучше — есть керосин, но нет стекол к лампочкам, да и фитили изобретаем из кусков одеял или тряпок…

Принесли завтрак — карт, пюре и копченую селедку, 2 куска сахара и чай. Буду варить кофе. Кофе! Мечта осуществляется.

Очень рад, что ты наконец добралась до оркестра, даже если и в цирке. Это будет только началом, тем более что там бывают неплохие дирижеры. Цирк имеет еще и то преимущество, что он стоит на месте, а Игорь Моисеев хотя и более высокой марки, на месте не сидит. Только ты зря связалась с вязанием, подумай о том, что нужно беречь здоровье».

(Далее Вильям Генрихович продолжает письмо по-английски — это уже для дочери Эвелины.)

Лидия Борисовна Боярская рассказала мне, как уходил Вильям Генрихович:

— 8 октября 1971 — го к Эвуне на день рождения приехали на дачу гости. Я тоже там была и даже не заметила, что с дядей

Вилли происходит что-то плохое. Был он как всегда приветлив, на болезнь его ничто впрямую не указывало. Тут и собранность, и воля железная. Но вскоре ему стало плохо, положили в онкологическую больницу.

А за день до смерти, 14 ноября, мы с Эвуней дежурили в его

палате. Дядя Вилли лежал один, и около него постоянно находился сотрудник из разведки. Дядя Вилли был без сознания, состояние — ужасное. Судя по всему, мучили его ужасные сны. Нам казалось — моменты ареста, допроса, суда… Он всё время метался, стонал, хватался за голову и порывался встать. Даже упал на пол, и мы втроем не смогли его удержать. В сознание он так и не пришел. Скончался 15 ноября 1971 года.

«Я — КОНДОВЫЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ РАЗВЕДЧИК»
Владимир Борковский

Теперь, годы спустя, когда прошлое всё яснее, мне понятно, какую роль сыграл в моей жизни полковник Службы внешней разведки Владимир Борисович Барковский. Мне неожиданно повезло. Или заслуженно повезло. Мы были хорошо знакомы. Инициатива встретиться и поговорить исходила не с моей стороны. Да я бы и не смог ее проявить, потому что был Владимир Барковский фигурой не только легендарной, но и по-прежнему закрытой. В 1996 году ему было присвоено звание Героя России. Поэтому я медленно, очень медленно изучавший с 1993 года историю атомной разведки, был польщен звонком человека, имевшего к этому самое непосредственное отношение. Он предложил встретиться у нас в редакции.

На следующий день в мой кабинет в назначенный час бесшумно вошел немолодой, лысый человек в светлом костюме. Круглое лицо и малый рост создавали впечатление вполне реального колобка. От него веяло добром и каким-то уверенным спокойствием. Немногословно он обозначил цель прихода. Читал в газете мои статьи о полковнике Абеле и атомных разведчиках. Очень интересно. И моя тоненькая красная книжица «Правда полковника Абеля» тоже ему попадалась. Поздравил с началом. И заметил, что тема разведки, особенно атомной, трудная, неизведанная и настолько запутанная, что не всегда в ней можно безошибочно разобраться. Вот, например, один из разведчиков — связник полковника Абеля — в книге похороненный, на самом деле живет, здравствует и даже готов встретиться. (Мы потом и встретились с полковником Николаем Сергеевичем Соколовым.)

Деликатно, не впрямую, полковник Барковский предложил мне — нет, не помощь, а консультации, советы. Тема благодатная, ее действительно необходимо разрабатывать, и я, по его мнению, вполне на это способен. К тому же пора кое-что и приоткрыть. Но из-за удаленности, как он намекнул, автора от разведки некоторые эпизоды оперативной работы моих героев (его друзей и коллег. ***— Н.Д.)*** описаны не совсем верно. Например… И мне сделалось стыдно. «Ведь вас читают и будут читать и профессионалы. А разведка — наука точная», — сказал Владимир Борисович.

И я понял, что спасен. Вот кто мне был нужен.

Его звонок и приход не были чьим-то поручением. Владимир Барковский отыскал незнакомого журналиста в разнородной пишущей массе. Оценил. Не исключаю, что с кем-то посоветовался. И решил помочь.

Так мы стали встречаться. Не часто, однако регулярно. Сначала в редакции, но там отвлекали звонки, и мы договорились работать у меня дома. По выходным он в свои 75 лет играл в теннис на динамовских кортах на Петровке. А потом спешил ко мне со спортивной сумкой и парой ракеток в чехле. Это не было работой в прямом смысле слова. Скорее мы отправлялись в путешествие в его прошлое.

У него был свой взгляд на атомные события. Иногда он расходился с общепринятым, уже сложившимся и удобным. Часто я включал магнитофон. Порой он жестом просил перевести кнопку на «off», что означало — это не писать.

Его видение стало и моим. Естественным образом оно проявлялось и в статьях, книгах, потом фильмах и телепередачах. Начали раздаваться «недовольные» звонки от некоторых коллег Владимира Борисовича: вы видите события глазами Бар-ковского. А я был этому только рад.

Мы говорили часами. Не уставали. Ни разу не выпили ничего крепче чая. Никто нам не мешал: воскресенье — святой день. И однажды пришло ощущение, что я вижу этих людей — англичан, американцев, немца Фукса, наших. О наших Владимир Борисович рассказывал скупо. Даже о тех, кто к середине 1990-х уже ушел из жизни.

Никакой фамильярности — искреннее взаимоуважение: только Владимир Борисович. И в ответ Николай Михайлович.

Порой он деликатно обращался ко мне с небольшими просьбами. Кандидат наук Барковский писал статьи. Но не о разведке — о современном вооружении, о геополитике, о перспективах развития мировой науки. Он считал, что если сделать некоторые достижения ученых, работающих в военных сферах, открытыми, использовать в мирных отраслях, то научно-технический прогресс пойдет быстрее. Я же благодаря знакомствам в журналистской среде пристраивал его статьи в соответствующие, иногда сугубо специализированные, издания.

О себе Владимир Борисович рассказывать не любил. Поэтому мне приходилось клещами вытаскивать из него какие-то сведения о жизни в Великобритании во время войны или в США. «Не надо, не пришло время, еще живы родственники тех, кто нам помогал, не преувеличивайте мою роль…» — эти слова я слышал всякий раз, когда атомная тема касалась лично полковника.

Его дом поразил меня аккуратностью и аскетизмом. Квартира

была бы идеальной съемочной площадкой для фильма о 1960-х годах. Мебель того времени, радиола, пластинки Фрэнка Синатры, привезенные еще тогда из Штатов. И много книг. Я заметил, что все мои герои из разведки — что легальной, что нелегальной — не были ни на йоту заражены вещизмом. Они все были люди идеи.

И один из них, уже будучи в преклонном возрасте — за восемьдесят, почти каждое утро ездил от станции метро «Сокол» в неблизкое Ясенево на работу. Полковнику Барковскому поручили написать истинную — без всяких политических прикрас — историю научно-технической внешней разведки. Увы, его книгам не суждено стать бестселлерами. На десятки, если не больше, лет многие их главы обречены на существование под грифом «Совершенно секретно». Но отыщется ли в мире государство без секретов?

В любой нормальной, уважающей себя стране самые талантливые ученые, конструкторы и другие специалисты привлечены в оборонную промышленность. Подходы к таким людям, естественно, затруднены. Общение с иностранцами им если не запрещено, то отслеживается местными спецслужбами. Эти люди — элита, их оберегают, защищают, подстраховывают, изолируют от назойливого любопытства. Ведь именно они вызывают интерес у научно-технических разведок других государств.

— Мы всегда очень пристально наблюдаем за теми, кого называем «вербовочным контингентом», то есть за кругом лиц, среди которых разведка может подобрать помощников, — рассказывал Барковский. — Чем выше место ученого в научной иерархии, тем труднее к нему вербовочный подход. Корифеи науки, а среди них раньше встречалось немало левых либералов, могли симпатизировать СССР, интересоваться нами и потому вроде бы идти на сближение. Но, как правило, контакты ограничивались праздной болтовней. Выдающиеся ученые очень ревностно относятся к собственному положению: не дай бог чем-то себя запятнать. От тех, кто занимается секретными исследованиями и знает цену своей деятельности, никакой отдачи ожидать не стоит. Инстинкт самосохранения у них гораздо сильнее мотивов сотрудничества. Поэтому мы старались выявить людей, работавших вместе с ними, около них, но близких нам по духу, идее. Может быть, в науке они и не хватали звезд с неба, зато непосредственно участвовали в исследованиях — теоретических и прикладных, наиболее важных и значительных.

— Владимир Борисович, атомная тема началась с возглавляемого Кимом Филби содружества. Кембриджская

пятерка — классический и крупнейший, по крайней мере, из открытых миру триумфов советской внешней разведки. Ким Филби, Гай Берджесс, Дональд Маклин, Энтони Блант, а также недавно официально признанный пятым номером Джон Кернкросс. Однако если на публичную выдачу Кернкроссу почетного билета в этот развед-клуб ушло около полувека, то имени номер 6 не назовут уже никогда. Шестого, если он существовал, не вычислить. Первым еще в 1940-м атомную проблематику, случайно, так я думаю, затронул Маклин и передал информацию в Москву. Какова была реакция?

— Неизвестно. Архивные материалы не сохранились.

— Но приблизительно к ноябрю 1941 года Москва встрепенулась. По всем иностранным резидентурам разослали директиву: добывать любые сведения об атомном оружии! Срочно. И резидент Анатолий Горский дал задание всё тем же ребятам из «пятерки». Первым снова откликнулся Маклин: передал документы. Владимир Борисович, а вы общались с Филби, Маклином?

— Нет, это делал Горский. Я туда не вмешивался. Горский принес материалы, а в них — технические термины, выкладки и прочая чертовщина. И он мне говорит: «Ты инженер. Разберись. Подготовь для обзорной телеграммы». А там 60 страниц. Я всю ночь корпел, но обзор составил. Это было наше первое соприкосновение с атомной проблематикой. Должен признаться, я тогда не вполне понимал, с чем мы имеем дело. Для меня это была обычная техническая информация, как, скажем, радиолокация или реактивная авиация. Потом, когда я в проблему влез как следует и у меня появились специализированные источники, я стал вникать.

— Значит, с «пятеркой» вы в Англии непосредственно знакомы не были?

— Нет, никогда с ними там на связь не выходил.

— Но вы знали, что такие суперагенты существуют? И что их точно пятеро?

— Могу вам сказать: единственным человеком из нашей британской резидентуры, который фотографировал всю почту, отправляемую в Москву, был я. Великолепно знал их всех, правда, заочно и по кличкам, и кто какие материалы дает.

— И кто из Кембриджской пятерки был, на ваш взгляд, самым ценным?

— Все — и Маклин, и Берджесс, и Филби. Но, работая с их материалами в Англии, я понятия не имел, что это Кембриджская пятерка. В 1946 году я вернулся в Москву, и тут о ней стали говорить именно так. Видите ли, понятие «пятерка» — условное,

никаких оперативных целей за собой не скрывает. Ну, работали с нами пять человек, которые были вместе завербованы и привлечены к сотрудничеству. Возможно, потому они и назвались «пятеркой». На самом деле это были совершенно разные люди. Хотя действительно знали друг друга по учебе в Кембридже и по ячейке компартии, в которой некоторые из них состояли. Несмотря на все наши признания, Кернкросс в состав этой «пятерки» не входил. Он из той же самой плеяды, но был как-то отдельно от них. Ну а резидент Горский должен был с ними встречаться и обеспечивать поступление военнополитической информации: планы Германии, намерена ли она напасть на СССР, отношение к этому Англии и Штатов, взаимоотношения англичан с американцами — в целом такой вот букет разведданных. И в 1940 году эта информация пошла от них валом.

— Но каким образом британская контрразведка проморгала таких асов? Утечка-то была жуткая! Ведь посты эти пятеро занимали ключевые.

— Эта утечка у них незаметна до тех пор, пока не начнется утечка у нас. А у нас в годы войны всё было очень здорово организовано. Конспирация соблюдалась, как святой завет. Никто не мог догадаться, чем мы занимаемся, что имеем. Могу утверждать: до взрыва нашей атомной бомбы в 1949 году они не имели ясного представления, что у нас эта работа ведется и где что у нас делается. Предполагать же могли что угодно. Английские и американские физики отдавали должное нашим — Харитону, Флерову, Зельдовичу. Считали их крупными фигурами. Знали, что советская ядерная физика развивается успешно. Но они многое списывали на войну: трудности, безденежье, некогда русским этим заниматься. Первый взрыв нашей атомной бомбы 29 августа 1949 года был трагедией для их политиков и, понятно, разведчиков. По всем статьям проморгали.

— Владимир Борисович, а как вы пришли в разведку?

— Видите ли, я — кондовый научно-технический разведчик. Закончил Станкостроительный институт и о разведке вообще не думал. Не подозревал, что она есть. До войны об этом виде человеческой деятельности народу никогда не говорили. А я учился и одновременно стал летать. Мечтал о военной авиации, умел стрелять, прыгать с парашютом, водил мотоцикл. Между прочим, до недавних пор ездил судить соревнования планеристов — я судья Всесоюзной, или как ее теперь назвать, категории.

И вдруг совершенно неожиданно меня приглашают на Старую площадь и долго-долго мурыжат. Всякие комиссии, разговоры, заполнение анкет, ждите-приходите. А в июне 1939 года приглашают в какое-то укромное место, отвозят в спецшколу и

только там сообщают: вы будете разведчиком.

Тогда система подготовки была не такая, как сейчас. Академии и всего прочего не существовало. Маленькие деревянные избушки, разбросанные по всей Московской области. Принимали в спецшколу человек по 15–20. На моем объекте обучались 18 человек, четыре языковые группы — по 4–5 слушателей в каждой. Группки крошечные, и друг друга мы совсем не знали. Да, такая вот конспирация. Она себя оправдывала. Я, например, учился в одно время с Феклисовым и Яцковым. (Знаменитые разведчики, приложившие руку к похищению секретов немирного атома. Звания Героев России за атомную разведку им присвоили одновременно с Барковским. Яцкову посмертно. — ***Н. Д.)*** Но познакомились мы уже после возвращения из своих первых и весьма долгосрочных загранкомандировок. К чему лишние разговоры, лишние встречи?

Вскоре нас принялись резко подгонять. Целый ряд предметов был снят, и засели мы только за язык. Занимались английским каждый день по шесть часов с преподавателем плюс три-четыре часа на домашние задания.

Не успел я отгулять отпуск, как меня определили в английское отделение госбезопасности. Месяц стажировался в МИДе, а в ноябре меня уже откомандировали в Англию. Спешка была страшная. Европа воюет, а английской резидентуры как бы и нет. В 1939 году по указанию Берии ее закрыли как гнездо врагов народа. Отозвали из Лондона всех, и агентуру забросили. Только в 1940-м поехал туда резидентом Анатолий Горский. Приказ простой: срочно восстановить связи, отыскать Филби, обеспечить немедленное поступление информации. А на помощь Горскому отправили двух молоденьких сосунков — меня и еще одного парнишку из таких же недавних выпускников.

Я уехал в ноябре 1940-го. Добирался до Лондона 74 дня через Японию, Гавайские острова, США — полный шарик. Война, в Европу пути закрыты. Нас в резидентуре — только трое, а работы… Горский решил, что мне, инженеру по образованию, и заниматься научной разведкой. А ведь еще за год до этого о такой специализации у нас и не думали. Хотя к концу 1940 года в Службе внешней разведки в Москве уже сформировалась маленькая группа из четырех человек во главе с Леонидом Квасниковым.

Инженер-химик, выпускник Московского института машиностроения, он имел представление о ядерной физике. Следил за событиями в этой области и, конечно, не мог не заметить, что статьи по ядерной проблематике вдруг, как по команде, исчезли из зарубежных научных журналов. Идея

создания атомного оружия витала в воздухе. Над ней задумывались и в США, и в Англии, и в Германии, да и у нас тоже. Но там дело поставили на государственные рельсы: им занимались специально созданные правительственные организации. В СССР ограничились учреждением неправительственной Урановой комиссии в системе Академии наук. Ее задачей было изучение свойств ядерного горючего — и всё. С началом войны комиссия прекратила существование. Между ней и разведкой никаких контактов не было.

Квасников не знал, что есть Урановая комиссия, комиссия и не подозревала, что существует новорожденная научно-техническая разведка. Зато он знал о работах наших ученых. О тенденциях в странах Запада. Выстраивалась стройная система: пора браться за атомную разведку. И родилась директива, на которую откликнулся Маклин. Таким было начало. Задания технического профиля резидент Горский передавал мне.

— Владимир Борисович, а могли бы вы рассказать о личных контактах с агентами поконкретнее?

— Пожалуйста. Англия уже воевала с немцами, бомбы сыпались на Лондон, и объявлялись беспрестанные воздушные тревоги. Обстановка тревожнейшая. А нам — восстанавливать агентурную сеть, которая была завербована еще в 1935-м и так бездарно запущена. Первая задача — рассортировать, взять лишь то, что надежно, продуктивно, полезно. Сомнительных «подвесить». От негодных вообще отказаться. Нужно было срочно разыскать людей, напомнить о себе, установить с ними контакты, прикинуть, что они собой представляют, и принять решение, стоит ли с ними иметь дело. И к концу 1941-го Горский уже мог доложить: сеть воссоздана и готова действовать.

— И вы завербовали ученых-атомщиков? Как? Кем были эти люди?

— Ну, не всё было так просто. Обрабатывая доклад Маклина, я впервые столкнулся с атомной проблематикой, это и заставило меня засесть за учебники. Я принял на связь человека, который пришел к нам сам, без всякой вербовки, желая помочь и исправить несправедливость.

— Коммунист? Борец за социальные права?

— Коммунист, но в войну было не до этих самых правил! (Напомню, что вербовать коммунистов было запрещено. — ***Н. Д.)*** А несправедливость, по его мнению, заключалась в том, что от русских союзников утаивались очень важные работы оборонного значения. На первой встрече он мне начал с воодушевлением что-то объяснять, а я лишь имел представление о строении ядерного ядра и, пожалуй, не более.

— Это был Фукс, который потом и выдал все атомные секреты?

— Нет, не Фукс. Другой человек. И спрашивает он меня: «Вижу, из того, что я говорю, вы ничего не понимаете?» Признаюсь: «Ну совершенно ничего». — «А как вы думаете со мной работать?» И тут мне показалось, что я нашел гениальный по простоте вариант: «Буду передавать вам вопросы наших физиков, вы будете готовить ответы, а я — отправлять их в Москву». А он говорит: «Так, мой юный друг, не пойдет, потому что я хочу в вашем лице видеть человека, который понимает хоть что-то из сведений, которые я передаю, и может их со мною обсудить. Идите в такой-то книжный магазин, купите там американский учебник “Прикладная ядерная физика”, мы с вами его пройдем, и вам будет после этого значительно легче иметь со мной дело». Я тоже иного выхода не видел и засел за учебники. И когда этот человек мне сказал, что со мной теперь можно иметь серьезные дела, я был счастлив.

— Насколько понимаю, информация передавалась бесплатно?

— Абсолютно. Он не только сообщал мне технические данные, но еще и растолковывал смысл, чтобы я уразумел, о чем идет речь. Я составил собственный словарик, который очень пригодился. Термины все были новые, неслыханные. А люди эти не стоили казне ни фунта — народ инициативный, мужественный, считал помощь Советам моральным и политическим долгом. И не только атомщики. Когда принимал на связь первого человека, я знал: он радиоинженер. Но как вести себя с ним, как наладить контакт? Однако мы сразу поняли друг друга. Он представления не имел, кто я и о чем собираюсь просить. Рассказал мне: «У нас в Королевском морском флоте создана специальная антимагнитная система для защиты судов от немецких мин. Перед вами встанет такая же проблема, и я принес подробную информацию, как это делается, из каких материалов. А вот схемы, чертежи…» И со всеми людьми, нам помогавшими, отношения были хорошие, чисто человеческие.

— И никто не брал денег?

— Ну говорю же вам. У меня на связи было… немало людей.

— И все были коммунистами?

— Все. Некоторые официально состояли в партии. Многих мы удерживали от вступления: страховались от того, что на них падет подозрение и возьмут этих героических ребят под контроль. Когда в Англии, и особенно в США, стали карать за членство в партии, мало на кого из наших помощников настучали. А в годы войны их спецслужбы не взяли никого благодаря конспирации. Выбирали людей, которые не выпячивали ни своих взглядов, ни

связи с нами. Вот почему мы добились успехов. И я мотался по Лондону с одной встречи на другую.

— Владимир Борисович, кем вы значились в посольстве?

— Атташе по культурным связям. Потом меня перевели в консульский отдел. Для меня это было удобнее: на отшибе от посольства, и я свободнее распоряжался своим временем. Посольство крошечное — 15 человек, в консульстве нас всего двое.

— Вычислить если не проще простого, то не слишком сложно.

— Мы жили в одной куче. Никакого режима работы. Можно сидеть до ночи, а можно днем куда-то уйти и бесконтрольно. Дипломаты тоже разбегались по встречам, это облегчало жизнь. И постоянные воздушные тревоги. В посольских кабинетах стояли раскладушки, мы там между тревогами спали. Иногда спускались в бомбоубежище. Я скажу вам: вариант ухода рисковый, однако для нас удобный. Пойди уследи, кто пришел-ушел.

— Выходит, английская контрразведка за вами вообще не следила?

— Вы не поверите, но я до сих пор не могу понять, почему они вели себя так пассивно. Хвоста за собой я ни разу не видел, пока однажды не привел его ко мне агент: парень попал в поле зрения контрразведки, за ним стали следить — и вот привел. Единственный случай в моей шестилетней лондонской практике во время войны. А специально за дипломатами они не ходили. За военными, за теми, кто носил форму, — да. А я был атташе, штафирка, к тому же и фигура у меня маленькая, щуплая. В нашей профессии очень даже помогает. И, признаюсь, нас опять выручил Филби. Энтони Блант из «пятерки» сообщил: с началом войны наблюдение ослаблено, офицеров мобилизовали, набрали молодежь. Ее, правда, хорошо, быстро учили, однако опыта и сил, конечно, не хватало. Главной задачей, как информировал Филби, было выявление шпионов из десятков тысяч осевших в Англии беженцев. Вот эту публику они потрошили как следует. На нас времени не оставалось. Да и были мы союзниками. С другой стороны, за нами, естественно, наблюдали, посольство было расположено в центре.

— А не приходило в голову: на связи столько агентов, что хоть один да провалится, настучит, и тогда гуд-бай, товарищ нон грата?

— Мы об этом совсем не думали. Добывать сведения во что бы то ни стало, а на собственную карьеру — плевать. Когда началась война, вообще потеряли счет времени. Главная забота — на встречу прийти «чистым», чтобы хвост не увязался. Тревога, бомбежка, слежка, а мой английский товарищ приходит в

назначенное место и еще с информацией. Я-то иду потому, что разведчик, я обязан. А почему приходит он, рискуя всем? Да я его должен прикрывать, как только могу. Это же святые люди.

— Понятно, почему вы не попались — профессионал. Но как избежали ареста ваши агенты? Их-то разведприемам не обучали.

— Как вам сказать. Нашими мерками их профессионализм измерить трудно. Один человек проработал со мной шесть лет. Регулярно ходил на встречи, ни разу не попался. Значит, его можно смело считать профессионалом.

— То есть за годы работы они превращаются в профессиональных разведчиков. Вы их что, натаскиваете?

— Такого слова у нас в лексиконе нет. Это называется обучением от встречи к встрече. Как выйти из дома, как проверяться, нет ли за тобой хвоста. Как вообще прикинуть, какая вокруг тебя складывается обстановка. Кто обращает внимание, есть ли какие-то новые знакомые — люди, до того интереса к тебе не проявлявшие или вовсе неизвестные. Короче, мы всё время учим, на что обращать внимание, чтобы быть в себе уверенными. И с течением времени наши помощники становятся такими, как надо. Каждый помогал нам в своей области. Один — в радиолокации, другой — в авиации, третий приносил данные по высокооктановому бензину, четвертый — знаток отравляющих веществ. Они были профессионалами в своих областях науки и превращались в профессиональных разведчиков, которые знали, как не провалиться.

— Владимир Борисович, а тот человек, который сам пришел к вам и просветил нашу разведку и Курчатова относительно секретов немирного атома, — он так и останется для нас мистером Икс?

— Даю стопроцентную гарантию. Имен наших агентов не называли и называть не будем. А тех, кто вышел, как мы говорим, на поверхность, пожалуйста. И добавлю, Курчатов был и без мистера Икс ученым исключительно просвещенным.

— А Икс? Он был известным ученым?

— Не очень. Но непосредственно участвовал в важных исследованиях. Атомную проблему решали крупнейшие университеты — Эдинбург, Ливерпуль… Да, Икс был в курсе.

— А после войны он сотрудничал с вами?

— С нами? Работал, работал.

— И так же безвозмездно?

— Также.

— Долго?

— Еще года три. Затем перешел на преподавательскую работу и некоторые свои возможности потерял. Поддерживал с нами

контакты время от времени, однако отдачи от него уже практически не было.

— Вы с ним после отъезда встречались?

— Нет.

— Но были же дружны.

— Что делать. Приехал мой сменщик. Взял его и целый ряд моих агентов. У нас такая преемственность всегда существовала.

— И вам не было обидно?

— Обидно — нет. Терять товарищей, расставаться — было больно, да. С такими людьми срастаешься сердцем.

— И вы никогда-никогда не возвращались к прежним связям?

— Бывали случаи, когда я уезжал из страны, проходило время, моя замена вступала в контакт с моим источником, а тот говорил: «Я с вами работать не буду». Тогда я ехал туда… Объяснял: забудем личные симпатии-антипатии.

— И много вот так приходилось ездить?

— Нет, таких случаев было немного. Мне тогда было 25–26 лет, они — на несколько лет старше.

— И в каком вы были звании?

— Старший лейтенант.

— Признайтесь, а в нелегалы не тянуло? Ведь в ваших кругах это почитается за высший пилотаж.

— Думал я пойти по этому пути. Готовился.

— У вас хороший английский?

— Был хороший. С утра до вечера среди англичан. Их речь только и можно на улице перенять, никакие учебники вам этого не дадут. И практика общения с агентами… Принимали за валлийца — откуда у меня взялся такой акцент? Курил тогда трубку, зажимал в зубах. И с моим маленьким ростом терялся в толпе. Мог спокойно адаптироваться в любой англоговорящей стране.

— Так что же помешало?

— Когда узнали, что я в Англии провалился…

— Как — провалились? Вы же только что говорили — «никаких провалов».

— Видите ли, когда я начинал, измен среди своих не было. До войны уходили Орлов, Кривицкий — фигуры крупные, прогремели по всему миру. Из тех же, кого я знал, — никто. А в 1945-м из Канады ушел шифровальщик военных. Унес всё, что было в резидентуре: шифры, личные записи резидента, его книжку со всякими пометками. Буквально ограбил. Канадский провал перебросился не только в США, но и в Европу. Началась страшная свистопляска. Пошли всякие контрольные проверки. Из-за этого работа была, по существу, прекращена на полтора года.

Чтобы наши люди не провалились, мы приказали: сидите тихо, никуда не ходите и не рыпайтесь, вот вам условия связи на все случаи жизни. Никого не взяли, но агентурная сеть пострадала. Некоторые, не дождавшись, занялись открытой деятельностью. Кое-кто потерял работу, нас интересовавшую. Другие ее сознательно сменили и сделались для нас бесполезными.

— Но вас-то как это коснулось?

— Агент меня продал.

— Английский?

— Какой же еще? Я с ним познакомился чисто, открыто — на приеме. Он знал, кто я и откуда. Завербовал его, работал с ним, а когда уезжал, то мы по своему обыкновению оставляли на связи агентуру. Ну, я ему эти условия связи дал. И когда после Канады поднялась вся эта буря, он перепугался. Побежал в контрразведку и признался: «Барковский меня завербовал». Из Лондона я к тому времени уже уехал, но идти по нелегальной дорожке было бы большим риском.

— Откуда же вы узнали обо всем этом?

— Догадайтесь с трех попыток. Кто-то из этой, как вы говорите, Кембриджской пятерки нашего резидента предупредил. Кто, так и не знаю, но сообщили: «Барковского вашего продали».

— Продал агент, а могли бы сдать и свои дипломаты. Ведь сегодня похожее случается.

— Я и сегодня ни о каких таких сдачах не слышал. Враждебного отношения никогда не испытывал. Дипломаты, которые обо мне знали, — люди порядочные, не пытались как-то давить на мозоль. По крайней мере, за все мои командировки никаких противоречий, споров или свар с дипперсоналом не случалось. Но это тоже умение разведчика — сохранять нормальные отношения со своими.

— А близкие? Дети, жена — случайный жест, опрометчивая фраза, и уже привлекли внимание…

— Чтобы выдавали родственники? Об этом тоже не слышал. Жена моя знала только одно — я работник НКВД. Да и то потому, что перед отъездом нас принимал и наставлял — ее и меня — генерал Судоплатов.

— Ну, допустим, начальство из Москвы могло переметнуться на чужую сторону.

— Когда работал в Лондоне, мы и не знали, кто у нас начальство. Выяснилось при возвращении. Нам первое время даже никаких оценок присланной информации не давали. Не очень хорошо, процесс оказался не слишком отлаженным. Единственное, что получали, это напоминание: усилить работу, это важно, то нужно, не хлопать ушами, добывайте то, добывайте

это. Знали только кличку дающего нам указания. Поэтому здесь провалы были полностью исключены.

— В то время конспирацию соблюдали строже, чем сейчас? Она была надежнее, лучше?

— Безусловно. Тогда совершенно исключались разговоры между разведчиками на тему, кто и чем занимается. Сегодня болтовни очень много. Хочется похвастаться, как-то показать собственную значимость. Какие-то намеки на то, на се. Зачем это нужно?

— Скажите, а как англичане вышли на нашего атомного агента — немецкого ученого Фукса?

— Фукс — действительно фигура выдающаяся. Причем не всегда и не во всём понятная. Его судьба трагична. Меня лично, детальнейше анализировавшего это дело, берет досада. Знаком с Фуксом не был, но изучал его по сообщениям моего товарища, долго с ним работавшего, читал донесения, документы, книги. И потому считаю, что в провале Фукса мы сами сыграли какую-то роль, которая привела его к признанию.

Он — сын лютеранского священника, защитника страждущих и угнетенных. Приход отца был в рабочем районе. Понятно, Фукс вступил в соцпартию, затем разочаровался и перешел к коммунистам. Активно работал, но засветился и оказался на грани ареста. Компартия ему приказала: уезжай и учись, становись ученым, ты понадобишься будущей Германии. Там фашизм, концлагеря, а ему — о будущем. Он уехал и сам решил помогать нам, исправлять несправедливость.

— А как Фукса завербовали?

— Вербовки в принципе не потребовалось. Фукс, осевший в Англии, посоветовался со своим другом. Был такой антифашист Кучински — юрист и экономист по профессии. В советском посольстве его знали очень хорошо. Активист общества англо-советской дружбы, приглашался к нам на приемы, общался с дипломатами. Ему не составило труда прийти прямо к послу Майскому и предложить: есть ученый-атомщик, который будет вас информировать. Майский пригласил военного атташе и приказал ему заняться этим ученым. На встречу с Фуксом послали помощника военного атташе Семена Креме-ра. Интеллигентный, квалифицированный военный разведчик, выделявшийся среди товарищей из ГРУ. Когда в 1943 году закончилась его командировка, он пошел не в центральный разведывательный аппарат, а попросился на фронт. Закончил войну командиром крупного танкового подразделения, генерал-лейтенантом.

Так Фукс пришел в советскую разведку. Много делал для нас

в Англии, и в США поехал уже готовым агентом. Сначала он работал в Чикаго, затем в Нью-Йорке и, наконец, добрался до секретной лаборатории в Лос-Аламосе, где создавали атомную бомбу.

Фукс работал под оперативным псевдонимом Чарлз. После войны он вернулся в английский ядерный центр Хауэлл, сотрудничал с нами еще года четыре вплоть до ареста.

— Тогда подозрение пало на многих ваших помощников — в Канаде, США, Англии… Если бы американскому криптологу Мередиту Гарднеру не удалось частично расшифровать коды КГБ, гулял бы Фукс на свободе. А потом на Фукса навел и его связник — ваш агент американец Голд.

— Ну откуда вы всё это взяли?

— Из британских трудов по разведке.

— Наши шифры никто не читал, не читает и читать не будет. Не было никого, кто бы их расшифровал. Это трепотня, нужная американцам, чтобы оправдать свою неосведомленность. Разговоры о попавших к ним шифрах, о книжке военного атташе с упоминанием фамилии Фукса — бред собачий. Они просто хотели показать: мы тоже умеем кое-что делать. Их операция «Венона» была раздута. У меня об этом есть документы. К моменту ареста Фукса ни англичане, ни американцы не имели никаких конкретных данных для предъявления обвинения. До момента, когда Фукс признался, никто ничего толком не мог доказать. Суть в ином. Фукс годами работал и жил в тяжелейших условиях. Встречи с нашими, советскими, были мимолетны. Получилось так, что долгое время мы с ним вообще не общались. Фуксу было не с кем посоветоваться, пожаловаться, поплакаться в жилетку. Он оставался предан своему делу…

— …Вашему.

— Нашему. Семьей обзаводиться при таком риске не счел возможным. По существу, он был одиноким волком. Иногда после возвращения из Штатов в Англию он встречался с нашим сотрудником Феклисовым. Отходил. Но ненадолго, потому что в Хауэлле вокруг него сложилась тяжелая психологическая атмосфера. В 1946 году провалился ученый Алан Мэй, выданный предателем. И тут многих англичан-атомщиков начали прощупывать. Американцам казалось, что как раз от группы английских исследователей идет утечка информации.

Едва ли не все они попали под подозрение. Понятно, зацепили Фукса, бывшего, как было американцам известно, социалиста. Есть у нас смутные подозрения, что то ли в Гамбурге, то ли в Бремене американцы наткнулись на гестаповские архивы и нашли там дело подпольщика-коммуниста Фукса. Но эти

данные ни в каких судебных материалах не фигурировали. И всё равно тучи над ним сгущались. Конкретных данных на Фукса, поводов для глумления не было. Только неясные подозрения. Я знаю это точно. Зато травили, прощупывали его почти в открытую, так что и другие ученые заметили. Коллеги сочувствовали, добросердечно сообщали Клаусу: «Тебя в чем-то подозревают, но мы в тебя верим и будем защищать до последнего». Человека, по существу, приперли к стенке. Не доказательствами, а психологически. Сломали и выдавили из Фукса признание: «Я пользуюсь таким доверием со стороны моих английских друзей. Если бы меня разоблачили, в их глазах я выглядел бы предателем. И чтобы остаться верным им и науке, я решил признаться».

— Но ведь и связной Голд выдал.

— Думаю, что вы ошибаетесь. Мне не хочется бросать тень на Фукса. Но не исключена и другая вероятность. Фукс невольно, даже не подозревая об этом, навел на Голда. Но это лишь мои предположения. И потом девять лет навсегда вычеркнуты из жизни человека, столько для нас сделавшего…

— Генерал Судоплатов, имевший прямое отношение к атомной бомбе, намекал, что секреты атомной бомбы нам выдали ее непосредственные создатели — американец Оппенгеймер, датчанин Нильс Бор. Действительно гении. И нам симпатизировавшие.

— Это заблуждение Судоплатова. Бред. Хотя вполне в стиле Судоплатова. Типичная сталинская подоплека о сотрудничестве иностранных знаменитостей с советской властью. Не шли они на такое.

После того как американцы испытали свою атомную бомбу и отбомбили Хиросиму и Нагасаки, Сталин принял решение перевести все наши атомные работы на гораздо более высокий уровень. При Государственном Комитете Обороны создали специальное управление № 1 под председательством Берии. А при нем — Технический совет, которым руководил министр боеприпасов Ванников. В НКВД организовали отдел «С» — по фамилии любимца Берии Судоплатова. Он вел партизанские дела, но война закончилась, и генерала надо было куда-то пристроить. В задачу отдела «С» входила обработка всей информации, которую добывала разведка по атомной проблематике, включая и данные от военных из ГРУ. Раньше все эти секреты были известны одному Курчатову. Но даже он только делал себе заметочки, а самих текстов не имел. Теперь же информация пропускалась как бы по второму кругу: переводили, анализировали, доводили до сведения курчатовских помощников.

В принципе решение абсолютно верное.

Второе задание отделу «С» сформулировали так: искать в Европе ученых — физиков, радиолокаторщиков… которые бы пошли на контакт с нами. Либо приглашать их в Советский Союз, либо договариваться о сотрудничестве там, на месте. И вот это уже — из области мифологии. Европа была опустошена американскими и английскими спецгруппами, которые раньше нас принялись за дело: заманить лучшие европейские умы к себе, использовать в собственных целях обнищавших светил. А не удастся — так за какие угодно деньги буквально перекупать любую атомную информацию. Из советской зоны оккупации Германии все находившиеся в ней ученые моментально перебрались на Запад. Ушли даже с нами до того сотрудничавшие. Но Судоплатову надо было как-то оправдывать существование свое и отдела «С». Требовались акции, почины, громкие имена. Так родилась безумная идея с Нильсом Бором. С высочайшего дозволения и, видимо, по подсказке лично Берии решили отправить к нему целую делегацию работников отдела «С». Узнали, что Бор вернулся в Данию, и поехали.

К собственному удивлению, возглавил группу только-только в отдел призванный доктор наук, физик Терлецкий. Он работал с развединформацией как ученый: сортировал, комплектовал, обобщал.

Но вопросы Нильсу Бору придумал даже не он. Сформулировали их настолько элементарно, были они так просты, что я никак не могу понять, зачем вообще всё это затевалось. Преподнести себя повыгоднее Сталину?

Бор, человек деликатный, интеллигентный, к СССР, как вы отметили, хорошо относившийся, не мог отказать во встрече. Беседы в Копенгагене состоялись. О том, что такое вот рандеву может подставить Бора, Судоплатов, конечно, не думал. А Терлецкий стеснялся, нервничал. Он-то понимал, с какой величиной имел дело. Однако этика этикой, а отказаться выполнить личное задание Берии не осмелился. Вопросы задал через приставленного к нему судоплатовского переводчика. Английским Терлецкий владел неважно.

Насколько же перекрывался нашей развединформацией этот список вопросов Судоплатова, и говорить нечего. Бор ничего ценного не сказал. Отвечал общими фразами. И, на всякий случай подстраховавшись, Бор сообщил о визите советской делегации датчанам. Те — американцам.

— Ничего себе. Это из серии «а мы так не договаривались».

— Но Бору было, что терять. Короче, результат миссии — нулевой. Зато из отдела «С» к Сталину пошло сообщение об умело

выполненной операции. Понятно, что ответы Нильса Бора передали Курчатову. И он, досконально в проблеме разбиравшийся, дал всей этой показушной шумихе очень скромненькую оценку. Поездка оказалась бесполезной.

Никакой помощи от Бора, Оппенгеймера и других столь же великих ни Курчатов, ни разведка никогда не получала.

— Владимир Борисович, как у вас сложилась жизнь после войны и командировки в Англию?

— Нормально. В 1948–1950 годах работал в США.

— Почему так недолго?

— Жена заболела. Пришлось ехать в Союз на операцию. С 1956 года был резидентом в США.

— То есть возглавляли всю советскую разведсеть в Штатах?

— Легальную. Шесть лет.

— Почему все-таки вы не генерал?

— В мое время нам звание генерала не присваивали.

— И занимались в Штатах теми же атомными делами?

— И не только. А атомными вопросами мы и сейчас занимаемся.

— Вторая мировая закончилась. Увлечение коммунистическими идеями прошло. Бескорыстные и идейные агенты теперь, наверное, перевелись?

— К сожалению, да. Теперь агентов приходится нанимать и оплачивать. Вера угасла, появился страх перед нами и своей контрразведкой.

— Но и мы сами немало сделали, чтобы от себя отвадить.

— Мы много для этого сделали. Сегодня поиски помощников затруднены. Жизнь внесла поправки в методы, и существенные.

— Но вернемся к вашей первой командировке в Штаты. Вы должны были застать там полковника Абеля?

— Ему полковника тогда еще не присвоили. Понимаете, я был помощником резидента по научно-технической разведке. А нелегальная разведка всегда была и остается табу для всех. Как правило, Центр поддерживает контакт со своими нелегалами самостоятельно. У них собственные каналы связи. Только руководители нелегальной резидентуры знают, что есть конкретно такой нелегал. Единственное, что мне было известно: с человеком, которого вы называете Абель, есть запасная связь на случай, если основная оборвется. Остальное до поры до времени меня не должно было касаться.

— И то же самое относилось к Коэнам, которые во время войны вывезли из Лос-Аламоса чертежи от агента Персея?

— Я знал, чем Коэны занимаются, пока они были в сети легальной разведки. Настоящие разведчики! Сколько они для нас

всего добыли! Но я напрямую в контакт с Коэнами не вступал, хотя руководил деятельностью этой группы через моего сотрудника Соколова. Когда Соколов, известный Коэнам под именем Клод, шел на встречи с ними, он докладывал мне. Мы познакомили Коэнов с Абелем, который принял руководство над всей этой группой. Но к тому времени Коэнам пора было спешно покидать Америку, и сотрудничество их с Абелем было недолгим. Бежать в Мексику им помог Клод.

— А как развивалось сотрудничество с Абелем?

— Да, пожалуй, никак. Я работал в Штатах до 1962 года. Арест его произошел при мне. Но к этому времени он на нас уже не замыкался, непосредственно на Центр. Иногда, очень редко, поддерживали с ним связь. Были кое-какие каналы. Передавали деньги, документы — и всё. Не виделся я с ним там ни разу. Мне бы не хотелось развивать дальше всю эту тему. Мои представления несколько отличаются от популярных. Я испытываю к Вильяму Фишеру, взявшему при аресте имя Абель, огромное уважение. Боготворю нелегалов-разведчи-ков. На риск они идут страшный. Любой из них для меня, если хотите, образец.

…Владимир Борисович скончался в 2003 году. Светлая ему память и глубокая благодарность.

ОН СПАС МИР ДВАЖДЫ
Александр Феклисов

В годы войны молодой разведчик Александр Феклисов получил важнейшую информацию об атомной бомбе. А в 1962-м во многом благодаря ему, резиденту советской разведки в США, был урегулирован Карибский кризис.

Начинающий разведчик Саша Феклисов имел поразительную способность сходиться с людьми. И мне, познакомившемуся с Феклисовым в 1993-м, когда ему было под восемьдесят, общение с ним давалось всегда легко. Заходил в его маленькую квартирку на Грузинской и чувствовал себя словно на исповеди. Но не на своей. Наверно, ему хотелось вспомнить, рассказать. И он говорил, впрочем, никогда не называя фамилий своих агентов, которых именовал только «друзьями».

В годы войны Феклисов находился под дипломатическим прикрытием в США. О своем близком Друге, неприметном нью-йоркском инженере с крупного военного завода, всегда рассказывал и с радостью, и с болью. Судьба этого человека сложилась трагически, и, как мне кажется, винил в этом Феклисов себя тоже (а зря). Друг работал на СССР «сугубо на идейной основе». Говорил Феклисову: «Слушай, Александр, эта гадина Гитлер решил перебить всех вас, русских, и нас, евреев. За это мы с тобой его здорово накажем». И поток сведений, который шел от этого инженера, был неиссякаем.

На Рождество Саша купил Другу часы и сладости для семьи. Жена и дети Друга всё время болели, да и жили беднова-то — вчетвером на одну скромную зарплату.

Встретились в баре. Пока выпивали и закусывали, Друг время от времени бросал взгляд на принесенный сверток, который положил на подоконник. Пожурил Феклисова за дорогие, по его мнению, часы и, уходя, забрал сверток из плотной промасленной бумаги. Феклисов понял, что это подарок. На улице Друг вручил его разведчику, пояснив: «Это Красной армии — к Рождеству. Образец нового оружия. Только-только испытано на нашем заводе. Пригодится и нам, американцам, и вам, чтобы бить нацистов».

Феклисов ужаснулся. А как же конспирация? Друг улыбнулся: «На Рождество даже на моем военном заводе конспирация отменяется. Охранники ведь тоже люди».

Феклисов взял сверток и прогнулся под его тяжестью — каким же образом дотащил его на встречу тщедушный Друг? Пришлось брать такси. В посольство ехать не решился. Дома

распаковал подарок… Вскоре «прибор» был доставлен в Москву дипломатической почтой.

Александр Семенович получил за «подарок» выговор: все каноны элементарной конспирации были нарушены. А Другу попросили передать благодарность. Особенно от подводников…

О собственной роли в атомной разведке Александр Семенович не рассказывал. Но это с ним были в Великую Отечественную на связи в Штатах наши агенты.

Феклисов с молодости страдал глухотой. Я спросил его дочь Наталию Александровну: «Как разведка допускала глуховатого резидента до работы?»

Оказалось, что почти оглох на одно ухо Александр Феклисов после пожара. Загорелся барак. Он вытаскивал из пламени родственников и соседей. Но барак сгорел. Измученный парень прилег отдохнуть на доски около какого-то холодного сарая. Проснулся, а ухо при минус двадцати буквально примерзло к доскам.

Но Александр Феклисов, по словам дочери, был таким человеком, что собственных недугов не стеснялся. Предупреждал о глухоте всех — и начальство, и агентов. Он так верил в себя, в свое дело, что и мысли не допускал, будто это помешает работе. Вот уж у кого не было комплекса неполноценности.

По словам Александра Семеновича, он, сын железнодорожника, выпускник Московского института инженеров связи, попал в разведку случайно. Лучшими его друзьями в институте, рассказывала мне Наталия Феклисова, были Сергей Бородич и Наталия Могилевская — студенческая пара, муж и жена. Наталия Соломоновна Могилевская была дочерью Соломона Григорьевича Могилевского (1885–1925) — сподвижника Феликса Эдмундовича Дзержинского. Соломон Могилевский в начале 1920-х некоторое время возглавлял Иностранный отдел ВЧК, руководил разведкой. Погиб он в авиакатастрофе вместе с почитаемым Сталиным Мясниковым. После этого вождь отдал приказ, что высшие руководители партии не должны без крайней необходимости пользоваться воздушным транспортом.

А муж Наталии Могилевской Сергей Владимирович Бородич (1914–1996) стал крупным ученым, профессором, доктором технических наук, разработчиком отечественных систем радиорелейной и спутниковой связи. Дружба трех институтских друзей длилась много лет.

Раньше холостых разведчиков за кордон не пускали. А вдруг попадут в «медовую ловушку», поставленную чужими спецслужбами. Но Феклисову, принятому в органы по довоенному

комсомольскому набору, так верили, что в годы Великой Отечественной войны отправили в США холостяком.

— Мама с папой познакомились в Нью-Йорке, — рассказывает мне Наталия Александровна Асатур-Феклисова. — Маму с группой девушек направили изучать английский и американское делопроизводство в Колумбийский университет. Папа, будучи работником консульского отдела, их оформлял и каждой девушке он ставил оценку по пятибалльной шкале.

— За знание языка?

— За внешние данные. Маме, единственной из всей группы знавшей английский, он поставил высший балл. Она ему понравилась еще при первой встрече. Отец любил красивых женщин. Сразу стал за ней ухаживать, они встречались и в марте 1944 года поженились.

— Брак заключили в советском консульстве?

— Да. Я родилась в роддоме Бруклина, в негритянском районе. Отец был всегда так занят встречами со своими агентами, что, наверное, они с мамой особо не задумывались, где ей рожать. Потом мои родители это часто вспоминали и посмеивались надо мной: ты у нас негритяночка, хотя я, конечно, типичная славянка. Папа познакомился под Москвой в школе разведчиков с Анатолием Яцковым.

— Тоже атомным разведчиком, награжденным в 1996-м одновременно с вашим отцом звездой Героя России.

— Яцков, увы, до этого не дожил. А отец и Яцковы продолжали очень тесно работать и дружить в Нью-Йорке. Они вместе ездили на дипломатические пикники. Отец, сделав вид, что увлекся виски, пускался танцевать вприсядку. Мама заливалась пунцовой краской, не знала, куда прятать глаза, а папа продолжал танцевать гопака. Американцы это видели и всерьез его не принимали: вот он, простой русский парень. Мама с папой эти танцы вприсядку очень часто вспоминали и смеялись: в это время у него на связи было шесть или семь агентов…

— Он ведь еще и дипломатом работал.

— Отец так вкалывал. Даже не смог вырваться в роддом, чтобы встретить маму со мной. Попросил сделать это Анатолия Яцкова, а дядя Толя тоже был очень занят и не успел заехать домой, чтобы взять приданое, которое мама приготовила — одеяло, распашонки. Приехал в роддом налегке. День был холодный, шел дождь. Меня вынесли американские медсестры и просто завернули в плащ дяди Толи. Так и приехали домой.

— У него свои дети были?

— Двое — Павел и Виктория. Я их приглашала в 2004 году на девяностолетие отца.

— Когда вы вернулись в Москву?

— В 1947 году. Мне было два года. Я получила документ на имя Фоминой Наталии Александровны. Под этим именем папа работал в США. Когда отец скончался, возникли сложности. Мы с сестрой обратились к нотариусу за оформлением наследства, отец нам завещал денежные вклады, а нотариус, «пробивая» мой документ, говорил, что он фальшивый, такого нет. И только благодаря тому, что сестра и племянник засвидетельствовали, что я и есть дочь Феклисова, что я ее старшая сестра, нотариус поверил и выдал мне денежный вклад отца. Пришлось искать людей, которые были знакомы с Александром Семеновичем, знали обо мне и могли подтвердить историю отца, работавшего под фамилией Фомин в Америке, в Чехословакии и Англии.

А семейная жизнь родителей сложилась счастливо. Рассказывают, что разведчики — бессребреники. Это — так. В войну папа отдавал серьезную часть своей зарплаты в Фонд Победы. Но он, сын железнодорожника, очень трогательно заботился о своих родственниках. Их было немало, жили тяжело. И перед отъездом из любой страны, куда забрасывала Служба, или отправляясь в отпуск, папа накупал для родни чуть не фургон одежды. Дешевой, но очень практичной.

И уже на склоне лет, выйдя в отставку, он так о нас заботился. Сам жил со второй женой Маргаритой, в маленькой квартирке. А свою, большую, отдал нам с сестрой. Он женился на Маргарите — она была намного моложе — после ухода моей мамы. И та очень помогала ему.

(Увы, болезнь не пощадила и Маргариту. Феклисов остался один. Теперь, когда мы с ним встречались и беседовали, он иногда повторял: «Жениться бы мне надо. Жениться». ***— Н.Д.)***

— Отец женился в третий раз, — продолжала Наталия Александровна. — И он, и мы, дочери, были очень довольны. Семь лет в браке с доброй и отзывчивой женщиной. Конечно, тоже помоложе папы. Ему везло. Такой был человек.

Кем нельзя назвать Александра Семеновича, так это стандартно-дисциплинированным советским разведчиком. Он не нарушал принятых в его профессии неписаных законов. Но считал, что идти к конкретной цели можно и непроторенным, непривычным путем.

В годы войны и аж до 1950-го передавал СССР секретнейшие сведения об атомной бомбе сначала из Великобритании, а потом из США, затем снова из Англии бесценный агент — гениальный ученый, немецкий антифашист Клаус Фукс. В Англии его связником был Александр Феклисов.

В 1950-м ученого приговорили в Британии к четырнадцати

годам заключения. Могли бы дать и больше, но вспомнили, что антифашист-немец передавал в годы войны сведения стране-союзнице. О том, что по идее делать это должны были сами британцы, мысли не возникло.

Отсидевшего девять лет Фукса освободили за примерное поведение, и он сразу же выехал в ГДР. Возглавлял там Институт ядерных исследований, приезжал в СССР как выдающийся ученый. Вот только факт его героического сотрудничества с разведкой до распада СССР у нас не признавался. И тогда в 1989-м, через год после смерти Фукса, отставной полковник Александр Феклисов по собственной инициативе поехал в Берлин. Отыскал вдову Фукса, Маргариту, тепло благодарил ее, положил цветы на могилу. Вдова рассказала Александру Семеновичу, что супруг ждал встречи с ним до последнего дня. И даже оправдывал русских друзей — возможно, никого из тех, с кем сотрудничал, в живых не осталось. Александр Семенович взял вину за эту «забывчивость» на себя.

Я спрашивал Александра Семеновича, какая из стран, где ему пришлось работать, понравилась больше всего.

— Эх, Николай Михайлович, как было хорошо в Чехословакии! В Праге так спокойно, — ответил он.

Это после ареста в Англии Фукса Служба отправила Феклисова в тихую Прагу. В Чехословацкой Социалистической Республике удалось создать дееспособную внешнюю разведку. Консультации Феклисова ценили очень высоко, о чем свидетельствовали полученные им в этой стране награды. А он твердо знал, что никакие спецслужбы за ним не гоняются.

И еще в Праге он пристрастился к садоводству. Выйдя в отставку, любил копаться в саду. Даже в конкурсах участвовал. И часто в них побеждал. А еще, рассказывала Наталия Александровна, он коллекционировал… купания в знаменитых озерах:

— Отец плавал в озере Онтарио в Канаде. Во время командировок в Африку совершил заплыв в озере Виктория. Путешествуя с мамой по Алтайскому краю, он окунался в чистейшие воды Мультинских озер. Отец плавал в озерах Байкал, Иссык-Куль и Севан.

Герой России Александр Феклисов умер 26 октября 2007 года — в тот же день, когда он совершил самый главный свой подвиг. 26 октября 1962-го война была уже даже не на пороге — на кончиках пальцев генералов, готовых по приказу президента США Джона Кеннеди нажать на кнопку. Она надвигалась со скоростью урагана. И первым узнал об этом советский резидент Фомин — Феклисов. Днем, в воскресенье 21 октября 1962-го, знакомый и

доверенный советский корреспондент огорошил его сообщением: несмотря на выходной толпа американских журналистов ждет у Белого дома выхода к прессе президента Джона Кеннеди. Там идет заседание кабинета, на которое почему-то прибыло много генералов.

И Феклисов моментально отправил шифровку в разведцентр. Чуть позже тревожные вести принес в посольство СССР и наш военный атташе: в вооруженных силах США на юге страны объявлена высшая степень боевой готовности.

Советское посольство с 21 октября работало круглосуточно. Сотрудники резидентуры, объезжая ночью здания Белого дома, Пентагона, Госдепа, ЦРУ, ФБР, констатировали: свет в зданиях не гаснет ни на минуту, стоянки забиты служебными машинами, значит, работа идет напряженная.

Хрущев и Кеннеди каждый день обменивались телеграммами. Сначала зашифрованными, а когда поняли, что драгоценного времени на расшифровку уходит немало, повели переговоры открытым текстом. Но устраивающие обе стороны способы выхода из кризиса, названного Карибским, найти не могли.

Советский посол в США Анатолий Добрынин смог завоевать особое доверие министра иностранных дел СССР Андрея Громыко, и тот наделил своего человека в Штатах полномочиями неимоверными. Ни одно решение и ни один шаг не могли быть предприняты ни дипломатами, ни кем-либо другим, даже разведчиком, без согласия посла.

Но уже мало что оставалось во власти хитроумной дипломатии. Мир попал в цейтнот, и требовалось уже нечто иное, не традиционное, не государственно-дипломатическое, чтобы отвести надвигающуюся катастрофу.

И вот на мировой арене появился резидент Первого главного управления — внешней разведки — в Вашингтоне Александр Фомин — под этим именем в конспиративных целях работал в Штатах Александр Феклисов.

В понедельник, 22 октября, Феклисова срочно пригласил на завтрак Джон Скали. Феклисов поддерживал отношения с известным тележурналистом из Эй-би-си уже года полтора. Его программа «Вопросы и ответы» с участием ведущих политиков США была одной из первых в рейтинге.

Джон Скали являлся сторонником демократов во главе с Джоном Кеннеди, а с его младшим братом — министром юстиции Робертом Кеннеди — дружил. Часто встречался Скали и с госсекретарем Раском, блистая потом на экране знанием тонкостей американской внешней политики.

Я не раз допытывался у Феклисова: неужели не был Скали

нашим агентом или хотя бы агентом влияния? Ну, как иначе он решился бы на вас, Александр Семенович, выйти, знал же наверняка, что имеет дело с главным в Штатах легальным русским разведчиком. Феклисов, который немало чего мне рассказывал, всякую причастность Скали к разведке, по крайней мере к советской, отрицал. Был уверен, что всю информацию, которой они со Скали обменивались в частных и нередких своих беседах, американец докладывает в Госдепартамент. А может, и в ЦРУ, то есть действует приблизительно так же, как и Феклисов, сообщавший обо всех разговорах прямо в Центр. Полковник соглашался: могли меня вычислить, но у младшего Кеннеди руки были не то что развязаны, но посвободнее, чем у старшего — президента. Нужны были своеобразные, недипломатические каналы связи, общения.

И американцы тогда, в конце октября, решили действовать нестандартно, на уровне разведок — иного-то выхода не оставалось. Вот и выпустили хитрого Скали. Обе стороны выложили карты на стол: еще несколько дней, ну, неделя, и сдавать было бы нечего.

Первая встреча в ресторане «Оксидентал» началась с нервозного вступления Скали. Он прямо обвинил Хрущева в угрозах расстрелять Штаты ракетами, установленными на Кубе. Феклисов тут же напомнил о попытке неудачного вторжения на остров, предпринятой в апреле 1962-го. Словом, двум собеседникам хватало поводов для взаимных обвинений. Напоследок Скали предупредил, что вечером Джон Кеннеди выступит с обращением к американскому народу. Скали явно куда-то спешил, однако было ясно: эта их встреча не последняя.

Выступление Кеннеди по ТВ прозвучало угрозой. Для предотвращения ракетно-ядерного удара с Кубы по США устанавливалась блокада острова, американская армия готовилась к быстрому вторжению.

Феклисов взял инициативу на себя. Утром 26 октября он пригласил Джона Скали в тот же «Оксидентал». Скали сообщил, что их военные настаивают на немедленном вторжении на Кубу, и если Хрущев считает Кеннеди неопытным, нерешительным политиком, то скоро у него будет шанс убедиться в обратном. Пентагон дает гарантии, что в случае согласия президента Кеннеди на вторжение с советскими ракетами и с режимом Кастро будет покончено за 48 часов.

И тогда Феклисов стал уверять Скали в том, что советское руководство считает Джона Кеннеди дальновидным государственным деятелем. Он — не чета генералам и адмиралам, втягивающим США в величайшую авантюру,

чреватую катастрофой. А кубинцы готовы защищать свою родину до последней капли крови.

— В моей душе что-то произошло, какой-то порыв, озарение, — рассказывал мне Феклисов. — Никто не уполномочивал меня говорить Скали об этом, абсолютно никто, но я решился: «Вторжение на Кубу развяжет Хрущеву руки. Вряд ли нашим дивизиям потребуется больше двадцати четырех часов, чтобы с помощью войск ГДР сломить сопротивление американского, английского и французского гарнизона». Скали не предвидел такой моей отповеди. Он долго смотрел мне в глаза и потом спросил: «Ты думаешь, Александр, это будет Западный Берлин?» И я сказал: «Вполне возможно, как ответная мера. Представь, Джон, лавину из тысячи советских танков и самолеты-штурмовики, атакующие на бреющем полете».

Скали явно такого не ожидал. Феклисов действовал на свой страх и риск. Он был уверен, что сойдись две державы лоб в лоб на Кубе, то обязательно громыхнет и в Европе.

Как выяснилось позднее, чутье разведчика не обмануло. Феклисов через несколько лет, уже вернувшись в Москву, узнал о существовании некой секретной разработки: в случае необходимости войска СССР и ГДР должны захватить Западный Берлин не за 24 часа, а за 6–8!

Скали сидел, уставившись в чашку остывшего кофе. Спросил Феклисова: неужели война действительно так близка? И Феклисов подтвердил, что взаимный страх может стать ее причиной.

Чего он не ожидал, так это того, что его слова будут донесены до хозяина Белого дома и что часа через два-три Скали передаст ему в том же ресторане компромиссные условия по урегулированию Карибского кризиса. Феклисов рассказывал о своем разговоре только-только возвратившемуся из города послу Добрынину, как вдруг его срочно позвали к телефону: звонил Скали, попросил немедленно приехать в кафе «Стат-лер». И Феклисов понял, что времени в обрез — кафе располагалось как раз на полпути между посольством СССР и Белым домом. Добрынин кивнул, предложив продолжить разговор после новой встречи.

Через десять минут Скали с Феклисовым уже заказали по новой чашечке кофе. Джон сразу же заявил, что по поручению «высочайшей власти» передает следующие условия урегулирования Карибского кризиса:

— Под контролем ООН СССР демонтирует и вывозит с Кубы ракетные установки. США снимают блокаду и публично берут на себя обязательства не вторгаться на Кубу.

Феклисов все записал дословно, повторил, чтобы затем не ошибиться при переводе, и Скали подтвердил: да, всё правильно. Для Феклисова слова «высочайшая власть» звучали не совсем привычно, и полковник переспросил, что это обозначает. Скали отчеканил каждое слово: «Джон Фицджералд Кеннеди — президент Соединенных Штатов Америки».

И Феклисов помчался в посольство, заверив Скали: переданное ему предложение будет немедленно телеграфировано в Москву. Быстро составив телеграмму за подписью Добрынина о двух встречах со Скали — утренней и послеобеденной, полковник отдал депешу послу.

Но Добрынин, потратив минимум часа три на изучение проекта телеграммы, не захотел ее подписывать: МИД не давал дипломатам полномочий на ведение таких переговоров. В кабинете посла произошла обидная для Феклисова сцена. Добрынин в присутствии еще трех видных дипломатов поставил чересчур инициативного резидента легальной разведки на место. Об этом писать Александр Семенович мне запрещал. Неоднократно пересказывая мне в деталях этот эпизод, Александр Семенович возмущался: «Ну, сделали тогда из меня мальчика. Ну, сделали».

Феклисов не растерялся и рванул к себе, в резидентуру. Здесь, наплевав на все дипломатические тонкости, он от собственного имени отправил шифротелеграмму на имя начальника разведки. И вскоре члены политбюро во главе с Хрущевым, уже жившие в преддверии войны на казарменном положении в Кремле, изучали эту записку.

Двадцать седьмого октября Скали вновь встретился с Феклисовым, а Роберт Кеннеди дважды — с послом Добрыниным. На одной из таких встреч присутствовал и советник Фомин. Александру Семеновичу показалось, что Кеннеди-младший смотрел на него изучающе.

Начался обмен официальными посланиями. Удовлетворивший обе стороны ответ Хрущева пришел утром 28 октября.

Мир был спасен. Не буду утверждать, что только усилиями журналиста Скали и резидента советской разведки Феклисова. Но их роль в решении Карибского кризиса огромна.

В Штатах часто пишут, что это Феклисов вместе со Скали сумели во многом предотвратить казавшуюся неизбежной войну. У нас подвиги Феклисова оцениваются скромнее. Неординарность его поступков находит понимание не у всех. О некоторых операциях, задуманных Александром Семеновичем, еще только предстоит рассказать.

Ни одного бранного слова за годы знакомства я от него не слышал. Даже говоря о том самом случае, который мог бы завершиться и новой мировой войной, Феклисов обходился некими тщательно подобранными оборотами речи. «Фомин» был обижен. И эта обида постоянно прорывалась и десятилетия спустя.

Феклисов вскоре вернулся домой. Еще потрудился на оперативной работе в Первом главном управлении, а затем как-то незаметно был переведен на должность преподавателя. Руководил теми, кто передавал свой богатый опыт будущим разведчикам.

Однажды Александр Семенович приехал ко мне на работу в расстроенных чувствах. В европейской стране издали его книгу и ничего не заплатили. Я спросил, через кого издавали, и, услышав ответ, посоветовал больше не беспокоиться. Никаких надежд.

Первый раз я видел Александра Семеновича таким удрученным.

— Но это же непорядочно, нечестно, — возмущался он. — Но я буду бороться. Всегда боролся. И теперь буду.

Мы написали и отправили письмо в иностранное издательство. Феклисов при встречах кивал седой головой:

— Странно, еще не ответили.

Ответа он так и не получил.

Зато в России вышли две его хорошие книги. Одну он сам подарил мне с добрым пожеланием, вторую с автографом отца подарила его дочь Наталия Александровна. Однако не всё и не до конца в этих изданиях совпадает с тем, что Феклисов рассказывал мне. Может, и об этом тоже доведется мне написать, если позволят здоровье и обстоятельства.

О нем трогательно заботились. Довольно долгое время уже на закате щедро отпущенных лет Александр Семенович жил среди своих, в тихом, неприметном загородном местечке, где разведка окружает теплом таких, как он.

Теперь ушел и Феклисов — последний из атомных разведчиков, которым в 1996-м было присвоено звание Героя. Троим из шести эта честь была оказана посмертно.

РАЗВЕДКА В ПЕРЕВОДЕ С ИНОСТРАННОГО
Зоя Зарубина

Зоя Васильевна Зарубина была разведчицей, переводчицей и, главное, человеком, умевшим дарить радость.

В нашем Институте иностранных языков имени Мориса Тореза ее знали все ребята с переводческого факультета. Еще бы — именно Зоя Васильевна Зарубина создала, выпестовала, поставила на поток свое детище — курсы переводчиков ООН, попасть на которые мечтал каждый, стремившийся стать настоящим толмачом. Всегда со вкусом одетая и подтянутая, строгая и одновременно доброжелательная, она излучала спокойствие и уверенность: старайтесь и вы обязательно добьетесь.

Но проглядывало в этой женщине нечто не присущее преподавателям 1970-х. Не совсем так одевалась, как-то по-своему вела беседы. Даже ее английский отличался от преподаваемого на тогдашней Метростроевской улице и умело вбиваемого в нас, инязовцев.

Иногда в осторожных разговорах — а вуз был еще тот, лишнего старались не болтать — проскальзывало: а Зарубина — разведчица. Трудились в МГПИИЯ (Московском государственном педагогическом институте иностранных языков) и другие славные представители этой профессии, но и на их относительно известном нам фоне Зоя Васильевна выглядела как-то иначе.

И только теперь я смог подыскать слова для более точного описанiм туманных ощущений молодости. Она была европейкой, тянувшей за собой в большой и закрытый железным занавесом мир молодых, стремившихся этот мир познать. Зарубина в отличие от почти всех других его от нас не закрывала, не хаяла, а вводила туда пытливых и любопытных.

Уже после окончания института узнал я, что занималась она в ту пору не только переводческими делами: передавала свой опыт разведчицы некоторым талантливым молодым людям. Тем, кто сегодня поднялся на высокие государственные вершины, ее уроки, как свидетельствует жизнь, очень пригодились.

Она, по-моему, совсем не любила и не стремилась выпячивать этот свой сугубо разведывательный опыт. Однако изредка в рассказах он всё же угадывался.

В 1927-м, когда на наше консульство в Китае напали местные

и согнали всех в столовую, семилетняя Зоя выполнила важное — без шуток — задание отчима Леонида Эйтингона. Разведчик, работавший под дипломатической крышей, тихо попросил падчерицу пробраться в квартиру и вынести спрятанный там сверток. В консульском доме всё было перевернуто вверх дном, однако свертка не тронули. Она пронесла его мимо бдительных охранников-китайцев, не обративших внимание на малышку. В тряпки был завернут пистолет.

И это задание было не первым. Ее родной отец, генерал-майор разведки Василий Михайлович Зарубин, путешествуя, и отнюдь не как турист, по Китаю, всегда брал с собой жену и дочку. (Это было еще до развода.) Супруга Ольга Георгиевна помогала, а крошечная дочь, как говорят разведчики, «прикрывала».

Многие чекисты рассказывали, что брали на задание детей. Они внушают доверие, настраивают чужую контрразведку на мирный лад, усыпляют бдительность. Абель — Фишер в первые свои закордонные командировки отправлялся всегда с женой, маленькой дочкой Эвелиной и даже с домашними животными.

Да и я лично знаком с людьми из той среды, которые иногда прятали чужие документы и свои отчеты в пеленки или коляски. О том, что кого-то с таким прикрытием поймали, зацепили, я никогда не слышал.

Василий Михайлович Зарубин был резидентом легальных и нелегальных разведок в Китае, Финляндии, Дании, Германии, США. Это он некоторое время поддерживал связь с единственным советским агентом в гестапо Вилли Леманом. В Штатах помимо прочего занимался добычей атомных секретов.

Жена Зарубина Ольга Георгиевна работала в аппарате НКВД. В Китае она развелась с мужем и соединила свою судьбу с другим разведчиком — Леонидом (Наумом) Эйтингоном. Так у Зои Зарубиной появился отчим.

Эйтингон, он же Котов, он же Наумов, был правой рукой легендарного Судоплатова и лично руководил многими важнейшими операциями советской разведки. Та же «Утка», по-простому покушения на Троцкого и его уничтожение, проводилась под непосредственным руководством Эйтингона.

Мачеха Зои — Елизавета Зарубина — Горская — Розенц-вейг — служила в разведке с 1925 года. Вместе с мужем Василием Зарубиным принимала участие в различных операциях, подполковник. Специализировалась в США на научно-технической разведке. Добывала сведения по урановому проекту.

И как же складывались отношения Зои Васильевны с родственниками? По идее они должны были бы быть непростыми.

Но ничего подобного. Она любила отца, изредка встречаясь с ним во время его «заездов» на родину. Отчим был примером во всём, и в молодости Зоя даже спросила Эйтинго-на, может ли называть его папой. Эйтингон отсоветовал.

Зоя Зарубина дружила с новой женой отца. Вообще между двумя семьями были — на удивление — очень хорошие отношения.

Зоя была успешной спортсменкой, тренировалась, понятное дело, в секциях «Юного динамовца». Ей был выдан членский билет этого общества под номером 3. Стала чемпионкой страны по легкой атлетике. Училась на отлично.

Еще в школе она мечтала о разведке. Но отец был категорически против: уж слишком много разведчиков даже на две семьи. Посоветовал дочери получить хорошее образование и жить нормальной жизнью.

И Зоя, с отличием окончив школу, послушалась. Поступила в престижный тогда ИФЛИ (не существующий ныне московский институт), где два года изучала историю, литературу и философию. Вышла замуж за пограничника и родила дочку Таню, которая впоследствии пошла по стопам мамы: работала переводчицей, спортивной журналисткой, специализировалась в легкой атлетике.

Но началась война и Зоя Зарубина решила идти на фронт добровольцем. Однако маленькую дочку оставить было не с кем. Мужа тяжело ранили, родители находились далеко от родины. И она пошла в военный госпиталь. Думала, подрастет Таня, и возьмут в армию хоть санитаркой.

Но всё вернулось на круги своя. Кадровики ей сказали: санитарок у нас вон сколько, а иностранные языки, да еще так хорошо, знают единицы. Твое место в разведке.

Зое действительно легко давались языки. В Китае, где служили отец и отчим, не было русской школы, и правильно говорить на языке Шекспира Зою научили в американ скул раньше, чем русскому. Еще тогда она играла роль переводчицы между мамой и домработницей. В Стамбуле, куда перебросили Эйтингона, Зоя выучила французский. В Москве взялась за немецкий.

В 1943 году 23-летний лейтенант госбезопасности Зоя Зарубина работала на Тегеранской конференции переводчиком, осуществляла связь между делегациями. Довелось ей пообщаться и с британским премьером Черчиллем, и, главным образом, с президентом СІЛА Рузвельтом. А вот со Сталиным не разговаривала.

По некоторым сведениям, одними переводами не

ограничивалась. Пришлось ей вести и серьезную оперативную работу.

В документальном фильме «В Тегеране без чадры» Зоя Васильевна рассказала о работе на конференции. Обеспечивала, как и многие другие, безопасность, выполняла функции офицера связи.

Ей поручили обставить квартиру Рузвельта в советском посольстве. Симпатичная, приветливая девушка быстро наладила контакт с охраной президента. В Тегеране она действовала под оперативным псевдонимом Скворцова. Американские военные называли ее мисс Роббинс, к чему Зоя относилась совершенно спокойно.

Она не знала, что Рузвельт парализован и передвигается на коляске. Очень удивилась, когда американцы попросили расширить двери, ведущие в его спальню. Рузвельт запомнился Зарубиной интеллигентностью, полным игнорированием своего недуга, которого, казалось, вообще не замечал. А еще великолепным ораторским искусством. Впрочем, и Черчилль был в этом силен. Сталин выделялся полной независимостью. К удивлению Зои, представлявшей его по портретам, он оказался небольшого роста. Говорил спокойно и очень четко. И лишь получая из рук Черчилля меч с надписью «Сталинград», не сдержал волнения. Вместо ответной речи сказал только «спасибо», облегчив задачу переводчикам. Такие моменты переводчикам тоже запоминаются.

Много баек ходит о том, будто «русские купили Рузвельта». Чушь. Страстному филателисту преподнесли лишь один крошечный подарок. Как известно, среди коллекционеров ценятся выпущенные в свет малыми тиражами марки с различного рода ошибками, опечатками. Так, на советской марке, посвященной знаменитому перелету 1935 года нашего летчика Ляпидевского в США, название американского города было написано так — Санфранциско. Отсутствие прописной «Ф» превращало марку в реальную филателистическую ценность. Рузвельт был очень доволен.

Приблизительно такую же роль заботливой хозяйки Зарубина исполняла и на Ялтинской конференции, где народу собралось гораздо больше, чем в Тегеране. И все чувствовали, что победа совсем близка. Неясно только, поняли американцы, кем была на самом деле мисс Роббинс?

Затем был Потсдам и Нюрнберг… И всюду переводы и разведка. Разведка и переводы. Всю войну она служила в Четвертом управлении у Судоплатова.

В 1943 году Зарубиной одной из первых пришлось заняться

новыми переводами. Для пробы ей дали перевести пару листочков технического текста, прочитав который, она чуть не разрыдалась. Даже о чем шла речь, с первого захода было непонятно. Это мощным потоком добирались по тайным каналам из Штатов, Великобритании и Канады «атомные» документы. Сначала наш главный атомщик Курчатов был Зарубиной недоволен: почему не знаете терминологию? Но откуда, если и терминологии такой не существовало. Курчатов прикрепил к ней физиков, отлично знавших предмет, но не язык. И совместными усилиями дело сдвинулось с места.

Впоследствии Зоя Васильевна признавалась, что удовольствия от этих переводов не получала. Но гордилась, что секретные переводы поручили именно ей. Поняв, что за документы попадают ей в руки, она терпеливо и всё успешнее справлялась с научными текстами. Освоила терминологию, поняла суть, и больше Курчатов претензий не высказывал. Интересно, знала ли она, что многие сведения поступали из США через ее отца — резидента легальной разведки Василия Зарубина? Так что разведка все-таки стала их семейным делом.

А еще мой отец, спецкор Совинформбюро на процессе над фашистскими преступниками в Нюрнберге, рассказывал, что советская делегация иногда устраивала танцы. И среди лучших танцоров всегда была переводчица Зоя Зарубина. Правда, в Нюрнберге все уже знали, что Зоя переводит в основном документы, интересующие нашу разведку.

Но наступила в органах пора этнических чисток, и в отставку была отправлена ее мачеха. Отец бесстрашно спорил с любимцем вождя Абакумовым. Почему, когда его жена работала в Германии, где ее могли схватить в любой момент, национальность нелегала никого не интересовала, а в Москве подполковника увольняют из разведки мгновенно? В 1948 году отправили на пенсию и отца.

В 1953 году пришла очередь отчима. Сколько же он отсидел вместе со своим начальником Судоплатовым!.. Зое Васильевне, преподававшей тогда язык в МТБ, предложили: откажитесь от Эйтингона, подумаешь, отчим. Или уходите с работы. Она, не колеблясь, завершила столь блестяще начавшуюся карьеру разведчика.

И начала новую. Зарубина использовала свой талант общения и отличные знания языков, создав целую школу перевода. Она была деканом факультета английского языка Московского института иностранных языков. Возглавляла курсы переводчиков для советского представительства в ООН. Попасть на ее ооновские курсы желали все, кто мечтал о настоящей карьере переводчика. Преподавала в Дипломатической академии.

И мало кто знал, что уже знаменитая Зарубина многие годы поддерживала на личные средства школу в Юрове, где лечились и учились тяжелобольные дети. В трудные годы, когда денег катастрофически не хватало, уже немолодая Зарубина поехала в Мексику. Гонорар, полученный там за чтение лекций, она перевела на счет школы.

Зоя Васильевна долго болела. Ушла достойно в 2009 году. О ней помнят. И не только переводчики.

ТЕГЕРАН-1943 — ТОЛЬКО ПРАВДА
Геворк и Гоар Вартанян

Писать о Герое Советского Союза Геворке Андреевиче Вартаняне мне и приятно, и в то же время больно. Мы были с ним хорошо знакомы с ноября 2000 года, когда спецслужбы разрешили о нем написать. Нашей публике Геворк Вартанян и его жена Гоар Левоновна, кавалер ордена Боевого Красного Знамени, известны главным образом подвигами, совершенными в 1943 году в Тегеране.

А я хочу рассказать здесь коротенькую историю. В одном из документальных фильмов о разведке, не предназначенных для широкого показа, мелькнул сидящий за столом президиума герой с золотой звездой на груди. Лица, понятно, не показали, а камера, может, и случайно, остановилась на руках. Я не фантазер, но сразу подумал, что это руки хорошо поработавшего, немолодого и абсолютно точно восточного человека.

Однажды в канун праздника довелось мне общаться с тогдашним руководителем Службы внешней разведки России. И когда в конце нашей долгой беседы он задал дежурный вопрос, есть ли у меня какие-то просьбы или пожелания, я рискнул ответить совсем не традиционным «спасибо, никаких». Эпизод из фильма не давал мне покоя, и я сказал и о Звезде, и о руках, и о том, что герой, вероятно, откуда-то с Востока. Попросил, если возможно, о встрече. Директор взглянул на меня если не с укоризной, то с удивлением. Однако головой кивнул, обещаний не давал, но дал понять, что просьба услышана. Через пару лет я стоял на пороге квартиры Вартанянов в тихом московском переулке.

Неудобно писать «мы подружились». Нет, это было бы чересчур. Но общий язык был найден моментально. Начав работу, ни Вартаняны, ни я еще не знали, до каких границ дозволена откровенность. И когда Гоар Левоновна начала: «Мы — Анита и Анри», мне сразу вспомнилась пара нелегалов из книги многолетнего начальника нелегальной разведки генерала Дроздова. Впрочем, границу дозволенного довольно быстро очертили рамками повествования о Тегеране 1943-го. Но масштаб действий и уровень работы Вартанянов был понятен.

Вышла первая статья, и герои моментально отозвались благодарным звонком. Мы продолжали встречаться. С годами появлялись новые материалы, книги, фильмы… Кое-что всё же приоткрывалось. Детали, события, эпизоды, называющиеся в

разведке «оперативными». Правда, никаких имен и названий стран. Однако мне, поездившему по свету, иногда казалось, что узнаю и крутую горку в центре большого города, и опасный поворот, в нескольких километрах от маленького княжества. Да и два-три лишь мазками описанных Геворком Андреевичем персонажа тоже были узнаваемы.

Гоар Левоновна, как и другие жены разведчиков-нелега-лов, о работе не рассказывала. Могла только поделиться какими-нибудь житейскими, порой комичными случаями, не имевшими отношения к разведке. Например, любила вспоминать, как на первых порах вживания в новый образ, еще в «промежуточной» стране, она надолго задержалась в парикмахерской. И, расслабившись под сушилкой для волос, в обществе других клиенток, увидела через большое окно заскучавшего мужа. Воскликнула по-женски, инстинктивно и, главное, по-русски: «Жора, я сейчас!» Муж исчез, потом объяснял, что на всякий случай искал пути отхода. А Гоар Левоновна с опаской взглянула на женщин, сидевших под здоровенными фенами. Оказалось, никто ничего и не услышал.

Отдам должное поварскому искусству Гоар Левоновны. Она не просто готовила — творила блюда восточной кухни. Без всяких излишеств, с дисциплинированной умеренностью мы отведывали их с прекрасным национальным армянским напитком. Тосты Геворка Андреевича и его юмор незабываемы.

И еще мне очень нравилось в их квартире — уютной, ухоженной, со вкусом обставленной, сияющей чистотой. И всё было в меру. Но сразу, с порога становилось ясно, что обитатели квартиры побывали «там». На стенах картины с порой узнаваемыми видами. Приятные вещицы в столовой напоминали о странах, где жили нелегалы.

Встречались мы и на некоторых торжественных праздниках, где Геворк Андреевич и Гоар Левоновна были в роли хозяев, именно хозяев, а не свадебных генералов. Познакомились с Вартаняном и моя жена с сыном. Когда вдруг нагрянула в наш дом болезнь, Геворк Андреевич искренне сопереживал и поддерживал. И еще я удостоился большой чести: Геворк Андреевич стал называть меня «мой биограф» и даже просил меня рассказать журналистам тот или иной эпизод из его жизни, дать интервью о нем в документальном или телевизионном фильме.

И вот Геворк Андреевич занедужил. Гоар Левоновна говорила: «Поразительно, но Жора никогда не болел. Даже не помню, чтобы такое случалось. И лекарств не принимал. За все годы, что мы были там — ни одной болезни».

В канун Нового года врачи отпустили его из больницы домой.

Поняли — болезнь не преодолеть. Вартаняны скромно встретили Новый, 2012 год. Утром Гоар Левоновна увидела, что муж собирает вещи, предложила: «Жора, может, останешься дома? На денек или хотя бы до вечера?» — «Нет, — твердо ответил он, — надо в больницу, надо лечиться». Он сражался с болезнью и верил в свою победу. Гоар Левоновна была рядом с ним до последнего часа. Он ушел на 88-м году жизни, оставив у тех, кто его знал и любил, щемящее чувство невосполнимой потери.

Возможно, мне повезло больше других журналистов, писателей, историков разведки близко знать Героя Советского Союза Вартаняна. Значит, и ответственность на мне лежит большая, чем на них. Я очень боюсь нарисовать икону. Хотя в разведке он и является ею. И еще важное: Тегеран, о котором он рассказал, — всего лишь остров в море неизвестности. Люди одной с Вартаняном профессии понимают: это только часть правды.

В 1943 году немецкая разведка пыталась уничтожить «Большую тройку» — Сталина, Рузвельта, Черчилля. Еще в конце августа 41-го в Иран вошли с севера наши войска, с юга — английские. Реза-Шах обещанного нейтралитета не соблюдал, вовсю помогал Гитлеру.

— В то время в Иране находилось около двадцати тысяч немцев, — рассказывал Вартанян. — Военные инструкторы, разведчики под видом торговцев, бизнесменов, инженеров.

— Геворк Андреевич, сколько вам было лет в 1943-м?

— Девятнадцать.

— Совсем юноша.

— Я сознательно и обдуманно в шестнадцать лет пошел работать в советскую разведку. Мне присвоили имя Амир. Под ним и работал в Иране до 1951-го. А началось всё с 4 февраля 1940-го.

Борьба за место встречи

Осень 1943 года — заметная веха во всемирной истории. После Сталинградской битвы стало понятно: в войне произошел перелом. Стратегическая инициатива перешла к союзникам, и их лидеры не могли не задуматься: каким будет мир после войны.

Сталина больше всего беспокоило затягивание с открытием второго фронта. Американцы стремились к разгрому Японии, с которой СССР формально не воевал. Они пытались добиться от Советского Союза гарантий объявления войны Японии в обмен на обещание открыть наконец-то второй фронт. Англичане не могли

допустить усиления роли Советского Союза на Балканах и в Восточной, а то, глядишь, и в Западной Европе.

Так что и политическая необходимость встречи была совершенно очевидна. Переписка между лидерами трех стран велась долго. Договориться было непросто. Рузвельт, уже прикованный болезнью к коляске, не хотел отлучаться далеко от дома, ссылаясь на американскую Конституцию, рекомендующую президенту не покидать Соединенные Штаты на длительный срок. Сталин, вообще не любивший путешествий, предпочитал не выезжать за пределы страны. Черчилль, понимая, что из-за военных действий пригласить американцев и русских на свой остров невозможно, был вроде бы не против их совместного выбора, но вот только какого?

То, что встреча руководителей трех союзных держав необходима, понимали все. 5 мая 1943 года президент Рузвельт предложил Сталину увидеться и обсудить важнейшие события. Он снова возвратился к этой идее после совещания с Черчиллем, состоявшегося в августе того же года в канадском Квебеке.

Но у каждого были свои интересы. Иосиф Виссарионович, справедливо считавший, что основные тяготы войны пали на СССР, предлагал встретиться на своей территории. Рассматривались два варианта, оба — безопасные. Северный — в Архангельске и южный — в Астрахани. Благодаря донесениям разведки Иосиф Виссарионович был уверен, что сможет добиться от союзников точной даты открытия второго фронта и обговорить с ними послевоенное устройство Европы.

Рузвельт предложил провести конференцию на Аляске. Возникли и два новых варианта — Каир или Багдад.

В результате остановились на Тегеране, когда к Сталину и Черчиллю, преодолев определенные сомнения, прислушался и Рузвельт. На выбор повлияли два фактора: первый — иранская столица не так и далеко от советской границы; второй — союзнические войска трех стран фактически оккупировали Иран согласно статье 6 Договора 1921 года.

Было известно, что в Тегеране не совсем спокойно, но город находился под контролем. Все мало-мальски важные пункты и военные объекты строго охранялись. Работавшие в иранской столице представители советской и британской разведок тесно взаимодействовали.

Почему не получился «Длинный прыжок»

Гитлер решил одним махом покончить с лидерами «Большой

тройки». Операцию по физическому устранению глав трех государств немцы назвали «Длинным прыжком». Об этом написаны десятки книг. Эта глава — о деталях готовившегося покушения и о том, как удалось его предотвратить, — написана на основе рассказа Геворка Андреевича Вартаняна.

Считается, что первым о готовящемся теракте сообщил Николай Кузнецов. Он назвал и руководителя операции — Отто Скорцени, герой Третьего рейха.

Скорцени, мирно скончавшийся в Мадриде в своей постели 5 июля 1975 года, был одним из самых удачливых диверсантов новейшей истории. И даже когда «Длинный прыжок» не удался, он не отказался от идеи террористических актов и покушений. Скорцени не мелочился. Охотился за фигурами крупными. В 1944 году его диверсанты, переодетые в американскую форму, пытались захватить генерала Эйзенхауэра — будущего президента США.

Немецкая разведка узнала о встрече лидеров «Большой тройки» в Тегеране. Операцию «Weitsprung» (дословно «Прыжок в длину») готовил Вальтер Шелленберг. Разведка СД собиралась покончить с «Большой тройкой» одним ударом. Гитлер поручил Скорцени отправиться в Иран.

Отобранные Скорцени террористы готовились в Копенгагене в специальной школе. Несколько групп должны были десантироваться на парашютах на территорию Ирана. Руководителей СССР и Великобритании предполагалось уничтожить, а президента США — похитить. Операция получила название «Длинный прыжок» в отличие от прыжка в Абруццо — относительно короткого, благодаря которому Скорцени отбил дуче Муссолини у итальянских партизан.

Лет через двадцать после окончания войны Отто Скорцени и сам признал, что собирался уничтожить «Большую тройку», причем Рузвельта надо было выкрасть. Правда, он всячески открещивается от участия в операции, говоря, что она только планировалась, но дальше туманных перспектив дело не пошло. Это почему-то дает основания некоторым историкам отрицать участие главного диверсанта Третьего рейха в «Длинном прыжке».

Генерал-лейтенант СВР Вадим Кирпиченко абсолютно уверен, что человек со шрамом в операции участвовал. Скор-цени даже подтвердил это в своем интервью, данном в 1966 году. В августе 1943 года его небольшой диверсионный отряд парашютистов был сброшен в Кум. От этого города мечетей не так далеко до Тегерана, куда добрался Скорпени. Осмотрел возможные объекты нападения, обратив внимание на удаленность посольства США от

английского и советского. Может, поэтому и было решено похитить американского президента Рузвельта? Скорпени прокладывал маршруты движения групп немецких парашютистов. Искал точки возможного проникновения своих головорезов в посольства «Большой тройки».

Чуть позже в Иран отправился другой немецкий диверсант Рамон Гамогга. В августе 1943 года его тоже сбросили на парашюте близ Тегерана. Он и возглавил небольшой отряд диверсан-тов-эсэсовцев. Все группы постепенно стягивались к Тегерану.

Почему же тогда долгое время участие Скорпени и фон Ортеля в «Длинном прыжке» оставалось под сомнением? Во-первых, лишь в 2000 году было разрешено подробно рассказать о роли советской разведки в срыве той операции. Фамилия Вартаняна появилась тогда в печати впервые в моей статье о Тегеранской конференции. Во-вторых, Скорпени, видно, забыв о своем признании 1966 года, открещивался в мемуарах от участия в «Длинном прыжке».

После того как Скорпени побывал в Иране, и он признает это в своей книге «Неизвестная война», фюрер вызвал его в ставку и сообщил: Рузвельт, Черчилль и Сталин соберутся в Тегеране на три-четыре дня в конце ноября.

Уже потом Скорпени предположил, что это сообщение поступило от агента «Цицерона», камердинера английского посла в Стамбуле Базна.

По словам генерал-лейтенанта Вадима Алексеевича Кирпиченко, советская разведка сорвала планы Скорпени еще на дальних подступах. А разве такой, как Скорпени, сознается, что был начисто обыгран еще в самом дебюте? Его проникновение в Тегеран оказалось бесполезным. Проведенная стратегическая разведка определила объекты возможного нападения — посольства трех союзных стран, где должны были развиваться главные события. Однако сброшенные вслед за Скорпени диверсионные группы до них не добрались, а сам он от операции, не сулившей явного успеха, предпочел под разными предлогами уклониться.

Даже когда немецкие диверсанты были арестованы, Скорпени не собирался сдаваться. Для уничтожения «Большой тройки» требовался летчик-смертник. И такой камикадзе в люфтваффе нашелся. Его самолет, напичканный взрывчаткой, должен был долететь до Тегерана и врезаться в советское посольство. Но фашисты опоздали. Пока подыскивали легкий самолет, перебрасывали его и летчика поближе к Ирану, четырехдневная конференция закончилась.

Существует версия, что фашисты с помощью иранских агентов собирались совершить нападения на кортеж президента Рузвельта во время его переездов из американского посольства в советское и английское. Помимо одной основной засады на вероятном пути следования удалось организовать еще две — на всякий случай. Однако Рузвельт, заранее предупрежденный Сталиным не об этой конкретной засаде, а вообще об опасности нападения, после понятных колебаний согласился остановиться на территории советского посольства в небольшом доме.

Скорцени знал день рождения Уинстона Черчилля. По идее 30 ноября английский премьер должен был пригласить Сталина и Рузвельта к себе в английское посольство на 69-летие. Диверсанты могли проникнуть туда лишь одним путем — через старинный водопровод.

А вот о человеке, который отказался помогать немцам, рассказали мне иранские коллеги-журналисты. Это был русский священник. Кажется, вспоминают мои знакомые, его звали отцом Михаилом. Он служил в православной церкви в Тегеране чуть ли не с дореволюционных времен. Вот уж кого никак нельзя было отнести к сторонникам большевиков. В 1920-е годы он предавал красных анафеме. Но когда во время Второй мировой войны на святого отца вышли то ли немцы, то ли их агенты с просьбой помочь, он не просто решительно отказался, а через одного из своих прихожан, которого не без оснований подозревал в связях с советской разведкой, дал знать об этом представителям Советов. Каких-либо подтверждений этой истории найти не удалось. Однако такая вот легенда о русском патриоте передавалась из уст в уста еще в начале 1970-х годов нашими соотечественниками, заходившими, нет, не помолиться, а просто посмотреть на казавшееся музейным убранство православного тегеранского храма.

Слово — Амиру

Амир — это первый оперативный псевдоним Геворка Вартаняна:

— Донесение о возможном покушении на «Большую тройку» пришло от Николая Кузнецова. Резидентура в Иране принимала все меры для его предотвращения. Подключилась и наша группа. Поблизости от города Кум мы обнаружили шестерых немецких радистов-парашютистов, которых сбросили немцы.

— Но Кум — городок небольшой. Засветиться можно мгновенно. Я в тех краях бывал: на каждого европейца глядят с

подозрением.

— Там у фашистов была разветвленная агентура. Существовало мощное прикрытие, советской разведкой еще не разгромленное. Доступа мы туда не имели. А насчет европейцев… Немецкие диверсанты переоделись в местные одежды. Перекрасились. Они хну в Иране вовсю использовали. Кто-то с перекрашенной бородой даже под муллу работал.

Так начался их «Длинный прыжок». На десяти верблюдах направились в сторону Тегерана, где должны были встретиться с эсэсовским резидентом Майером. Это стало известно позднее из дневника их арестованного старшего радиста эсэсовца Рокстрока. Везли они с собой на верблюдах рацию, оружие, снаряжение. Осторожничали, поэтому путь длиной километров в сто прошли за десять дней. Около Тегерана пересели в грузовик и добрались до города. Засели на конспиративной вилле, прямо на одной из центральных улиц — Надери, недалеко от посольств СССР и Великобритании. Агентура им все подготовила.

— Эти шестеро и должны были убить Рузвельта, Сталина и Черчилля?

— Нет. Задачей этой передовой группы радистов было установить контакт с Берлином, а затем с помощью иранской агентуры подготовить условия для высадки десанта террористов. Радиосвязь с Берлином они установили. Только попали в пеленгацию. И нашей группе приказали найти в огромном Тегеране эту радиостанцию.

— Это вашу группу советский резидент Иван Агаянц окрестил «легкой кавалерией»?

— Да. Так вот, отыскали мы немцев.

— День и ночь по 14–16 часов по улицам бегали, — включилась в разговор Гоар Левоновна. — Холодно, жарко, страшно — всё равно искали.

— Гоар — молодец, — улыбнулся Геворк Андреевич. — Такая была девочка с косичками, а смелая. Когда мы немцев-радистов нашли, очень хотелось вместе с нашими бойцами пойти на штурм дома, где они скрывались. Но Иван Иванович Агаянц запретил категорически. Это тоже — для меня урок. Разведка заканчивается там, где начинается стрельба — так говорил мой учитель. Опытные люди, специально для этого подготовленные, взяли фашистов тихо, очень тихо. Так что потом они работали уже «под колпаком» нашей разведки и английской: передавали в Берлин сведения под нашу диктовку. Но немцы вовсе не простаки. Кому-то из радистов удалось передать в эфир условный знак: работаем под контролем. В Германии поняли, что операция началась с неудачи. Основную группу во главе со Скорцени

посылать на верный провал не решились. Так что никакого «Длинного прыжка» не получилось.

— Так все-таки был Скорцени в Тегеране?

— И под Кумом, и в Тегеране дважды, но до того. Изучал обстановку, крутился около посольств Великобритании и СССР. Они рядом, в центре. И особенно около американского, что находилось подальше, в пустынном тогда месте.

— Правильно ли я понял: наибольшему риску из-за этой отдаленности подвергался президент США?

— Он должен был, как и полагается по протоколу, остановиться в своем посольстве. Но потом согласился с предложением Сталина: безопаснее пожить в советском. Это мы подсказали.

— Вы наверняка смотрели фильм «Тегеран-43» с Аленом Делоном в главной роли?

— Смотрели.

— Как там насчет правды жизни?

— Есть в картине правдивый момент: диверсанты собирались проникнуть в английское посольство через водопровод и совершить теракт как раз в день рождения Черчилля — 30 ноября. Действительно через старинную систему каналов это было возможно. Остальное здорово накручено: Ален Делон, Париж, бандиты и красавицы…

— Иногда рассказывают, что в подсобном помещении одного из посольств обезвредили бомбу.

— Об этом мы никогда не слышали. А вот то, что между посольствами СССР и Великобритании, которые находились совсем рядом, наши с англичанами пробили стенку, правда. Натянули шестиметровое брезентовое полотно, устроили нечто вроде коридора. Там лежали их и наши автоматчики, пулеметчики: всем участникам Тегеранской конференции безопасность перехода туда и обратно была обеспечена.

— А все-таки как вам удалось выйти на тех шестерых радистов?

— В Тегеране активизировались немецкие агенты-иранцы. Мы поняли: что-то готовится. Поступили сведения, что в покушении может быть замешан один иранец. Пришлось его брать прямо на свадьбе. Нам тихонько подсказали, что у него уже есть опыт участия в терактах. Тут вступила в дело военная разведка. Довольно часто наши сотрудничали с ГРУ. Пошел я на эту свадьбу Надо было как-нибудь незаметно вызвать этого опасного человека. Постучал, мне открывают дверь: заходи. И тут вдруг наш капитан, да в форме, как свистнул. На свист прибегает взвод автоматчиков. Они чуть не впрыгивают во двор, а там

гуляет свадьба — человек двести. Поднимается жуткая кутерьма. Зачем? Я бы этого бандита незаметно увел. А у него, как я и думал, пистолет. Заламывают ему руки, забрасывают в грузовик «студебеккер», везут в военную комендатуру… И чуть ли не вся свадьба бежит за нами: люди возбуждены, требуют освободить гостя. А как им объяснить?.. Конечно, хорошо, что взяли потенциального участника теракта. Но не так, не так же…

— Но были же операции и более филигранные?

— Естественно. Агаянцу дали знать, что владелец книжной лавки Ганс Вальтер…

— Прямо классическое имя для немецкого агента.

— Так он им и являлся. Выучил фарси, обосновался в Тегеране и установил с нужными людьми связи. Но прокололся… Зачастили к нему в букинистический магазин иранские офицеры, да все больше из Генерального штаба, находившегося поблизости. Словом, привлек внимание. Эти книголюбы оставались в магазине подолгу — копались в стоявших на полках книгах, что-то у немца покупали, какие-то тома продавали. Наша «легкая кавалерия» засекла шестерых постоянных посетителей. Все офицеры. Агаянц предположил: а не почтовый ли это ящик? Пришлось нашим ребятам тоже пристраститься к чтению. Стали заходить в магазин, примелькались, познакомились с хозяином. К нашему удивлению, оказался он человеком приветливым, любил поболтать, да и кружку пива пропустить был иногда не прочь. Тогда язык у Ганса развязывался. А мы были слишком юными, чтобы вызывать подозрения. Немцу же хотелось облегчить душу. Не верил он больше в победу Германии, а уж нападение на СССР и вовсе считал ошибкой катастрофической: «Увязнет на этих просторах наш вермахт, точно увязнет». Мы сообщили о таких его разговорах и скептическом настроении Ивану Ивановичу Агаянцу. И тут в игру вступили наши старшие. Короче, Ганса Вальтера перевербовали.

— А что на самом деле происходило в его книжной лавке?

— Обмен разведсведениями. Офицеры, покупая для вида какие-то фолианты, закладывали сообщения в книги. Ганс Вальтер передавал эту информацию своему руководству. Те с ней знакомились и в свою очередь давали генштабистам новые задания. Потом, когда Вальтер работал уже на нас, эта игра еще некоторое время продолжалась. Выявили всех ее участников и лавочку, как говорится, прикрыли. А Вальтер был среди тех немецких агентов, кто подтвердил: да, в Тегеране готовится важная операция, возможно, что покушение на глав трех союзных держав. Это его признание подтверждалось донесениями других источников. И мы, и англичане взялись за дело еще более рьяно.

— Говоря языком современным, к Тегеранской конференции была проведена зачистка?

— Да. Мы работали вместе с агентурой, искали подходы. Если появлялось хоть малейшее подозрение, человека временно арестовывали. Не подтверждались сомнения — после Тегеранской конференции его отпускали. А до конференции и во время нее мы работали день и ночь.

Однажды надо было брать в городе Казвине опасного человека. Он в терактах участвовал, в поджогах. Пытался вербовать наших солдат. Долго его наши искали, а адрес установил мой отец. Поехал я в Казвин. Два дня вертелся около дома этого агента — и ничего. Тут меня и задержали.

— Иранцы?

— Наши. В городе полно советских военных, а рядом крутится какой-то парень в гражданской одежде. День просидел под арестом. Как говорится, до выяснения обстоятельств.

Наше посольство — общая крепость

Для проведения этой исторической конференции в Тегеране более подходящего места, чем посольство СССР, вряд ли можно было найти. Расположено оно в центральной части города, довольно просторно и обнесено каменной стеной. На территории несколько зданий. В них во время Тегеранской конференции жила и работала советская делегация. Сталин, Молотов и Ворошилов заняли квартиру советского посла. Остальных разместили в небольшом двухэтажном доме неподалеку от здания посольства. А посольских с семьями на эти тревожные дни переселили «в город».

«Своим» в посольстве стал на несколько дней из соображений безопасности и Рузвельт.

Его путешествие на линкоре «Айова» продолжалось мучительно долго. Рузвельт очень рисковал. Что стоило немецким подлодкам атаковать пересекавший Атлантику американский корабль!.. «Айова», правда, шла в сопровождении конвоя. Но вдруг разыгрался шторм и на одном из кораблей произошел самопроизвольный пуск торпеды, и она чуть не попала в «Айову».

Рузвельт благополучно высадился в алжирском Оране. Затем отправился в сравнительно безопасный Каир. В столице Египта Рузвельт встретился с Черчиллем, чтобы согласовать свои позиции перед встречей с советским лидером. А они не совпадали.

Рузвельт был не так уж и против открытия второго фронта. Он хотя и опасался усиления послевоенных позиций Советского Союза в Европе, но и прежнее доминирующее положение Великобритании его не устраивало. Черчилль же больше всего боялся, что Сталин не только отхватит себе кусок Восточной Европы, но и попытается продвинуться еще дальше, в Европу Западную.

О разногласиях союзников Сталину стало известно благодаря разведке — внешней и военной. И вполне логично напрашивалось решение поиграть на чужих противоречиях. Да, перспектива вооруженного столкновения с Японией не воодушевляла, но открытие союзниками второго, долгожданного фронта зависело от того, вступит СССР в войну с Японией после разгрома Германии или нет.

На Тегеранскую конференцию Сталин и его маленькая делегация — Молотов да Ворошилов — прибыли весьма подготовленными и разведкой «подкованными». Сталин был даже осведомлен о секретном Манхэттенском проекте — США и Великобритания решили совместно работать над атомной бомбой и привлечь к этому Канаду. Дошла до Сталина и другая суперсекретная информация: если второй фронт все же откроют, то лишь при условии, что в момент высадки союзников во Франции Красная армия предпримет крупное наступление. Ведь тогда Гитлер не сможет перебросить свои войска с Восточного фронта на Западный. Особенно тревожило упрямство Черчилля. Он настаивал на ударах союзников по Балканам. Но что от этого выигрывал СССР? Да, разведка подтверждала намерения Сталина — надо давить на Черчилля, вплоть до демонстрации ухода с конференции (что было однажды в Тегеране и проделано), и опираться на более сговорчивого и несколько более реалистичного Рузвельта.

Но с «заселением» Рузвельта в советское посольство возникли сложности. Из посольства США, располагавшегося вдали от центра города, добираться на переговоры прикованному к коляске Рузвельту было долго и опасно. Майкл Рейли, один из руководителей президентской охраны, понимал, что во время поездки по городу Рузвельт превращается в живую мишень. Однако американский президент поначалу предложение поселиться на территории посольства СССР не принял — не в его планах было ощущать себя чьим-то гостем. Еще раньше он отклонил приглашение Черчилля остановиться в посольстве Великобритании. Наши предложение повторили, но тут возникли опасения чисто дипломатические: вдруг обидится английский премьер?

Советское и британское посольства располагались по соседству. Солдаты перекрыли улицу, натянули между зданиями брезент, установили высокие щиты. И получилось что-то вроде одного дома с закрытым переходом, вдоль которого расположились автоматчики. Отсюда в резиденции диверсанты проникнуть не могли. И наши, и англичане были защищены надежно. Американцам оставалось только завидовать: посольства двух союзных держав были окружены двумя, а по некоторым источникам, тремя, кольцами автоматчиков и танков.

В проблему с размещением Рузвельта вмешался посол США в СССР Аверелл Гарриман: а если по дороге в американскую миссию что-нибудь произойдет с Черчиллем или Сталиным? Надо ли их ставить под удар в Тегеране, где, по донесениям разведок союзников, на тройку готовится покушение?

Доводы посла и охранника убедили Рузвельта. Под его резиденцию в советском посольстве отдали здание канцелярии. Комнаты, в которых поселился президент США, соседствовали с просторным залом, где заседали участники конференции.

В эти дни Тегеран был прочно отрезан от мира. Город охраняли три союзные спецслужбы мира, из которых самой многочисленной, незаметной и эффективной была советская.

В Тегеране перестали выходить газеты, и в иранской провинции даже подумали, что произошли переворот или восстание. Телеграф был закрыт, как и все почтовые отделения. Телефонную связь отключили. Работала лишь правительственная связь трех государств-союзников.

В ходе работы Тегеранской конференции было принято несколько важных решений, в частности: подписана Декларация о совместных действиях в войне против Германии и о послевоенном сотрудничестве трех стран; достигнуто предварительное соглашение о послевоенных границах Польши; союзники договорились об открытии второго фронта не позднее 1 мая 1944 года (слова англичане с американцами не сдержали, высадившись в Нормандии позже — 6 июня). В ответ Сталину пришлось подтвердить готовность объявить войну Японии после разгрома Германии. Три державы сочли необходимым сохранить полный суверенитет и независимость Ирана, а Сталин нанес визит вежливости молодому Шаху. Рузвельт был явно озабочен созданием мировой организации, которая бы смогла принять как можно больше стран. Сталин идею поддержал: так впоследствии возникла Организация Объединенных Наций.

Атмосфера на конференции поначалу была несколько нервозной. Роль миротворца взял на себя президент Рузвельт. Когда Сталин, возмущенный нежеланием Черчилля обсуждать

тему второго фронта, уже собирался предпринять демарш и покинуть зал заседаний, американец объявил час обеда. Как раз в это время на столе появилась огромная, длиннющая рыбина, и трое вершителей мировых судеб переключили свое внимание на это чудо-юдо в исполнении советского повара. Напряжение помогли снять и алкогольные напитки. Получив удовольствие от обеда, Черчилль стал сговорчивее. Понял, что надо идти и на уступки.

Тридцатого ноября вечером в посольстве Великобритании состоялся прием по случаю 69-летия премьера. Чтобы отдать дань уважения Черчиллю, Иосиф Виссарионович явился на торжество в парадном маршальском мундире. Подарки советской делегации англичанина порадовали — большая скульптурная группа из фарфора на сюжет русских народных сказок, папаха из каракуля. Рузвельт преподнес имениннику исфаганский ковер и старинную персидскую чашу.

Окружение Черчилля немало подивилось произнесенному Рузвельтом тосту: «Пока мы празднуем годовщину премьер-министра Британии, Красная армия продолжает теснить полчища нацистов. За советское оружие и его успехи!» Сталин был несказанно доволен.

Придал определенного оптимизма и еще один момент. Черчилль передал Сталину дар английского короля Георга VI защитникам Сталинграда — почетный меч. Эфес длиной в 124 сантиметра сделан из серебра. На лезвии надписи на двух языках — «Подарок от короля Георга VI людям со стальным сердцем — гражданам Сталинграда в знак уважения к ним английского народа». В почетном карауле за спиной Сталина стояли в момент вручения меча 15 бравых солдат 131-го мотострелкового полка НКВД во главе с командиром взвода лейтенантом Лазебным. Сталин передал меч Ворошилову, и тот в сопровождении караула перенес меч в соседнюю комнату.

Конец же Тегеранской конференции был как-то скомкан. Вдруг похолодало, в горах выпал снег. Рузвельт решил покинуть город, пока еще давали вылет.

Переводчик Сталина Бережков в своей книге описал это с любопытными деталями. Предполагалось продолжать работу конференции и весь день 2 декабря. Однако чтобы не застрять в Тегеране, заключительную декларацию согласовали еще накануне вечером в большой спешке. От принятой торжественной церемонии отказались. Подписи под декларацией каждый из «Большой тройки» ставил отдельно. Подписывали карандашом, и листок был помятый, не парадный. Он как-то совсем не соответствовал важности документа. Лидеры государств-

союзников заявили: «Закончив наши дружественные совещания, мы уверенно ждем того дня, когда все народы мира будут жить свободно, не подвергаясь тирании и в соответствии со своими различными стремлениями и со своей совестью».

Бесспорно, на Тегеранской конференции Сталин переиграл Рузвельта и Черчилля. Отдавая ему дань, как переговорщику, нельзя забывать и о роли разведки. Благодаря ее информации вождь еще до конференции знал все возможные ходы союзников.

Как удалось добиться такого тотального преимущества, пока неизвестно. Ведь не зря же Геворк Андреевич Вартанян говорил, что о Тегеранской конференции широкой публике и сегодня известно далеко не всё. Прозвучали кое-какие обещания рассекретить архивы в 2017 году. Остается ждать.

Тема деликатная. Говорить об этом не совсем принято, да иногда и нельзя. Но вот парадокс. В суперзасекреченной жизни Вартаняна как раз здесь-то — относительная ясность. Его отец Андрей Васильевич Вартанян коммунистом не был. Но когда в 1930 году бывший директор маслобойного завода, оказавшийся каким-то не совсем понятным образом иранским подданным, выезжал из станицы Степной в Иран, он уже был тесно связан с советской внешней разведкой — нелегальной. И связь эта сохранялась до самого его отъезда из Тегерана в Ереван, куда он вернулся в 1953 году, благополучно прослужив в соседней стране два с лишним десятилетия. А дома, в Союзе, еще долго трудился на сугубо гражданской должности. Впрочем, пенсию получал как офицер-чекист.

Да, жизнь Вартаняна-отца — это уже другая история. Всё же упомяну некоторые важные события его биографии. Первые шесть лет в Тебризе Андрею Васильевичу приходилось тяжко. Поначалу подозревали его в связях с советской разведкой. Несколько раз иранцы засаживали в тюрьму — задан. Только доказать ничего не могли.

А большая семья, где четверо детей — двое сыновей и две дочки, мучилась; и за отца страшно, и безденежье жуткое. Тогда на помощь спешила советская резидентура в Иране. Мать, прихватив шестадетнего сынишку Геворка, выходила на тайные встречи. Их подбадривали, давали денег.

Проходило два-три месяца, и, в конце концов, от Вартаняна отвязывались. В 1936 году он с семейством перебрался в Тегеран. Постепенно превратился в коммерсанта со связями и занял довольно высокое положение в обществе.

Крыша была для разведчика надежная. Вербовки, прикрытие засланных в Иран нелегалов, приобретение «железных» документов… Было еще много чего, за что, кстати, Центр

практически не платил ни рубля: зачем деньги преуспевающему владельцу кондитерской фабрики, известной на весь Иран? Вся 200-тысячная армянская диаспора уважала Андрея Вартаняна.

Сын видел, чем занимается отец. Лет с десяти понял: он советский разведчик. Иногда Геворк выполнял мелкие поручения — отнести, встретить, припрятать.

И отец тоже знал: сын встал на его путь. Но закон профессии суров. Никаких советов и обменов мнениями. Конспирация не позволяла, у каждого своя работа. Хотя, как вспоминает Гоар Левоновна, Вартанян-старший всё же изредка давал волю чувствам. Зная, что сын выполняет рискованное задание, вышагивал часами около дома, бывало, до самой ночи поджидая Геворка. Но только слышались шаги сына, шуршание шин его велосипеда, и Андрей Васильевич спешил домой: к чему мальчику знать, что отец волнуется, переживает.

Много лет спустя, когда Геворк Андреевич и Гоар работали уже в совсем другой стране, столкнулись они с человеком, у которого оказались документы, приобретенные еще Вартаня-ном-старшим. Сообщили в Центр: здесь появился такой-то, использует паспорт, выданный в Тегеране. Из Москвы успокоили — работайте спокойно, всё в порядке. Значит, наш.

— Но до чего же маленький этот шарик, — удивлялся Геворк Андреевич. — Когда мы приехали однажды в Москву, то увидели того самого человека на проспекте Мира. Идет он прямо навстречу нам с Гоар. Проходит, не поздоровавшись. Мы — тоже. Прошли дальше, оглянулись. Оглянулся и он. Такое вот рандеву. Короче, документы те мой отец добывал для этого человека.

Военного звания у Андрея Васильевича не было, но кадровым разведчиком считать его можно твердо.

— На этот путь меня поставил отец, — говорил Геворк Андреевич. — Нас было два брата и две сестры. Потом все вернулись в Союз, кроме одной из сестер. Она вышла там замуж и, увы, рано ушла из жизни. И все родственники знали, все помогали. Советский Союз был нашей родиной. Ради него мы были готовы на всё. Так нас воспитал отец. Но профессиональным разведчиком стал только я. Было мне тогда 16 лет.

От первого лица

— Четвертого февраля 1940 года я впервые вышел на встречу с советским резидентом, — рассказывал Геворк Вартанян. — Это потом я узнал, что Агаянц Иван Иванович — легендарный советский разведчик. Был он человеком строгим и в то же время

добрым, теплым. Долго я с ним работал, до конца войны, пока не уехал он в 1945-м во Францию резидентом. И разведчика из меня сделал он. Занят был, но встречался со мной, натаскивал.

А первое задание — создать группу единомышленников. И я быстро завербовал семерых ребят. Иранцев среди нас не было. Все мы, семеро, примерно моего возраста — армяне, лезгин, ассирийцы… Общались между собой на русском и на фарси, который учили в школе. Сплошной интернационал. И все — выходцы из СССР. Слышали о 1937-м? Родителей почти всех этих ребят из Советского Союза или выслали, или они сами вынуждены были уехать. Но такая у них была тяга, любовь к родине. Давали согласие и подключались к группе без вознаграждений за работу — вербовал я их на чисто идейной основе. Никакой оперативной подготовки у нас не было, и старшим товарищам из резидентуры приходилось образовывать ребят на ходу. Научили вести наружное наблюдение.

В 1941-м к нам подключилась симпатичная школьница. Ее старший брат-армянин был моим другом из «легкой кавалерии». Я года два-три к ней присматривался, очень она мне нравилась. Это Гоар — моя будущая жена. Смелая, ни от каких заданий не отказывалась. А в разведку ее, думаю, привела скорее всего любовь. Тогда ей не было и шестнадцати.

Мы — мальчишки, девчонки, кто еще в школу ходил, кто учебу уже заканчивал. Но Агаянц не побоялся поручить нам следить и выявлять фашистскую агентуру. Руководил у них резидентурой Франц Майер. До этого он работал в СССР, знал русский и по-фарси говорил прекрасно. Типичный немец — рослый, голубоглазый майор-разведчик. Начали следить за ним… До августа 1941-го, до ввода наших войск в Иран, держали его плотно. Хотя он, чтобы сбить с толку, и бороду отпускал, и одежду менял постоянно. Несколько раз вышагивал прямо по центру Тегерана в форме офицера Генштаба иранской армии. Или выходит из его квартиры какой-то незнакомый человек, но мы-то знаем — Майер. Обличье новое, а походку не изменишь.

Но потом он все-таки исчез. Мы отыскали его уже в 1943-м. Отрастил бороду, покрасил хной волосы, работал могильщиком на армянском кладбище. Немцы часто маскировались под иранцев. Те, кто хорошо владел языками, выдавали себя за англичан, американцев, иногда даже за русских.

Конечно, интересовались Майером и англичане, тоже шли за ним по пятам. Люди из посольства, из группы захвата были наготове. Но пока наши запрашивали Центр, арестовали немецкого разведчика не мы, а более проворные англичане и прямо на наших глазах. Где-то мы промедлили, ошиблись.

Обидно было страшно. Но всё же и благодаря нашим усилиям одновременно с ним арестовали двух его радистов — двух эсэсовцев — обершарфюрера Хольцапфеля и унтершарфюрера Рокстрока. И тех, кто скрывал Майера, тоже. Не знаю, уж зачем это было нужно известному в городе дантисту агаи Кодси и агаи директору публичной библиотеки Рамазани. А вот Кей-хани, преподававший фарси в посольстве Германии, слыл пособником немцев.

Наши ребята помогли обнаружить и помощника Майера Отто Энгельке. И, как мы потом поняли, без Майера и радиосвязи активность немцев к концу 1943 года резко спала.

«Легкая кавалерия» — наша семерка — действовала десять лет. Солидный, скажу вам, срок для разведывательной группы.

На первых порах ничего у нас не было. Разве что велосипеды. Потом, в 1942-м, дали нам на восьмерых один трофейный немецкий мотоцикл «Зюндаб». И я на нем гонял, и Гоар тоже.

Часто немцы от нас уходили — садились на свои машины, а ребятки голыми пятками жали на педали велосипеда… Но фанатики мы были страшные. И очень упорные.

Когда наши два парня в 1941 году засветились в одном остром мероприятии, меня арестовали. Всё тогда оказалось серьезно. Мы точно установили: один из руководителей группы азербайджанских экстремистов ведет активную подрывную работу против СССР, устраивает теракты. Какие-либо разговоры-уговоры с ним были бесполезны, о перевербовке и речи быть не могло. Выход оставался один — террориста убрать, именно ликвидировать, чтобы другим неповадно было, а не вывезти потихоньку куда-нибудь и потом изолировать, как частенько делалось.

Вызвались те самые двое моих товарищей-добровольцев. Задание выполнили, но кое-какие следы оставили. И я попал под подозрение: ребята-то были из нашей группы. Возвращаюсь к себе вечером на велосипеде, вдруг останавливают: велосипед краденый, в полицию! Я сразу, еще до того как меня начали лупить, понял, в чем дело. Бросили в тюрьму. Подвал темный, дело восточное, и потому били здорово: знал же убийц, говори. Это вам не Европа, где с арестованными обращаются все-таки человечнее. Я чистосердечно признался, что знаком с этими ребятами, но даже не догадывался, какие они плохие. Выпустите — и я помогу их отыскать. Девочка с косичками Гоар носила мне в тюрьму передачи и ухитрилась сообщить, что эти двое наших вывезены в безопасное место — в Советский Союз. Мы вообще с Гоар друг друга с детства понимали даже не с полуслова — с полувзгляда. Я держался своей легенды, обнаглел, стал просить

освободить. Известный тегеранский коммерсант-кондитер Вартанян требовал отпустить невинно арестованного сына. Роптали богатые и бедные армяне — за что посадили? И меня, семнадцатилетнего паренька, поддав на прощанье ногой, после трех месяцев отсидки выкинули на улицу. Это первый и последний раз за все 45 лет рискованной работы, когда операция закончилась для меня тюрьмой. И мы с «легкой кавалерией», и наша резидентура извлекли из этого хороший урок. Нельзя даже в момент наивысшего риска светиться, нельзя давать ни малейшего повода.

Конечно, и после моего освобождения иранский тами-нат — тайная полиция — пытался нас контролировать, но с ним «легкая кавалерия» справлялась.

Но вот почему мы уходили от немцев? Сейчас, как профессиональный разведчик-нелегал, я на сто процентов уверен, что они не могли не засечь наружки. Против нас — лучшие кадры абвера, а мы — мальчики, еще без усиков, а уж что без опыта… Наверное, потому всерьез немцы нашу слежку не воспринимали. То появляются какие-то мальчишки, то исчезают. Правда, мы быстро чередовались, меняли друг друга, чтобы уж очень не примелькаться. И связи постоянно расширяли. Бывало, успевали даже фотографировать чужих агентов.

Немцы же на нас плевали. А разведка — дело серьезное. За свое пренебрежение их разведчики поплатились. Только за полтора года одной нашей работы было четыре сотни провалов немецких сотрудников и агентов. В основном это были иранцы — министры, полицейские, чиновники, немало предпринимателей. Некоторые выходили из шахского дворца прямо на встречу с немецкой резидентурой.

Часть арестованных наши перевербовывали вместе с англичанами еще в Тегеране. Когда вошли советские войска, некоторых депортировали в СССР, и потом их, видимо, уже в Москве перевербованных, мы снова встречали в Тегеране. Интересный процесс: работа на одних, арест, «перевоспитание» и бывшие враги превращались в твоих же агентов.

Но наша работа не ограничивалась только слежкой. Иногда приходилось рисковать, действовать жестко. Бывало, висели на волоске, но никто не трусил, не ныл. Знаете, за ту операцию по предотвращению покушения мы получили единственное за все годы войны поощрение — благодарность из Москвы от одного из руководителей отделения: «Личная благодарность “Амиру”, “Хану”, “Горцу”»… И как мы были счастливы, как этим гордились!..

Случались с нами невероятные истории. Никак в ГРУ не

могли понять, чем занимается немецкий разведчик Фармацевт. Поступают агентурные сведения, что он проник в иранскую верхушку, проводит встречи с генералами, а доказательств — ноль. Целый месяц наружка за Фармацевтом ходит — бесполезно, за ним ну просто ничего нет. Бродит по Тегерану, часами на базаре шатается или чай пьет в кафе. И тогда наши военные разведчики обратились к Агаянцу, а он — к нам.

Работаем по Фармацевту — ничего интересного, но агентура-то сообщает: снова встречался с иранцем из Генштаба. Решили посмотреть, чем он занимается у себя на вилле по утрам. Это в северной части Тегерана, где жили в основном люди обеспеченные. Все крыши соседних домов облазили, пока не нашли идеальной точки обзора. Вдруг с чердака видим: сидят у бассейна два абсолютно как две капли воды похожих друг на друга человека и спокойно беседуют. Понимаете? Немцы использовали близнецов. Прием в разведке не новый, но все наши на него попадались. Брат-близнец демонстративно уходит из дома, уводит цепляющуюся за ним наружку, а второй брат — Фармацевт — спокойно отправляется на встречу с агентурой. Прямо какой-то Голливуд. Мы на несколько дней к братишкам буквально приклеились. И быстро поняли, что тот, кто уходит первым, — чистое прикрытие, нам не нужен. А вот второй…

Немцы тоже здесь ошиблись. Могли бы хоть изредка менять порядок ухода, чтобы подбросить наружке побольше сложностей. Но оказались они людьми уж слишком дисциплинированными, и потому Фармацевт, всегда выходивший за братом, быстренько вывел нас на всю свою агентуру.

Еще одна история из не совсем типичных. Иранский генерал завербован и передает советской резидентуре за большие деньги материалы с грифом «Совершенно секретно» прямо из Генерального штаба. Хорошее вроде бы дело, но только уж очень много передает. И подтверждается не всё.

Агаянц к нам: срочно проверить. Мы, как всегда, наружку. Нет, кроме наших, ни с кем не общается. Идет к себе на работу, возвращается и вручает людям из резидентуры пакет с информацией. В квартиру к нему забраться невозможно. Пришлось по строительным лесам залезать в строящийся напротив генеральской виллы трехэтажный дом. Прихватили бинокль, наблюдаем: достает генерал из папки, которую с собой всегда таскает, чистые бланки с грифом «Секретно» и набивает на пишущей машинке свои сообщения. Передавал он нам долгое время по существу дезинформацию. Так что пришлось этого генерала… Короче, наши его забрали.

— Геворк Андреевич, к вашим донесениям всегда относились серьезно?

— Да.

— Несмотря на ваш юный возраст?

— Лишь однажды, когда была передана дата нападения Гитлера на Советский Союз, сообщение резидентуры проигнорировали. Написали: «Материал интереса не представляет». А ведь о сроках сообщали не только мы.

— И все-таки в юные годы у вас совсем не было опыта.·

— Но нам приходилось его быстро набирать. Иногда и с помощью англичан… Я закончил их разведывательную школу.

— Расскажите об этом, пожалуйста, поподробнее.

— Наша разведка имела очень плотные контакты с английской — ведь союзники же. Потому были совместные действия и разработки. И, тем не менее, англичане с их резидентом Спенсером всегда вели собственную игру. Агаянцу стало известно: 1942 год, война в разгаре, а люди полковника Спенсера открыли в Тегеране под крышей любительского молодежного радиоклуба свою разведывательную школу. Набирали туда молодых людей, знавших русский язык. Так что направление работы вполне понятно. Мне было приказано в эту школу внедриться. Пришлось пройти собеседование у их экзаменаторов.

По-русски я говорил неплохо. Да и пареньком им показался смышленым. А вот то, что просидел я в 1941-м три месяца в тюрьме, они явно прохлопали, иначе я не попал бы в разведшколу. Помогло, что мой отец был человеком состоятельным. Вообще англичане всегда принимали во внимание набор таких стереотипов — не беден, в общении приятен, владеет несколькими языками. Им понравилось и то, что на собеседовании я «честно» признался, что иду к ним ради хорошего заработка.

И еще одно, что может показаться несколько меркантильным, из общего стройного принципа построения британской разведки выпадающего. Предпочтение отдавалось уже знающим русский. К чему тратить и время, и деньги на изучение трудного языка, когда некоторые кандидаты им вполне вдаде-ют? Нашли подходящего молодого человека, и поиски более надежного на этом завершились. Здесь и получилась неувязка.

Зато конспирация в школе — строжайшая, обучение парами, чтобы будущие агенты не знали друг друга. Расписание составили таким образом, чтобы мы не могли встретиться. Армян готовили

к заброске в Армению, таджиков — в Таджикистан… В общем, целями были Средняя Азия, Закавказье.

Мне удалось познакомиться с шестью соучениками. Подключилась наша «легкая кавалерия», выяснила, кто, где живет, чем дышат, установочные данные на курсантов, а через несколько недель дела на них были переданы в Центр.

В школе была профессионально поставленная подготовка. Английские агенты работали с нами не жалея сил. Шесть месяцев меня учили, как проводить вербовки, шифровки и дешифровки, тайниковые операции. Двусторонняя связь, радиосвязь, фотографирование… Курс напряженнейший, ускоренный. Пожалуй, в те годы я бы нигде не смог получить такой подготовки. Британцы формировали из нас настоящих диверсантов. Мне это здорово помогло в дальнейшем. Такие давали навыки. Я англичанам до сих пор благодарен.

Но, как вы понимаете, после моей учебы у школы возникли определенные сложности. После шести месяцев обучения агентов посылали в Индию. Там они тренировались еще полгода, учились прыгать с парашютом. Мне это уже мало чего бы дало, и отправки в Индию удалось избежать, не доехал я туда.

А вот всю эту публику, на которую потратили столько времени и денег, сбрасывали в республики Средней Азии и Закавказья и почему-то быстро ловили. Некоторые, как оказалось, действовали под нашу диктовку: были уже и перевербованы.

— Вами?

— И другими тоже. «Школьные учителя» заволновались, поняли, что дело пошло не так. Англичане провели по школе поголовную проверку. Нескромно говорить, но я прошел ее легко. Еще раз предположу: может быть, потому, что квалифицированные, сугубо профессиональные преподаватели, они же проверяющие, придерживались определенных стереотипов, мыслили стандартно.

Короче, пришлось англичанам лавочку закрывать. Да еще наш Агаянц окончательно добил Спенсера. Напрямую сообщил ему: мы знаем о школе.

— Это зачем же? Ведь английские шпионы шли нашим прямо в руки.

— Могли перенести школу из Тегерана в другой иранский город, куда-нибудь на юг, где действовали только англичане, и мы бы ее не отыскали… Но Агаянц действовал дипломатично.

Когда Спенсер попытался было убедить его, что школа — фашистская и агентуру готовят недобитые немцы, сокрушался: «Они совсем обнаглели, действуют прямо под нашим носом», то Иван Иванович изобразил понимание. Если немцы прямо на

наших с вами глазах готовят диверсантов, то «любительский молодежный радиоклуб» необходимо поскорее ликвидировать. И полковнику Спенсеру ничего не оставалось, как согласиться с русским коллегой-союзником.

Англичане в течение стольких лет, до сегодняшнего дня — самые тяжелые оппоненты. Но должен вам сказать, наша разведка — впереди. На протяжении десятилетий с какими только спецслужбами я не встречался. И одно то, что мы спокойно вернулись, говорит само за себя. Я уверенно могу заявить, что наша разведка — самая лучшая. Никому с ней не справиться. Службы, как у нас, ни у кого в мире нет. И не будет. Счастливы, что отдали нашей профессии всю свою жизнь. И, знаете, эта любовь к родине, чувство, что за нами мощная, громадная страна, которая никогда не оставляла и не оставит, давали нам силы. Сколько было трудностей — но мы справились, преодолели.

— А почему «легкая кавалерия» прекратила работу?

— Отношения между Ираном и СССР ухудшались. И после покушения на шаха Мохаммеда Реза Пехлеви, за которым стояли религиозные фанатики, обстановка еще больше обострилась. Местная контрразведка начала проявлять повышенный интерес к некоторым ребятам из нашей семерки. Приблизительно в апреле 1949 года мы прекратили активную работу. По приказу Центра «легкая кавалерия» была законсервирована.

В 1946-м мы с Гоар поженились, обвенчались в армянской церкви и работали в Иране еще пять лет. Попросили у нашего руководства разрешения вернуться на родину, хотелось получить высшее образование. В 1951-м приехали в Ереван и поступили в институт иностранных языков.

— И сколько же языков вы знаете?

— Родных много. Русский, армянский, фарси — на этом языке я говорил 21 год. Хотя я и армянин, но мы долго жили в Ростове-на-Дону, а фарси и армянский я выучил в Тегеране.

— А еще какие? Всего, наверное, языков семь-восемь?

— Приблизительно. Я знал достаточно языков, чтобы жить в самых разных странах мира.

— Сколько же лет вы находились на нелегальной работе? И когда вернулись?

— По нашим меркам не так давно — в 1986-м. А дома нас не было в общей сложности лет сорок пять.

Профессия — родине помогать

— За эти годы я трижды выходила замуж, — вступает в

разговор Гоар Левоновна. — Первый раз в Тегеране, а потом в законный брак пришлось вступать еще дважды. Как-то я рассказала об этом на встрече с молодыми разведчиками, и зал вдруг затих: ничего себе работенка, три раза меняла мужей. Пришлось объяснить, что всегда сочеталась с одним и тем же человеком — Геворком. Только под разными именами и в разных странах. А единственное, о чем жалеем — не было возможности завести детей. Зато друзей у нас столько — и в Москве, и в Ереване…

— А свою первую свадьбу помните?

— Как такое можно забыть? Геворк до свадьбы очень красиво за мной ухаживал. Всегда дарил цветы — розы, хризантемы. И броши, разные украшения. Мне это нравилось. Он уже в юности был очень серьезным человеком. И я его уважала, как и все наши ребята из «легкой кавалерии». А потом появилось и чувство. Взаимное. Вышло как-то естественно. Иногда мы на задания ходили вместе: идут парень и девушка, сцена типичная, никого не смущает. Мы не очень-то понимали тогда разведывательные термины, да и слово «разведка» не произносилось.

— Как же вы называли свою работу?

— Помогаем родине — вот как. Дома у Георгия была карта фронтов, он сделал маленькие флажки и их на ней передвигал. Но даже когда флажки приблизились в Москве, мы все равно верили, что родина победит. Мечтали, война закончится и мы уедем в Армению. Хотели учиться.

— Не страшились лагерей, бедности?

— Об этом и не думали. Будет, как будет. Правда, стоял у нас дома сундучок, куда мы складывали вещи для переезда. Жора ко всему этому относился с иронией, мой брат — серьезнее. Но ничего из собранного в Ереване не понадобилось. Не в вещах заключалась наша жизнь.

— Но расскажите о вашей свадьбе в 1946-м.

— Мне исполнилось двадцать лет, и Геворк сделал мне предложение. Потом его отец пришел к моему и попросил выдать меня замуж за сына.

— Вполне официально.

— В армянской церкви священник спрашивает жениха, согласен ли он. И Жора сначала сказал «да» тихо-тихо, а потом прямо выкрикнул: «Да!» Вот так мы стали мужем и женой. Свадьбу устроили на крыше нашего дома.

— Ну, это я хорошо представляю. Сколько раз видел в Тегеране такие заасфальтированные крыши. Для иностранцев — необычно.

— Нам было привычно. Мы с друзьями и соседями долго

носили наверх ковры, покрывали им асфальт. Поднялся на крышу оркестр, нет, даже два. Один играл в основном персидские мелодии, а второй — современные. Тут и танцы, и столы с угощениями. Мы их ухитрились по всей крыше поставить. Гостей пригласили очень много, они остались довольны. А мы еще больше. Спустя 25 лет мы в одной стране в память о нашей свадьбе снова вступили в брак — день в день.

— А где еще вы женились?

— В Ереване в 1952-м в загсе расписались и отметили это с друзьями. И еще два раза женились в странах, где работали. По легенде мы еще не были мужем и женой, просто знакомыми. Вместе везде бывали. И только потом подходило время вступать в брак.

— А конфликты «производственные» возникали?

— Никогда. Может, обмен мнениями, всегда дружеский, профессиональный. У Жоры хороший характер — уравновешенный. Он всегда меня берег, старался, чтобы не переживала.

— Я слышал, что у некоторых нелегалов, особенно у женщин, после нескольких лет «работы в особых условиях» сдавали нервы. Начинались головные боли, приходилось лечиться, порой уезжать домой.

— Есть от чего нервничать. Напряжение — огромное. Но это — не наш случай. Если муж о чем-то и сокрушался, то от меня пытался это скрыть. Часто ему это удавалось.

— Гоар Левоновна, а как вы оказались в Тегеране?

— Я родилась в Ленинакане, теперь Гюмри, в 1926 году. Мои родители выехали оттуда в Иран, мне тогда было пять лет. Когда приехала в Тегеран, я по-русски не говорила. А Геворк не знал армянского. Но постепенно выучились. В начале знакомства общались чаще на фарси. Жили мы в самом центре Тегерана, там, где селились тогда армяне. Были мы ребятами общительными, знакомых у нас хватало.

В Тегеран бежало от войны много обеспеченных людей из Европы. Сейчас в художественных фильмах о той поре показывают женщин в парандже. Но на самом деле тон задавали хорошо одетые дамы в ярких одеждах. Бросались в глаза их цветастые, часто облегающие наряды, даже мини-юбки носили. Тегеран не был, конечно, законодателем мировой моды, но, можно сказать, следовал за нею. Понятно, что эта некая европеизированность почти не встречалась на бедных окраинах.

Узкие улочки были забиты современными машинами, которые двигались со скоростью запряженных осликами тележек. А на легендарном тегеранском базаре продавалось абсолютно всё,

непонятно каким образом попадавшее в Иран.

— А как вы с Геворком познакомились?

— Мне было 13 лет. Старший брат уже работал в группе Георгия. Он долго, года три, наверное, ко мне присматривался. Сначала давал какие-то легкие задания — пойти, принести, посмотреть. Потом предложил войти в его «легкую кавалерию».

— Как вам удалось узнать точную дату нападения Гитлера на СССР?

— Относительно точную — вторая половина июня 1941-го. В Тегеран в 1940-м понаехало столько немцев. Большинство из них работали на разведку. А уютные, чистые квартиры, виллы, комнаты многие снимали у армян. Если говорить языком разведки, мы «работали по немецкой колонии». Бывало, что отношения с хозяевами у постояльцев складывались доверительные. И у некоторых тут начиналась своя работа. У нас — с ними, а у них — с нами. Немцы всячески перетягивали на собственную сторону, заигрывали: не беспокойтесь, скоро не станет Советов. Мы приходили в гости к приятелям, соседям. Знакомились с их жильцами. И, выслушав немцев, задавали наивный вопрос: «Ах, герр майор, скорей бы! Но почему вы так уверены в этом?» И получали вполне аргументированный ответ: всё произойдет летом 1941-го и закончится очень быстро — блицкригом. Если беседа складывалась, можно было осторожно копнуть и чуть глубже, спросить: почему не сейчас, не зимой? Нам объясняли, что в жуткий мороз цивилизованные государства не воюют, поэтому германский рейх покончит с русскими летом. Некоторые немцы любили прихвастнуть осведомленностью и называли даже более конкретные даты — третья декада июня. Всю эту информацию мы передавали по назначению. Жаль, что в Центре именно на эти предупреждения не отреагировали должным образом. Впрочем, об этом мы узнали гораздо позже.

— А на каком языке вы общались с немцами?

— Это были образованные, профессионально подготовленные люди. Многие из них говорили на английском, фарси, даже на русском. А иногда на пальцах вполне можно было объясниться. Главное — уметь слушать. Разведчик обязан слушать, поддерживать беседу и анализировать.

— Гоар Левоновна, а какими наградами вы награждены за это умение?

— Несколькими. Но не только за это. Любимая награда — орден Боевого Красного Знамени. Есть орден Отечественной войны второй степени, боевые медали…

«СЛУЖУ РОССИИ ПОЛВЕКА»
Ким Филби

Англичанин Гарольд Адриан Рассел Филби, известный всему миру под именем Ким, был советским разведчиком. За двадцать с лишним лет, что я пишу о разведке, мне не приходилось встречать других примеров того, чтобы иностранец, да еще представитель высшего света, столько сделал для нашей страны. Возможно, были люди и более самоотверженные, но их вклад в нашу победу во Второй мировой войне не сопоставим с тем, что совершил Филби, едва не ставший руководителем Сикрет интеллидженс сервис — одной из самых сильных спецслужб мира.

Кто знает, возможно, где-то в архивах хранятся дела советских, российских агентов, которые сделали еще больше. Один из моих героев — легальных разведчиков намекал перед смертью, что был, да и сейчас есть такой агент. «Эх, если б ты знал, Колька!..» Он называл этого человека то Вожаком, то Монолитом. Но может быть, он ошибался или, как это бывает, мистифицировал? Пока же мы не знаем разведчика-иностранца, равного Филби. Недаром же так сложно, долго, муторно и буквально по крупицам рассекречиваются его дела.

Своим главным успехом в разведке Ким Филби считал добытую им в 1942–1943 годах информацию о планировавшемся немцами наступлении под Курском, получившем название операция «Цитадель». Как известно, кровопролитной Курской битвой завершился коренной перелом в Великой Отечественной войне, начатый сражением под Сталинградом, и стратегическая инициатива окончательно перешла к Красной армии.

В моей книге «Ким Филби» представлено несколько его донесений, рассекреченных летом 2011 года. Среди них информация о перелете из Германии в Англию видного нациста Рудольфа Гесса, сведения о диверсионной работе англичан в захваченных Гитлером странах, о структуре британских спецслужб и характеристики их руководителей.

Филби сошелся со многими сотрудниками разведки. С некоторыми, как, например, со знаменитым писателем Грэмом Грином и Томми Харрисом, продолжал дружить даже после своего бегства в СССР из Бейрута в 1963 году. Филби переписывался и принимал вместе с женой Руфиной Ивановной у себя дома в Москве великого Грина. Правда, тот в разведке ничего особенного не сделал. Том Харрис не побоялся прислать

ему в советскую столицу старинный стол из цельного дерева. Бывший богач — мебельщик Харрис в годы войны сделал отличную карьеру в контрразведке. Это он предложил начальству в июне 1941-го использовать Филби, который работал в Испании корреспондентом «Таймс» и вполне мог возглавить испанскую секцию.

Услышав фамилию Филби, заместитель директора СИС по внешней контрразведке Валентин Вивиан вспомнил хорошо знакомого ему Гарри Сент-Джона Филби. Узнав, что он — отец Кима, помог Филби-младшему стать руководителем сектора, который вел контрразведывательную работу на Пиренеях и, частично, в Северной Африке.

Тогда Филби и получил доступ к дешифрованным англичанами телеграммам абвера. Он же одним из первых сообщил в Москву о секретных переговорах его главы — немецкого адмирала Канариса с англичанами, о сроках приезда адмирала в Испанию. Ким, вроде бы с согласия начальства, выработал план уничтожения Канариса, который его лондонское руководство неожиданно отвергло. А ведь даже гостиница между Севильей и Мадридом, в которой должен был остановиться глава абвера, была хорошо знакома Киму Филби со времен работы в Испании. И Ким заподозрил, что дело не только в опасениях возглавлявшего СИС Стюарта Мензи-са быть в свою очередь уничтоженным немцами. Англичане держали Канариса под своим крылом на всякий случай, мало ли что…

Существуют предположения, которые разделял и Филби, будто расстрелянный Гитлером в 1944-м адмирал подкидывал британцам информацию, выгодную группе лиц, задумавших физически уничтожить фюрера, прекратить войну с США и Великобританией, сосредоточив все усилия на схватке с СССР. Канарис с его разбросанной по свету немецкой агентурой был связующим звеном между недовольными Гитлером генералами и нашими тогдашними союзниками. Захват или убийство адмирала были невыгодны Мензису, люди которого аккуратно «пасли» Канариса.

Филби еще не раз информировал Центр о секретных сепаратных переговорах и англичан, и американцев с немцами.

Зимой 1941 года, когда немцев отогнали от Москвы, Филби передал своему связнику текст телеграммы посла Германии в Токио министру иностранных дел рейха Риббентропу о предстоящем нападении Японии на Сингапур. На Сингапур, а не на Советский Союз. Это подтверждало сообщения токийской резидентуры: японцы вступать в войну с СССР пока не собираются.

Использовал Филби и свои любовные связи. Он был близок с Айлин Фиэрс, которая работала в архиве контрразведки. Киму никак не удавалось разыскать свою первую жену Литци. Коммунистка из Австрии, в жилах которой текла и еврейская кровь, она смогла выехать из Вены в Англию благодаря браку с Филби и таким образом была спасена от преследования нацистов. Но потом исчезла. Филби доложил начальству, что не может быть двоеженцем и официально вступит в новый брак, только когда расторгнет прежний.

Айлин помогала Киму во всём. Позволяла даже порыться в архивных делах. Частенько Филби брал из архива тома разведывательных донесений коллег из разных стран, чтобы поздним вечером внимательно их изучить. Впрочем, так вопреки инструкциям поступали многие сотрудники, и на это смотрели сквозь пальцы.

Знала ли Айлин, для кого предназначалась отобранная Кимом информация? Впоследствии она говорила, что даже не догадывалась об этом. Ким подтверждал: точно не знала. Он не посвящал возлюбленных в свои тайны.

А мне кажется, что Айлин все-таки догадывалась. Женщина на ложе — что контрразведка. Но не обязательно вражеская.

В 1944 году Филби сообщил в Центр, что один из руководителей американской разведки доверительно поведал ему о совместной секретной работе ученых-ядерщиков Англии и США над атомной бомбой с использованием урана. В Москве поняли: если союзники объединили усилия, значит, они близки к цели. Это, в свою очередь, подстегнуло Сталина и Берию, заставило максимально мобилизовать научные кадры и выделить немалые финансовые средства для создания советской атомной бомбы.

Филби удалось добыть и документы, в которых говорилось о послевоенных планах англичан в отношении СССР. Исход войны был уже ясен, и наши союзники теперь были озабочены перспективой образования в Восточной Европе социалистических государств. Так что СССР превращался для западного мира в главного противника. В связи с этим в СИС по инициативе покровителя Филби Валентина Вивиана был создан специальный отдел по борьбе с Советским Союзом.

К английским планам подрывной деятельности против СССР в Москве отнеслись более чем серьезно. Филби не давали задания достать все эти документы, просили хотя бы известить о их содержании. И Филби в очередной раз сделал невозможное.

Опытный разведчик Вивиан разработал методы борьбы против советской разведки, придумал, как посеять вражду между СССР и коммунистическими партиями Запада, как с помощью

дезинформации расколоть и настроить против Советского Союза международное коммунистическое движение. Все эти документы хранились в секретной папке, которая называлась «Документы Вивиана».

Но Филби переиграл друга семьи Вивиана, трогательно опекавшего его и продвигавшего по служебной лестнице. Присланные Филби «Документы Вивиана» позволили советскому руководству принять необходимые меры еще во время войны.

Филби собирал данные об агентах, забрасываемых Англией в разные страны. Сначала это были лишь сложные кодовые псевдонимы, затем они обретали реальные очертания и настоящие имена. Через несколько лет Центр уже располагал внушительным списком. Этих шпионов набралось столько, что некоторых, осевших в дальних краях, Москва так и не тронула. Другие же, обосновавшиеся поближе к советским границам, наоборот, вызывали огромный интерес.

В отличие от Берджесса или Кернкросса, Филби был отличным конспиратором. Уроки его первого учителя — нелегала «Отто» — Дейча не прошли даром. Он пытался внушить простую для него истину и другим членам «пятерки»: их безопасность во многом зависит от них самих. Особенно беспокоил его Гай Берджесс. И, как показали последующие события, не зря.

И еще. Филби, человек вполне традиционной сексуальной ориентации, ни с кем из друзей не заводил нравоучительных бесед о том, что их гомосексуальные связи могут привлечь чье-либо внимание, помешать в работе. Здесь он уповал на удачу. Однако Берджесс был отчислен из разведки из-за чересчур бросающихся в глаза, иногда им публично афишируемых пристрастий.

Видимо, Филби корректно намекнул своим связникам, что «об этом» не стоит говорить с его друзьями. Увещеваниями дурные наклонности, приобретенные в детстве в какой-нибудь привилегированной частной школе в Мальборо, было уже не исправить. Пользы бы не принесло, а вот ненужную раздражительность у коллег по «пятерке» вызвало бы.

И все связники, от «Отто» — Дейча до «Питера» — Моди-на, следовали совету Филби. Эту тему на протяжении долгих лет сотрудничества обходили стороной.

Вскоре после начала войны Филби было поручено следить за переговорами союзников об открытии второго фронта. И здесь он проявлял чудеса оперативности.

Затягивание с открытием второго фронта превратилось для западных союзников в стратегическую задачу. И любая информация на сей счет из Лондона ложилась на стол Сталина.

Вождя раздражали постоянные отговорки, а потом и не сбывавшиеся обещания Рузвельта и Черчилля. Особенно бесило его двуличие британского премьера. Сталину он обещал, что второй фронт откроется совсем скоро, а Рузвельта убеждал, что время еще не пришло. Филби информировал, что открытие второго фронта затягивается намеренно и иллюзий на этот счет советской стороне питать не стоит.

В конце Великой Отечественной между СССР и союзниками возникло еще одно неприятное разногласие. Срывались поставки взрывчатки, которую так ждали от англичан. Их караваны доставляли в Мурманск какой угодно груз, но только не взрывчатку, в которой очень нуждалась наступавшая Красная армия. Сообщение Филби о том, что это делается вполне сознательно, а не по недосмотру или по небрежности, как ни странно, успокоило Сталина. Он понял, что и здесь надо полагаться на собственные силы.

С огромной тревогой Москва восприняла информацию от Филби о возможной войне между СССР и союзниками. Те обсуждали между собой, реально ли начинать военные действия против Советского Союза, если Сталин продолжит наступление на Западную Германию после взятия Берлина. Быть может, это сообщение от Филби в какой-то степени охладило пыл Иосифа Виссарионовича.

Отметим, что «пятерка» действовала разрозненно. Это не была единая группа, слаженная команда. По условиям игры ее члены не имели права на контакты. Роль объединяющего звена выполнял, при строжайшей конспирации, Ким Филби. Иногда даже самоуверенный Берджесс обращался к нему за профессиональными советами.

А были ли повторы в передаваемой Москве информации? Конечно, были. К примеру, информация из контрразведки, приходившая от Бланта, не дублировалась, а подтверждалась Филби. В разведке понятие «много информации» отсутствует. Очень важно, чтобы данные одного источника подтверждались всеми другими.

Несмотря на витавшие в коридорах Лубянки подозрения в дезинформации, Кембриджскую пятерку ценили, особенно после того, как Филби и Кернкросс предупредили Москву о наступлении немцев под Курском.

Анализируя информацию, переданную всеми членами Кембриджской пятерки, приходишь к выводу: наиболее важным источником был Ким Филби. А с 1947 года, когда он возглавил пресловутый 9-й отдел по борьбе с коммунизмом, и до 1951-го ему уже не было равных ни в ценности, ни в оперативности.

В 1945 году Кембриджскую пятерку едва не погубило предательство советского разведчика Константина Волкова, работавшего в Стамбуле под крышей советского консульства. За 30 тысяч фунтов стерлингов он собирался сообщить англичанам в числе прочих секретных данных имена трех советских агентов, работавших в Форин Оффисе и в контрразведке.

В Лондоне эта информация попала к Филби. После долгих проволочек он дал уговорить себя отправиться в Стамбул, успев сообщить о предательстве Волкова советскому резиденту. Филби сразу понял, кого намеревался Волков выдать, — Берджесса с Маклином и самого Филби.

Нелетная погода задержала его вылет в Турцию. А когда он, наконец, прибыл туда, никаких следов Волкова в Стамбуле отыскать не удалось — советская разведка успела вывезти Волкова в Союз. Официальных сообщений о его судьбе никогда не появлялось. О ней остается только догадываться.

Вы можете представить Филби или Берджесса, явившихся с предложением предать своих товарищей за 30 сребреников или 30 тысяч фунтов? Немыслимо.

Даже в Англии, где многие ненавидят Филби, клеймят его шпионом, признавали, что «он был тверд в своей вере, абсолютно предан своим идеалам, последователен в действиях. Всё это было направлено на создание и укрепление коммунистического влияния во всем мире». Так писала газета «Сити-зен» после кончины Филби в мае 1988 года. Никто, даже на Западе, не мог упрекнуть его в том, что он работал на СССР за деньги.

У Филби была поразительная выдержка. Она не раз помогала в его опасной работе. Но нельзя не признать, что ему сопутствовала удача. Дело Волкова попало к нему, а не к кому-то другому. Сотрудник, который должен был отправиться в Стамбул, панически боялся летать. Хотя Филби тоже не любил передвигаться воздушным путем, он заменил по приказу руководителя СИС струсившего коллегу. Исключительно быстро сработала советская разведка, вывезя Волкова из Турции. А англичане чересчур медлили. Даже силы природы были на стороне Филби. Его самолету пришлось приземлиться в Тунисе из-за грозы. А когда Филби прибыл в Стамбул, то не застал там британского посла, без согласия которого никак нельзя было вступать в контакт с Волковым. Дипломат уехал отдыхать на выходные за город.

Не слишком ли много случаев поразительного стечения благоприятных для Филби обстоятельств? Но это — реальность. Или подтверждение пословицы — везет сильному.

И вот она — палка о двух концах. Возглавляя отдел, целью

которого была активная борьба против СССР, Филби ежедневно рисковал. Если бы засылаемые им агенты немедленно проваливались, руководителя отдела взяли бы под подозрение, а может, и вычислили бы. Не сообщай он регулярно о засылаемых в СССР агентах не только англичанами, но и разведками других стран, Советский Союз мог бы понести урон. Дилемма?

Ее Филби решал вместе с коллегами из Центра. Он предупреждал о предстоящей засылке агентов, и в Москве тщательно обдумывали, что с ними делать. В основном это были выходцы с Кавказа, из Прибалтики, бежавшие с немцами и перешедшие на сторону бывших союзников Советского Союза. Иногда их сознательно пропускали заранее знавшие о переходе границы пограничники, давали им обосноваться в нашей стране, выявляли связи, а затем арестовывали. Некоторые нарушители погибали. Филби уверял: среди них не было ни одного англичанина. Часто шпионов перевербовывали. Потом затевали радиоигры.

С 1945 года англичане старались забросить как можно больше шпионских групп в республики Прибалтики и на Украину. Но шпионские группы, подготовленные в основном из коренных украинцев, бежавших после войны в Канаду, ждали аресты. Филби передал даже имена агентов — парашютистов из трех групп.

1946 год показал, что никаких подозрений по поводу Филби у англичан не возникало. Он был награжден орденом Британской империи. (Несколько кощунственно сравнивать его с орденом Ленина, которым Филби тоже наградили, но суть понятна.) Представление о награждении Филби написал его шеф Мензис. Награда и последующие торжества в Букингемском дворце еще больше повысили акции Филби.

Поэтому появившиеся в 1980-х годах утверждения, будто еще в начале 1950-х сэр Стюарт Мензис, возглавивший затем СИС и подозревавший в коллеге советского агента, обдурил Филби, намеренно подсовывая ему дезинформацию, звучат смехотворно.

— Полная чушь, — сказал газете «Вашингтон пост» один из ветеранов ЦРУ, внимательно следивший за делом Филби. — Этот человек был советским шпионом с самого начала и до конца. К моменту своей смерти он приобрел все необходимые атрибуты героя художественного произведения.

Но в том-то и дело, что разведчик жил реальной повседневной жизнью. Он, наконец, развелся с Литци и женился на многолетней спутнице жизни Айлин Фиэрс. До свадьбы у них уже было трое детей, вскоре появился и четвертый. Семейная жизнь складывалась вполне благополучно.

Неудивительно, что Филби претендовал на то, чтобы превратиться в мистера «С» — то есть стать главой английской разведки. Как же тогда могла сложиться его судьба? Филипп Найтли, известный исследователь британской и других спецслужб, смотрит на такое назначение с долей здорового английского скепсиса. «Ведь в мире секретных служб есть своя школа мысли, удостоверяющая, что агент проникновения, забирающийся слишком высоко, не в силах принести чужой стороне большую пользу, — пишет он. — Если бы Филби стал “С”, он бы получил доступ к такой важной информации, что КГБ должен был бы ее использовать, а это значило бы разоблачение Филби. Таким образом, польза, которую он мог бы принести, добравшись до вершины древа британской разведки, была бы ограничена».

Я не согласен на 100 процентов с этим утверждением, но доля истины в нем есть. Хотя уверен: Филби нашел бы выход и из этого положения.

Карьеру в английской разведке он сделал всего за пять-шесть лет. Конечно, опыт — дело наживное, но у Филби его было маловато. Ведь на родине не догадывались о его, можно сказать, параллельной работе, которая, бесспорно, давала в практическом плане не меньше, чем успешная деятельность в английской спецслужбе.

Волею судьбы или волею именно Филби, он как бы случайно сходился с людьми, представлявшими огромный интерес для советской разведки. Считается, что в Москве ничего не знали об операции «Венона», еще с военных лет проводившейся американцами. Если коротко, то благодаря дешифровке перехваченных телеграмм советской разведки к концу войны и особенно после нее было выявлено немало агентов СССР. Среди них, к примеру, казненные в разгар маккартизма в США Юлиус и Этель Розенберг. Так утверждают американцы.

Операция «Венона» держалась многие годы в полном секрете. Даже попавшим под суд советским агентам не предъявлялось обвинений, которые могли бы дать понять КГБ, что часть закодированных сообщений расшифрована.

Еще в 1990-е Герой России Владимир Борисович Барковский говорил мне, что, во-первых, «главному противнику» удалось расшифровать всего лишь обрывки нескольких телеграмм, которые мало что дали. «Венону» же Барковский считал почти бесполезной тратой огромной суммы денег. А во-вторых, обо всех этих «Венонах» мы знали еще в конце 1950-х. На законный мой вопрос «откуда?» Барковский лишь пожимал плечами.

Когда архивы — наши и чужие — чуть приоткрылись, ответ

стал абсолютно ясен. От Филби. Впервые он услышал об этом еще перед отъездом в США от начальника 9-го отдела Мориса Олдфилда. Конечно, СИС стремилась знать, как идет расшифровка, в которой англичане оказывали союзникам из Штатов посильную помощь.

Я читал книгу «Операция “Венона”» и полагаю, что дело хотя и медленно, но двигалось. Филби сумел познакомиться с талантливым дешифровщиком Гарднером. Приятельские отношения между ними переросли в дружеские. Филби иногда даже удавалось увидеть краешком глаза результаты работы Гарднера. Потому и узнал, что утечка секретных американских документов постоянно шла из посольства Англии в Вашингтоне. Филби понял: под реальной угрозой его друг по «пятерке» Дональд Маклин.

К счастью для всех пятерых, англичане почему-то решили, что утечка идет от технического, вспомогательного персонала, а не от дипломатов. Персонал низшего ранга замучили поголовными проверками. Это затянуло расследование на годы.

В американских источниках промелькнули сведения о связях Филби, постоянно работавшего представителем СИС в Вашингтоне, с другим легендарным советским разведчиком — нелегалом Вильямом Фишером — полковником Рудольфом Абелем. Вероятно, они были знакомы еще по работе в довоенной Англии, а встречались вдали от американской столицы, предположительно на территории Канады. Дружеских отношений между ними не возникло. Фишер был аскетичен и строг. А Филби по складу характера являлся его антиподом. Но совместной работе оказавшихся в Штатах разведчиков это не мешало.

Англичане обвиняют Филби в предательстве. На самом деле он оставался верен клятве, которую дал еще в юности. Филби начал сотрудничать с советской внешней разведкой в 1930-е годы, а в ряды другой спецслужбы был принят во время Второй мировой войны. Так кого он предал? Его бескорыстная работа во имя идеи вызывает только уважение. Принципиальность, честность, джентльменство помогли ему прожить жизнь так, как он хотел.

Филби не предавал соотечественников, никогда не работал против Англии. И своих московских учеников он учил работать не «против Англии», а «по Англии». Филби не раз повторял, что ни один англичанин не погиб по его вине или в результате его действий. Он работал «по Англии» — это все пропускают мимо ушей. У него был другой подход к разведке.

Да, уничтожались агенты, например, в послевоенной Албании. И Филби дал на это ответ британскому журналисту

Филиппу Найтли: «Сожалений возникать не должно. Да, я сыграл определенную роль в срыве разработанного Западом плана по организации кровавой бойни на Балканах. Но те, кто задумал и спланировал эту операцию, допускали возможность кровопролития в политических целях. Агенты, которых они отправили в Албанию, были вооружены и преисполнены решимости осуществлять акты саботажа и убийства. Поэтому я не испытывал сожаления из-за того, что способствовал их уничтожению, — они знали, на что идут».

И в Турции во время Великой Отечественной войны арестовывались переходящие советскую границу диверсанты из различных диаспор. Их отправляли бороться против своих соотечественников в Армению, Грузию и другие республики.

И предателя Волкова, предложившего в первые послевоенные годы услуги англичанам, вывезли из Стамбула. Понятно, какая ждала его участь. Но перейди Волков на чужую сторону, сколько бы людей было арестовано и казнено.

Вот что сказал Филби в одном из редких своих интервью советскому телевидению: «У меня нет никаких сомнений, что если бы мне пришлось повторить всё сначала, я бы начал так, как начал и даже лучше».

А в беседе с Найтли в своей московской квартире он заявил: «Что же касается возвращения на родину, то нынешняя Англия для меня — чужая страна. Здешняя жизнь — это моя жизнь и переезжать никуда я не собираюсь. Это моя страна, которой я прослужил более пятидесяти лет. Я хочу быть похороненным здесь. Я хочу, чтобы мои останки покоились там, где я работал».

Кое-кто из друзей Кима, вместе с ним работавших на СССР, тот же Энтони Блант, со временем сошли с дистанции: 1945 год, война закончилась, и они честно заявили: мол, помогали победить общего врага — фашизм, а теперь — всё, штык в землю. Филби же оставался с нами всегда. И когда до войны из-за сталинских репрессий чуть не полтора года у «пятерки» не было связи с Центром. И когда его считали двойным агентом. Десятилетия он работал на Советский Союз вдали от него, а потом 25 лет в Москве, которая стала для него родным домом.

Но иногда возникало к Филби недоверие. Он и его друзья являлись на встречи с советскими связниками в любое время, не прятались в бомбоубежища, даже когда немцы бомбили Лондон. Это был огромный риск. Они работали в форс-мажорных обстоятельствах. А в Москве им порой не верили. Так что Курская дуга стала переломным моментом не только в Великой Отечественной войне, но и в отношении к Кембриджской пятерке.

Возможно, какие-то подозрения возникли еще в период

репрессий 1937 года. Расстреливали тогда и английских шпионов, и немецких, и американских — всех подряд. И вдруг появляется английский источник, который пишет: «В посольстве Великобритании в Москве на связи всего два-три советских агента». Два-три! Как же так? «Английских агентов» в НКВД расстреливали сотнями, тысячами, а кто-то из Лондона пишет, что у них всего два-три агента. Да не может быть такого! Значит, он врет. Получалось, что волна тех репрессий породила недоверие к самим себе.

Но Филби перенес и это. Его жена Руфина Ивановна рассказывала мне, что Ким был очень обижен на сбежавшего в Москву Гая Берджесса. Маклин послушался Филби — спасая жизнь, ускользнул от неминуемого ареста. Зачем остался в Москве Берджесс? Ведь если бы не его исчезновение, Филби, он в это верил твердо, мог бы работать и работать. А так карьера разведчика фактически закончилась. Несмотря на подозрения, расследования, Филби удалось остаться на свободе, даже получить работу журналиста в Бейруте. Но в 1963 году ему пришлось бежать оттуда на советском сухогрузе.

Киму Филби было уже за пятьдесят, когда он попал в новую, непривычную обстановку. Если хотите, попал Филби в Москве в политический наш застой. Он всё видел и понимал. На брежневские «дороггие товварриши» и затяжные лобзания с соратниками реагировал, по словам Руфины Ивановны, чертыханием. Но не отрекся. Цветет брежневщина, Филби бездействует, его могучий потенциал не используется. Новое признание — его занятия с молодыми разведчиками, издание его книг — пришло гораздо позже. Правда всегда пробивается.

Филби неплохо воспринял перестройку, воспрянул духом. Однако уходила целая эпоха, которая была и его эпохой. И Филби ушел с нею. Ушел в ореоле чистоты, романтизма и веры в страну, для которой работал и рисковал несколько десятилетий…

За выдающиеся заслуги Ким Филби был награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени и Дружбы народов. Его личный вклад в Победу в Великой Отечественной над гитлеровской Германией огромен. Это признают все, даже те, кто его ненавидит.

Один из моих высокопоставленных собеседников из спецслужб рассказывал:

— Филби так много сделал для Победы над фашистской Германией! Когда я вошел в материалы, в дело, посмотрел его внимательно, то возникло ощущение несправедливости. Как же так, он столько совершил и не Герой Советского Союза? Почему? Начал я доводить эту идею до руководства. Мне объяснили, что

время было не то — 1987 год. Может быть, Горбачев не хотел осложнений с англичанами. Однако поддержки эта идея не получила. И вдруг приходит от нашего тогдашнего начальника Крючкова документ, в свою очередь поступивший из приемной Яснова, тогда председателя Президиума Верховного Совета РСФСР. И к нему записка: «Владимир Александрович, (это Крючкову) прошу рассмотреть приложенное письмо». В нем три харьковских студента пишут: как же так, такой выдающийся человек, внес великий вклад в дело Победы и не Герой? Незадолго до этого по телевидению показали интервью Филби с известным журналистом Генрихом Боровиком, и ребята, видимо, посмотрели эту передачу. А уж коли поступило обращение о присвоении званий Героя таким путем, то дали команду — готовить представление. Мы начали готовить документы. Но 11 мая 1988 года Кима Филби не стало. И о представлении как-то забыли.

А может быть, все-таки вспомним?

ЕЩЕ ДВОЕ ИЗ КЕМБРИДЖА
Джон Кернкросс и Энтони Блант

Вся Кембриджская пятерка героически трудилась на Советский Союз во время войны. О вкладе в победу ее руководителя Кима Филби я рассказал в предыдущей главе. Конечно же, достойна детального повествования и деятельность друзей Кима — Гая Берджесса и Дональда Маклина. Но в рамках этой книги мне придется ограничиться описанием подвигов только Энтони Бланта и Джона Кернкросса.

Начну с менее известного Джона Кернкросса — он же «Мольер», «Лист», «Карел»… Дипломат, служащий ряда ключевых министерств Великобритании, где и формировалась политика этой страны, а во время войны — сотрудник английских спецслужб.

Бесполезно расставлять членов Кембриджской пятерки по ранжиру, в зависимости от их вклада в борьбу с фашизмом. Каждый из них сыграл свою роль независимо от появившегося десятилетия спустя номера. Тем не менее именно Джона Кернкросса называют пятым. И, по мнению английских исследователей разведки, последним раскрытым разведчиком из Кембриджской группы, чье имя вопреки всем обязательствам британского правительства выплыло наружу в 1981 году.

О нем и пишут меньше, чем о других четверых, и роль его очерчена не так ясно. Я же приведу здесь высказывания моего наставника, Героя России. К словосочетанию «Кембриджская пятерка» Владимир Борисович Барковский относился с неким сарказмом. Но когда заходила о ней речь во время наших нескончаемых разговоров, он выделял, помимо Кима Филби, еще двоих — Дональда Маклина и Джона Кернкросса. Именно они работали по его, по атомной, проблематике.

От Владимира Борисовича я впервые и услышал о подвигах пятого. Рассказанный Барковским эпизод о попавшем в руки разведки засекреченном докладе по атомной проблематике записан мною подробно. И, без сомнения, стоит того, чтобы привести его полностью.

В течение всего 1940 года Кернкросс не имел никакой связи с Центром. В один из наиболее критических моментов новейшей истории в Лондоне, где наряду с Берлином и Москвой решались судьбы мира, фактически не осталось представителей нашей разведки. Все были отозваны в СССР. Волна сталинских чисток, а не бдительность британской контрразведки, вымела их с острова.

Источники были готовы передавать информацию, но оказалось — некому.

Премьер Чемберлен по-прежнему заигрывал с немцами, и лишь спустя какое-то время в заветное кресло уселся Уинстон Черчилль.

Впрочем, Черчилль оставил многочисленные полномочия лорду Хэнки. При Чемберлене этот министр без портфеля возглавлял чуть ли не полтора десятка всевозможных комиссий. Оборона, безопасность, регулярные доклады английских спецслужб, засекреченные сообщения о состоянии экономики и прогнозы по ее развитию. А еще протоколы заседаний военного кабинета, доклады из Генерального штаба… И, заметим, информация из научно-исследовательских институтов, работающих на британскую военную машину.

Вышло так, что именно у лорда Хэнки перед войной сосредоточивалась почти вся секретная информация. Современники вспоминают: он был необычайно работоспособным и безотказным. И когда члены Кабинета под разными предлогами и ссылками на занятость спихивали с себя исключительно ответственные задания, связанные с обеспечением безопасности британской короны, в дело вступал Хэнки. Брал дела в свои руки, созывал заседания по важнейшим вопросам, давал рекомендации и подсказывал решения, которым, как правило, и следовали.

При этом даже среди резко настроенных против СССР английских политиков мягкий в общении экс-министр без портфеля отличался наибольшей непримиримостью к Стране Советов. На любые запросы Черчилля, связанные с советско-английскими отношениями, Хэнки отвечал так, что у премьера могло создаться впечатление, что нет у Соединенного Королевства врага страшнее России.

Что ж, история определенным образом наказала лорда, призванного следить за тем, чтобы британские секреты хранились за семью печатями. Его полузабытое имя в начале 1980-х годов вновь всплыло и попало на страницы газет, а потом и книг именно благодаря тому, что личным секретарем лорда Хэнки в середине 1940 года назначили скромного и внешне неприметного 27-летнего Джона Кернкросса — пятого из Кембриджской пятерки. Когда в январе 1941-го контакт советской разведки с Кернкроссом был восстановлен, информация от агента пошла валом.

Нарушая хронологию, я начну с того, что Барковский считал наиболее важным из всей многолетней работы Кернкросса на Советский Союз. Шла Великая Отечественная война, Гитлер хвастался, что через неделю, ну, две-три, возьмет Москву, а по

всем резидентурам было срочно разослано сообщение Центра: требуется информация об атомном оружии — любая. Первыми, и никак не связываясь друг с другом, откликнулись двое из Кембриджской пятерки — Дональд Маклин и Джон Кернкросс.

Теперь, проанализировав все полученные от них материалы, можно уверенно сказать: именно Кернкросс совершил прорыв в атомной разведке. В третьей декаде сентября 1941 года он добыл полный текст доклада премьеру Черчиллю о возможности создания атомного оружия. Доклад, написанный в трагический для Советского Союза момент (немцы стояли под Москвой), придал руководству Великобритании оптимизма. В нем утверждалось, что на создание атомного оружия потребуются, возможно, не десятилетия, как прогнозировалось ранее, а около двух лет, ибо английские и американские ученые работают с зимы 1940 года над проектом совместно, делятся достижениями и, терпя на некоторых участках временные неудачи, сообщают об этом друг другу, дабы не терять драгоценного времени на дорогостоящие эксперименты.

Кернкросс сообщал и чисто технические подробности. Оказалось, две дружественные державы пришли к общему пониманию: супероружие реально создать, используя обогащенный уран.

Получилось так, что именно Кернкросс, далекий от физики и вообще точных наук, постоянно присылал и во время и после войны ценнейшие документы по атомной тематике. Так в 1942 году именно благодаря ему разведке стало известно: к разработке грозного оружия подключилась Канада с ее мощными финансовыми ресурсами и довольно высоким научным потенциалом. Да, теперь как-то забылось, что среди создателей бомбы были и канадцы…

Высшее советское руководство понимало: в случае удачного осуществления проекта мировая политика может претерпеть глобальные изменения. Да и общая стратегия Второй мировой войны нуждалась в коренном пересмотре.

Необходимо сказать и еще об одном обстоятельстве.

«Мольера», «Листа», «Карела»… нельзя было зачислить в обычные агенты. Кернкросс, несмотря на все старания советских кураторов, так и не сумел освоить элементарных технических навыков. Он не научился фотографировать документы. Все попытки воспользоваться фотоаппаратом в стенах секретных учреждений, где ему доводилось одновременно трудиться на британскую корону и серп с молотом, заканчивались неудачей. Не помогали и домашние тренировки с последними моделями маленьких американских фотоаппаратов, которыми время от

времени исправно снабжали его советские резиденты. Пришлось смириться с техническими провалами Джона Кернкросса. Подвергая риску себя, связника, да и всю операцию, он поздними вечерами передавал оригиналы материалов, «одолженных» из служебного сейфа, советским друзьям. Их переснимали, возвращали, и Кернкросс аккуратно помещал их в те же сейфы.

Зато он преуспел в составлении информационных сводок. Уж если он готовил для резидентов резюме какого-то доклада или важного сообщения, то умел сделать сообщение кратким, четким, доступным для понимания. Кернкросс не был аналитиком, как Филби и Зорге. Но в его донесениях сразу бросалась в глаза суть, он умел выделить главное. Лаконичность экономила время. В Москве у работников Центра сложностей с переводом его сообщений не возникало. И это было очень важно. Ведь он передал за годы войны тысячи страниц секретной информации.

Когда немцев отбросили от Москвы, за изучение английского доклада по атомной тематике взялась, пусть и с некоторым опозданием, только-только зародившаяся советская научно-техническая разведка во главе с будущим Героем России Леонидом Квасниковым. Получило подтверждение предсказание некоторых советских ученых о реальности создания и немцами, и союзниками англичанами, и американцами атомной бомбы. Информация Кернкросса была подтверждена и источниками в Соединенных Штатах.

Определенную роль сыграли и сообщения из захваченных фашистами стран, в частности из Норвегии, о секретной добыче там урана.

Не возвеличивая Кернкросса, надо признать: именно добытый им доклад заставил советское руководство взяться за создание атомной промышленности. Атомная бомба, считавшаяся в начале войны несбыточной фантазией или делом весьма далекого будущего, предстала реальной угрозой. Оказалось, что истекающая кровью держава сильно задержалась с реализацией атомных проектов. Кернкросс же, сам не подозревая об этом, зазвонил в колокол, точнее ударил в набат, пробудив ее не от спячки, а скорее от незнания, неведения.

Кем же был этот Пятый по жизни? Если библиография о Киме Филби насчитывает более двухсот с лишним книг и постоянно растет, то Кернкросс оставался, или ухитрился остаться, в тени. Может, и к лучшему. Его непростая судьба сложилась все же без таких драматических коллизий, как у Филби, Берджесса и Маклина. Вероятно, и потому, что был он незаметным, не отличался открытостью и друзей имел немного. Замкнутый по натуре, Кернкросс всегда с трудом, в отличие от Филби, входил в

новую компанию. Круг его общения был им же сознательно ограничен. Всё это не вяжется с привычным образом агента, источника, разведчика, который просто обязан быстро находить общий язык с людьми. Но Кернкросс и отдаленно не походил на разведчика.

Начнем с того, что он всегда болезненно ощущал свою оторванность от британского истеблишмента, к которому по рождению принадлежали его коллеги. Сын мелкого торговца из Глазго, родившийся в Шотландии, не мог похвастаться ни славной родословной, ни обширными связями, ни богатством. Там, где за других говорило одно лишь имя, ему приходилось пробиваться работоспособностью и прилежанием. Пятый и младший сын в небогатой семье полагался только на себя. Вот к кому стопроцентно относится коронное английское ***self-made man*** — человек, сделавший сам себя. Он карабкался по ступеням социальной лестницы с упорством фанатика.

Окончил Гамильтон Академи близ Глазго, где с 1930-го изучал политэкономию и языки. Немецкий освоил легко. Никогда бы Кернкроссу с его происхождением не добиться стипендии, дававшей право на стажировку во французской Сорбонне. Но учился он так, что не заметить юный талант было невозможно, и через два года Кернкросс уже совершенствовал в Париже свой французский, изучал классическую литературу. Его любимым писателем сразу стал Мольер. Так и звучал его первый оперативный псевдоним, присвоенный в советской разведке.

Потом Кернкросс научился говорить по-итальянски и по-испански, читать на шведском и даже русском. В 1934 году полиглот пробился в знаменитый Тринити-колледж в Кембридже. Здесь, ловя на себе косые взгляды родовитых соучеников, Кернкросс штурмовал высоты, недоступные (или малодоступные) парням с простецкими корнями.

Есть основания предполагать, что антифашистом он стал еще во Франции в 1932 году, сойдясь с местными студентами-коммунистами. Но не более того.

Так что левые воззрения, царившие в Тринити, пришлись ему по душе. Он был даже более радикален, чем его будущие коллеги по «пятерке». Вступление в компартию явилось логическим завершением ненависти к фашизму, пренебрежения фальшивыми британскими устоями. Джон презирал лейбористов — они изображали из себя левых, а при необходимости резко меняли взгляды и уходили далеко вправо. Быть может, взыграло и уязвленное самолюбие. Блестящего студента в Тринити так до конца и не признали своим.

Да он им и не был. Педантичный, кажущийся угрюмым,

вызывающе плохо одетый Джон не слыл скрягой. Но чтобы выжить, приходилось отказываться от любимого английским студенчеством ***pub crawling*** — ползания по барам. Он сторонился шумных компаний. Берег каждый пенс. В то же время даже свысока смотрящие на Джона сверстники считали его парнем серьезным, обстоятельным, скромным. И еще скрытным.

О членстве Кернкросса в компартии догадывались немногие. Как известно, в советской разведке принадлежность к коммунистическим организациям афишировать запрещалось. Настоятельно советовали не светиться, не выражать левых взглядов публично, не ходить на митинги… И Кернкросс, не подозревая об уготованном ему поприще разведчика, делал всё правильно, словно по наитию скрывая свои убеждения.

В 1936 году диплом был получен, репутация отличного студента завоевана, а знаниями языков, особенно французского, Джон выгодно отличался от большинства выпускников Тринити. Вообще англичан трудно назвать яркими полиглотами. Зачем учить другие языки, когда важнейший все равно английский? Кернкросс, прокладывая дорогу наверх, от общепринятого саксонского постулата отказался, что в будущем при прочих равных, точнее не равных, всегда играло ему на руку.

Освоенные французский и немецкий наверняка помогли поступить в Форин Оффис. Настоящий прорыв для сына мелкого лавочника. А до его членства в компартии в то время так никто и не докопался. Кроме четвертого номера Кембриджской пятерки — Энтони Бланта. Хотя Блант и был всего на несколько лет старше Кернкросса, он, учась в том же Тринити-колледже, стал его научным руководителем: Кернкросс писал труд о французской классической литературе.

Отношения между аристократом Блантом и простолюдином Кернкроссом нельзя было назвать дружескими. Доста-точно было того, что они понимали друг друга. Энтони со своим научным марксизмом и Джон с выстраданным коммунизмом находили общий язык. Их доверие было обоюдным. Были ли они единомышленниками? Да, но не друзьями, скорее партнерами по общему делу — борьбе с фашизмом. Общался Кернкросс и с Гаем Берджессом. Их отношения с определенной натяжкой можно было считать даже товарищескими.

В некоторых исследованиях утверждается, что и Кернкросса завербовал сбежавший на запад советский резидент Орлов — Фельдбин. Но действительности это не соответствует. Во Франции они не встречались. В Лондоне же их пути разошлись. Орлов был вынужден быстро покинуть страну, оставив, кстати, часть сложных незавершенных задач на радиста Фрэнка (Фишера,

будущего полковника Абеля), который, вероятнее всего, с Кернкроссом в середине 1930-х пересекался.

С вербовкой случилась некоторая заминка. Уединенный образ жизни Кернкросса, его скрытность и нелюдимость никак не позволяли проверить достоверность имеющихся о нем данных. Советскому резиденту Арнольду Дейчу пришлось потратить довольно много времени и сил, чтобы провести требуемую Центром проверку. Нельзя сказать, что Кернкросса завербовал Блант. Хотя именно он, как, впрочем, Филби, Маклин и Берджесс, по просьбе советской разведки дал характеристику упорному шотландцу. Отмечая, что Кернкросс не очень хорошо умеет вести себя в обществе, не относя его к кругу близких друзей, все четверо порознь не высказали никаких сомнений в его преданности коммунистическим идеалам. Подтвердили: хорошо образован, умен. Этого в принципе было достаточно.

Хотя возник и еще один объективный барьер, беспокоивший Центр. Джон Кернкросс потратил столько сил, чтобы пробиться поближе к английскому истеблишменту. Казалось невероятным, что он, пусть и человек идеи, пойдет на риск, забудет о карьере, поставит на кон абсолютно всё, каторжным трудом добытое.

Колебания сомневающихся в Кернкроссе были оправданы. Не обижая недоверием Бланта и троих его друзей, Центр одновременно обратился к другим источникам в левой студенческой среде. В них в ту пору недостатка не испытывали. И один из считавшихся наиболее проверенных, кому доверяли безгранично, помог окончательно отбросить возникшие было возражения. Взял на себя трудную миссию поговорить с Кернкроссом о работе на Советы. Вскоре подтвердил: Кернкросс из тех, за кого он лично может ручаться.

Имя человека, завербовавшего Джона, пока называть рановато. Коммунист ортодоксально-суровых взглядов, близкий к руководству компартии Великобритании, во время войны он некоторым, пусть и не столь блистательным образом повторил путь, пройденный Кимом Филби. Взглядов своих не скрывал, но проник в военную английскую разведку. Прожил довольно долгую жизнь, оставаясь преданным с юности впитанным идеалам. В различных исследованиях вербовке Кернкросса дается совершенно разная трактовка. Я же остановлюсь на этой, по разным причинам видящейся мне абсолютно правдоподобной, версии.

Джона Кернкросса приняли на государственную службу. Его связи на первых порах были весьма скудны, однако трудолюбие и способности могли превратить «Мольера» из Форин Оффиса в бесценного агента.

За Джона взялся опытный резидент советской разведки Арнольд Дейч. Вот уж кто знал, как не загружать новичка непосильными — пока — поручениями. Он не отчитывал Джона, а наоборот, одобрял даже не до конца проделанную им работу. Не имевший никакой специальной разведывательной подготовки Кернкросс пытался с помощью Дейча освоить на ходу некоторые приемы конспирации.

Не закрывая деликатную тему обучения, признаем, что исправного агента, умевшего уходить от наружки и считывать оставленные условные знаки, из Кернкросса не получилось. «Мольер» вечно и до конца своего служения разведке путал даты и время встреч. Мог явиться, да еще и припозднившись, совсем не в то место, что было несколько раз подробно оговорено.

После Дейча Кернкросс не со всеми кураторами находил общий язык. Ему претили невежливость, излишнее давление, не выносил он командного безапелляционного тона. Джон был силен совсем не вымуштрованностью. Пришлось мириться с некоторыми особенностями его поведения. Да и здоровье у Джона было слабовато. С детства плохо видел. Настоящие проблемы со зрением, а затем и со слухом у него начались в 1943 году. Эти его физические недостатки замечали английские коллеги по службе и советские связники. Встречаясь с ними на улице, он всегда пытался идти с определенной стороны от работника резидентуры. Впоследствии разведка даже выделяла ему деньги на лечение. Помогало слабо. С возрастом он оглох на одно ухо.

Даже более-менее сносного водителя из Кернкросса не вышло. Однажды он с советским связником Питером чуть не засыпался на ерунде. Приехав на встречу с несколькими секретными документами, Джон забыл убрать ручку подсоса, и его машина заглохла на оживленном перекрестке. Все попытки завести мотор заканчивались неудачей. Предупредительный лондонский бобби, долго наблюдавший за страданиями водителя и волнениями сидевшего рядом с ним спутника, пришел на выручку. Уселся на шоферское место, снял ручку с подсоса и через минуту отогнал авто к обочине. Потом вежливо объяснил Кернкроссу его элементарную ошибку. Если бы полисмену пришло в голову проверить документы водителя и его спутника, он наверняка бы заинтересовался: почему оказались вместе английский госслужащий и дипломат советского посольства? Ну а догадайся вежливый полисмен глянуть на прихваченные Кернкроссом бумаги, разведывательная карьера «Карела», да и его связника, оборвалась бы прямо на злосчастном перекрестке.

Каждая неумелая парковка Кернкросса привлекала внимание полиции. От встреч в специально приобретенной для ценного

агента машине пришлось отказаться. Резиденты стали прибегать к специфическим — и рискованным — способам связи. Облюбовали лондонские окраины, поздними вечерами пустынные. А Джон, в очередной раз что-то напутав, приходил туда не всегда. Однако все эти обоюдные мучения стоили тех данных, которые он добывал.

К тому же Кернкросс дисциплинированно подчинился указанию советских друзей: всё внимание сосредоточивал именно на тех материалах, которые требовались сейчас, сегодня. К разочарованию соратников, отошел от коммунистической партии. Не поддерживал отношений и с бывшими знакомцами по левым митингам и прочим сходкам.

От него, поддерживавшего нормальные отношения с женским полом, можно было не ожидать каких-то эксцентричных выходок, типа тех, что позволял себе Берджесс или иногда выкидывал истощенный постоянным нервным напряжением Маклин. Он мало пил — тоже редкость, и, что высоко ценится, совсем не болтал. Его надежность потрясала, перечеркивала все недостатки, которых набиралось немало.

В отделах США и Центральной Европы на безропотно-трудолюбивого новичка навалили столько работы!.. В 1937 году особенно много материалов поступало в Германию и из Германии. Они тщательно обрабатывались «Мольером» — Кернкроссом. И в Москве на него не могли нарадоваться.

Но в конце 1938 года «Мольера» перевели в Министерство финансов. Он слишком отличался своим трудолюбием и ярким талантом от людей из высшего круга, засевших в Форин Оффисе. Даже его единомышленник Маклин из МИДа считал Кернкросса малообщительным, не слишком приятным, никогда не улыбающимся сотрудником. Одевался Кернкросс кое-как. Вероятно, финансы были тут ни при чем. Возможно, демонстрировал презрение к устоям, для себя не приемлемым. Он и тут, как и в Кембридже, не стал и не захотел стать «своим».

И был жестоко наказан «чужим» большинством. Формальным поводом для его перевода в менее престижное Министерство финансов послужил недостаток образования: чего-то не закончил, где-то недоучился, недополучил лишнюю бумажку. Как бы то ни было, «Мольер» попал в другие условия и обстановку. Оперативные возможности, и разведка это вскоре почувствовала, явно сузились.

Надо ли было заниматься перевоспитанием ценного агента? Нотации, нравоучения могли его обидеть или, еще страшнее, оттолкнуть. Кернкросса принимали таким, какой он есть. Ведь логично предположить, что в советскую разведку Джона помимо

прочего привела как раз та ненависть к твердым консервативным устоям, которые он не принимал с молодых лет, против которых боролся, рискуя не только положением в обществе — жизнью.

В Министерстве финансов он тоже очень старался. Его информация стала другой, но не иссякла. И вскоре полиглот и трудяга Кернкросс потребовался такому же трудоголику лорду Хэнки.

Коммунист и агент Кернкросс чудесно сработался с не любившим большевиков лордом. Хэнки подкупали не только трудоспособность, но и полная, постоянно демонстрируемая преданность Джона. Стоило кому-то из политической или военной верхушки обойти Хэнки с секретными документами, не прислать ему засекреченный доклад или сообщение, не пригласить на очередное заседание какого-то комитета, как энергичный личный секретарь моментально посылал от имени лорда официальный и суровый запрос «обидчику». За редким исключением документы быстро досылались главе бесчисленных комиссий. Этим сложившимся сотрудничеством были удовлетворены и лорд Хэнки, и Джон Кернкросс, не говоря о советской разведке.

А сообщения от Кернкросса в 1941 году приходили исключительно тревожные. Ему удалось передать телеграмму министра иностранных дел Идена о беседе Гитлера и наследного принца Греции Павла. Документ свидетельствовал: нападение на СССР неминуемо. Это же подтверждали письма в Форин Оффис английских послов в США и Швеции. Британская разведка сообщала о военных приготовлениях немцев в Германии и Финляндии. Тревожно звучали предупреждения посла из Турции: немецкие суда быстро перебрасываются поближе к черноморскому побережью СССР.

В четвертом томе «Очерков истории российской внешней разведки» приводятся такие цифры: «Об интенсивности работы с источником говорит отчет резидентуры, направленный в Центр 31 мая 1941 года. В нем, в частности, идет речь о направлении 60 пленок с материалами Кернкросса, по разнообразнейшим аспектам — от военно-политических до чисто разведывательных».

Грянуло 22 июня 1941 года, и Кернкросс приступил к обработке сообщений об отношении английской верхушки к нуждам Красной армии, о затягивании рассмотрения вопросов о военных поставках в СССР. Стало понятно, что союзники не торопятся снабжать нас современным вооружением.

Но как когда-то в 1938-м, Кернкроссу, он же теперь «Карел», пришлось подыскивать новое место службы. Лорд Хэнки поменял работу, а вслед за ним поисками иного вида деятельности

пришлось заняться и «Карелу». Сложнейшая проблема: работа должна была приносить пользу Советскому Союзу. Резидент Горский советовал попробовать устроиться в школу шифровальщиков в Блетчли.

Считается, что к 1942 году англичане частично разгадали не только немецкие, но и советские шифры. Некоторыми данными из Германии делились с «этими русскими». Но что касается наших шифров — Владимир Барковский уверен: они оказались тогда англичанам не по зубам. Утверждения, что во время войны разгадать шифр им помогла найденная где-то в Финляндии полуобгоревшая книжка с кодами, Владимир Борисович просто высмеивал. Во время войны такого не было. Только когда сбежал из Канады советский шифровальщик Гузенко, а к работе подключился гениальный дешифровальщик Мередит Гарднер, англичане и американцы частично продвинулись в решении этой задачи. А как же тогда операция «Ве-нона», в результате которой американцы вроде бы справились, пусть и задним числом, с расшифровкой посланий Центра в Штаты, последовали аресты и казнь супругов Розенберг и другие неудачи нашей разведки? Барковский рассказывал мне: шла игра спецслужб. Доказательств вины советских агентов не было. Легальными методами засадить их в тюрьму было невозможно. Вот и прибегали к давлению. Шантажировали вымышленными расшифрованными посланиями, выбивали признания из слабонервных. Так, например, сознался наш «атомный» агент — талантливый немецкий ученый Фукс, хотя прямых доказательств его сотрудничества с Советами не было.

Кстати, эту точку зрения подтверждают и теоретические работы Филби на тему — признавать агентам свою вину или не признавать. Дальновидный англичанин на свой лад подкреплял доводы Барковского, настаивая на полном непризнании вины.

Как бы то ни было, проникновение Джона Кернкросса в школу в Блетчли-парке можно считать серьезной удачей разведки. Джону снова помогло знание языков. На его низкое происхождение в жестокие военные годы было уже наплевать.

И машина под названием «Кернкросс» заработала на всю катушку. Тут, правда, возникал деликатный вопрос. Англичане, даже делясь с СССР расшифрованной немецкой информацией, никогда не выдавали источников. Наоборот, дурили головы, утверждая, что сведения добыты то в третьих странах, то благодаря немецким перебежчикам. Да и дележка информацией с русскими союзниками была выборочной, иногда с опозданием. И справедливость в этом вопросе восстановил Кернкросс.

Однажды Черчилль попытался объяснить высшему

советскому руководству такой вот «английский» стиль общения. Их Сикрет интеллидженс сервис была уверена, что немцам удалось завербовать нескольких высоких руководителей советского Генштаба. А раз так, то предоставлять всю информацию опасно. Это утверждение англичан так до конца и не опровергнуто. Были ли в Генштабе предатели? Или НКВД перестарался, расстреляв нескольких работавших там старших офицеров?

Кернкросс не вникал в детали: эти телеграммы требуются русским в первую очередь, а те — во вторую. Материалы шли потоком.

Остановлюсь лишь на тех, что помогли выиграть небывалое за всю историю войн танковое сражение на Курской дуге. Это «Карел» еще в 1942 году передал попавшие к англичанам технические характеристики нового немецкого танка «Тигр». Стала известна толщина его брони, которую конструкторы из Германии не без оснований считали непробиваемой для советской артиллерии. Благодаря вовремя полученным данным у советских оружейников хватило сил и знаний для быстрого изготовления новых, гораздо более мощных, чем прежде, снарядов. «Тигров» уничтожали с размахом, который вгонял фашистов в панику.

К тому же «Карел» уведомил резидентуру, что немецкое командование полностью ознакомлено с дислокацией советских войск на Курской дуге. В результате наше руководство успело в последние перед битвой под Прохоровкой дни произвести их скрытую переброску. Вот что явилось полной неожиданностью для немцев.

Встречаясь со мной, один, увы, так и остающийся безымянным, но авторитетный генерал без лишних подробностей упомянул о коробочках с орденами, хранящихся в личных и навечно засекреченных делах некоторых наших помощников. Предположительно такой орден есть и в папке Кернкросса. Именно за Курскую дугу он был награжден орденом Красного Знамени.

Награду еще во время войны доставили в Англию. Резидент Крешин встретился с «Карелом», объявил о награде, вручил ее Джону. Тот был благодарен и тронут. Однако согласно неписаным (или писаным?) правилам орден тут же был возвращен резиденту, вложен в коробочку и снова проделал неблизкий путь — теперь из Лондона в Москву, где и находится по сей день в недоступном хранилище.

Кернкросс же поменял Блетчли на другой род секретной деятельности. В центральном аппарате СИС он анализировал

расшифрованные телеграммы немцев о работе их разведки в Советском Союзе и на Балканском полуострове. Знал многих немецких агентов и разведчиков по именам и псевдонимам. Надо ли говорить, что «знакомилась» с ними и советская разведка.

Тут Кернкросс попал в свою стихию. Множество материалов, поток информации, четкий анализ, передача документов связнику. В СИС ему было легче, чем в Блетчли-парке. Отработанные коллегами материалы по инструкции должны были бы сжигаться. Но указание выполнялось далеко не всегда. Да и учета расшифрованных и уничтоженных телеграмм не велось. Так что «Карел» часто передавал резидентуре оригиналы, которые можно было и не возвращать.

Подчас его коллеги по СИС допускали и другие небрежности. Раз в неделю на своих вечерних дежурствах он просматривал материалы, получаемые другими работниками из разных регионов. Так, однажды ему в руки попал список английских агентов в Балканских странах.

В другом случае пришлось очень рисковать. Кернкросс сумел достать ключи от сейфа своего начальника, и когда тот отсутствовал, ознакомился с материалами, которые для глаз рядовых сотрудников не предназначались.

Осенью 1944 года Центр особенно заинтересовали директивы Гиммлера, которые не прошли мимо Кернкросса. Фашисты при отступлении предполагали оставлять в Германии и в других освобождаемых союзниками странах подпольные группировки, состоящие из трех отделений — разведки, саботажа и обеспечения собственной безопасности, возглавляемыми офицерами СС и преданными нацистами. Вся разветвленная организация строилась по принципу «пятерок». А для большей достоверности будущие руководители фашистского подполья могли уже в 1944 году подвергаться арестам, заключаться в тюрьмы и концентрационные лагеря. Гиммлер, Кальтенбруннер и Борман управляли бы всеми этими головорезами, обученными изготовлению и применению химических ядовитых веществ, бомб, взрывчатки и прочих средств. Но в полной мере наладить нечто вроде партизанской борьбы на собственной территории не получилось. В том числе и благодаря предупреждению, переданному Кернкроссом.

Он проработал в СИС до конца войны. Связь с советской резидентурой не прервалась и после его ухода со службы, когда он вернулся в Министерство финансов, а затем перешел в Министерство снабжения.

Одно время казалось, что возможности у него уже не те. Или не нашел «Карел» общего языка со связником, приехавшим на

смену Крешину? Но в 1947 году от него снова пошел большой объем информации. Кернкросс сошелся характером с разведчиком-новичком Юрием Модиным, полностью ему доверял. Методы работы Кернкросса оставались прежними. Поздними вечерами где-нибудь на окраине Лондона он передавал документы молодому связнику. Ночью их фотографировали, а ранним утром документы возвращали. И опять встреча — через месяц.

По некоторым данным Кернкросс снова по-настоящему развернулся в 1949 году. Есть основания считать, что, занимая довольно скромный пост, он имел доступ к вроде бы малозначащим и чисто финансовым документам. Однако касались они только создаваемой и на первых порах непонятной для СССР организации — НАТО. Но используя простую арифметику — сколько и на что тратится и отслеживая, куда направляются фунты из государственной казны, можно было понять, для чего конкретно предназначены денежные потоки. «Карел» так поднаторел в этой секретной бухгалтерии, что работал абсолютно безошибочно. Порой в Москве узнавали о предполагаемом вливании, к примеру, в норвежскую армию гораздо раньше, чем в Осло. Благодаря по-британски скрупулезным денежным отчетам удалось выяснить, какие огромные инвестиции вкладываются в производство атомного оружия. Перестало быть секретом и расположение атомных объектов. Ведь английские финансовые органы тщательно следили, чтобы деньги поступали в самые разные страны точно в срок и по назначению. Следила за этим и советская разведка.

Да, Кернкроссу не хватало гениальности Филби, блеска умеющего наладить контакт со всеми Берджесса, интеллекта Маклина и аристократических связей Бланта. Но Джон никогда не был скромным винтиком в отлаженном разведывательном механизме. Он извлекал, исчерпывал до дна все ресурсы, до которых добирался с риском и с усилиями раба на галерах. То, что мог пропустить, оставить без внимания фонтанирующий новыми идеями Гай Берджесс, никогда не ускользало от внимания Джона Кернкросса. Его невысокое положение чиновника среднего ранга компенсировалось смелостью и усердием. В разведке он совершил то же, что и в профессиональной карьере. Вопреки всему достигал нужного результата.

Его рисуют бережливым от рождения шотландцем низкого происхождения. Но почему тогда Джон пользовался таким успехом у прекрасного пола? Его подругами были красивая американка, игривая англичанка, а потом и верная жена. И если

он был настолько скуп, то почему, как и четверо остальных, и не подозревая о их отказе, отверг установленную ему товарищем Сталиным в 1945 году пожизненную пенсию в тысячу фунтов стерлингов в год — сумму по тем временам солидную. Между прочим, другим его соратникам Советы, возможно без всякого умысла, денег предложили чуть-чуть побольше.

Тут я подхожу без всяких предисловий к заключительной части саги о Кернкроссе. Он всё же попал под колпак контрразведки. МИ-5, поднаторевшая на отлове немецких шпионов, взялась после войны за своих. Замечал ли он наружку? Принял ли всерьез первый допрос, устроенный ему в сентябре 1951 года? Уверен, что да. За годы работы на Советский Союз — будем считать, что 15 лет — «Моцарт», «Лист», «Карел», Джон Кернкросс превратился в опытного разведчика.

Особенно насторожили вопросы о принадлежности к компартии. Об этом, по примеру американцев, и в Англии спрашивали всех и каждого, кто был раньше замечен «в левых». Бытует версия, что все документы, собранные британскими спецслужбами о членах английской компартии, сгорели в канцелярии знаменитой лондонской тюрьмы Скрабе, откуда совершил фантастически дерзкий побег ныне здравствующий Джордж Блейк. Но правда ли, что эти дела исчезли? Или это уловка, вымысел, призванные успокоить, притупить бдительность? Как бы то ни было, Кернкроссу доступ к секретным документам официально закрыли.

Всплыла и еще одна деталь. При обыске на квартире сгинувшего Берджесса обнаружили некие письма, вроде бы содержащие секретную информацию. Нашелся и свидетель, подтвердивший, что почерк неизвестного автора напоминает почерк Кернкросса. Но Джон сумел доказать, что никакой секретности бумаги не содержали. Это всего лишь записки, которыми обменивались между собой госслужащие. И тут Кернкросс «припомнил»: письма написаны аж в 1939 году. В результате обошлось без ареста, однако с государственной службы Кернкросса быстро уволили.

Он залег на дно — то ли уехал в родную Шотландию, то ли за границу, что было сомнительно, ибо это еще больше насторожило бы МИ-5. Скандал со сбежавшими в СССР Берджессом и Маклином затихал, потом вдруг разгорался нежданно ярким пламенем. А Кернкросс всё пережидал, не появлялся на людях. Где-то скрывался. Умение не вылезать, затаиться — тоже важное для разведчика качество. Вильям Фишер — Рудольф Абель в своих рекомендациях юному поколению нелегалов вспоминал, что иногда этот уход в себя, полное исчезновение могло в силу

обстоятельств продолжаться и полгода, и дольше.

Всё же настойчивый и смелый связник Юрий Модин отыскал подопечного. Приблизился к нему сзади и громко, а как было иначе при некоторой глухоте Джона, назначил место и время встречи. «Карел» кивнул. Он понял и пришел.

К тому времени в Центре осознали: отношения с Кернкроссом пора прекращать. Навсегда. Ему было решено предоставить некую сумму, которая позволила бы относительно безбедно прожить года полтора-два. «Карел» на последней встрече высказал предположение: о его членстве в партии знали немногие, значит, выдал кто-то из близких. Следователям он объяснил свое раннее увлечение марксизмом ошибками молодости, юношеским максимализмом. Заверил связника, что никаких видимых ошибок не допускал. С Берджессом и Маклином несколько лет прямых связей не поддерживал. У контрразведки нет против него ничего конкретного. Так, подозрения, домыслы. И намерен он держаться твердо.

Перед тем как произнести последнее прощай, связник передал Джону Кернкроссу пакет с деньгами. Тот кивнул, положил конверт в карман. Эпопея подошла к концу.

Разведке оставалось ждать, как будут развиваться события, и не дрогнет ли Кернкросс на неизбежных допросах. Ведь он столько знал. Под угрозу попадал самый ценный из «пятерки» — Ким Филби. Расколись «Карел» (ему, как и Энтони Бланту, в обмен на сотрудничество со следствием обещали иммунитет от судебного преследования), и Филби попал бы в положение безвыходное.

Что же произошло с Кернкроссом в дальнейшем? Пишу лишь то, о чем уже сообщалось в различных книгах о Кембриджской пятерке, в том числе и в «Очерках истории российской внешней разведки», в некоторых воспоминаниях Кима Филби и в работах последнего связника Кернкросса Юрия Ивановича Модина. Не претендую на полную достоверность. Ведь в отличие от Филби и Бланта, Джон Кернкросс был фигурой непубличной. От встреч с журналистами уклонялся, дав лишь в конце жизни два-три довольно невнятных интервью.

После разрыва с разведкой последовали новые допросы. Следователь Уильям Скардон, ни на чем расколовший помимо нашего ценного атомного источника Фукса и нескольких других, с советской разведкой связанных, был мастером своего дела. Однако, судя по тому, что Филби в конце концов так и не арестовали, Кернкросс хранил молчание. Или, по крайней мере, сумел не дать никаких конкретных показаний против Кима. Остается гадать, была ли заключена сделка со следствием. Я как

историк разведки могу лишь высказать сугубо личное мнение: похоже, да. Единственным видимым последствием стал отъезд Кернкросса из Британии. Можно предположить, что «Карел» признался в работе на советскую разведку в военные годы и на том остановился. Иначе его вряд ли бы выпустили. После этого его видели в Канаде, где по некоторым данным он трудился преподавателем. Потом вернулся в Европу — в Риме полиглот Кернкросс работал в международной организации под эгидой ООН. Его личная жизнь складывалась удачно. Всегда окруженный молодыми спутницами, одиночества он не испытывал.

После бегства Филби из Бейрута в 1963 году Кернкросса снова подвергли допросам. МИ-5 разобралась в том, что за информацию он передавал в Москву. Судебному преследованию он не подвергся, что подтверждает предположение о предоставленном судебном иммунитете.

В середине 1960-х Кернкросс переехал во Францию. Там в Нормандии поселилось немало его соотечественников, соблазненных невысокими, по сравнению с Великобританией, ценами на недвижимость.

В начале 1990-х знакомые французские журналисты говорили мне, работавшему тогда собственным корреспондентом в Париже, что «можно попытаться съездить на побережье, если один бывший русский шпион согласится дать интервью». Как стало ясно позднее, речь шла о Кернкроссе, который тогда уже был раскрыт как Пятый. Но что-то не сложилось. Кернкросс тихо жил в Провансе. В 1981 году неугомонная премьер-министр Маргарет Тэтчер вдруг со свойственной ей излишней экспансивностью взорвала тишину. Некоторым образом нарушив обещание о судебном иммунитете, она заявила в парламенте, что Кернкросс был завербован советской разведкой.

Умело избегая просьб журналистов о встречах, Кернкросс всё же был вынужден согласиться на пару встреч с настойчивой прессой. Ответы его были туманны, не конкретны. Французам, кстати, он счел возможным поведать немножко больше, чем соотечественникам. Так, он заявил, что, возможно, придет день, когда люди поймут, почему молодой англичанин, обладающий интеллектом, решился на такое.

Из всей Кембриджской пятерки один лишь Кернкросс оказался долгожителем. Он скончался в 1995 году, дожив до восьмидесяти двух лет.

На склоне дней он писал работы по истории любимой французской литературы. Случайно ли, что человек, первым псевдонимом которого было имя великого француза Мольера, закончил свой путь в этой жизни изданием многолетнего

исследования «Гуманизм Мольера»?

Теперь о личности более яркой — Энтони Бланте — «Тони», «Джонсоне», «Яне». Блант, родившийся в 1907 году и почивший в 1983-м, — одна из наиболее загадочных, хотя и публичных фигур Кембриджской пятерки.

Вот кто преуспел в жизни. Он был аристократом, выдающимся ученым — искусствоведом-академиком и литератором, Хранителем королевских галерей и профессиональным британским контрразведчиком. А еще, что для нас самое главное, Энтони Блант многие годы успешно, бескорыстно и активно работал на советскую разведку.

Блант был ценен тем, что помимо всего прочего поставлял политическую, подчас стратегическую информацию. По существу сэр Энтони и вершил политику, а его выводы о прошедших событиях и предсказания о грядущем читали на Лубянке раньше, чем в Форин Оффисе.

По материнской линии Блант состоял в родстве, правда далеком, с королем Георгом VI. Мать Энтони была двоюродной сестрой графа Страфмора, дочь которого леди Элизабет Бой-ес Лайон вышла замуж за короля Георга VI. То есть Блант являлся и родственником поныне здравствующей королевы Елизаветы II.

Его отец Артур Воган Стэнли Блант — священник, один из столпов англиканской церкви — человек строгих, даже суровых взглядов. Словно по наследству они передались и сыну Энтони.

Около пятнадцати лет юный Энтони провел в Париже, где работал отец. Естественно, выучил французский. А сама атмосфера города искусств приобщила его к живописи. Ее изучение превратилось для него в страсть, профессию, любимое дело жизни.

Понятно, что перед потомственным аристократом Блантом легко открывались любые двери. Сначала привилегированная школа в Мальборо. Затем, в 1926-м, поступление в Тринити-колледж в престижном Кембридже. Блант изучал точные науки. И хотя первый курс окончил с отличием, преуспев в математике, решил заняться совершенствованием французского языка и взяться за немецкий. Здесь его тоже вскоре официально признали лучшим студентом, чье первенство не оспаривалось и не подвергалось сомнению.

На старшем курсе Бланту поручили, как это принято в Англии, тьюторство — опеку над новичками. Высокий, мощный, атлетического сложения тьютор (наставник) внушал уважение студентам начальных курсов. А когда они понимали, какой великолепный ум взял над ними шефство, чувство уважения невольно перерастало в преклонение.

Блант умел держать разных людей, не только студентов, на отдалении. Иногда его упрекали в чрезмерном тщеславии, излишних проявлениях аристократизма. Но умение держать дистанцию, «вычислять» своим стальным взглядом людей, сортировать их на нужных и не нужных очень помогало ему в работе разведчика. Он твердо знал, кто может ему пригодиться в дальнейшем, а от кого лучше поскорее отделаться. Своеобразный цинизм, некая доведенная до автоматизма селекция превратили в дальнейшем Энтони Бланта в отличного вербовщика и результативного агента.

В Тринити он состоял в кружке «Апостолов» — закрытом клубе с левым уклоном. Сначала он ввел туда ближайшего друга Гая Берджесса. А потом Кима Филби, с которым познакомился в 1932 году. Тот формально так и не присоединился к «Апостолам», но все трое сошлись во взглядах. Люди одного высшего круга, они смотрели на происходившее в мире с одних позиций. Объединяла их ненависть к фашизму.

Но вряд ли Энтони догадывался, что Филби уже связал судьбу с советской разведкой и в его группе состоял друг Бланта — Гай Берджесс.

Гай и Энтони были близки не только духовно, но и физически. Ведущим являлся Берджесс, а Блант был ведомым, испытывающим к другу уважение и любовь. Это и помогло Гаю найти подход к далекому от политики Энтони. Он старался внушить ему, что лишь марксизм способен спасти его любимое искусство от увядания, на которое оно было обречено в капиталистическом обществе.

Блант так и не превратился в коммуниста, но старания друга Гая не пропали даром. На время он проникся идеалами марксизма, позволил Берджессу увлечь себя новыми, раньше такими чуждыми идеями.

После войны левые взгляды аристократа Бланта померкли, стерлись, но чувства к Берджессу, даривщему ему в молодости счастье общения и близости, остались. Это сыграло значительную роль и в работе на советскую разведку. Берджесс искренне считал себя настоящим разведчиком, а Блант после кончины друга в Москве позволил себе сбросить с души тяжкий, давящий его груз.

И если существуют среди историков разведки споры и разногласия, кто кого из «пятерки» завербовал, привлек, обратил в свою веру, то относительно Бланта сомнений нет. Когда Филби попросил Берджесса приглядеться к окружавшим их друзьям, проанализировать, кто смог бы работать вместе с ними, принося наибольшую пользу, тот сразу подумал о Бланте. Мог ли Энтони отказать лучшему другу?

Берджессу, который начал сотрудничать с советской разведкой весной 1934 года, пришлось потратить немало времени и сил, чтобы привлечь друга к своей работе. Блант с пренебрежением относился к активной политике. Митинги, демонстрации, многочасовые дискуссии, которыми так увлекались студенты Кембриджа, были не для него. Но Берджесс пытался заинтересовать, втянуть Бланта в политическую борьбу. И отпрыск аристократического рода пошел за ним и поверил.

Более того, есть основания полагать, что уже сам Блант привлек к работе на СССР способного студента из Кембриджа Дональда Маклина. Впрочем, вербовку Маклина приписывают по крайней мере еще двум гражданам Великобритании и одному россиянину.

Блант побывал в Италии и Германии. Было ясно, какие силы пришли к власти в этих странах. Энтони боготворил Рим с его древней культурой, но не мог принять фашиствующего дуче Муссолини, а Гитлер и вовсе вызывал у него отвращение.

Вот, собственно, и ответ на вопрос, почему аристократ королевских кровей сделал необычный выбор в пользу другой, казалось бы, абсолютно чуждой ему страны — СССР.

Тут довольно кстати пришлась и поездка в Советский Союз. Вернее, она была организована в 1935 году опытным разведчиком-нелегалом Арнольдом Дейчем с целью идеологически обработать Берджесса, Бланта и еще ряд английских студентов. То, что их принял главный теоретик и толкователь марксизма-ленинизма, еще не попавший в сталинскую мясорубку Николай Бухарин, говорит о том, какое большое значение придавалось их визиту.

Блант был в восторге от Эрмитажа, он на время поверил, что именно марксизм укрепляет культуру и делает ее доступной для всех людей. Остальное же увиденное если и не повергло его в уныние, то не произвело впечатления, на которое рассчитывали. Явная бедность, отсутствие элементарного комфорта, без чего не мыслил себе существование любой имеющий работу британец, наконец, бросавшийся в глаза бюрократизм убедили Бланта в том, что он никогда не смог бы обосноваться в такой стране, как СССР.

И если еще один будущий член «пятерки» Дон Маклин мечтал о том, что когда-нибудь сможет преподавать английский язык советским детям, то Блант категорически не принимал сталинский режим, осуждал начавшиеся репрессии, считая их не совместимыми с истинной демократией.

Но на его отношениях с резидентом Арнольдом Дейчем, с которым его познакомил всё тот же Гай Берджесс, это не

сказалось. Идеи национал-социализма, фашизма, которыми постепенно проникались и некоторые представители знатных британских родов, Блант считал гораздо большей угрозой. Не то что он выбирал из двух зол, нет. Всё же марксизм невольно проникал в сознание Энтони. Да и Гай Берджесс так настаивал, был столь красноречив и убедителен. Блант, как я уже говорил, бывал в Германии, видел, что там происходит, и понял: тут уж или — или. И выбрал борьбу против Гитлера.

Источник НКВД Энтони Блант приступил к работе. А она была исключительно ответственной. Ему поручалось подыскивать людей, подходящих для возможного использования в советской разведке. Некоторые из тех, кто, как и Блант, ненавидели фашизм, соглашались сотрудничать. Среди его удачных вербовок, помимо Дональда Маклина и Джона Кернкросса, судя по всему, было еще несколько человек. А вот на сынке американского миллионера Майкле Стрэйте Блант в 1937 году споткнулся. Впрочем, это вылезло наружу позже.

Блант работал преподавателем в университете, выпустил книгу по истории итальянского искусства 1450–1600 годов. Когда началась война, таким, как он, предоставляли отсрочку от армии. Но в 1939-м патриот Блант от нее решительно отказался: счел невозможным для себя отсиживаться в удобном преподавательском кресле.

Его направили на краткосрочные разведывательные курсы в графстве Хэмпшир, однако вскоре отчислили. Это прозвучал первый и тревожный звонок из студенческого прошлого. Бланту припомнили и поездку в Советский Союз, и статьи в левом журнале, так и называвшемся «Лефт».

Но Энтони не дрогнул, обратился в Министерство обороны с письмом, в котором объяснял, что посетил СССР с чисто научными искусствоведческими целями. Марксистом себя не считает. И это было правдой, о чем свидетельствовали некоторые приложенные к письму книги и статьи по искусству. Помог и брат со своими связями в верхах.

После изучения досье Бланта его простили. Армии, да и не только ей, разведке тоже, были нужны патриотично настроенные молодые эрудиты. Впрочем, для начала выпускника Кембриджа капитана Энтони Бланта в составе Британского экспедиционного корпуса послали в Европу, определили в военную полицию. Его служба представляла собой бессмысленное времяпрепровождение на бельгийской границе. Оттуда Бланта по его просьбе вытащили друзья, особенно постарался Берджесс.

Затем Бланта отправили в Булонь. Здесь, во Франции, очень пригодилось его знание французского и немецкого языков.

Подразделение Бланта вылавливало в этом порту немецких шпионов, препятствовало проникновению диверсантов. Французы потом вспомнили о подвигах английского аристократа и удостоили его высокой национальной награды — ордена Почетного легиона. А англичане повысили в звании.

Когда началось наступление немцев, многие офицеры Британского экспедиционного корпуса дрогнули, а Блант сохранил спокойствие. Это и помогло вывезти его подразделение с континента на остров без серьезных потерь.

Он вообще умел держать себя в руках, не поддаваться панике, что было замечено окружающими. Про его левые увлечения больше не вспомнили.

По рекомендации его приятеля Виктора Ротшильда к Энтони начали приглядываться люди из контрразведки. Отпрыск из знаменитой семьи банкиров хорошо знал и Берджесса с Филби. Рекомендация миллионера значила многое. Ротшильд всегда восхищался феноменальной памятью Бланта, который поражал его знанием даже мало-мальски важных дат, фамилий, событий… Если бы он догадывался, как ценила эти же качества «Тони» советская разведка.

Вскоре Энтони Блант переменил место службы, выполнив тем самым задание резидента «Генри» (Горского), — стал сотрудником службы безопасности МИ-5.

Поначалу со связью было туго. Он передавал редкие донесения Гаю Берджессу, тот — связникам в Париже, откуда донесения уходили в Центр. Служба в МИ-5 давала гораздо больше возможностей, чем в военной полиции. Тем более отделу Бланта были поручены контрразведывательная работа в армии Его Величества плюс обеспечение безопасности предприятий, связанных с военной промышленностью. Он получил допуск к секретным документам. Резидент Горский взял его под свою опеку. Потом с ним работали и другие сотрудники разведки, последним из которых стал совсем тогда молодой Юрий Модин.

Вскоре Бланта продвинули по службе — назначили заместителем начальника отдела. Успешно работая на контрразведку, он по ночам переписывал захваченные домой документы, которые, с его точки зрения, представляли интерес для Москвы. Дешифровки немецких телеграмм о перемещениях вермахта, деятельность абвера в Скандинавии, Турции и на Ближнем Востоке. В Швеции усилиями «Тони» активность немецкой агентуры была по существу сведена к нулю: он передал в Центр список из 125 немецких разведчиков и их местных источников.

И еще один связанный со Швецией эпизод, возможно,

малоизвестный даже тем, кто в последние годы занимался так называемым «Делом Валленберга», исчезнувшего после войны в сталинских застенках. Не умаляя заслуг шведского промышленника в спасении евреев от нацистов, отметим — это с его помощью немцы пытались вести сепаратные переговоры и выйти на английского премьера Черчилля.

Именно Валленберг, участвовавший в англо-шведских торговых переговорах, доставил летом 1943 года в Великобританию предложения группы оппозиционеров из Берлина. Валленберг сообщил одному из военных помощников Черчилля, что они планируют физическое устранение Гитлера. А дальше все та же песня: немцы прекращают борьбу с союзниками, все свои силы перебрасывают на Восточный фронт…

Но премьер Великобритании в отличие от Валленберга проявил политическое благоразумие. Предложения заговорщиков навечно застряли у него в сейфе, ходу им дано не было. А Блант известил об этом Москву.

Дисциплинированного и толкового офицера приметил заместитель начальника МИ-5 Гай Лиделл. Интересно, что бы он сказал, если бы узнал, что на сближении Бланта с ним настаивала советская резидентура.

Блант получал одно повышение за другим. В 1943 году уже носил звание майора. И непостижимо, каким образом успевал читать лекции в Лондонском университете по средневековой итальянской живописи. Кстати, есть сведения, что в сложные моменты, когда решалась судьба Кембриджской пятерки, он встречался с сотрудниками советского посольства прямо после лекции, едва спустившись с кафедры.

Непонятно, откуда у него брались время и силы. При всей своей занятости Блант во время войны по поручению королевской семьи принялся составлять опись рисунков, принадлежащих правящей династии. Бывал в Виндзорском дворце, удостаивался высочайших аудиенций, словно делая некий задел на послевоенное будущее.

Его отношения с Лиделлом крепли. Завязалось нечто вроде дружбы с Диком Уайтом — еще одним руководителем МИ-5. Через несколько лет именно Уайт встал во главе всей английской разведки. Они с Блантом вместе отдыхали, расслаблялись в доме Виктора Ротшильда. Банкир сдал Энтони свой особняк в Лондоне, устав от бомбежек и затемнений, и переехал жить за город. В роскошной обстановке Бланту было легче разговорить своих начальников. Да они и сами частенько обращались к нему за советом. Так Блант заранее узнавал о том, какие действия собирается предпринимать английская контрразведка против

представителей того или иного посольства, уведомлял резидентуру, кто из сотрудников посольства попал или мог попасть под колпак МИ-5.

Блант разработал подробную методику действий службы наружного наблюдения. На ее внедрение ушло несколько месяцев. Конечно, эффективность английской наружки резко возросла. Но как противоядие «Тони» передал копию своего доклада советской резидентуре. Это спасло множество агентов. Зная методы работы англичан, было легче уходить от наблюдения.

Парадоксально, но довольно далекий от техники Блант ввел в практику наружного наблюдения новые чисто технические элементы. Некоторые разведчики и сегодня считают, что эта методика Бланта является одним из самых действенных средств борьбы с наружным наблюдением.

«Тони» передавал и важнейшую политическую, стратегическую информацию. Он был одним из тех, кто сообщил Цен-тру о переговорах, которые вел с американцами эсэсовец Вольф. В обмен на прекращение войны на Западе личный представитель Гиммлера гарантировал, что войска Германии будут действовать только против СССР. Сталин обратился за официальными разъяснениями к Англии и США, намекнув, что об этих тайных переговорах станет известно всему миру. Опасаясь позорной огласки, те отказались от сепаратных сделок с представителями фашистской Германии.

Благодаря Бланту Москве стало известно и о секретных сепаратных переговорах с Италией, которые вели Англия и США с помощью Ватикана. Муссолини был свергнут, арестован, и союзники, не уведомляя Советский Союз, подписали перемирие с главой нового итальянского Кабинета министров. Предприняв официальный дипломатический демарш, правительство СССР с согласия ошарашенных союзников тоже подключилось к переговорам. Через некоторое время новый Кабинет министров Италии был официально признан Советским Союзом, а США и Англия были даже вынуждены согласиться с предложением Москвы о создании комиссии для ведения переговоров с государствами, пытающимися выйти из-под влияния рейха.

Однако неверно было бы представлять Бланта этаким засевшим в кабинете стратегом-теоретиком. Он был типичным разведчиком, работавшим «в поле». Но это задание, полученное им от начальства, поначалу казалось невыполнимым. Британской контрразведке во что бы то ни стало требовалось добраться до дипломатической почты стран-союзниц и правительств государств, выбравших местом постоянной эмиграции Лондон.

Иногда англичанам удавалось переснять их. Теперь же было приказано поставить добычу такой информации на поток.

И Блант изобрел простой, надежный способ. Специально для того, чтобы завладеть почтой хотя бы на несколько часов, под разными предлогами задерживалась отправка самолетов. Дипкурьерам вежливо предлагалось уложить почту в «надежный» сейф прямо в аэропорту, самим запечатать его и отправиться на отдых в ближайшую гостиницу. Через несколько часов они же открывали сейф, вынимали содержимое и готовились к объявленному, всегда срочному, вылету — не подозревая, что сноровистая команда Бланта быстро пересняла документы, не оставив никаких следов. Понятно, что содержание переписки быстро становилось известно в Москве. Наибольший интерес для Центра представляла почта польского правительства в изгнании, и этот интерес Блант удовлетворял с лихвой.

Ким Филби в свой книге «Тайная война» вспоминает, что эта система дала осечку лишь однажды.

Из всех специальных служб Великобритании служба дешифровки заслуживала особых похвал. Жаль только, что не все тексты перехваченных и расшифрованных немецких сообщений передавались русским союзникам. Блант восполнил этот серьезный пробел.

Блант превратился и в отменного вербовщика. Да, пришлось отбросить свойственное ему высокомерие, перевоплощаться (на время) из аристократа в рубаху-парня. Согласно полученной директиве его «клиентами» должны были стать в основном деятели иностранных правительств, осевшие в Лондоне. И «Тони» не разменивался по мелочам. Вербовал министров, перспективных зарубежных политиков, претендентов на роли будущих правителей государств. Тем льстило внимание милейшего английского аристократа.

И, конечно же, использовала разведка и аналитические способности Бланта. Ему поручили проанализировать показания немецких шпионов и их агентов, арестованных не только в самой Великобритании, но и в Африке, в арабских странах. Работу Бланта признали безупречной. Читая протоколы допросов, часами прослушивая магнитофонные ленты с ответами задержанных, ему иногда удавалось найти новые ходы в, казалось бы, безнадежных делах. Горе тем, кто вызывал его, чаще всего заслуженное, подозрение. Он распутывал шпионские клубки терпеливо и всегда добирался до сути. А материалы направлялись в два адреса — лондонский и московский.

И еще об одном. Раньше считалось, что безопасность Кембриджской пятерки обеспечивал по понятным причинам в

основном Филби. Некоторые материалы свидетельствуют, что в этом Кима подстраховывал Блант, не только вовремя предупреждая об опасности, но и помогая ее устранить либо обойти.

Напомним, что Блант никогда не был коммунистом. Но это он не раз спасал компартию Великобритании от проникновения в нее агентов из МИ-5, пытавшейся любым способом скомпрометировать коммунистов. Это подтверждал и работавший на контрразведку Томми Драйберг. Он внедрился в компартию еще в начале Второй мировой войны, но был изгнан из ее рядов как раз тогда, когда стоял на пороге разгадки некоторых секретов. Еще немного — и Драйбергу удалось бы узнать, кто из коммунистов внедрился в британские спецслужбы. Не удалось, помешал Блант, сообщивший о намерениях Томми.

Приведу еще один, малоизвестный, эпизод из послужного списка Энтони Бланта. В 1937 году Вальтер Кривицкий стал первым перебежчиком из высшего состава советской разведки. В 1939 году, находясь в Великобритании, он, абсолютно добровольно, выдал англичанам работающих там сотрудников НКВД, а также назвал несколько имен их ценнейших агентов. После этого был арестован капитан Джон Кинг из дешифровальной службы. Приговоренный к десяти годам, Кинг был досрочно освобожден из тюрьмы по двум причинам. Во-первых, за безупречное поведение, во-вторых, в связи с началом войны.

В показаниях Кривицкого фигурировал и некий молодой талантливый британский журналист, освещавший события гражданской войны в Испании. Этот журналист, утверждал Кривицкий, был связан с советской разведкой. К счастью, контрразведка не смогла догадаться, что речь идет о Филби.

Кроме того, Кривицкий уверял, будто на территории Англии и Британского Содружества действует широко разветвленная сеть советской агентуры из шестидесяти одного человека. Трое из них проникли в Форин Оффис, еще трое — в спецслужбы. Все протоколы допросов Кривицкого Блант передал в Москву. 9 февраля 1941 года бывший советский разведчик был найден с простреленным виском в Вашингтоне в отеле «Бельвю» на Капитолийском холме. Американцы пытались выдать смерть Кривицкого за самоубийство. Но это было не так.

Работа «Тони» в Москве оценивалась очень высоко. Ему не раз объявлялась благодарность, о чем Бланту сообщали связники.

В 1945 году советская сторона установила всей «пятерке» пожизненную пенсию. Теперь уже можно сказать, что для каждого она была «персональной», согласно заслугам. Для Бланта — 1200

фунтов в год, немного больше по сравнению с Кернкроссом. Но все пятеро от пенсии отказались. Блант под предлогом того, что не нуждается в деньгах. Хотя ему было предложено обращаться к связнику в случае возникновения любых материальных осложнений, Блант этим предложением ни разу не воспользовался.

Война близилась к завершению. Видный искусствовед Блант получил лестное предложение стать Хранителем королевских картинных галерей. Этот пост был учрежден еще в первой четверти XVII века. Хранитель всегда знал наперечет картины, находящиеся в королевских галереях, должен был рассказывать монарху о создавших их живописцах, а также при необходимости рекомендовать новые полотна для покупки.

Бланту исполнилось тогда всего 36 лет. Его работа в контрразведке заканчивалась, о чем «Тони», или тогда уже «Джонсон» или «Ян», уведомил советских друзей. В Москве решили никогда не обременять его заданиями, имевшими хоть малейшее отношение к королевской семье.

Блант ушел из контрразведки в ноябре 1945 года. Однако еще некоторое время МИ-5 привлекала его к выполнению отдельных заданий.

Почему Блант сумел принести огромную пользу двум разведкам? Во-первых, он был тонким аналитиком. Во-вторых, умел располагать к себе людей, привлекая вышколенным аристократизмом. В-третьих, его работоспособность, даже выносливость были феноменальны. В-четвертых, он смотрел на разведку не только как профессионал, но и как художник, которому всегда открывается нечто большее, чем простому смертному. В-пятых, помогали чисто математические способности. И, в-шестых, — знание иностранных языков, которым не могли похвастаться большинство его коллег.

Человек с подобными способностями, бесспорно, имел право на нечто большее, чем даже высокий чин майора контрразведки. Останься он в секретной службе и после окончания Второй мировой войны, это бы поставило точку в блестящей, что было понятно всем, карьере искусствоведа. А может, и вызвало бы подозрения?

В 1947 году Энтони Блант стал директором института Куртольда, занимающегося живописью и искусствоведением. Ему был пожалован рыцарский титул. Он читал лекции в Оксфорде и Кембридже. В 1963 году крупнейший специалист в области живописи Энтони Блант, получивший мировое признание, отправился в США в качестве приглашенного профессора. Он не скрывал, что не приемлет современное американское искусство,

доказывал в дискуссиях со студентами Пенсильванского университета, что оно сиюминутно и недолговечно, так как взращено на деньгах и рекламе. Из художников XX века он ценил, пожалуй, лишь одного Пикассо.

Подчеркну, что после войны Блант продолжал работать на советскую разведку. Его связи с руководителями СИС только укрепились. Он вращался в высоких кругах. Его донесения носили теперь не столько оперативный, сколько политический, стратегический характер. Так, в самом начале 1950-х годов Блант сумел пролить свет на цели недавно образованного блока НАТО.

Он помогал резидентуре поддерживать связь со своим другом Берджессом. Иногда Гай не мог явиться на встречу со связником сам и просил об этом Бланта. Энтони предупреждал советских друзей о намеченных МИ-5 вербовках сотрудников советского посольства, узнавал имена засекреченных агентов контрразведки. Каждое свидание со связником было рискованным. За Хранителем королевских галерей могли следить, как и за связником. Но Блант, в отличие от Кернкросса или Берджесса, обладал железной выдержкой. И если что-то, по его мнению, представляло угрозу, он не выходил на встречу.

Положение Бланта осложнилось в 1951 году после исчезновения двух членов «пятерки» Гая Берджесса и Дональда Маклина. Будучи близким другом Берджесса и имевший ключи от его лондонской квартиры, Блант успел проникнуть туда еще до прихода контрразведчиков и частично сжечь, частично вынести некоторые компрометирующие Гая материалы, в том числе и телеграмму от Кима Филби из Вашингтона недвусмысленного содержания: «Здесь становится жарко». Времени было в обрез, Блант торопился, и кое-что из бумаг всё же попало в руки английских следователей. А у Бланта еще хватило хладнокровия отдать контрразведке ключи от жилища «пропавшего» друга.

Но, конечно, нельзя было скрыть связь Бланта с Берджессом, ведь она длилась многие годы. Начались беседы в контрразведке, затеяли расследование.

Связник Бланта Юрий Модин рассказывал, что он не без труда встретился со своим подопечным и предложил ему последовать примеру Маклина и Берджесса. Блант ответил категорическим отказом: в СССР он жить не сможет. Успокоил связника: прямых улик против него нет, а как вести себя на допросах, он знает и потому выдержит. И предложенных на всякий случай денег тоже не взял.

Блант был уверен: никто в Британии не осмелится посадить в тюрьму человека, близкого к королевской семье. О его дружбе со скончавшимся королем было всем известно. Но лишь немногие

знали, что в конце войны сотрудник разведки Энтони Блант выполнял некие конфиденциальные поручения Георга VI в европейских странах. Что это были за поручения, полагаю, так и останется тайной. Поговаривали, будто поездки Бланта в Европу связаны с розыском и возвращением некоторых полотен, похищенных фашистами. Возможно, стараниями неофициального королевского посланника эти полотна попали в нужные руки. Какой бы поднялся шум, если бы Блант на суде поведал и об этом, и о деятельности МИ-5.

Существует и другая версия. Брат короля отрекся от престола, как он объяснил, во имя любви к замужней американке. Не исключено, что это лишь часть правды. Есть основания предполагать, что секретные командировки Бланта были связаны с поиском писем брата Георга VI, в которых тот высказывал симпатии Гитлеру и его приближенным. Так, в конце войны Блант будто бы вывез из замка Фридрихсхоф в Гессене документы, включающие переписку герцога Виндзорского с Гитлером. Сейчас они хранятся в недоступных королевских архивах. Достоверно известно лишь то, что среди добытых Блантом документов были архивы императрицы Виктории, дочери королевы Виктории и матери Вильгельма II. А вот по поводу корреспонденции бывшего короля нет никаких определенных данных. Но заговори кто-то, допустим, тот же сэр Энтони, об этих «мелких» и удачно выполненных им поручениях короля Георга VI, скандал бы разгорелся вселенский.

Так что Блант — на тот момент — оказался прав. Дело спустили на тормозах. Советская разведка полностью прекратила с ним связь. И лишь в 1964 году он снова попал под подозрение.

Чтобы вникнуть в сложнейшие перипетии дела Бланта, придется снова вернуться в 1937 год, когда он попытался привлечь к работе на СССР студента Кембриджа, американца Майкла Уитни Стрэйта. Тот на волне антифашистских настроений вступил в компартию. Сын богача был всерьез увлечен идеями всемирного равенства и братства. Подружился с Блантом и другими членами Кембриджской пятерки.

Энтони решил рискнуть. Не спросив согласия Москвы, предложил Майклу перейти от теории к практике. Объяснил, чем конкретно тот может быть полезен. Стрэйт, как и рекомендовал Блант, отошел от компартии, вернулся в США и занялся экономикой, чтобы в нужный момент помочь Советам.

Но когда еще до войны такой момент наступил, Стрэйт заколебался. Работая в Госдепартаменте, он в принципе мог бы превратиться в бесценного источника информации. Только Стрэйт к этому не стремился. Да и человек, явившийся к нему от

Бланта, не вызывал симпатии. Не сошлись они характерами. Всё же несколько малозначимых услуг советской разведке в конце 1930-х годов сын миллионера оказал.

Советско-финляндская война перевернула мировоззрение сына банкира. Майкл Стрэйт осуждал СССР и свел общение с неизвестным ему человеком из советских органов до минимума. В то же время он довольно успешно продвигался по служебной лестнице. В Госдепе его ценили как одного из спичрайтеров президента Рузвельта. Стрэйт скрепя сердце все-таки изредка встречался с посланцем Москвы, а потом прекратил всякое общение. Перед этим поклялся: о контактах с Блантом в Англии и с незнакомцем из НКВД в США никогда и никто не узнает. Так что развод был оформлен мирно.

Вероятно, связь Стрэйта с советской разведкой так бы и не выплыла наружу, если бы не его трусость. Когда администрация Джона Кеннеди предложила литератору Стрэйту войти в президентский совет по делам искусств (всего лишь!), тот перепугался. Ведь намекнули о предстоящей проверке его досье в ФБР. И в 1964 году Стрэйт сломя голову бросился к своему знакомому — помощнику президента США Артуру Шлессинджеру. Рассказал ему о членстве в компартии, коротком сотрудничестве с КГБ. И о знакомстве с Энтони Блантом и уже находившимся много лет в СССР Гаем Берджессом тоже.

Американцы поделились информацией с английскими коллегами. Блант вновь попал в тяжелое положение. Но британским властям не хотелось поднимать шума. Боялись скандала: родственник королевы мог, если бы его вынудили заговорить, невольно раздуть такой пожар, в котором сгорели бы многие сильные мира сего.

Блант понял это и пошел на сотрудничество со следствием. В ответ на судебный иммунитет он назвал несколько имен своих помощников. Все они к тому времени либо уже ушли из жизни, либо перебрались, как Берджесс, в Советский Союз и другие страны. Он сознался, что передавал русским некоторые военные секреты, но лишь связанные с совместной борьбой двух государств-союзников против нацистской Германии. В основном это были расшифрованные сообщения из немецкого Генштаба, которые по логике должны были бы пересылаться в Москву и без его помощи.

Есть и иная версия признаний Бланта. Он по-прежнему любил Гая Берджесса. И будь тот жив, из него не вытянули бы ни слова. Однако, узнав в 1963 году о смерти друга в Москве, облегчил душу.

Один из наиболее цепких следователей МИ-5 Питер Райт

допрашивал Бланта на протяжении шести лет множество раз — приблизительно каждый месяц, пытаясь поймать на неточностях. Книга Райта «Ловец шпионов» полна всяческих откровений. Таких, что ему запретили издавать ее в Британии. После выхода в отставку борец со шпионами нарушил закон, издав книгу в 1987 году в Австралии.

Райт уверял, что Блант был на допросах неискренен, выдавал лишь крупицы того, что знал, подсовывал дезинформацию. Райт полагал, что Блант делает это по указке советской разведки, тщательно дозировавшей сведения, которые ему разрешалось разглашать.

Но Райт ошибался. В те годы советская разведка связь с Блантом уже не поддерживала. Он и сам знал, что можно говорить, а что — нет.

А еще «Ловец шпионов» поведал, что во время расследования дела Бланта произошла его встреча с личным секретарем правящей королевы. Тот сказал Райту, что на допросах Блант может вспомнить о своей поездке в Германию в конце войны по поручению короля. Секретарь высказал просьбу: если это вдруг произойдет, интересоваться подробностями визита не стоит.

Но вот как характеризует неистовый «Ловец шпионов» своего визави: «Блант — самый изящный, образованный человек из всех, кого я знал. Он говорил на пяти языках. Обширные познания Бланта производили невероятное впечатление».

Характеристика достойная. И если уж продолжать эту линию, то стоит хотя бы кратко упомянуть работы академика Бланта в области искусствоведения. Это поможет понять масштаб личности Энтони Бланта, широту его знаний. Блант увлекался литературой. Успехом пользовалась его солидная по объему книга, в которой прослеживались тенденции в развитии литературы и живописи Франции с 1500 по 1800 год. Бланта интересовало творчество английского художника и поэта Блейка, о котором он тоже написал книгу. Изучал он и современную живопись. Не случайно Блант обратил внимание именно на Пикассо, выделив из всего творчества великого художника знаменитую «Гернику». А из живописцев любимой Франции он особенно ценил Никола Пуссена и посвятил ему одну из книг.

Как бы то ни было, но и после 1964 года Энтони Блант сохранил должность Хранителя королевских картинных галерей. Он по-прежнему преподавал, писал книги по искусству, присутствовал на официальных церемониях.

Всё закончилось 21 ноября 1979 года после заявления премьер-министра Маргарет Тэтчер. Надо сказать, что обычно англичане умеют держать данное слово. К «Железной леди» это

не относится. Судебный иммунитет, обещанный Бланту, был нарушен. Возможно, это произошло потому, что «разговорился» Стрэйт. В его книге Блант был заклеймен как советский шпион. И Тэтчер со свойственной ей резкостью, не дожидаясь парламентских запросов, объявила: о шпионской деятельности Бланта британские власти узнали еще в 1964 году: «Он сознался, что был завербован перед войной, будучи преподавателем Кембриджа».

Печать разразилась статьями о разоблаченном Четвертом. Королева отлучила Бланта от музеев, где он был Хранителем. Блант сам отказался от рыцарского звания. Тринити-колледж в Кембридже отобрал у своего выпускника и преподавателя почетную степень профессора, вывел его из членов правления. Британская Академия наук отреклась от академика Энтони Бланта, исключив его из своего состава.

Но Блат не сдавался. Он находил вдохновение (или успокоение) в любимой работе. Теперь темой его исследований и книг были неаполитанское барокко и рококо, сицилийское барокко. Обратил он внимание и на Россию, посвятив ей один из очерков-обзоров.

Несмотря на травлю, слабое здоровье, свалившиеся неприятности, Энтони Блант успел написать и издать 20 книг по искусству, бесчисленное количество монографий, сотни журнальных статей.

Его давно мучили сердечные приступы. Иногда прямо во время встречи со связником он садился на скамейку, чтобы отдохнуть и принять лекарства, которые всегда носил с собой. При этом успокаивал, уверяя перепуганного связника: боль скоро отпустит, он привык к таким приступам.

Он сохранял не только работоспособность, но и мужество. Когда английское правительство официально сообщило, что Берджесс — советский агент, Блант не побоялся так охарактеризовать друга, которого не видел после его бегства в СССР: Берджесс «был одним из умнейших людей, с которыми мне довелось встречаться».

А другому своему другу — Киму Филби, который жил в Москве, Блант передал через советское посольство в Лондоне в подарок гравюру. О ней поведала мне жена Кима Филби — Руфина Ивановна Филби — Пухова. Гравюра стала последней весточкой от Бланта, понимавшего, что жить ему осталось недолго. Филби по изображению на литографии (в нем подспудно угадывалось имя Бланта) сразу понял, от кого подарок. Долго терзался, писать ли письмо Энтони, не подведет ли его. Решил не отвечать, а потом корил себя за то, что так с ним и не

попрощался.

Тяжелейший период для Бланта начался в конце ноября 1979 года, после сделанного Тэтчер объявления в парламенте. Приходилось скрываться от журналистов, телефон в его доме звонил не переставая. Один профессор — коллега Бланта укрывал его у себя в квартире. Затем Блант уехал в Северную Ирландию — решил переждать вал обрушившихся на него проклятий и даже угроз вдали от Лондона, да и просто отдохнуть от преследования прессы. В Дублине нашелся еще один коллега по искусству, который приютил у себя опального Бланта. Так что не все от него отвернулись.

Удивительно, как при слабом здоровье, не прекращавшихся нападках Блант дотянул до семидесяти шести лет. Он умер 26 марта 1983 года от сердечного приступа.

В книгах некоторых западных историков разведки мне приходилось читать, что «Энтони Блант скончался в социальном вакууме и забвении». Это неправда. В последний путь его провожали родственники и, хоть и немногочисленные, ученики и друзья. А еще было множество венков. Большинство из них — безымянные. Его не забыли.

Согласно завещанию Бланта, четверть века спустя вышли в свет его мемуары, которые он писал с 1979 по 1983 год. В книге Блант признается во многих грехах. Признания эти не то что запоздалые, но ничего к облику Бланта не добавляющие. Наверное, ему просто хотелось высказаться. Трудно жить с камнем на сердце.

Прах Энтони Бланта, согласно его воле, был развеян на поле невдалеке от школы в Мальборо, где он учился.

БОМБА НА БЛЮДЕЧКЕ
Моррис и Лона Коэн

Во время войны Моррис и Лона Коэн добыли для СССР секрет создания атомной бомбы.

Звания Героев России им были присвоены уже посмертно, но с Моррисом Коэном (он же Питер Крогер, Санчес, Изра-эль Ольтманн, Бриггс, Луис…) мне удалось встретиться незадолго до его кончины. Пожалуй, я единственный русский журналист, которому так повезло. Наша беседа летом 1994 года длилась часа четыре и помогла понять многое в весьма сложной и запутанной истории их с Лоной жизни.

В США Моррис и Лона Коэн руководили агентурной сетью, получившей название «Волонтеры». Во время войны добывали чертежи и образцы современнейшего оружия. В Штатах трудились с шестью советскими связниками, в том числе с легендарным Абелем. Роль Коэнов в добыче атомных секретов в годы Великой Отечественной неоценима. Чтобы избежать провала, они были вывезены советской разведкой из США.

После трехгодичной учебы в Москве их послали в Англию в качестве помощников советского нелегала Конона Молодого, он же Гордон Лонсдейл. В результате предательства польского разведчика-перебежчика Морриса и Лону арестовали. После девяти лет тюремного заключения они были обменены. Получили советское гражданство и до конца дней жили в центре Москвы. Несмотря на кажущееся обилие материалов о супругах Коэн их деятельность в разведке раскрыта не до конца. Некоторые неизвестные раньше детали рассказаны в этой главе.

Мне почему-то казалось, что Моррис живет где-то в дачном поселке за высоким забором или на какой-то специальной квартире далеко от центра. Выяснилось: мы почти соседи. Большой дом на Патриарших прудах, нелюбопытный лифтер, крепенькая медсестра, тактично поддерживающая под локоток прихрамывающего, седого как лунь старичка с палочкой.

Его русскому языку далеко до совершенства, но объясниться с окружающей обслугой Моррис вполне может. Впрочем, прикрепленный к нему офицер Службы внешней разведки, навещающий Коэна несколько раз в неделю, безупречно говорит по-английски. Да и со мной Моррис предпочел общаться на родном языке. Когда мы изредка переходили на русский, Моррис обращался ко мне на «ты». Впрочем, и медсестрам, и остальным он говорил только «ты».

Экскурсия по уютно, но без излишеств, обставленной трехкомнатной квартире не дает забыть, у кого в гостях находишься. На видных местах фото двух наших разведчиков-нелегалов — Фишера — Абеля и Молодого — Лонсдейла. Так уж сложилась судьба, что с обоими Коэнам довелось поработать. С первым в США, со вторым в Великобритании. Рядом в рамочке фотография Юрия Андропова, он в бытность председателем КГБ СССР заглядывал в эту квартиру. Портреты Морриса и Лоны, написанные, как объясняет мне хозяин, «товарищем из нашей Службы». Знаю-знаю, что это за товарищ. Полковнику СВР, заслуженному работнику культуры, художнику Павлу Георгиевичу Громушкину было доверено создать целую серию портретов наших героев-нелегалов.

А рядом — некоторым диссонансом с этим официозом — веселые и цветастые стенные газеты, открытки, написанные подчас крупным детским почерком. Это не забывали Морриса внуки и правнуки российских чекистов, вместе с которыми он и Лона рисковали за кордоном. Чуть суховатая, несколько академическая квартира согревается теплом. Мне рассказывали, что после смерти Лоны от рака в 1993 году этого тепла Моррису очень не хватало, он грустил. Но заботливые «прикрепленные» офицеры из СВР не дали впасть в депрессию.

Помимо фотографий о редкой профессии хозяина говорили и книги. Для большинства читателей — в них история разведки, для Морриса — его собственная. Тяжело опираясь на палку, достает фолиант и открывает на нужной странице: «Вот англичане пишут, будто я сделал то-то. Не совсем так». Или: «В США до сих пор верят, что… Пусть они остаются при своих заблуждениях».

А в коридоре большой рисунок испанского дома с колоннами, около которого Моррис надолго задерживается: «Приглядитесь к особняку, какие колонны, а? Я потом вам объясню». И начались воспоминания о гражданской войне в Испании, куда он приехал под именем Израэля Ольтманна, о товарищах, которые уже ушли из жизни. Характеристики он дает точные, я бы сказал, резкие, хлесткие, о некоторых отзывается без всякого уважения, особенно о парочке болтливых французов. Несколько человек из Интербригады в то время еще были живы. Кое с кем мой гид Моррис вел переписку из Москвы: создавался музей памяти интернационалистов, и Моррису было что в него передать. Один друг, с которым Моррис сражался в Испании бок о бок, хотел приехать, вроде и формальности уладили, но внезапно замолчал, пропал. У Морриса навернулись на глаза слезы — похоже, друга больше нет. Они вместе ходили в атаку, воевали в составе

Интербригады с Франко, фашизмом…

Именно фашизм подтолкнул тогда многих людей, даже далеких от марксизма, в объятия Страны Советов. Гражданская война в Испании — первое и открытое столкновение с оружием в руках с нарождавшейся коричневой угрозой — объединила и сплотила тысячи антифашистов, невольно превратив их в огромный подготовительно-отборочный класс советской разведшколы. Оттуда, из Испании, в ряды тайных бойцов шагнули десятки, если не сотни, наипреданнейших. Среди них был и Моррис Коэн.

Он прошел по всем ступеням, ведущим в друзья СССР. Член Лиги молодых коммунистов, еще в детстве слышавший на нью-йоркской Таймс-сквер Джона Рида и до последних дней считавший его «лучшим оратором в моей жизни». Ночами студент-агитатор Коэн расклеивал листовки в студенческом кампусе. Потом превратился в распространителя коммунистической печати и партийного организатора. Вопреки придиркам преподавателей, пытавшихся на экзаменах завалить молодого и настырного коммуниста, он получил диплом учителя истории. А практический курс исторических истин отправился добровольно осваивать на гражданскую войну в Испанию.

Ему везло и не везло. Командовал взводом, стрелял, не промахивался, но в сражении при Фуэнтес д'Эбро был серьезно ранен: прострелены обе ноги. В барселонском госпитале его лечили почти четыре месяца. Он и сам помогал выхаживать лежачих, вместе с ним проклинавших Франко с тем большей яростью, чем чаще одерживал победы проклятый генерал. Битва приближалась к концу — и совсем для них несчастливому.

Наверно, понимали это не только добровольцы из Интербригад, но и опекавшие их советники из СССР. Благоприятного для вербовки момента упускать было никак нельзя. Где потом разыщешь-соберешь такую поголовно поддерживающую Советы массу.

И вот в 1938 году советник из СССР отправил прямо на грузовике 50–60 выздоравливающих в двухэтажный особняк, вид которого Моррис и демонстрировал мне в прихожей. Этот особняк — сколько же, интересно, людей через него прошло? — и довел Коэна до Москвы.

Он был третьим из американцев, которого пригласили «на интервью». Не все, с кем говорили и кому предлагали, согласились идти в разведку. А Моррис без колебаний сказал «да!».

Некоторые авторы пишут, что Коэн — это последняя перед побегом в США вербовка резидента Александра Орлова. Однако

Моррис в разговоре со мной это утверждение решительно опроверг. Был другой человек и другая беседа в том особнячке с четырьмя колоннами. Но результат тот же: в 1939 году, когда в Нью-Йорке развернулась международная выставка, в кафе неподалеку от нее к Коэну подсел приехавший из Москвы молодой паренек. По виду — еврей, как и Коэн. Подозреваю, что в твердой транскрипции фамилия Морриса звучала бы скорее как Коган. А настоящее имя встретившегося с ним сотрудника советских органов безопасности — Семенов Семен Маркович. Одесский мальчик из бедной еврейской семьи, окончил Московский текстильный институт и с 1937 года служил в НКВД. В США успевал делать сразу два важных дела — учиться в Массачусетсском университете, диплом которого впоследствии и получил, а также работать в резидентуре советской внешней разведки под псевдонимом «Твен».

Соотечественники и почти одногодки понравились друг другу. Коэн пригласил Твена заглянуть к нему домой. Там, в скромном жилище Морриса, а не в кафе на глазах у всех, новый друг и протянул ему сломанную расческу. «Вещественный пароль», как говорят в разведке, точь-в-точь пришелся к половинке расчески, захваченной Моррисом из Барселоны. Твен и стал первым — из шести — советским куратором, который приступил к работе с Луисом. Такой оперативный псевдоним присвоили Моррису в Центре. В 1941 году, уже состоя в браке, Луис завербовал с разрешения Москвы жену Леонтину, или коротко Лону, которая получила кодовое имя Лесли.

В двух-трех довольно солидных зарубежных изданиях Коэна с определенной долей сомнения называют американцем, а вот Лону зачислили в советские разведчицы: нелегально заброшенная в Штаты, Леонтина вышла замуж за Морриса фиктивно. Ерунда. Леонтина Тереза Петке родилась в 1913 году в Массачусетсе. Родители ее эмигрировали в Америку из Польши, и в жилах ее действительно текла славянская кровь. Член компартии США, профсоюзная активистка, она познакомилась с будущим супругом там, где и должна была по логике познакомиться: на антифашистском митинге. Догадывалась о связях мужа с русскими, а затем, когда ему разрешили раскрыться перед женой, сразу же согласилась работать на Советский Союз из бескорыстных побуждений. Истинно бескорыстных, ибо, как рассказывал мне один из шестерых российских разведчиков-кураторов Коэнов, любая попытка вручить им вознаграждение вызывала решительный отказ. В конце концов договорились, что «Волонтеры», так по вполне понятным соображениям, но без ведома Морриса, окрестили его группу в Москве, будут

принимать деньги не за добытые сведения, а исключительно на оперативные нужды: покупку пленок, фотоаппаратов, поездки на поездах и на такси. Так однажды Моррис и Лона вывезли с военного завода новейший пулемет. Этот эпизод из их разведдеятельности запомнился Моррису потому, что ствол был тяжелый, длинный и никак не помещался в нанятый кеб. Пришлось втискивать его в багажник машины с дипломатическим номером, догадайтесь, пожалуйста, какой страны.

— Зато сэкономили на такси, — пошутил Моррис.

Кстати, пулемет в полном сборе «достала» Лона-Лесли. Незадолго до кончины Лоны Коэн СВР России помогла осуществить ее мечту: в Москву из США приехала родная сестра. Собиралась приехать еще… Формально въезд в Штаты не был закрыт и для миссис Коэн. Ни против нее, ни против мужа никаких официальных обвинений не выдвигалось.

Правда, когда в 1957 году в Нью-Йорке арестовали советского разведчика под именем Абель, в вещах его нашли две фотографии супругов — на паспорт. Агенты ФБР осведомились у соседей к тому времени уже исчезнувшей четы Коэн, не видели ли они когда-нибудь этого человека. Соседи искренне колебались. Кажется, однажды под Рождество похожий скромно одетый мужчина наведывался к Моррису и Лоне.

Добравшись до СССР, Коэны приняли советское подданство, и Моррис с гордостью продемонстрировал мне свой довольно-таки потрепанный паспорт, сказав, что он такой же гражданин России, как и я, попросил никогда больше не называть его мистером. Или товарищ, или просто Моррис, ну Питер. Он и сам слегка путался в собственных именах, и рассказывая о жене, называл ее всякий раз по-разному — Лесли, Лона, Леонтина, Хелен. Один раз вырвалось и совсем необычное имя, назвать которое я по понятным причинам не имею права.

Детей у супругов не было, и о причинах этого догадаться несложно. Хотя есть и другая версия. Играя в американский футбол, Моррис получил сильный удар ногой в пах. И вот тут начинается забавная история. Статистика любимой в США игры ведется безукоризненно. И во многом благодаря этому самому футболу американцы раскопали, что Моррис Коэн действительно свой, коренной, а не из СССР засланный. В колледже, а не в университете этот игрок, родившийся в Нью-Йорке в 1910 году, выступал за студенческую сборную и даже получал спортивную стипендию. Моррис подтвердил, что в юные годы был страстным игроком. «Может, поэтому у меня до сих пор болит и ноет по ночам разбитая во время игры в Миссисипи коленка. А еще в одной схватке меня так саданули прямо между ног, что с поля

унесли на носилках. Долго лечили…» И тяжело вздохнул.

Коэн не знал, остались ли у него в США родственники. Отец — откуда-то из-под Киева, мать родилась в Вильно, а жили в Нью-Йорке в страшной бедности в районе Ист-Сайда. По-русски в семье никогда не разговаривали.

Люди, знавшие чету Коэн достаточно близко в Москве, как и полковник Юрий Сергеевич Соколов, один из шести связников, работавших с ними в США, утверждают: у разведчи-ков-нелегалов была идеальная совместимость. Верховодила вроде бы Лона, однако решения принимал как в США, так потом и в Англии, и в Москве молчаливый Моррис. Лона щебетала по-русски, он погружался в книги на английском. Правда, во время встречи признался мне, что теперь долго читать не может — болят глаза.

На длинный список моих напечатанных по-английски вопросов смотрел через огромную лупу. На многие из них ответов так и не последовало — он показал себя большим мастером уходов в сторону. Рассказывал о трудном нью-йоркском детстве, об отце — сначала уборщике, потом торговце овощами. Я понял, что многие конспиративные встречи проходили именно в папиной зеленной лавке. Видимо, отец не только догадывался о его нелегальной работе, но даже иногда ему помогал.

С удовольствием Моррис вспоминал лишь о хрестоматийном эпизоде, случившемся в Великую Отечественную, — о вывозе чертежей из секретной атомной лаборатории в Лос-Аламосе, где так отличилась Лесли. Не могу его не привести, несмотря на то, что этот подвиг описан во многих книгах и вошел во многие учебники разведки разных стран как пример не только мужества нелегального разведчика, но и его находчивости и хладнокровия.

Шла война, и в июне 1942 года Коэна мобилизовали. Служил он в разных местах, даже где-то на Аляске. Так что из армии было не выбраться. Вот и пришлось Джонни — еще один связник группы «Волонтеров», он же легальный советский разведчик Анатолий Яцков, — послать на встречу с неведомым агентом Персеем в неблизкий от Нью-Йорка Лос-Аламос Лону Коэн. Она должна была взять у незнакомого молодого человека, работавшего в секретной атомной лаборатории, «что-то» и передать это «что-то» Яцкову, или, как говорил Моррис, «нашим» в Нью-Йорке. Лона не догадывалась, за чем именно едет.

Получила с трудом отпуск на военном заводе и чуть обезопасилась свидетельством нью-йоркского врача: отправляется на курорт Альбукерк подлечить легкие. А это недалеко от Лос-Аламоса или Карфагена, как называли его в Центре. Но и в Альбукерке за приезжими тоже приглядывали, поэтому Лона поселилась в Лас-Вегасе, городке, название которого абсолютно

схоже с именем мировой столицы казино. Снимала комнатенку у какого-то железнодорожника и лечилась, принимая процедуры. Перед отъездом ей показали фото агента, вошедшего затем в историю под именем Персей.

Тех, кто работал в атомной лаборатории, из закрытой зоны в город выпускали лишь раз в месяц по воскресеньям. В этот день они с Лоной и должны были встретиться в Альбукерке на оживленной площади у храма. Здесь, на мой непросвещенный взгляд, резидентура чересчур намудрила, решив, что одного пароля недостаточно. Персей должен был держать в правой руке журнал, в левой — желтую сумку, из которой торчал бы рыбий хвост. И не просто рыбий — а сома. Если сумка повернута к Лесли лицевой стороной с рисунком, то к Персею можно подходить смело: слежки нет. Далее следовали обмен паролями и передача сумки.

Лесли пришлось изрядно понервничать. У нее уже заканчивался отпуск, а Персей всё не приходил. Говорят, что даже удачная, но рискованная конспиративная встреча отнимает у разведчика месяц жизни. А Персей объявился только на четвертое воскресенье. Журнал он держал не в руке, а в сумке. Молодой парень подзабыл и пароль, затем признался Лесли, что запутался, в какой же день должна состояться встреча.

Но нервные клетки были потрачены не напрасно. Между рыбиной, это действительно был сом, и журналом лежали полторы сотни документов. От себя добавлю: важность и значительность их были таковы, что уже сравнительно скоро о их содержании создатель советской атомной бомбы Курчатов доложил Берии, а тот — Сталину.

Сообщил мне Моррис и деталь, которая за годы, прошедшие с нашей с ним встречи, так и осталась неразгаданной. Оказалось, что Лона не один раз приезжала в те края.

Ее первое путешествие чуть не завершилось провалом. Ни Лесли, что понятно, ни резидентура, что обидно, не подозревали, что всех уезжающих из городков поблизости от Лос-Аламоса обыскивают на вокзале. Слава богу, Лесли обнаружила это еще на подходе к железнодорожной станции. Сознательно замешкавшись, она выскочила на платформу с тяжеленным чемоданом за несколько минут до отхода поезда и ринулась к своему вагону. Наглядно демонстрируя всю степень собственной беззащитности, обратилась прямо к сотруднику спецслужбы, досматривавшего вещи пассажиров. Разыграла сценку потери билета, всучила ему в руки коробочку из-под бумажных платков, в которой и были запрятаны полторы сотни «атомных» документов. Поезд уже тронулся, когда Лесли, наконец, «нашла»

билет. Обыскивавший ее сотрудник так и держал коробочку и едва успел отдать ее «рассеянной» дамочке, когда поезд уже тронулся.

Лесли чудом избежала провала. А в Советском Союзе, кто знает, могли бы в срок и не изготовить собственную атомную бомбу: ниточка обязательно потянулась бы к Персею, и один из ценнейших наших «атомных» агентов был бы обезврежен.

Моррис Коэн знал настоящее имя этого человека. Тот сам обратился к нему с просьбой вывести его на русских: был в курсе, что Коэн работает в «Амторге». Моррису поручили провести с молодым человеком откровенный разговор. Встретились они в ресторане «Александере», продолжили, как я понял, в лавке отца. Так началось сотрудничество Персея с советской разведкой. Его имя Моррис, конечно, не назвал. Лишь сухо заметил, что во всей Службе внешней разведки осталось два-три человека, которые могут припомнить истинное имя Персея — гениального ученого. Одно упоминание о вознаграждении приводило этого паренька, по словам Морриса, в ярость. Он работал бескорыстно, как и вся группа Коэна. На связь выходил только с Моррисом и Лоной и еще одним «нашим товарищем». Теперь, когда Морриса нет, удалось выяснить и имя этого «товарища» — это американский журналист Курнаков, работавший на нашу разведку. Цепочка довольно короткая. Предатели Персея не знали, арестованные разведчики если и догадывались о его существовании, то не выдали. А в конце разговора Коэн меня ошарашил, сказав: «Надеюсь, что Персей и сейчас живет в США тихой, мирной жизнью. Ему есть чем гордиться».

Теперь, годы спустя, я, конечно, понимаю, что Коэн знал о судьбе Персея, был уверен, что имя его никогда не откроют. Но великий Коэн ошибся. Настоящее имя Персея — Теодор (Тед) Холл. После войны он отошел от сотрудничества с советской разведкой. До 1962 года жил в США, затем переехал в Англию, где работал в Кавендишской лаборатории и сделал несколько выдающихся открытий в области биофизики. Тяжело заболел и последние дни провел на вилле на французском побережье, напротив Британии. О его работе «на русских» стало известно из-за предательства архивариуса Митрохина, сбежавшего из России за границу. Но Холл, который вместе с женой и в старости придерживался левых взглядов, был тверд, на вопросы журналистов, как и на открытые обвинения в шпионаже в пользу Советов, гордо не отвечал. Умер он от рака в 1998 году, напоследок сказав, что «не будь у СССР и США ядерного паритета, дело могло закончиться атомной войной. Если я помог избежать этого сценария, то соглашусь принять обвинения в

предательстве».

Леонтина и Моррис продержались в США на своих немыслимо дерзких ролях около двенадцати лет. Импульсивность, эмоциональность Лоны, ее любовь к риску уравновешивались холодной рассудительностью и осторожностью Морриса. К тому же работавшие с ними резиденты берегли эту пару. Но в 1950 году в Центре поняли: «Волонтеры» — под угрозой. Их стали потихоньку выводить из игры. И вот связник полковника Абеля Юрий Сергеевич Соколов, работавший под дипломатической крышей, пришел однажды прямо домой к Коэнам. Нарушив все разведывательные заповеди, он долго убеждал Морриса и Лону: надо уезжать. Боясь прослушки, они вели громкий разговор о чем-то постороннем, а о главном — переписываясь на бумаге. Лона жгла исписанные листы в ванной комнате, наполнившейся в конце затянувшейся беседы клубами дыма.

Моррис убеждал, что как раз-то сейчас, когда работа налажена, уезжать глупо. Они столько могут сделать и если надо, перейдут ради этого на нелегальное положение, используя чужие паспорта. Соколов, он же Клод, уговаривал не рисковать. И когда Моррис написал на бумаге: «Это приказ?», ответом ему было выведенное Соколовым «Да!». И тогда Коэн написал: «Значит, нечего дискутировать. Мы согласны».

Летом 1950 года они вовсю готовились к отъезду. Для друзей была придумана легенда. Она была столь похожа на истину, так переплеталась с жизнью, которую они вели, что подозрений не возникло даже у близких.

Вскоре у них появились паспорта на имя супругов Санчес. Провидение подсказывало: надо сматываться срочно. Ведь Клод — Соколов чудом не провалил их, случайно нарушив правила, проехал на красный свет, и его чуть не арестовали. А на руках у него были их паспорта с новыми фамилиями. Многих путешествие на пароходе по маршруту Нью-Йорк — мексиканский порт Веракрус да еще за чужой счет обрадовало бы. Но только не Морриса и Лону. При прощании с отцом, рассказал мне Моррис, он «эмоционально не выдержал, чуть не опоздал на судно. Отец тоже понял, что нам больше никогда не увидеться. Один из тяжелейших моментов в моей жизни».

Так бесследно исчезли из квартиры на нью-йоркской 71-й Ист-стрит Лона и Моррис Коэн. Выждав, как и договаривались некоторое время, отец со вздохом сообщил знакомым, что сын с женой покинули Штаты, чтобы попытать счастья в других краях, и закрыли свой банковский счет.

А они добирались до Москвы путем не самым коротким.

Сначала Мексика и конспиративная квартира советской внешней разведки. Затем Франция, Германия, Швейцария, Чехословакия. Отрезок Женева — Прага оказался наиболее опасным. Рейсы в столицу социалистической Чехословакии — раз в неделю, билеты проданы. Хелен — Лона была на пределе. Гонка по странам измотала все нервы. И они решили рискнуть, перебираться в Прагу через германскую границу.

Но была одна сложность. Американцы для поездки в страны социалистического содружества должны были получить вкладыш в паспорт. Он выдавался в Государственном департаменте или в консульствах США за границей. Супругам Коэн, странствующим теперь под фамилией Бриггс, обращаться туда хотелось меньше всего. За время их некороткого путешествия могло произойти что угодно. Может быть, их уже разыскивают по всему миру?

Двинулись поездом, без вкладыша в паспорте. Надеялись, пронесет. Но нарвались на проверку документов. Немцы высадили их из поезда, и строгий офицер приказал: «Следуйте за мной!» Задержали их в ночь на субботу, и офицер тотчас принялся названивать в ближайшее американское консульство. К счастью, телефон не отвечал: уик-энд для дипломатов — святое.

Глупо было попасться вот так, после всего того, что они сделали, и после стольких миль пути. Впрочем, супругов Бриггс могли тормознуть и в аэропорту. Еще не арест, но очень и очень близко. Надо было действовать, что-то предпринимать, и миссис Бриггс подняла типичный американский скандал — орала на немцев: «Кто, в конце концов, выиграл войну — Штаты или вы? Не имеете права задерживать американскую делегацию». Делегация была еще та. Но это типично в стиле Лоны: чем труднее ситуация, тем быстрее она ориентировалась и решительнее действовала.

Пограничники дрогнули, привели какого-то заспанного малого — сержанта американской армии. Тот спросонья быстро вошел в положение соотечественников, ссаженных с поезда «этими немцами». Оно, впрочем, было еще хуже, чем ему представлялось. Парень тут же и при Бриггсах обратился по телефону к своему военному начальству. Но там ответили, что генерал, от которого всё зависело, приедет к девяти утра.

Сержант явно сочувствовал милой паре, притащил откуда-то вино «Либе фрау Мильх», и Бриггсы принялись отмечать с ним свое идиотское задержание. Лона, сменив гнев на милость, пригласила на рюмку и двух немецких офицеров. Она разошлась. Вино поглощалось все быстрее — бутылка за бутылкой. Однако генерала, которому сержант несмотря ни на что дисциплинированно названивал, не было ни в девять утра, ни в

десять. Может, тоже загулял? И сержант, желая помочь своим, попытался запросить насчет бедных Бриггсов кого-то в Мюнхене. Кажется, мышеловка захлопывалась.

И вдруг подвернулся он — шанс. Каждый разведчик всегда его ждет, но шанс появляется редко. Во-первых, закончилось вино. Во-вторых, сержант торопился на свидание с Гретхен. В-третьих, немецкие офицеры-пограничники напились и по команде младшего по званию американца с трудом поставили свои неразборчивые закорючки в паспорта таких компанейских супругов-американцев. И, в-четвертых, как раз подоспел поезд на Прагу. Рыжий сержант любезно посадил в него новых знакомых. Он даже забросил на полки их чемоданы. Короче, 7 ноября 1950 года Коэны отмечали уже в Праге.

Правда, в чешской столице что-то не сработало, и никто их там, вопреки договоренностям, не ждал. Связаться с кем-либо оказалось сложно. В гостинице они чувствовали себя в безопасности. Их напугал было стук в дверь, но то была всего лишь горничная, вежливо осведомившаяся, не нужен ли постояльцам телефон американского посольства. Хелен ответила, что нет.

В Праге в силу разных пока не понятных обстоятельств им пришлось провести месяц. И всё равно ждать отправки в Москву там супругам было спокойнее, чем в Париже или Берлине.

Прибытие в аэропорт Внуково их немало расстроило и даже испугало: опять никто не встретил. В голову лезли мысли:

«Что если Сталин арестовал товарищей, с которыми мы работали?» Прошли паспортный контроль, таможню — никого. Заметив смятение болтавшихся у выхода из аэропорта иностранцев, шофер автобуса предложил подбросить их всё туда же — в американское посольство. Отмахнувшись от назойливых предложений, они попросили довезти до единственной московской гостиницы, о которой слышали. В «Национале» их сразу и без брони поселили в хорошем номере.

Наступил вечер. Рублей у них не было, а от долларов в гостинице отказывались. С некоторыми усилиями удалось заказать в номер чай с печеньем. И тут в комнату к ним ворвались друзья из их Службы. Теперь Лесли и Луис были дома и пили нечто покрепче хрупкой «Фрау Мильх».

Дальше в биографии супругов Коэн — трехгодичный провал, который Моррис так и не захотел восполнить. Придется сделать это мне. После короткого отдыха они принялись штудировать с советскими преподавателями то, чему 12 лет на практике обучались «на курсах самоподготовки» в США, а именно — работу разведчика-нелегала.

Как бы то ни было, под Рождество 1954 года в доме 18 по Пендерри Райз в Кэтфорде, что на юго-востоке Лондона, обосновалась приятная семейная пара. Питер и Хелен Крогер приехали в Великобританию из Новой Зеландии. 44-летний глава семьи приобрел небольшой букинистический магазинчик поблизости.

Дело у него поначалу двигалось вяло. Иногда путался в финансах. Соседи и те поняли, что интеллигентный, мягкий Питер — букинист из начинающих. Резидент-нелегал Конон Молодый, он же бизнесмен Гордон Лонсдейл, хорошо знакомый им по работе в США под кличкой Бен, придерживался прямо противоположного мнения. У него появилась пара надежных связников-радистов. За шесть лет в Лондоне трио успело сделать немало.

Они проработали до 1961 года. Арест застал их врасплох, хотя за несколько дней до провала они и почувствовали слежку. Столько шпионских принадлежностей, сколько сразу отыскали в домике на Пендерри Райз, британская контрразведка еще не видела. Они уже отсиживали свой срок, а в саду, в доме то и дело натыкались на запрятанные, закопанные предметы, в предназначении которых никаких сомнений не возникало.

Причина ареста трагически банальна — предательство. Продал разведчик дружественной нам тогда Польши. Суд продолжался лишь восемь дней. Дружище Бен — Лонсдейл получил 25 лет. Он мужественно взял всю вину на себя, всячески выгораживая чету Крогер. А те, вопреки пудовым уликам в виде радиопередатчиков и прочего, настаивали на невиновности и не выдали ни одной фразой связи с советской разведкой.

Не всплыли ни их настоящая фамилия, ни то, чем они занимались 12 лет в Соединенных Штатах. А ведь уже отсиживал свое в американской тюрьме русский полковник, взявший при аресте фамилию Абель. Человек, которому они в Нью-Йорке передавали секретную информацию. Тут видится мне какая-то неувязка. Неужели американские спецслужбы не сотрудничали с коллегами-англичанами, не обменивались сведениями? Нет, что-то здесь не так и, уверен, со временем это «что-то» тоже выплывет наружу.

В Англии же вся троица наотрез отказалась сотрудничать и с судом, и с британской контрразведкой. Супруги Крогер даже не захотели обсуждать предложение о смене фамилии и вывозе их из страны в обмен, понятно, на что. Может, поэтому приговор вынесли суровый — Хелен 20 лет, Питеру, как и Бену, 25. Это решение было воспринято всеми тремя, по крайней мере, внешне, с профессионально сыгранным безразличием. Они сохраняли его

все девять лет мотаний по тюрьмам Ее Величества.

Морриса переводили из камеры в камеру, перевозили с места на место. Боялись, убежит или разложит своими идеями заключенных. Сидел он и с уголовниками: сотрудники спецслужб надеялись, что сокамерники сломают русского шпиона и уж тогда… Но Коэн находил с ними общий язык. В уголке большой комнаты его квартиры на Патриарших прудах примостился здоровенный плюшевый голубой медведь — это тюремный подарок на день рождения от знаменитого налетчика, совершившего «ограбление века» — банда увела из почтового вагона миллион фунтов стерлингов.

Сотрудника британской Сикрет интеллидженс сервис Джорджа Блейка, долгие годы передававшего ее секреты советской разведке, судили в том же 1961-м и приговорили к сорока двум годам. И вдруг каким-то чудом или по недосмотру Коэн и Блейк оказались вместе в лондонской тюрьме Скрабе и стали друзьями до конца жизни. Говорили обо всём на свете, кроме одного — даже от ближайшего друга Блейк скрывал приготовления к побегу.

— Джордж сбежал, — широко улыбался Моррис. — Ничего другого не оставалось.

А его, еще не успевшего ничего узнать о вечернем побеге Блейка, наутро перевели из Скрабе в тюрьму на остров Уайт. Отсюда никто не убегал и не убежит — от острова до ближайшей суши миль тридцать. Режим суровейший, климат мерзкий, еда отвратительная. И если бы не книги и не любовь, он мог бы сойти с ума.

Да, любовь — не значившийся в их досье ни на этой, ни на той стороне компонент, помогла вынести девять лет заточения. Они с Хелен писали друг другу письма, и это глушило боль и унижение. Ожидание маленьких конвертиков, где количество страничек сурово ограничивалось законом, было тревожным, подчас тягостным. Получение весточки от любимого человека превращалось в праздник. Переписывались они и с Беном. Но это уже другие письма и другая история. Как только не называл Моррис свою Леонтину — и Мат, и Сардж, и моя дорогая, и моя возлюбленная, и милая моя голубушка… Нежность в каждом слове и каждой букве. Лона отвечала тем же.

Они встречались редко и только под надзором тюремщиков. Потом он писал ей об этих встречах, вспоминая каждый миг, каждую секунду. Они жили надеждами, поддерживали друг друга, как могли. Наверное, благодаря письмам Моррис и выдержал тяжелые болезни, замучившие в тюремной камере.

Однако в их посланиях — не только любовь с суровой

тюремной обыденщиной. Там — и философские рассуждения, и обращения к далекой истории, и вера в себя, в российских друзей. Чего стоят хотя бы эти строки Морриса о советской Службе внешней разведки, обращенные к Хелен: «У меня нет сомнений, что если они не передвигают небо и землю ради нас, то они колотят и руками, и ногами в дверь Господа Бога». Но ведь не мог же Моррис действительно знать, какие усилия предпринимаются в Москве, чтобы добиться их освобождения? Или чувствовал? Верил?

Нет, не зря Служба внешней разведки России разрешила обнародовать более семисот страниц переписки супругов Коэн, а также Конона Молодого. Наверное, еще никогда разведчики-нелегалы не представали перед публикой в жанре сугубо эпистолярном, как в этих двух серьезных томах.

Какая же это любовь! Когда мы встретились с Моррисом, Хелен уже давно не было на этом свете. Однако иногда казалось, что она ушла только что и вот-вот вернется из булочной на Бронной. Вещи ее оставались в комнате на своих местах… Портреты и фотографии. Хозяин квартиры все время вспоминал ее как живую: «Хелен говорит… Хелен считает… Вы же знаете, какая рисковая Хелен…» Он не был подкаблучником или безнадежно влюбленным. Их объединяло глубокое, светлое чувство.

После девяти лет тюрьмы супругов Коэн — Крогер обменяли на британского разведчика Джеральда Брука. Громаднейшие были преграды: КГБ не мог признать их своими. Пришлось действовать через поляков. И из Лондона под вспышки фотокамер они улетали в Варшаву. В Москве осенью 1969 года их ждал Молодый — Лонсдейл, еще в 1964-м обмененный на англичанина Гревший Винна — связника предателя Пеньковского.

Чем они занимались, вернувшись на вторую родину? Многим. Помимо того, что учили молодых последователей, Лона совершила долгое и рискованное путешествие вместе с бесстрашным генералом Павловым. Объездили на важном для советской разведки континенте страны, где обосновались наши нелегалы. Предлог был придуман удачный. Богатый антиквар в сопровождении супруги высматривает ценные экспонаты для своей коллекции. Как решилась на это Лона? Ведь если бы ее арестовали, приговорили бы к пожизненному заключению.

Были и еще путешествия — в том числе и в далекую стра-ну-соседку. Но об этих выездах — полный молчок.

Моррис убеждал меня, что именно здесь, в России, он у себя дома. На мой вопрос, не скучно ли ему здесь без соотечественников, без родного английского, обиделся:

— Я же встречаюсь с Джорджем Блейком. Человек высочайшего интеллекта. Еще неизвестно, были бы у меня знакомые такого класса, останься мы с Лоной в Нью-Йорке. Мы дружили со всеми теми, кто работал с нами в Штатах и Англии. И когда оказались в Москве, эта личная, замешенная на общем деле и чувствах дружба переросла в семейную. Бена уже нет, а его жена меня навещает. И жена Джонни тоже. И Клод — Юрий Соколов. Милт (Абель — Фишер. ***— Н. Д.)*** умер, но мы видимся с его дочерью Эвелин. Мы были волею судьбы друзьями там. Собственной волей оставались друзьями и здесь.

От себя все же добавлю, что встречи, к примеру, с Блейком, да и с другими, стали, по-моему, более частыми в последние годы жизни. А раньше круг общения Морриса и Лоны был, кажется, определенным образом ограничен. Хотелось бы мне знать, чем они занимались в штаб-квартире Службы внешней разведки России…

Коэны дружили в Москве и с другой супружеской парой разведчиков-нелегалов — Героем Советского Союза Геворком Андреевичем и Гоар Левоновной Вартанян. Я заметил, что, несмотря на суровую реальность их профессии, всем им были присущи черты, несколько нами подзабытые. Вартаняны, Коэны, Абель, Соколов, да и Джордж Блейк были в какой-то мере идеалисты. Свято верили в идею, в безукоризненную правоту выбранного Страной Советов пути. При первой и, увы, последней нашей встрече Моррис убеждал меня, что коммунистические идеалы все равно вернутся, а сегодня безупречное общество не удалось построить только потому, что мы сами просто не были как следует к этому готовы.

Что ж, любовь действительно творит чудеса. Любовь к родине, к женщине, к делу, которому служишь.

Моррис Коэн скончался в начале июля 1995 года в московском госпитале без названия. Даже среди наших соотечественников найдется немного людей, любивших Россию так страстно и оптимистично, как любил ее Моррис. Коэн столько знал и столько унес с собой. Мне однажды довелось увидеть съемки, сделанные Моррисом для служебного пользования. И даже там купюра следует за купюрой. Но у меня создалось впечатление, что Крогеры успели поработать на еще одном континенте.

В его квартире на Патриарших прудах я спросил, когда же еще что-нибудь из их с Лоной тайных дел будет рассекречено. Моррис не задумываясь ответил: «Never» — никогда.

Траурная процессия чинно двигалась по Ново-Кунцевскому кладбищу. Это был последний путь Морриса Коэна к Лоне,

похороненной там же, по земле, с которой он сроднился уж точно навеки.

ГЕРОЙ ИЗ «МЕРТВОГО СЕЗОНА»
Конон Молодый

Фронтовой разведчик Конон Молодый превратился в нелегала сэра Гордона Лонсдейла. Я попросил его сына — Трофима Молодого рассказать об отце.

— Трофим, правда ли, что в годы войны ваш отец работал со знаменитым теперь нелегалом Абелем — Фишером? Сам читал, да и писал, основываясь на изданных за рубежом книгах, будто в 1943 году Молодый, засланный в тыл фашистам, был пойман и доставлен на допрос. А офицер абвера, это был Абель, его узнал и, надавав вашему папе пинков, буквально вышвырнул за порог.

— Сплошная выдумка. Отец действительно был во фронтовой разведке артиллерийского дивизиона, с НКВД, понятно, никак не связанного.

Я был знаком с дядей Вовой Чеклиным, старшим его группы, в составе которой отец ходил за линию фронта брать языков. Служили, как они говорили, «весело», но какое же жестокое было время!.. Чеклин, умерший раньше отца, мне рассказывал, что после одной такой удачной зимней вылазки доложил он в штабе о взятом языке и возвращался знакомой разведчикам тропинкой в их землянку. А его ребята понатыкали в сугробах замерзших мертвых немцев с оружием в руках. Идет дядя Вова такой спокойный, поворачивает к землянке — а тут фашисты. У него рефлекс — падает, стреляет чуть не в упор, а они стоят. И из-за бугорка — дикий хохот. Это его ребята. Что вы хотите. Молодые парни 1922 года рождения. Вот так они его разыграли. А отца призвали в 1940-м. Он награжден двумя орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени, медалями «За боевые заслуги», «За отвагу»…

Орден Красной Звезды получил весной 1945-го. Никак наши не могли взять Кёнигсберг. Нужен был хороший язык, офицер, а разведчикам — ну никак не везет. Вдруг наткнулись они на какое-то странное место: ворота, въезжают автомобили и словно под землю проваливаются. Причем днем машины всё больше обшарпанные, а вечерами — «мерседесы», «опели». Подобрались разведчики поближе, разузнали. Оказалось, что в подземном бункере разместили немцы публичный дом. Утром туда солдаты наведываются, а вечером — офицеры. Наши их накрыли, захватили кучу офицеров. Командиру группы — Боевое Красное Знамя, отцу, тогда лейтенанту — Красную Звезду.

Расписался отец на рейхстаге и в 1946 году, уже

демобилизованным старшим лейтенантом, поехал домой на трофейной легковушке. Но под Москвой его остановили и машину отобрали.

— Так ведь только под Москвой. А проехал-то он через всю Европу. Вероятно, уже тогда в нем проявился будущий нелегал.

— Возможно, но до разведки было еще далеко, — замечает Молодый-младший.

А я сказал бы, что дорогу к ней Конон Молодый прокладывал сам. Демобилизовавшись, фронтовик Молодый без всякой помощи поступил в престижный московский институт. Был человеком способным, учился успешно. Особенно хорошо ему давались языки. По-английски говорил как на родном, с американским произношением.

Ну, это понятно: детство — с 1932 по 1938 год — Конон провел у тети Анастасии Константиновны, старшей сестры своей мамы Евдокии Константиновны, в США. Отец его, Трофим Кононович, скончался в Москве от инсульта, был он еще не стар, семье ничего не оставил, и жена с детьми бедствовали. В Советском Союзе была тогда введена карточная система. Всяческими правдами и неправдами Конона удалось вывезти в Калифорнию.

Учился он хорошо, радуя тетю и преподавателей, однако сильно скучал по дому. Тетя Анастасия Константиновна не хотела отпускать любимого племянника в Москву, но он показал характер и с помощью сотрудников советской дипломатической миссии был отправлен на родину. Так что школу заканчивал уже дома.

А после войны в институте всерьез взялся за китайский и выучил его. У сына Трофима до сих пор сохранился учебник китайского, который его отец написал в Москве еще студентом, взяв в соавторы настоящего носителя этого труднейшего языка. Может, помимо таланта сказались и гены? Ведь родители Конона были профессорами. Да, наверное, и жизнь в Калифорнии, когда судьба забросила паренька в новую среду, пробудила способность к языкам. Как бы то ни было, Молодый легко освоил немецкий и французский.

Сын Трофим уверен, что именно в институте люди из советской внешней разведки заинтересовались студентом-полиглотом: прошел всю войну разведчиком, член партии с 1942 года, с американскими реалиями знаком прекрасно — восемь лет прожил в Штатах. Из кого же еще, как не из таких готовить нелегалов?

С 1951 года, как полагает Трофим Кононович, отец проходил специальную подготовку. Из него, учившегося на специальных

курсах уже под другой фамилией, лепили разведчика. Конечно, пригодились и военные навыки. Хотя разведка фронтовая и нелегальная — это небо и земля.

А в конце 1953-го — начале 1954 года Конон Молодый исчез. Родным, друзьям, сокурсникам сообщил, что по распределению отправляется в Китай, в провинцию отдаленную и недоступную. Для молодого специалиста командировка по тем временам завидная. Даже родственники ни о чем не догадывались.

Жил Трофим с мамой, бабушкой и маминой сестрой в коммунальной квартире на Новоостаповской улице в Пролетарском районе. Отец минимум раз в год выбирался в Москву из далекой своей китайской тьмутаракани. Наша разведка придумывала Молодому такую легенду, которая полностью оправдывала его отсутствие в Лондоне. Практика тогда отработанная: на материк в Европу выезжал мистер Лонсдейл, где-нибудь в Париже или Цюрихе ему меняли документы, и в Венгрию, ГДР или Польшу приезжал человек совсем под другой фамилией. А оттуда и до Москвы недалеко. Подарки домашним Конон привозил соответствующие. Трофиму, к примеру, расписные тарелочки с фанзами, китайские картиночки. Да, товарищи из Центра легенду прикрытия отрабатывали со стопроцентной достоверностью.

Конон писал подробные отчеты, получал новые задания, и вскоре в Лондоне вновь появлялся мистер Лонсдейл. Во времена, когда не было всё компьютеризировано, как сейчас, границы пересекались сравнительно легко.

Возникала нужда отправить письмо сыну и мужу, и домой к Молодым приезжали любезные люди «из МИДа». Китайская провинция так далеко, что посылать туда или оттуда письма бесполезно — не дойдут. Так что, пожалуйста, пишите, мы обязательно передадим с оказией.

А Конон Молодый в это время уже работал в Северной Америке. Легенда была такая. Его «папа» канадец Лонсдейл действительно погиб на войне, «мама» — умерла. Их документы, как и метрика сынишки Гордона, имевшиеся у советской разведки, были подлинными. И вот в Канаде появился начинающий бизнесмен Гордон Лонсдейл, он же советский разведчик под псевдонимом Бен.

Там, как полагает Трофим Молодый, его отец пробыл месяца три-четыре. Легализовался, выдали ему подлинные документы. И в Америку приехал, чтобы, опять-таки по легенде, получить хорошее образование. Оттуда — в Лондон, где учеба обходилась гораздо дешевле. Да и в Штатах долго оставаться было нельзя: не будешь же годами раздумывать, куда ехать учиться, не

состыковывалось бы это с легендой. И как бы Гордон объяснил, на что он живет в Нью-Йорке? Потому и торопился с отъездом.

Тут во время всех этих переездов произошла классически неприятная история, которая может случиться с любым, даже самым подготовленным разведчиком-нелегалом. Банальщина, однако какая опасная. В парижском аэропорту к нему бросился с объятиями однокашник Жора Маслов. И здорово обиделся, когда Конон Молодый, пять лет с ним проучившийся, не признал своего дружка.

А до Европы Бен прошел отличную стажировку в Нью-Йорке. Опытнейший нелегал Абель — Фишер, резидент советской разведки в Штатах, опять-таки по преданию, авторство которого принадлежит Молодому, увидев его впервые на конспиративной встрече, воскликнул: «Партизан!» Правдивость эпизода оставим на совести Конона.

Но вот то, что им пришлось недолго проработать вместе, сомнению не подвергается. На связи с Молодым находились ценнейшие агенты-американцы — супруги Моррис и Лона Коэн. То, что он изучал в теории в подмосковной разведывательной школе, теперь приходилось осваивать на практике: устройство тайников, выемка и закладка информации, ее передача, встречи с агентами… Постоянная проверка, нет ли «хвоста»…

Возможно (это всего лишь версия Трофима Молодого), Центр специально, еще в США, познакомил Конона с Моррисом и Лоной. Трофим полагает: именно тогда планировалось, что в Лондоне они после вывода из США станут радистами Бена. Сам Конон Молодый уже в Москве любил повторять, и Трофим эти его слова запомнил, что «успех в разведке всегда приходит по плану». Так и получилось, только в Англии супруги Коэн работали под другими именами — Питер и Хелен Крогер из Новой Зеландии. А Питер Крогер, он же Моррис Коэн, незадолго до своей кончины рассказывал автору этого очерка: в Нью-Йорке Бен был одним из самых приятных и доброжелательных его связных. Так что личный, чисто человеческий контакт, без которого в разведке сложно, был установлен еще в Штатах.

В Англии, продолжал Трофим Кононович, его отец взялся за изучение китайского языка — на сей раз в Лондонском университете. Начинающему коммерсанту и студенту Гордону Лонсдейлу было уже, как и почти всем его однокурсникам, за тридцать. Возраст этот никого не смущал. Во-первых, война отодвинула для американцев и англичан сроки учебы. Во-вторых, штурмовать китайские иероглифы брались люди зрелые, имевшие уже по одному, а то и по два диплома.

Все они объясняли стремление освоить экзотический тогда

для Европы язык желанием сделать хороший бизнес в набиравшей силу громадной стране.

Но еще в Москве, когда решалось, где приложить Конону лингвистические и прочие способности, было решено остановиться именно на китайском. В Центре справедливо рассудили, что и американская, и британская разведки перед отправкой в КНР пошлют своих офицеров в университет, чтобы овладеть языком предполагаемого противника.

Так что вместе с разведчиком из Москвы китайский «грызли» его западные коллеги. Все они были выявлены Кононом, данные переданы в Центр. Один из однокурсников даже признался ему на прощание: «Знаешь, Гордон, из всей нашей группы только ты и я — не разведчики». Конону Трофимовичу тогда пришлось нелегко. Автору китайского учебника надо было делать вид, что он совсем не знает языка.

А однажды другой сокурсник чуть не заставил Конона—Гордона рассмеяться и нарушить конспирацию. Учил пить фронтовика-разведчика русскую водку маленькими рюмками и крошечными глотками.

Как-то вместе с большой группой студентов он выехал на лоно природы. Один из них ринулся в речку да как замахал руками, поплыв привычными у нас, однако совсем не принятыми в Британии саженками. Гордон наблюдал за ним с большой тревогой. Как выяснилось, внимание на необычный стиль обратил не только он. Пловец в университете больше никогда не появлялся. Осторожные расспросы Лонсдейла закончились ничем: уехал, куда-то перевелся. Короче — навсегда исчез.

В Англии Бен завербовал нескольких агентов, добыл немало ценнейшей информации. Он получил образцы военной продукции, разработкой которой занимались немецкие ученые, служившие в годы войны еще Гитлеру. Кстати, отсюда и одна из сюжетных линий «Мертвого сезона». В фильме штрихами, тонкими и не слишком автобиографичными, обозначена судьба советского разведчика Молодого, а не Абеля — Фишера, как думают многие зрители.

Успешно шла и коммерческая деятельность Бена. Он сэкономил немало средств для советской разведки. Его игровые автоматы приносили неплохие доходы, превратив Гордона Лонсдейла в независимого человека. Так что обычно непростой для разведчиков-нелегалов вопрос — как объяснить окружающим, откуда деньги? — отпал сам собой. Ему был даже присвоен титул сэра. Вероятно, это достижение сродни успеху другого нашего нелегала Григулевича, дослужившегося до звания посла.

Удачливый коммерсант Лонсдейл аккуратно отчитывался и

перед британской казной, платя налоги, и перед Центром. Дома Молодый клялся, то ли в шутку, то ли всерьез, что сделал состояние благодаря политэкономии и учению Карла Маркса.

И даже попав в тюрьму, Молодый сумел заработать огромные по тем временам деньги. Еще во время судебного процесса волею обстоятельств заключил он с одним крупным британским изданием контракт. За книгу «20 лет секретной службы» с описанием собственной жизни ему полагалось 100 тысяч фунтов стерлингов. Вот уж где Конон Трофимович дал волю богатой фантазии. Его сын, потом переводивший книгу с английского на русский, называет ее бредом, настолько в ней всё поставлено с ног на голову. Сам Конон Молодый, вернувшийся после отсидки домой, только смеялся над этой своей дезинформацией. Отсюда и многочисленные мифы о Лонсдейле— Бене. В его писания поверили, растиражировали на многих языках, и пошли по миру гулять легенды о Гордоне. Но британцы об этом и не подозревали, рассчитались с сидевшим в тюрьме автором сполна, а он, как и полагалось в те годы, передал весь гонорар до последнего пенса Родине. Правда, потом книгу рискнули перевести коллеги по социалистическому лагерю — поляки. Ведь и предал Конона их соотечественник, да и один из поставщиков информации, с которым Бен имел дело в Англии, был завербован в Варшаве. И вот — мизерную сумму — за публикацию этого перевода на польский Конону Трофимовичу милостиво разрешили получить в Москве.

А из Лондона всю добытую им и его источниками информацию в советскую столицу передавали скромные владельцы букинистического магазина супруги Крогер. Они же знакомые по США Моррис и Лона Коэн — связники и радисты советского резидента Бена.

Как-то в 1959 году Молодый приехал на квартиру своих радистов совершенно больным, с очень высокой температурой. Элементарно порезал руку, началось заражение крови, предлагали даже ампутацию, иначе, мол, гангрена. Помог врач-китаец — вылечил Гордона — Конона какими-то своими экзотическими методами. Однако несмотря на дикую боль встречу с радистами пропустить было никак нельзя. Бен попал прямо на сеанс радиосвязи с Москвой. Тут тетя Лона, как называет крестную сын Трофим, прочитала ему только что полученную радиограмму: «Трофим, 53 сантиметра». Конон переспрашивает, не понимает. Тут Лона ему: «Дурак, у тебя сын родился». И Молодый, отметив после выздоровления счастливейшее событие, предложил друзьям стать крестными его сына. С тех пор Конон Трофимович так и обращался к супругам

Коэн, уже в Москве говорил жене Гале и Трофиму: «Поедем к крестным».

Отмечу: в судьбе Конона Молодого осталось столько непонятного, что часть этого то ли специально, то ли по ошибке накрученного, коснулась и биографии сына. В одной из книг написано, будто родился он в 1959 году в Варшаве. На самом деле Трофим Кононович родился в 1958-м и не в Варшаве, а в Москве.

Арестовали Молодого в 1961-м из-за предательства офицера польской разведки. Приговорили к двадцати пяти годам заключения. Всю вину Гордон Лонсдейл взял на себя. Однако и супруги Крогер, не сказавшие на суде ни слова, и агенты Бена, решившие сотрудничать с британской контрразведкой, неожиданно получили большие сроки заключения.

Несколько неправдоподобно, но именно в лондонской тюрьме судьба свела Бена с другим пленником и тоже советским разведчиком Джорджем Блейком, приговоренным за шпионаж в пользу Советов к сорока двум (!) годам. Бен поражал Блейка невиданным в тюремных стенах оптимизмом. Спорил с англичанином, доказывая ему, что через несколько лет они с Джорджем встретятся на параде в честь 7 Ноября на Красной площади. Удивительно, но так и случилось. Отсидевшего несколько лет в тюрьмах Ее Величества Молодого обменяли в 1964 году на англичанина Гревилла Винна — связника предателя Олега Пеньковского.

А дома в Москве об аресте сына, мужа и отца даже не знали. Только когда в Лондоне уже вовсю шел судебный процесс, Галине Петровне сообщили: ваш муж — советский разведчик, ему грозит долгое тюремное заключение. «Мама была в шоке, от которого трудно оправиться», — рассказывает Трофим Кононович. Потом она узнала и о жесточайшем приговоре. Трофим, которому было всего три года, никак не мог понять, почему мама все время плачет.

Отец не любил рассказывать домашним о тюрьмах Ее Величества. Правда, изредка проскальзывало в разговорах, что сначала Гордона Лонсдейла держали в одиночной холодной камере. Отключали свет, а потом ночью включали, не давая спать. Но стойкость Гордона скоро убедила и настойчивых англичан: этого — никогда не сломать. И Гордон Лонсдейл зажил обычной тюремной жизнью, стараясь не выделяться среди сокамерников. Ходил на прогулки, работал над книгой. И ждал, терпел, веря, что свои не бросят в беде.

После возвращения отца из Англии Трофим Молодый познакомился и с его другом Вильямом Фишером — Рудольфом

Абелем, и его дочерью Эвелиной.

В 1964 году Конона Молодого обменяли. Когда в апреле Конон Трофимович вернулся домой, семье довольно быстро дали двухкомнатную квартирку в доме на Фрунзенской набережной, где и сейчас живет немало чекистов. Трофиму только-только исполнилось шесть лет. Пришел он из детского сада, мамы — нет. Куда делась — неизвестно. И вдруг — отец. «Мне было так хорошо, что у меня есть отец, что всё это не сказки, — рассказывал Трофим Кононович. — Я же не знал, кем он был, где. На все мои вопросы отвечали — папа далеко, в Китае. Я-то сам этого не помню, но мама мне говорила, что я очень сильно грустил без отца, даже милиционеров за сапоги обнимал, думал, что сапоги — папины. И вот наступило в моей жизни счастье».

Конон Молодый отлично водил автомобили. Сначала крутил баранку на старой «Волге». Тот пикап еще первых выпусков с оленем на капоте терпеливо дождался его возвращения. Потом пикап продали, и хотя новое авто купить было почти немыслимо, Конону Трофимовичу это удалось. Вместе с женой, сыном и приемной дочерью Лизой от первого брака Галины Петровны четыре раза, с 1966 года, ездили отдыхать на море.

Вопреки легендам о том, будто разведчики могут много выпить, Конон Трофимович свою меру знал. Пьяным Трофим отца никогда не видел. Лишь однажды на дегустации в знаменитом Абрау-Дюрсо мать встретила подругу, вместе с которой была в оккупации. Подруге — дегустатору по профессии — на работе пить было не положено, и она пригласила друзей к себе домой. Вот тогда режим и был нарушен. Когда вернулись в гостиницу, отец строго сказал: «Всё, хватит. Ездим только на море».

Конон Трофимович очень любил хоккей. В «Лужниках» в ложе «А» тогда все болели за непобедимый ЦСКА, в крайнем случае за «Спартак». Конон же и небольшая группа товарищей в нарушение традиции страстно поддерживали «Динамо».

Молодый дружил со своим начальником по Нью-Йорку, Фишером — Абелем. Оба с большим интересом, который тщательно скрывали от других, наблюдали за съемками фильма «Мертвый сезон». Первую часть фильма оба воспринимали относительно благожелательно: там были и опознавательные знаки, и какие-то эпизоды, напоминавшие то, чем занимались нелегалы. А над второй серией дружно подсмеивались. Молодого должен был играть не Донатас Банионис, а другой актер, совсем на него непохожий. Тогда на семейном совете с участием мамы и дочери Лизы решили обратиться к молодому режиссеру Савве Кулишу с просьбой подыскать кого-то на Конона похожего. Похожим оказался Банионис. Отец, по словам Трофима

Молодого, с ним познакомился, что-то советовал. Но пришло время озвучивать картину, и выяснилось, что актер из Литвы по-русски изъясняется с сильным акцентом. Так что на озвучивание пригласили знаменитого «Шурика» — Александра Демьяненко.

Наступил ответственный момент. Первый просмотр фильма. Собрался весь художественный совет. И судьба картины повисла на волоске. Не понравился Банионис — «не героический, не видный». И Молодому пришлось его отстаивать еще во время съемок, объяснять, что героического и видного поймали бы моментально.

А еще на худсовете один из редакторов обвинил режиссера в незнании специфики разведки. И тут слово взял разгневанный Молодый. Прямо спросил редактора: а сам-то он специфику разведки знает? И получив ответ, выпалил: «А я знаю. Оставьте фильм в покое». Так «Мертвый сезон» появился на широком экране.

Во второй половине 1980-х годов, когда в преддверии перестройки советское общество почувствовало бблыиую свободу, популярный актер поведал в одной из газет, что воплотить образ советского нелегала, работавшего в глубоком немецком тылу, ему помогло личное знакомство с другим разведчиком, вполне реальным, работавшим в Лондоне. Речь шла не о «Мертвом сезоне», а о «Семнадцати мгновениях весны». И вот нелегал подсказал артисту, как общался в кафе одними лишь глазами с женой, привезенной к нему на мимолетную встречу в Берлин времен войны.

Увы, в действительности такого не было. С женой Галиной Петровной, Конон называл ее Галюшей, встречался за границей лишь однажды. За несколько месяцев до рождения Трофима она, уже беременная, отправилась отдыхать вместе с Кононом к нашим в ту пору большим друзьям чехам в Карловы Вары. А так виделась с мужем только во время его коротких наездов в Москву.

И манеру курить, по словам того же актера, он перенял у Конона. Но Молодый, как вспоминает его сын, вообще не курил. В семь лет мама поймала его с папироской, и он дал ей честное слово: «Больше никогда не буду». И слово сдержал. Курево, исправно получаемое на фронте, он менял на маргарин. В английской тюрьме заключенный Лонсдейл обменивал сигареты на бутерброды.

В Москве Молодый по-прежнему служил во внешней разведке — учил ребят, которые были готовы повторить его трудную судьбу. Конону Трофимовичу не исполнилось и пятидесяти, когда его перевели с оперативной работы на преподавательскую. Он заведовал сектором, а мог бы воспитывать молодых разведчиков.

Пришлось вживаться в новый коллектив. Судя по всему, преподавательская деятельность не доставляла ему радости, это была не его стихия.

Молодого не наградили звездой героя, а он о наградах даже не думал. Мечтал работать снова нелегалом. Однажды в маленькой двухкомнатной квартире Трофим невольно услышал тихий ночной разговор родителей. Отец спрашивал свою Галюшу, готова ли она снова ждать: признался, что договорился о пластической операции, о возвращении в нелегалы. Не успел, не вышло…

Молодый был разочарован многим из того, что происходило в стране после короткой оттепели 1960-х. Немало повидавший за рубежом, он понимал: мы можем жить лучше. Однажды они с Абелем, вспоминает Трофим Кононович, отказались от праздничного пайка. Выдавали им такие к 7 Ноября, ко Дню чекиста. За три рубля с копейками целый набор продуктов, которых тогда в магазине купить было невозможно. Сидят они с Вильямом Генриховичем в своем управлении довольные, готовые осчастливить жен и детей. И заходит к ним приятель, до полковника еще не дослужившийся. Смотрит на паек и, вздыхая, говорит, что ему такого «не положено». И отец с Абелем пошли и весь этот продуктовый дефицит сдали. По тем временам — дерзкий поступок.

Наконец наступил день, когда обменяли Морриса и Лону Коэн. Их вывезли из Англии сначала в Польшу, а потом в Москву. Поселили за городом. И Лону с провожатым отправили на Новый Арбат (тогда проспект Калинина): смотреть квартиру. А она оказалась крошечная, неудобная. И Лона, когда к ним на дачу приехал председатель КГБ Юрий Владимирович Андропов, выпалила ему прямо в глаза: «Юрий, я девять лет отсидела в такой же квартире, только с решетками. Что, из одной камеры — в другую?» Андропов тут же связался с хозяйственным управлением: распорядился дать Коэнам трехкомнатную квартиру на тихих Патриарших. Туда и наезжал к крестным Молодый с семейством.

На первых порах все разговоры с тетей Лоной и дядей Петей переводил Трофиму отец. Вскоре Лона уже бойко шпарила по-русски, а дядя Петя использовал жену в качестве переводчицы. С детьми Молодого, особенно с крестником Трофимом, отношения установились у Коэнов прямо родственные.

Трофиму было 12 лет, когда внезапно умер отец. Мать очень много болела. Часто, по три-четыре раза в год лежала в больнице, потом ее отправляли в санатории. Но все равно нервы не выдерживали. Столько прождать мужа и потерять его мгновенно.

Галина Петровна так до конца дней своих и не смогла поправиться. «И тетя Лона, и дядя Петя, у которых не было детей, даже хотели меня усыновить, — вспоминал Трофим Кононович. — Об этом тетя Лона рассказала мне незадолго до своей смерти, когда моему сыну Конону исполнилось уже лет 12. Обращалась к своему начальству, просила. Но что-то тогда не получилось, сказали ей на Службе, что не могут. Моя мама об этом не знала. Лона была женщиной интеллигентной, деликатной».

Вокруг смерти Конона Молодого немало всякого накручено. Умер прямо во время пикника, где выпивали, закусывали. Сын, конечно, лучше других знает, как это случилось. Конон Трофимович любил собирать грибы. Поехали 10 октября 1970 года в грибные места. Отец, как всегда, за рулем. Детей не взяли. Забрались далеко. Сели поужинать, и вдруг отец упал на траву, не мог пошевелиться. Пока добрались до телефона… Мать помнила только номер Абеля. Дозвонились ему, Вильям Генрихович связался с коллегами, всё объяснил и вызвал служебную машину. Но… У отца был обширный инсульт. Рок семьи Молодых: ведь и отец Конона умер так же внезапно.

Сын Конона Молодого Трофим решил стать военным. Начинал в погранвойсках. В Москве служить было скучно. И Трофим попросился на далекую северную заставу, где сходятся границы трех наших скандинавских соседей. Дослужился до начальника заставы. А в 1989-м майор Молодый комиссовался по состоянию здоровья. Сейчас — бизнесмен.

Сына своего назвал, как и принято в роду Молодых, Кононом. Теперь у Конона подрастает сынишка Трофим. Так что династия продолжается.

— И, знаете, — улыбается Трофим Кононович, — моя бабушка своего сына, моего отца, называла Каничкой. И моя жена, того, конечно, не подозревая, тоже зовет сына Каничка…

КОМАНДИР НЕЛЕГАЛОВ
Юрий Дроздов

Юрий Иванович Дроздов — фигура легендарная. Вот кто почитаем всеми коллегами. И нелегалами — особенно. С 1979 по 1991 год генерал-майор Юрий Дроздов руководил работой нелегальной разведки. «Это было при Дроздове… Так придумал Юрий Иванович… И тогда я пошел к начальнику Управления "С"…»

Дроздов родился 19 сентября 1925 года. Участвовал в Великой Отечественной войне как артиллерист. Был резидентом в США и Китае. А до этого успел прожить еще несколько жизней. Блестяще исполнил роль родственника Абеля — кузена Дривса. В ФРГ его знали как нациста барона фон Хоэнштей-на, а потом ненадолго появился в его исполнении и исчез инспектор Клейнерт.

Это Юрий Дроздов предложил создать отряд специального назначения «Вымпел» и вместе с ним штурмовал в декабре 1979-го кабульский дворец диктатора Амина. Юрию Ивановичу было тогда уже 54 года. Он подтянут, всегда хорошо одет. Есть у представителей этой профессии термин — «вербовочный костюм». То есть лучшая, самая подходящая одежда при вербовке. У меня сложилось впечатление, что Дроздов всегда в вербовочном костюме.

Он обладает глубочайшими познаниями. Беседовать с ним необычайно интересно. Мы встречались не раз. И мне посчастливилось услышать его рассказ о семье, о войне, о службе…

— Мой отец белорус, мать русская, и жили мы в Минске. В семье о Белоруссии всегда вспоминали тепло. Наш дом до сих пор стоит на Советской: второй подъезд, первая квартира направо на первом этаже.

Я из потомственных военных. Отец из зажиточной крестьянской семьи, окончил школу прапорщиков и стал офицером еще той, царской армии. Рассказывал, как в школе юнкеров их будил дежурный офицер: «Юнкер, вам что, вечером было плохо? Какое-то расстройство? Иначе чем объяснить, что ремень повесили не в том углу». Так прививали собранность. Отец воевал в Первую мировую.

В Гражданскую перешел к красным и был одним из командиров артиллерии в дивизии Чапаева. Знал и Василия Ивановича, и Фурманова. А после учил будущих командиров

меткой стрельбе.

С матерью они познакомились во время похода на Варшаву в районе городка Лепина. Там отец служил с Жуковым и Рокоссовским. А мама после Гражданской работала машинисткой в секретариате НКВД в Белоруссии.

Я не мечтал о военной карьере. Но по совету отца поступил в артиллерийское училище. Началась война, и курсантом вместе со всем училищем работал на танкоремонтном заводе. Закончив учебу, получил звание младшего лейтенанта. Ждал меня Первый Белорусский фронт. И дошел я до Берлина.

Мне очень повезло с женой. И сыновья выросли такими, как хотелось. Оба дослужились в Службе внешней разведки до полковников. Судьба моя сложилась неплохо.

— Юрий Иванович, вы 12 лет возглавляли абсолютно закрытое управление внешней разведки — руководили нелегалами. И в то же время вы один из главных создателей «Вымпела» — секретного отряда специального назначения, задачей которого было проведение операций за пределами СССР в особый период. Но ведь ваши коллеги-нелегалы Абель — Фишер и Лонсдейл — Молодый утверждали, что разведка заканчивается там, где начинаются стрельба, рукопашный бой и прочие действия, связанные с применением мускульной силы. Это вещи несовместимые.

— Почему же несовместимые? Иногда приходилось что-то и совмещать. Мы даже придумали термин для обозначения такой деятельности — «разведчик специального назначения». Он объясняет различия между обязанностями обычного разведчика, никогда не привлекающегося к выполнению острых разведзаданий, и разведчика-диверсанта. Вот кто действует в особых условиях, потому и знаний, навыков ему требуется больше. Иначе острых, как мы говорим, задач не решить.

— В декабре 1979-го ваш «Вымпел» штурмовал в Кабуле дворец Амина.

— Подождите, тогда и названия такого не было. «Вымпел» только формировался. А вот в состав Управления «С» нелегальной разведки действительно входили неструктурные подразделения специального назначения. Я был их руководителем. В конце 1979-го меня вызвали и сказали, что надо съездить в Афганистан, посмотреть, как они там поживают. Я съездил, посмотрел, приняв участие и в штурме дворца Амина. А 31 декабря, уже после этих событий, на встрече с председателем КГБ Андроповым мы доложили: оценивая афганский опыт, надо подумать о создании специального кадрового подразделения в системе нашей госбезопасности. В 1980-м началась работа, и в августе 1981-го

появился, конечно же, секретно, но официально отряд «Вымпел».

— Откуда такое название?

— Первым командиром стал капитан первого ранга Герой Советского Союза, участник того самого штурма Эвальд Козлов. Он из морских частей КГБ. Потому и дали отряду имя отчасти морское — по ассоциации с адмиральским вымпелом на мачте. А официально именовался он скучновато — Отдельный учебный центр КГБ СССР.

— И кто же в нем учился?

— Представители тридцати двух национальностей. Некоторые из них до того успели пройти обучение даже в спецназах некоторых стран НАТО.

— Каким образом это им удалось?

— Существует агентурная работа, есть и работа нелегальная. Суть нелегальной деятельности в том, чтобы тебя за рубежом считали своим. А уж если там принимают за своего, то призовут в армию. Можешь служить где угодно и попытаться проникнуть в элитные спецслужбы.

— И в «Вымпеле» были люди, которые служили в натовских спецподразделениях?

— А как же. Почему не использовать и чужой опыт.

— Но это должны быть молодые, физически крепкие ребята лет двадцати пяти-тридцати. А как же их внедряли в чужие страны? Ведь требуются и легенда, и время на вживание в иную среду, и язык нужно знать не хуже родного.

— Я же сказал: в нелегальной разведке служили представители тридцати двух национальностей. Начинали у нас в молодом возрасте. Были даже восемнадцатилетние девушки. Народ всякий, отбирали мы его тщательнейшим образом. Это обычное явление: чем моложе человек, тем он более склонен к смелой и решительной работе.

— И всех вы знали лично?

— Всех. И с каждым встречался: здесь, в Москве и выезжал за границу, ставил перед ним задачи. Все они — мои боевые товарищи. Меня, как и каждого из бойцов, могли уничтожить, к примеру, во время штурма дворца Амина. Есть две профессии, которые подставляют грудь противнику раньше других — разведчики и солдаты. Естественно, это рождает отношения особого рода.

— А почему вы, генерал Дроздов, действовали в Кабуле под фамилией капитана Лебедева?

— В разведке не принято в серьезных операциях участвовать под собственным именем. У меня в свое время было несколько фамилий. И паспортов, и прочих документов тоже. Еще в старой

русской армии, потом и в советской, и в сегодняшней российской существует хорошая традиция называть людей, которые руководят крупными операциями, условными именами. Полководец Жуков подписывался Константиновым, Сталин — Александровым.

— Вы часто работали за границей. Как удавалось проникать в чужие веси?

— Я знаю немецкий, английский, понимаю испанский. А въезжал по официальной линии и неофициально.

— Но ведь вас могли и взять. А вы знаете всех разведчиков-нелегалов. Опасно!

— Приходилось немножко смотреть по сторонам, слышать, думать. Мероприятие, действительно, серьезнейшее, которое обеспечивается и средствами маскировки, и техническими возможностями. Вот вы спрашиваете, как я в чужую страну въезжал. Заверяю вас, что выехать иногда не менее сложно. Каждый раз всё и происходит по-разному. Скажем, на одну операцию я поехал как советник посольства.

— Это в ФРГ?

— Затем отдал все документы и остался вообще без документов. Только с немецким языком и соответствующей внешностью. Зато в окружении своих помощников. И приступил к нелегальной работе. Такое тоже бывает. Помогала агентура из зарубежных граждан, да и не только. Было сложно. В период существования двух Германий в ФРГ, чтобы бороться против разведчиков Восточного блока, была разработана так называемая система признаков. Любой человек, прибывший на территорию Западной Германии, попадал под подозрение автоматически. Все, кто проходил через лагеря переселенцев, становились на учет в полиции. Эта система успешно действует и сегодня.

— В ФРГ вы одно время выступали в образе нациста, барона фон Хоэнштейна. Одна дворянская приставка «фон» и та привлекала внимание.

— И прекрасно. Потому что как раз эта фамилия проходит по списку немецкого дворянства. Мы обсуждали это с одним из руководителей управления нашего берлинского аппарата, у которого и родилась такая смелая идея. Поехали мы вместе к восточным немцам в их управление. Это была своего рода проверка моего знания немецкого языка. Долго мы прогово-рили, в том числе коснулись и одного из местечек, куда мне, возможно, и нужно было выехать, чтобы создать ситуацию для отправки нашего нелегала Георгия на Запад, чтобы она для них сделалась очевидной. Прямо висела в воздухе. Закончился весь этот тест тем, что под конец наш руководитель аппарата спрашивает: «Ну

как, сойдет он за немца?» И немецкий генерал из ГДР «благословил» меня на внедрение в этот пункт пересылки корреспонденции, сказав: «Пусть идет».

— Пункт пересылки — в ГДР?

— Нет, это было уже там. Обеспечили все это, и я проработал там ровно две недели. За это время мне надо было убедиться, что документы на Георгия поступили, посмотреть, как они выглядят. Хотя я сам на раннем этапе принимал участие в их подготовке. И переправить документы дальше, проконтролировать, чтобы они ушли в нужный концерн.

— Тогда вы были инспектором Клейнертом. Именно этому скромному западногерманскому госслужащему удалось каким-то образом выправить бумаги на советского нелегала Георгия, который благодаря им проник в США. Как вы сделались инспектором? И как смогли потом исчезнуть, не вызвав подозрений, несмотря на всю систему признаков?

— Очень старался, чтобы получилось. Но мы с вами затронули тему довольно деликатную… Вот недавно мне позвонил наш общий знакомый, который, судя по всему, к вам хорошо относится, и попросил меня принять Николая Долгополова. Приблизительно так было и в Германии. Или, чтобы вам было еще понятнее: вышестоящий начальник налогового управления присылает своего представителя в какую-нибудь подчиняющуюся ему организацию другого города. Так же и в случае с инспектором Клейнертом. Был соответствующий разговор, велась необходимая переписка и наконец приезд.

— Но в привычной для коллег герра Клейнерта среде появился человек им незнакомый. Одно это вызывает настороженность.

— Я был соответствующим образом подготовлен. Обеспечен надежными документами, получил направление, и приняли меня на новом месте тепло. Принялся за работу. Ходил вместе со всеми, дежурил. Удалось завязать знакомства с людьми, работавшими в этом пункте, контролировавшемся их спецслужбами. Потом, когда сделал свое дело и пришла пора уезжать, даже отходную устроил. Немцы, как и мы, любят повеселиться. Посидели, пивка попили. Всё нормально. Дрожь в сердце была, конечно. Не дай бог сорвется. Но всё получилось. Ситуация была разыграна правильно.

— Почему вы уехали? Такая была легенда?

— Уехал в связи с окончанием служебной командировки.

— Вас же могли проверить.

— Если бы я где-то ошибся, то наверняка. А я очень старался.

— Расскажите о тех, с кем вы работали. На смену

арестованному в Штатах полковнику Абелю отправился другой наш нелегал Георгий. А как вы могли бы сегодня оценить сделанное Абелем в США? Превзошел ли его тот же Георгий?

— Неверно поставлен вопрос. У них были разные направления работы. Абель в какой-то степени — работал по атомной тематике. Тяжелейший период мировой истории — конец 1940-х — 1950-е — разгул маккартизма. И Абель восстанавливал в США то, что могло быть частично потеряно. Восстановить всё не удалось, не получилось. На это требовалось куда больше времени, чем оказалось у него. Но были новые вербовки, приобретение новой агентуры. Многое он спас. Работа шла и по линии легальной резидентуры, и через нелегалов. Всё это продолжалось много лет. Да и на подготовку нелегала для активной работы уходило годков пять — семь. Лет через пять после обмена Абеля мы встретились с ним в нашей столовой. Подошли, тепло поговорили. Очень светлый был человек.

— Общались?

— Не пришлось. Он мне сказал: «Я вас так и не поблагодарил, а надо бы».

— Вы же тогда выступили в роли его кузена Юргена Дрив-са. А почему именно Дривса?

— Случайно попалась эта фамилия в Западном Берлине. Документы мне сделали на это имя. И потом, когда американцы проверяли, действительно ли существует такой человек, то их посланец даже добрался до подъезда, где якобы жил в ГДР этот выдуманный персонаж. Подниматься в квартиру не рискнул. Американцы вообще этой страны боялись. Но подтвердил: Юрген Дривс действительно существует. И после этого завязалась у нас переписка с адвокатом Джеймсом Донованом, который нашего полковника защищал. Письма от Донована мы получали по «проверенному» американцами адресу.

— А как оценил эту операцию после своего обмена сам Абель?

— Знаете, как у нас в разведке… Я уезжал резидентом в Китай. Времени было в обрез. Не до разговоров. Только подаренная им картина и осталась на память. И, между прочим, художник он хороший.

— А его сменщик — нелегал под именем Георгий… Из прежних разговоров я понял, что он был советским подданным, но иностранцем.

— Нет, наш нормальный российский мужик в годах и с серьезными ошибками в немецком языке. Его еще надо было сделать иностранцем. Так что работу пришлось проделать огромную, чтобы всё получилось. Ведь Георгий был очень

хорошим специалистом в своей области.

— В какой?

— Он был техник. Тесно связан с тем, что сегодня именуется инновациями. С учетом его особенностей и знания немецкого языка пришлось найти ему помощницу — немку с хорошим, скажем так, местным произношением.

— Но западные немцы умело раскалывали приезжих по определенным признакам.

— Мы над этим много работали. Когда мы их, сотрудников двух дружественных спецслужб, познакомили, они смотрели друг на друга внимательно, придирчиво, настороженно. И, знаете, на первых порах ссорились. Но затем все наладилось.

— У немки был муж?

— Она не была замужем. А у него в России оставались родные — семья. Но это не самое страшное, что случается в жизни нелегалов. Он вернулся к ним. И умер в Питере — дома. Приехал — и перитонит. Столько лет выдержать там… А с ней было очень интересно. Вижу прямо как живую. Симпатичная женщина, выше среднего роста, темно-русая. Ну самая что ни на есть фрау Эльза. Домашняя. Именно такая была нужна Георгию. Способная девчонка. Я когда работал в Нью-Йорке, иногда бывал около их дома. Проеду мимо окон, посмотрю…

— Но не заглядывали, не встречались?

— Боже упаси. Этого еще не хватало. Я считаю, что при работе с нелегалами вообще никто и ни с кем не должен встречаться. На последнем этапе своей работы, уже будучи начальником управления, я ввел такой порядок: существует только безличная связь. И никаких контактов с нелегалами, никаких. После долгой работы этой пары их доклады поступали, минуя промежуточные отделы и подразделения, прямо ко мне. Это делалось для того, чтобы полностью обеспечить их безопасность. Некоторые на меня за это обижались… Наши аналитики, да и другие тоже… Но были у меня основания беречь нелегалов, потому что вышли они на результат, пошли серьезные разработки. А время-то было уже опасное. Период, который на нашем служебном языке именуется «нарушением правил проживания советских служащих в Соединенных Штатах». И когда появились эти нарушения, я отправлял материалы в Москву. Был среди нарушавших и заместитель Генерального секретаря ООН Шевченко.

— Который попросил там политического убежища и успел немного поработать на американцев.

— Я, резидент советской разведки в США, заподозрил его в измене. Сообщал в Москву. Но его, человека близкого к министру

иностранных дел Громыко, несмотря на все сигналы, не трогали. Мне даже запретили вести за ним наблюдение. А я продолжал отправлять материалы в Москву. Для меня ситуация была вполне понятной. Шевченко может уйти. А когда он попросил политического убежища и что на это ответил Громыко, я даже не помню. Нечто вроде того: быть может, и был у меня такой помощник, но я всех помощников помнить не могу. Какой помощник?.. Ведь жены Шевченко и Громыко дружили и практически наладили товарооборот. И Шевченко совершенно сознательно брал Громыко на обеспечение. А Андрею Андреевичу то одно нужно найти, то другое. Шевченко находил. Конечно, Громыко было неудобно. Наверное, в связи с этим Андропов мне тогда и сказал: никто тебя наказывать не будет, но и Громыко мы снимать не можем.

— Юрий Иванович, черт с ним, с этим Шевченко. Давайте вернемся к Георгию и его даме. Как им удалось попасть в США? Им помогали инспектор Клейнерт и барон фон Хоэн-штейн?

— Было очень трудно на определенном этапе заинтересовать Запад личностью Георгия.

— Концерн — американский?

— Нет, западногерманский. Потом, после того как был перехвачен ответ: «ожидаем вашего приезда», начали уже решать вопросы следующего этапа — приезд Георгия на работу в этот концерн и дальнейшего «прыжка» в США. С начала работы там это заняло у него примерно года полтора.

— Английский он знал?

— Нет, только немецкий. Но тут тоже был элемент риска. Прощались мы в Берлине. Я говорю: запоминай свои ошибки. А он мне: «Теперь выживу. Она поддержит. Да мы с тобой оба из…» Словом, из одного немецкого региона, где говорят на одном диалекте. Хороший, смелый был парень.

— Я не совсем понял: Георгий не был профессиональным разведчиком?

— Он был подготовленным нами разведчиком. А так, по своей специальности, был хорошим, грамотным инженером. В то время в СССР серьезно занялись электроникой. И поэтому нам надо было, чтобы он находился там. Некоторые свои приборы — прочтения микроточек и всего прочего — он оставил мне. И я их потом отдал. Они должны быть где-то в нашем музее Службы внешней разведки. Да, способный был человек Георгий. И прекрасный фотограф. Только не все его в Штатах любили, не все. Жена его мне рассказывала: в Нью-Йорке он считался одним из бывших нацистов. Во всяком случае, работу для страны он проделал большую. Материалы добывал очень полезные. Когда

случилась история с Чернобылем, вдруг стали спрашивать: а где эти материалы? Отыскались в подвалах.

— А как сложилась судьба «Эльзы»?

— Мы как-то хотели привлечь ее для работы с другим нелегалом. И коллеги из ГДР были не против. Но она отказалась, сказав, «что с ним бы пошла хоть куда, а с другими — не хочет». И мы это объяснение, конечно же, поняли и приняли. Если она сегодня жива, то находится в весьма почтенном возрасте.

— Дело Георгия для американцев так и осталось тайной. Но было же много и такого, о чем они каким-то образом узнавали.

— В одном из разговоров с тогдашним начальником разведки Крючковым я сказал: знаете, Владимир Александрович, нам нужно как можно больше проявлять осторожности в работе с нашими материалами. В понедельник вы знакомитесь с документами из такой-то страны, во вторник — из такой-то, среда… четверг. В пятницу, субботу, воскресенье — все отдыхают, а мы работаем, обрабатываем то, что получили. А на следующей неделе идет та же работа, но этого никто не должен знать.

— Вы опасались предательства?

— Так оно и было. Появились некоторые люди в высших эшелонах власти, которые ни в коем случае не должны были знать обо всем этом, о наших результатах. Так называемый «Список Крючкова» с именами этих людей из американской агентуры не был высосан из пальца.

— Вы считаете, такие люди были?..

— Я не считаю, я уверен в этом. Это подтверждают наши агентурные данные.

— Юрий Иванович, а были герои, которые пока неизвестны?

— Да, были. Однажды ушло 17 лет на то, чтобы построить жизнь совершенно другого человека. Вывезти нелегала в страну, из безработного превратить в почетного гражданина города. Когда ему вручали звезду героя, было торжество. А потом мы остались вдвоем у него в квартире. Наша страна уже вступила в критический период истории. И он мне признался: «Если бы 17 лет назад мне сказали, что все этим закончится, я бы никогда не поверил». Переживал он страшно, знал, кто на нем висит, какие у него возможности, что нужно делать.

Героический человек. В свое время мы привозили ему сына в одну из стран Западной Европы, куда он выезжал в командировку из своего постоянного места пребывания, чтобы мальчик видел, какой у него достойный отец. Но случилась беда. Сын его отдыхал в лагере и утонул. Отец приехал на похороны на один день и вновь уехал туда.

— А жена была тоже там, с мужем?

— Нет. Мы в то время не смогли их вместе использовать. Во-первых, не пошел у нее язык. Во-вторых, характер… К тому же славянская внешность. Она недавно умерла.

— А муж, Герой России?

— Советского Союза. Он умер здесь странной смертью. Попал под машину…

— Юрий Иванович, а как в разведке присваивают звания героев?

— В нелегальной разведке это произошло так. В 1979 году меня назначили ее руководителем. Постепенно во всём разбирался и однажды серьезно поговорил с Полковником К. — начальником отдела, где работали Геворк и Гоар Вартанян. Я говорю: мне теперь ясно, что из себя представляет наша Служба, потому что раньше в таком объеме я ничего не знал. Фактически имел доступ к материалам, которые показывали, сколько нелегалов у нас было до начала 1941-го, с каким объемом мы встретили войну. И после известных провалов и осложнений, включая «Красную капеллу» и все остальное, мы, несмотря на очень трудное положение, смогли восстановить свои возможности. И награжденных было много. Но среди них ни одного, кто бы получил высшую награду за работу в особых условиях. Хотя людей достойных — немало.

— Особыми называются условия работы разведчиков-нелегалов.

— И я задал тогда вопрос Полковнику К.: «Почему у нас нет ни одного Героя Советского Союза? И как вообще награждались нелегалы?» Он на меня удивленно посмотрел, пожал плечами. А сам он тоже из нелегалов, прошел через все трудности. Я предлагаю: «Давай подумаем, что можно сделать? Кто у нас уже давно на нелегальной работе и заслуживает присвоение звания Героя Советского Союза?» С неделю он думал-думал, потом говорит: «Давай предложим вот этого». Мы написали большую, очень большую справку и положили ее на стол Крючкову. Тот долго ходил по кабинету, потом взял папку и уехал к Андропову. Юрий Владимирович позвал Полковника, позвал меня и спросил: «То, что здесь написано, это правда?»

— Даже он не поверил?

— Нет, так он поставил вопрос. Я отвечаю, что всё документировано. Андропов попросил еще раз проверить все документы, потому что «это очень серьезно и чтобы никто не задавал никаких вопросов». Потом я несколько раз ездил в ЦК вместе с этими материалами и там их оставил. В ЦК сидел в наградном отделе генерал, который нами занимался. Звонит он мне: «Есть указ, всё как нужно рассмотрено, всё положительно». Я

обрадовался, позвонил Крючкову. Когда поступил материал, он прошел через Юрия Владимировича, поступил к нам, и дошло дело до меня. И вот мы сидим и думаем: как же проинформировать нелегала? И послали радиограмму Вартанянам в их страну. Когда они приехали потом в отпуск, Гоар рассказывала: «Как сидела я, так и опустились руки. А Жора спрашивает: что случилось? И я ему расшифрованный текст протягиваю». Вот так я с ними лично познакомился. А до этого никогда не встречался — не виделся.

— Но руководили же.

— Познакомился с их делом. Принимал начальника отдела Полковника К. строго по расписанию, которое у нас существовало. Меня всегда информировали о том, что с ними происходит.

После того как Геворку Андреевичу Вартаняну присвоили звание героя, мне стоило большого труда уговорить нашего руководителя разрешить ему и супруге продолжить работу в особых условиях. Обычно получивших звания героев за кордоном старались не использовать. Просто-напросто берегли.

К тому времени Вартаняны в одной стране подготовили очередное вербовочное мероприятие по приобретению агентуры. И мы сказали: завершаете эту операцию, сворачиваете потихоньку всё дело и возвращайтесь домой. Хватит. Уже сколько лет в таком напряжении! И можете, собственно говоря, на активной нелегальной работе поставить точку. Будете передавать опыт своим товарищам.

Во время их отпуска мы встретились — Вартанян, Гоар, я и начальник их отдела, который, жаль, рано ушел из жизни.

— А кто был их начальником?

— Фамилия его К. — он не рассекречен и вряд ли его имя когда-нибудь станет известно. Однако о некоторых мероприятиях, в которых он принимал участие, рассказывалось. В этих материалах К. проходит как Полковник.

— И что — о нем ничего?

— К. сам испытал то, что пришлось преодолеть Вартанянам. Он был и документирован соответствующим образом. Однажды потребовалось сделать немыслимое. Слепая женщина из чужого и далекого высокогорного селения признала его своим сыном. Так у него появилась настоящая мать с арабского Востока.

— Но, судя по фамилии, Полковник был русским — или наполовину русским?

— Нет, не был он русским. Осетин. Жалко, что таких теперь нет. Когда у К. возникли трудности с проверкой некоторых моментов в его легенде, он вступил в переписку со своими леген-

дированными родственниками. Тут учитывался промежуток времени, который был заложен в его истории: больше полутора десятков лет К. не приезжал домой. Выяснили, что мать его ослепла. К. убеждал: не будет большого риска, если он встретится с родственниками, чтобы подкрепить свою легенду.

Но руководители Комитета и внешней разведки считали, что это уж слишком рискованно. Операция выглядела исключительно опасной для нелегала. И все-таки после длительных размышлений К. получил добро.

Нелегал подстраховался. В нескольких километрах от села в укромном месте его ждала машина. У водителя были запрятаны документы, в них К. значился под другим именем, и еще билет на самолет: сначала в одну европейскую столицу, потом пересадка — и в другую. Сложись вдруг обстоятельства неблагоприятно, не узнала бы мать в К. своего уехавшего на заработки сына, и главное для него было бы успеть к самолету. Наудачу горное селение находилось не так далеко от столицы и аэропорта.

— Но почему К. был так уверен, что настоящий сын не может объявиться? Пусть с не мамой, потерявшей зрение, но с родственниками у него могла быть переписка. А люди имели обыкновение посылать домой фотографии.

— Вы правы, выходец из горного селения сделал отличную карьеру. Устроился в европейскую фирму, разбогател. В первые годы даже наведывался в аул, присылал подарки, но потом куда-то исчез.

— И так же внезапно мог появиться.

— Не мог. Он умер. Разведчик об этом узнал совершенно случайно. И обратил внимание на совпадение: он был очень на него похож. Потому и решился на встречу с матерью.

— Юрий Иванович, но ведь не зря говорят, что родная мать всегда узнает своего сына.

— Не зря. Но Полковник постарался учесть все нюансы. Сын исчез полтора десятка лет назад. К., как и его «двойник», тоже успел сделать за границей неплохую карьеру. Денег зарабатывал столько, что даже мог помогать своим коллегам по нелегальной разведке. Он заранее оповестил родственников о прибытии. Захватил для всех, как положено, подарки. Мать была готова принять и обласкать родного сына. К. был отлично одет, приехал на шикарной машине. Как было близким и особенно матери его отвергнуть? Хорошо, пусть даже не сын. Но он-то искренне считает женщину матерью, зачем его разуверять, отталкивать?

— Но если бы она…

— И на «если бы» было готово объяснение. К. спросил бы у родственников, здорова ли мама, показал бы всем семейную

фотографию, сделанную немногим меньше двух десятилетий назад, когда сын приезжал в аул. Сходство с умершим — невероятное. Как отказаться от такого родственника? Ну что, убедил я вас?

— Почти. Неужели наш нелегал знал труднейший язык в совершенстве? Ведь проскальзывают если не ошибки, то не совсем верное построение фраз, неточные ударения, да мало ли что может быть в столь сложном наречии.

— Вот этого можно было не бояться. Язык К. знал превосходно. Он заранее дал знать о точном времени приезда, сообщил о подарках. Казалось, всё было учтено.

Весь аул вышел его встречать. К. торжественно повели к матери: на скамье у родного дома сидели несколько женщин. В чадрах. И, конечно, узнать, кто «родная мать», было нереально. Но пока нелегал мучительно размышлял, его слепая мама поднялась. Поддерживаемая соседками, которые, видно, и признали в приближавшемся богато одетом господине сына, встала перед ним на колени. Она его всего ощупала, произнесла молитву во славу Аллаха и назвала нашего Полковника сыном. Признала. Красивый был парень. Всё это просто удивительно.

Для того чтобы поддерживать эту легенду, мы много сделали. Наш Полковник проходил по жизни как богатый человек. Подарки всем многочисленным родственникам раздал за счет своей европейской фирмы. Отремонтировал домик, крышу, поставил новую изгородь. Но дела, и это — чистая правда, не позволяли К. долго оставаться в родном селении. Через три дня его ждала Европа.

— А как же мама?

— Вы знаете, тут не совершено ничего кощунственного. Наоборот. Этой женщине мы установили пенсию, которую получали содержавшие ее родственники. И больше десятка лет переводили деньги в селение, где она проживала. Может быть, встреча с сыном, материальное благополучие, забота воодушевленных постоянной помощью близких тоже помогли ей прожить долго.

— Но сына она больше не увидела?

— Нельзя забывать о риске. А Полковник помогал в очень серьезных мероприятиях, которые приходилось решать на Ближнем Востоке и не только.

— Ну хоть намекните, что он успел?

— Намекнуть?.. К. первым из наших, задолго до других, сообщил в Центр о проекте звездных войн.

— Вы имеете в виду Стратегическую оборонную инициативу президента Рейгана?

— Именно.

— И Полковник был начальником Вартаняна?

— Да. Потом, когда Анри вернулся окончательно, работал у него. Готовил, к примеру, нелегала А. Собственно говоря, даже был в определенном смысле руководителем А., решал большую часть задач.

— И чем они с Геворком Андреевичем занимались?

— Это была очень серьезная работа, связанная с четким знанием особенностей своего прикрытия. Потому что выбрать в разведке прикрытие не так просто. Вартанянам это удалось. Эта армянская пара в очень трудное время вжилась в среду, где пустили корни еще их родители. Они обросли связями. А это сложнее, чем кажется.

— Вот Вартанян приехал сюда, у него богатейший опыт. Люди, которые с ним общались, могли массу всего приобрести. Что это было — обучение? Или просто встречи?

— Знаете, здесь каких-то крупных мероприятий мы не проводили. И проводить — не должны. Это — штучная работа. И то, что они сошлись с А. и поняли друг друга, очень большая заслуга Геворка Андреевича. Ведь А. уже работал, делал свои шаги. А Вартанян стал наставником действующего нелегала. У нас таких случаев было за всю нашу историю, насколько я знаю, еще два. Это жена Зарубина.

— Елизавета Горская? Потом получилась знаменитая ныне семейная пара нелегалов.

— Да. И вторая — Африка де Лас Эрас.

— Полковник внешней разведки. Была еще радисткой у Николая Кузнецова в отряде Дмитрия Медведева.

— Она большую часть жизни провела за границей. Ей туда подсылали людей, она их готовила там.

— Юрий Иванович, вы в своей книге «Записки начальника нелегальной разведки» пишете, что Вартанян — один из величайших наших разведчиков, равен Зорге, Филби, таким колоссам. Как это можно пояснить? Мы всё время возвращаемся к Тегерану 1943-го. Но было же столько другого.

— Было. (И долгое, очень долгое молчание. — ***Н.Д.)*** Но рассказывать ли о них — решать не мне, а Службе.

— Вы пишете, что Вартаняны общались в одной из стран с адмиралом Тернером, будущим начальником ЦРУ, а тогда командующим американскими войсками. Они были знакомы?

— Однажды, когда мы решали сложную комбинацию, за сутки Анри вылетел на самолете адмирала в США.

— На самолете Тернера?

— Да. Командующий американской группировкой на юге

Европы в кратчайшие сроки обеспечивал визовыми документами.

Когда у нас кто-то пропадал, разведчик оказывался в трудных обстоятельствах. Мы иногда обращались к Анри с просьбой помочь найти этого человека. Например, тех, кто уходил из нашего поля деятельности, из числа американцев. Была пара случаев, когда Анри ставил в тупик скрывавшегося завербованного американца.

— Завербованные не хотели работать, а он их возвращал?

— Не совсем так. Мы находили человека, выясняли всё, что с ним происходило и как происходило. В результате ставили точку над «i». У нас был случай, когда в одной стране проходила серьезная операция по пресечению вербовки американцами нашего сотрудника путем оказания давления на американца, его разрабатывавшего. Этого американца мы убедили, что он — нужный нам человек. Тот согласился, но потом не выдержал и сбежал. Мы убедились: вилла, на которой жил американец, заросла травой. Ясно стало, что он раскрылся перед своими. Начали искать и нашли. Ему нужно было просто сказать, что раз уж ты согласился, то не надо уходить от взаимодействия. Ничего тогда, конечно, не получилось.

— Почему?

— Потому что вся дальнейшая работа должны была проводиться на глазах у американцев непосредственно там, в Штатах. Но не стал он работать и на американцев, хотя был американским гражданином. Скоро нам пришлось это дело закрыть. Но мы всё равно узнали, где он находился. Мелочь, собственно говоря. Вы о ней сейчас напишете, и там, далеко, конечно, заволнуются, им придется всё это искать, думать, как всё было. Так что страну указывать не надо. Но это была красивая, интересная операция. Наш сотрудник, с которым всё это дело происходило, живой сейчас. Фамилию, допустим, не припоминаю.

А у Вартаняна потом в основном были разовые задания. В разных странах.

— Геворк Андреевич говорил мне о почти девяноста странах.

— Иногда, чтобы оказаться в нужном месте, надо улететь совсем в противоположную сторону, а потом оттуда прилететь к месту выполнения задания.

— Может, вопрос несколько смелый: тема немирного атома в интересы Вартанянов входила?

— Ядерной тематикой они не занимались, это делали другие. Больше были привязаны к своей реальной профессии — коммерческой торговле коврами. Собственно, на этих коврах у них и завелись связи с нужными людьми.

— Вартанянам повезло, что не встретился на их пути какой-нибудь предатель.

— Как на пути Козлова, отсидевшего два года в юаровской тюрьме. Когда Алексей Михайлович вернулся, то поставил меня в трудное положение: отпускай на работу. Ну, ладно, говорю, давай подумаем. Он ведь тоже Герой России. Мы отдокументировали его заново.

— Это как?

— Сделали ему новые документы. Пришлось перелопатить полмира, чтобы выбрать страны, в которых ему можно было работать, и он еще поработал несколько лет.

— А были те, кто работал в особых условиях дольше Вартанянов?

— Ну, вопрос не совсем верно поставлен. Дело не в сроках. И все начиналось не с нас. Были традиции. В 1912-м или, боюсь ошибиться, в 1913 году, как мне рассказывали, второе бюро Генштаба русской армии забросило далеко в Азию двух молодых офицеров с задачей — проникнуть в Тибет. Началась Первая мировая война, затем Вторая. Ну, и после восстановились у СССР отношения, допустим, с Бирмой. И как-то представителя нашего посольства вызывают на встречу. Приходит, а ждут его два монаха. Из разговора понимают, что перед ними — разведчик. И докладывают: были введены для проникновения в Тибет. Задачу решили, соответствующее место в буддистской иерархии заняли. Из-за революции и войн по независящим от нас причинам связи не было, войти в контакт практически не могли. Возможность появилась только сейчас, и мы бы хотели доложить нашему российскому командованию о ходе выполнения задания.

— И монахов выслушали?

— Еще бы! Это были уже очень-очень старые люди. А как с ними работали!.. Дали эти разведчики интереснейшую информацию.

А мне пришлось работать в Китае, когда отношения наших стран складывались тяжело. И я, как резидент, предупреждал: может дойти до вооруженных столкновений. Указали мы и место, где это могло произойти — Даманский.

— И произошло. А как удалось установить, что именно там?

— Сложная история, хотя и давняя, относящаяся к 1960-м. Если без особых подробностей, то отправленные в тот район наши люди подтвердили: прямо напротив острова Даманский сосредоточились значительные китайские силы. А жили в тех местах и бывшие белогвардейцы. Удалось встретиться с нашим источником, скажу совсем древним, но каким полезным. Он много чего рассказал. Прочитал я ту информацию и отправил в

Центр предупреждение, что пора готовиться к нападению.

— Источник был военным?

— Пасечником. Но каким оказался прозорливым, надежным. Доклад дошел до Хрущева, однако Никита Сергеевич не поверил. Но уж тут наш пасечник не виноват. И рассказываю я не просто эпизоды из жизни разведки. Это история о верности присяге, долгу.

Или вот еще одна история. Два наших нелегала супруги Т. и Г. попали в одной стране в непонятную ситуацию. Никаких нарушений не допускали, всё делали правильно, а опасность почувствовали. Это означало только одно — произошла независимо от них какая-то утечка. Г. заметил слежку. Напряжение, боязнь за двоих детей, за беременную жену были столь велики, что у нелегала началось психическое расстройство. Много лет он приносил нам большую пользу. И вот… Тогда его супруга Т, будучи на девятом месяце, все взяла на себя. Прекратила оперативную работу, уничтожила улики. Ей надо было разыграть соответствующую ситуацию, чтобы уйти через третью страну. И Т. повезла заболевшего мужа лечиться — якобы на юг. А сама сумела перевезти всю семью в другое государство. Мужа положила в клинику, сама быстро в роддом — рожать третьего ребенка. Вскоре нашла силы перебраться в СССР: и больного Г. спасла, и трех детей.

— А засекли всех троих где? Как я понимаю, в Англии?

— Допустим, вы не ошибаетесь. И только потом многое прояснилось. Был такой предатель Гордиевский… Но не только в Англии работать сложно. Например, в результате изучения иностранцев в Канаде был взят под наблюдение наш нелегал. И просидел он полгода за использование чужих документов. А затем его должны были выдворить из страны.

— История — с благополучным концом.

— Которая едва не закончилась трагически. Канадские инспекторы находились с рутинным визитом в квартире нашего нелегала, когда туда вдруг пришла его невеста Люси. Тоже из нашей Службы. И неизвестно, как бы развивались события, если бы взяли и ее. Но женское обаяние и поразительное хладнокровие, доставшиеся в наследство от бабушки-разведчицы, позволили разыграть ей искреннюю сцену из цикла «жгучая ревность». Растроганные контрразведчики отпустили девушку. А ее жених вернулся в страну, из которой в Канаду приехал. А мы помогли ему спокойно добраться до Москвы.

— Каким вам видится будущее разведки?

— На будущее разведки я смотрю оптимистично. Потому что за всю историю существования мира человек всегда занимался

разведкой. Когда ребенок в первый раз заглянул в замочную скважину, то уже начал заниматься разведкой. И поэтому без разведки, если перечитывать библейские источники, общество жить не может. Разведка нужна любому государству. И России она нужна обязательно. Мы же хотим правильно строить наши отношения с миром, а для этого надо обладать информацией, иметь полную картину политического ландшафта, прорабатывать будущую стратегию. Разве это возможно без разведки?

— Юрий Иванович, может быть, через пять-десять лет гриф секретности снимут с еще каких-нибудь эпизодов. Тогда вы расскажете нам еще много интересного.

«Я ПРИСПОСОБИЛСЯ К РОССИЙСКИМ ДОРОГАМ»
Джордж Блейк

Он родился в Роттердаме 11 ноября 1922 года. Мать — голландка, отец — турок по происхождению, получил британское подданство, воюя на стороне Англии в Первую мировую войну.

А Вторая мировая превратилась в тяжелое испытание для юного Джорджа Блейка. Сразу же после оккупации Голландии он не стал выжидать, как делали многие, а вступил в Сопротивление. Был арестован, помещен в концлагерь. Оттуда бежал и добрался до Англии. Ушел добровольцем на британский флот.

В 1944-м началась его карьера в Сикрет интеллидженс сервис. С 1949 года разведчик Блейк действовал в Сеуле под крышей вице-консула. Попавший в плен во время корейской войны молодой офицер английской разведки Джордж Блейк по сугубо идейным соображениям перешел в 1951 году на нашу сторону. На его счету бесчисленное количество раскрытых операций чужих спецслужб. Английский разведчик служил в самой горячей точке холодной войны — Западном Берлине. И этот город — в то время столица мирового шпионажа — был во многом благодаря Блейку совсем не под натовским контролем. Особенно когда Блейк предупредил о тайном туннеле, прорытом американцами. С его помощью они надеялись подключиться к советским коммуникациям и перехватывать все секретные сообщения. Подключились и долгое время перехватывали умело поставляемую им дезинформацию.

Из-за предательства сотрудника польской разведки Блейк был в 1961 году арестован и приговорен к сорока двум годам тюрьмы. Но с помощью друзей-ирландцев через четыре года совершил невозможное: бежал из тюрьмы Уормвуд-Скрабс. Во время побега сломал руку. Отсидевшись на тайной квартире, он был с риском для жизни перевезен через Западную Европу в хорошо знакомый ему Восточный Берлин, где и был встречен с распростертыми объятиями нашими разведчиками.

С 1965 года Джордж Блейк живет в Москве. Награжден орденами Ленина и Красного Знамени. В отличие от других своих собратьев по разведке, получивших прописку в Москве, он очень быстро приспособился к нашим условиям, с удовольствием откликается на сделавшееся привычным русское — Георгий Иванович. «Русская версия Георгий, так зовут меня последние

несколько десятков лет, звучит для моего уха более приятно». Женился на красивой женщине Иде, подарившей ему сына Мишу.

Работал на сугубо гражданской службе. В начале 1990-х, когда некоторые горячие головы в нашей стране задумались над просьбой англичан «вернуть Блейка», он пережил несколько неприятных месяцев. Однако возвращать гражданина туда, откуда он успешно сбежал, не принято ни в одной стране мира. В конце концов это признали и противники Блейка.

В 1997 году на своем 75-летнем юбилее Джордж Блейк заявил: «Мы все были участниками великого эксперимента. К сожалению, он не удался». И как с этим не согласиться. Но Блейк по-прежнему полагает, что светлые идеи основаны на христианских принципах, и день всеобщего социального равенства всё равно когда-нибудь настанет.

Мы впервые встретились очень давно. Вот человек в скромной дубленке и неприметной зимней шапке идет по малолюдному московскому переулку. И, чувствуется, он контролирует каждого прохожего, который мог бы проявить к нему интерес. Джордж Блейк входит в дом без вывески, куда предстоит войти и мне.

И вот что я слышу сразу после рукопожатия:

— Я заметил, вы шли за мной. Не решились догнать, подойти?

Блейк хорошо и с милым акцентом говорит по-русски. Наша беседа шла неторопливо. Но по не зависящим ни от него, ни от меня причинам интервью не было опубликовано.

Какой он теперь, разведчик Джордж Блейк, столько сделавший для нашей страны?

Он живет с женой Идой Михайловной в Подмосковье, изредка и без удовольствия выбираясь лишь по крайней необходимости в город.

Еще издали на подъезде к его даче я увидел степенную пару: мужчина с палочкой, поддерживаемый стройной спутницей, неторопливо шествует по дорожке. Элегантный берет, темная куртка, аккуратная бородка — он по-прежнему, несмотря на полвека, прожитых в нашей стране, не похож на россиянина. Полковник СВР остается знаменитым разведчиком-англичанином Джорджем Блейком.

На улице ему трудно без сопровождающего, а в своих комнатах он отлично ориентируется и передвигается самостоятельно. Хозяин начал беседу на русском, но по-английски, с погоды:

— Когда нет дождя, я много гуляю: и на улицу выходим. Но за калитку я один не хожу: знаете, велосипеды, машины.

Устраивайтесь.

— Спасибо, Георгий Иванович. У вас позади девяностолетие. Событие, на мой взгляд, приятное…

— Это как смотреть, — и Блейк смеется — неожиданно звонко.

— Отпраздновали здесь, на даче? Приезжали гости из Англии?

— Три моих сына. Собрались вместе, а потом — они снова к себе домой.

— И кем ваши ребята работают в Англии?

— Младший — священник англиканской церкви в пригороде Лондона. Средний — бывший военный и пожарный. Старший — японист.

— У ребят жизнь в Англии сложилась неплохо. А ваш с Идой Михайловной сын, родившийся в Москве — он как?

— Ему за сорок, он — специалист по финансам. Миша — кандидат наук и очень хороший преподаватель.

— Понятно. А как обращается к вам жена?

— Жора.

— С первых дней знакомства?

— Нет, так меня назвал кузен Иды.

— За ваши долгие, я бы сказал, очень долгие годы в России вы общались со многими своими бывшими английскими, американскими коллегами, которые, как и вы, верно служили СССР, России. Среди них Филби, Моррис и Лона Коэн… И наверняка наши российские нелегалы. Когда я спросил Героя России Морриса Коэна, не скучно ли ему в Москве, вдали от Штатов, он ответил: «А вы думаете, там я бы имел возможность общаться и дружить с таким интеллектуалом, как Джордж Блейк?»

— Моррис Коэн — прекрасный человек. И Лона тоже. Мы стали большими друзьями, особенно в последние годы их жизни. Я часто бывал у них на Патриарших, а они у нас на даче.

— Лонсдейла — Молодого, российского нелегала, вспоминаете?

— Еще бы, мы сидели вместе в лондонской тюрьме Уорм-вуд-Скрабс, много общались.

— Никак не пойму, как российскому разведчику Лонсдейлу, приговоренному к двадцати пяти годам за шпионаж, и вам, со сроком отсидки в 42 года, давали общаться?

— Никто не понимает. Можно сказать, то была административная ошибка. Мы оба проходили там опасными преступниками, должны были бы быть под особым наблюдением. Но у английской контрразведки и у тюремной администрации

оказались разные понятия относительно этого самого наблюдения. Нас обязаны были содержать отдельно, исключить возможность встреч, а получилось наоборот: ежедневную прогулку мы совершали вместе. Лонсдейла обменяли, а я — бежал.

— В Москве встречались?

— Конечно, Лонсдейл бывал нашим гостем.

— А с Кимом Филби?

— Естественно. Его будущая жена Руфина — подруга Иды по институту, где они вместе работали. Ким ее увидел, и она ему сразу очень понравилась. Тут вспоминаю одну деталь. Вскоре после этого Служба подарила мне машину «Волга». Когда ж это было? В 1971-м? И моя мама была здесь. Они с Филби очень мило общались. Мама любила вечерком выпить мартини, и Ким тоже. Отношения были очень хорошими. А я в то время мало знал о российских дорогах: думал, сядем на машину и поедем по России. Но, ха-ха, это было чрезвычайно трудно. Где остановиться на ночь или купить бензин? А уж починить мотор… Но всё равно однажды Ида пригласила Руфину в Ярославль, и мы на «Волге» все вместе туда поехали. И я видел, что Ким сразу в Руфину влюбился и предложил руку и сердце.

— А со своими друзьями вы говорили о делах разведки?

— Говорили. Вспоминали, как было в Англии, в других странах. Да, есть о чем вспомнить. Но анализировать — нет. Нам было всё ясно. Мы знали истории друг друга, понимали, кто и что сделал. Потом через Мелинду познакомились с Доном Маклином.

— Еще одним, помимо Филби, членом Кембриджской пятерки и его женой.

— Мелинда уже ушла от Дона. Но они еще не развелись. Она жила в маленькой квартире на этой стороне Москвы-реки, а Маклин на той, около Киевского вокзала. Он был интеллигентнейшим человеком, отлично говорил и писал статьи. Причем — на русском.

— Говорил — как вы?

— Очень и очень хорошо, но, как и я, с акцентом. Это неизбежно, когда учишь язык взрослым. Он был одним из ведущих сотрудников нашего Института мировой экономики и международных отношений. Мы сидели в комнатах по соседству.

— А кто из товарищей по разведке был вам ближе всего по духу?

— Безусловно, Дональд Маклин. Ким Филби тоже был из Кембридж файф, и тоже интеллектуал. Они годами вместе работали на Советский Союз. Но я назвал Маклина.

— Многие ваши коллеги по Службе считают, что из всех

людей вашей профессии, волею судьбы и разведки попавших в Россию, именно вы отлично адаптировались, и страна — по-настоящему ваша. Прилагали героические усилия? Или Ида Михайловна сыграла важную роль?

— У меня такой характер. Умею хорошо адаптироваться везде, куда меня посылала жизнь, даже в тюрьме Скрабе приспособился. Стараюсь всегда найти позитивные обстоятельства. Есть такая американская песенка: «Делайте ударения на позитиве, отстраняя всё, что в негативе». Это я унаследовал от моей мамы. Она всегда была очень позитивной, оптимистичной, всегда в хорошем настроении.

— Шутка, юмор помогают прожить дольше. Так?

— Ну, я не такой уж сильный шутник, а насчет юмора, ха-ха-ха, всё в порядке. Однажды на встрече с товарищами по Службе в Ясеневе я сказал: «Вы видите перед собой иномарку, которая очень хорошо адаптировалась к русским дорогам». Юмор оценили.

— Насколько я знаю, вы — один из немногих сотрудников разведок других стран, ставший полковником Службы внешней разведки России.

— Нет-нет, все были полковниками.

— Но это же признание. Было приятно?

— Э-э-э… Признание, да, приятно. Но я этому придавал не особенно большое значение. А вот что меня включили в число нелегалов внешней разведки — огромная честь! Тогдашний руководитель Вадим Алексеевич Кирпиченко меня очень хорошо знал, прекрасно относился. Мы много путешествовали по России — от Запада до Дальнего Востока. И этот факт причисления меня к Службе нелегалов был и по-прежнему остается для меня самым большим признанием.

— Ваша книга «Прозрачные стены» переиздается, и каждый раз, покупая новое издание, я надеялся: может быть, вы поведаете что-то еще, связанное с советской разведкой.

— Нет, я написал всё, что хотел. Новых глав не будет. Мне очень помогала моя невестка, она хорошо пишет. Я ей рассказывал на моем русском, она излагала это на русском хорошем.

— В книге вы оцениваете людей с точки зрения разведчика. И некоторые ваши изречения мне запомнились.

— Да? Приятно. Какие же?

— Люди любят говорить…

— …И когда ты их слушаешь, считают тебя хорошим собеседником. Это относится ко всем странам и эпохам. Даже здесь мы видимся с одним человеком, который, приходя, любит

говорить со мной. А я слушаю, правда, не всегда его понимаю, но это не имеет значения. Я иногда позволяю себе задать ему вопрос, и он продолжает.

— Или еще одно изречение. Можно не рассказывать всю правду, а ограничиться лишь частью ее. И этого достаточно.

— Это известные методы, не пугайтесь, иезуитов. Называется экономия правды. Ты не говоришь ложь, но не открываешь всей правды, когда это не принципиально. Я предпочитаю не огорчать человека без необходимости, обходясь молчанием или высказывая сдержанное одобрение тому, что он делает. Люди не очень-то интересуются твоим мнением. Им нравится, когда их внимательно слушают, ограничиваясь поощрительными замечаниями или наводящими вопросами. Они уйдут с убеждением, что вы прекрасный собеседник, хотя на самом деле вы вообще не высказывались, а лишь внимательно слушали.

— В работе разведчика помогало?

— Да, наверное.

— А что из вами в разведке совершенного вы считаете наиболее удачным?

— Берлинский туннель.

— Мне не совсем понятно, как вы передавали информацию советской стороне. Вы — в Западном Берлине, наши — в Восточном.

— Так я вам расскажу. Не слишком трудно. Когда я служил в английской разведке в Берлине, две части города соединяло так называемое скоростное метро, однако наземное. Встречался я с советским товарищем примерно раз в месяц. У меня были документы английской разведки, я садился в метро в Западном Берлине, выходил в Восточном. Проверялся. А там меня уже ждала машина. В ней сидел мой куратор. Мы ехали в Карлсхорст на явочную квартиру, я передавал пленки, мы беседовали. Иногда позволяли себе бокал цимлянского шампанского.

— Французы вас бы не поняли.

Блейк рассмеялся:

— Знаю, для них это вино с газом, но я его очень люблю.

Потом меня снова довозили до границы, и я приезжал на метро домой.

— Меня поразило, как вы бежали из тюрьмы, как сломали руку.

— Вот, посмотрите, до сих пор след остался, — и Георгий Иванович показал мне выпирающую кость над кистью левой довольно мускулистой руки. — Пока я два месяца прятался у друзей, боль прошла. Но до сих пор иногда чувствуется.

— Вы ехали из Англии по Европе до Восточного Берлина,

прячась в сколоченном жестком ящике с деревянным настилом под машиной. Мучились наверняка страшно.

— Ну, я же не все время в ящике прятался. Только когда мы пересекали границы. Семья, меня перевозившая, была с двумя детьми. Они здорово рисковали. И на судне, плывшем из Англии на континент, было правило: в машине они оставаться не могли, надо идти в салон. А я остался. Да, лежал там, потом сидел, мог свободно дышать. Когда приехали в бельгийский Брюгге, пришлось снова залезать в ящик.

— Утверждают, будто советская разведка знала, что вы вот-вот должны добраться до Восточного Берлина, и даже помогала вам. Ждала?

— Нет. Это не так. Когда мы доехали до германской границы, я опять ненадолго спрятался. Не знал никто. Но мне повезло.

— Вы — везучий.

— Мы приехали в Берлин. Обстановку в нем я изучил очень хорошо, ведь долго жил там. Подъехали к заставе, и за полкилометра до нее я вышел, поблагодарил друзей, простился. Я немного подождал, дошел пешком до немецкой восточной заставы. Обратился к офицеру: хочу поговорить с советским представителем. Начались понятные вопросы: зачем? А кто вы? Я вежливо попросил немца не беспокоиться, вызвать поскорее русского офицера, которому всё объясню.

— Вы ведь хорошо говорите по-немецки.

— Да. И немец не слишком охотно, но вызвал советского представителя. Пришел молодой человек, которому я сказал, кто я. Он понял, но попросил подождать два часа: «Сейчас глубокая ночь. Завтра утром приду и разберемся». Мне дали комнату. Усталым я был очень. Путешествие было волнующим и долгим. Сразу заснул. На следующее утро, когда я завтракал, открылась дверь. Вошел человек и сказал: «Это он». Это был офицер внешней разведки Кондрашев.

— Закончил службу генерал-лейтенантом.

— Он меня знал, потому что мы вместе были в Англии.

Кондрашев так обрадовался! Он меня взял с собой, и мы поехали в Карлсхорст. Там я пробыл три дня, а потом на специальной машине крупного начальника он проводил меня в Москву.

— Георгий Иванович, вы можете сказать, что вы — счастливый человек?

— Да, я — счастливый человек, ***very lucky man, exceptionally lucky.*** Но я не верю в жизнь после смерти. В детстве хотел стать священником, но с годами прошло. Как только наш мозг прекращает получать кровь, мы уходим, и после не будет ничего.

Ни наказания за то плохое, что сделали, ни награды за хорошее.

— Вы ощущаете себя исторической личностью? На вашем примере учились целые поколения людей схожей профессии. Филби, вы, Коэн… Благодаря вам был обретен атомный паритет, мир и наша страна выжили. Не было бы этого, история пошла бы по-иному. Значит…

— Нет. Всё равно я не историческая личность. И знаете почему?.. Мы не знаем, что люди будут думать через 100 лет и какое у них будет отношение к нам, живущим сегодня. Не стоит замахиваться на непредсказуемую историю. Посмотрите, как изменялись отношения к событиям, происходившим меньше ста лет назад.

— Многие в солидном возрасте подводят определенные итоги. О чем можете сказать: это в моей жизни удалось, а вот это — получилось не совсем? Разочаровались ли в чем-нибудь?

— Я смотрю на мою жизнь, как на одну ситуацию, которая естественным образом вытекает из предыдущей. Это, можно сказать, эволюционный путь. Не было бы одного, не произошло бы и другого, логично вытекавшего из предыдущего. Оглядываясь назад, всё кажется логичным и закономерным. Даже когда я оказался в Москве, последовало воссоединение с мамой, с сестрами, потом уже с сыновьями. Интересный период встреч, чуть не 20 лет спустя. Приезд мамы сюда — одно из важнейших событий. Она всё это организовала. Причем всегда верила в это. Когда впервые услышала мой приговор — 42 года тюрьмы, вынесенный в Англии, мама взяла два огромных сундука, они до сих пор стоят у нас в московской квартире, и аккуратно сложила туда всю мою одежду, уверяя всех: «Она Джорджу еще пригодится». Как она могла предугадать, что со мной в тюрьме будет? Но всего через шесть лет приехала с этими здоровыми сундуками ко мне в Москву. И я эти вещи носил. Даже пальто, в котором я вернулся еще из Кореи. И как долго прожила мама…

— Вы сохранили связь с сыновьями, с Англией. А что для вас Россия? Как вы к ней относитесь?

— Это самые счастливые годы моей жизни. И самые спокойные. Когда работал на Западе, надо мной всё время висела опасность разоблачения. Тут я чувствовал себя свободно. Очень важный момент. Как это слово — перипетии? Все эти перипетии судьбы привели к чуду. В Англии — связь с детьми и внуками, которые часто ко мне приезжают. Здесь — жена и сын, которые очень любимы. У меня девять внуков. Сын Миша — мудрый человек, мы с Идой его очень уважаем. У них с женой ребенок, а теперь они взяли девочку — родом из Средней Азии, с огромными глазами. Сначала оформляли опеку, сейчас

удочеряют. Мы все ее так любим.

— Многие разведчики прожили долгую жизнь — Герой России Александр Феклисов ушел в возрасте за девяносто…

— Я его знал, мы бывали в клубе ветеранов.

— Другой Герой России Владимир Барковский до восьмидесяти с лишним играл в теннис.

— И в волейбол.

— Ваш друг Вадим Кирпиченко прожил до восьмидесяти двух. Старейший чекист России Борис Гудзь скончался на сто четвертом году… Барковский объяснял мне это тем, что мозг разведчика приучен к напряженной работе и не дает человеку стареть. Согласны?

— Может быть, я бы посмотрел на это по-иному. Не думаю, что деятельность разведчика превращает его в долгожителя. Наоборот.

— Разведка здоровья не прибавляет?

— Не прибавляет. Но и не отнимает. Человек и стал разведчиком, потому что всё это — аналитический ум, физическая форма в нем заложены, он их развивал, достигнув высокого уровня в профессии. Скорее всего так. Даже когда тебе много лет, можно приятно проводить время. Нет уже прежних стрессов, каких-то забот. Благодаря Службе внешней разведки я материально хорошо обеспечен. Правда, и запросы у меня весьма скромные.

— А какой бы совет вы дали людям вашего возраста?

— Если они захотят меня услышать, то пусть стараются брать от жизни всё самое хорошее и меньше обращают внимания на свои года.

— Вы наверняка слушаете радио, смотрите телевидение? Есть какая-нибудь любимая передача?

— Люблю, когда Ида мне читает. Телевидение? Я почти не вижу. Всё на слух. Слушаем «Культуру». Есть фильмы о разведке. Режиссеры снимают, актеры играют, но я сам знаю, что и как было, и всё равно не возражаю. Пусть так будет.

— Let it be.

— Yes, let it be. Это мой подход к жизни. Эту песню «Битлз» очень люблю.

— Моя любимая.

— И моя.

— Георгий Иванович, мы с вами ровно полтора часа проговорили без перерыва, а песик у вас на руках сидит и слушает.

— Может, ему тоже интересно. А, Плюшка? Любит сидеть на коленях, меня успокаивает.

На прощание я попросил Георгия Ивановича подписать два разных издания его «Прозрачных стен».

— Совсем плохо вижу. Поставьте мой палец под название книги, — предложил он. — Чтобы хорошо вышло.

Поставил. И Георгий Иванович вывел: «George Blake».

РЕКОМЕНДОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Андриянов В., Долгополов Н. Элита русской разведки. М.: Молодая гвардия, 2005.

Антонов В., Карпов В. Тайные информаторы Кремля. М., 2000.

Аграновский В. Профессия: иностранец. М., 1990.

Бережков В., Пехтерева С. Женщины-чекистки. СПб.: Нева; М.: Ол-ма-Пресс, 2003.

Блейк Дж. Иного выбора нет / Пер. с англ. М.,1991.

Бондаренко А. Фитин. М.: Молодая гвардия, 2015.

Ветераны внешней разведки России. М., 1995.

Гелен Р. Служба / Пер. с нем. М., 1997.

Гладков Г., Лукин А. Николай Кузнецов. М., 1971.

Гладков Т. Медведев. М.: Молодая гвардия, 1985.

Гоголь В. Бомба для Сталина. ***Андриянов В.*** Четыре портрета. М., 1993.

Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы: В 2 т. М., 1990.

Даллес А. Искусство разведки / Пер. с англ. М., 1992.

Дамаскин И. Сто великих разведчиков. М., 2003.

Дегтярев К., Колпакиди А. Внешняя разведка СССР. М.: Эксмо, 2009.

Долгополов Н. Они украли бомбу для Советов. М., 2000.

Долгополов Н. С ними можно идти в разведку. М., 2002.

Долгополов Н. Гении внешней разведки. М.: Молодая гвардия, 2004.

Долгополов Н. Абель — Фишер. М.: Молодая гвардия, 2010.

Долгополов Н. Главный противник. М.: Эксмо — Алгоритм, 2011.

Долгополов Н. Ким Филби. М.: Молодая гвардия, 2012.

Долгополов Н. Вартанян. М.: Молодая гвардия, 2014.

Донован Д. Незнакомцы на мосту. Дело полковника Абеля / Пер. с англ. М., 1992.

Дроздов Ю., Егозаръян В. Мировая террористическая. М., 2004.

Из жизни разведчиков. Сборник СВР. М., 1999.

Квашнин К. Воспоминания ветерана. М., 2002.

Колосов Л., Молодый Т. Мертвый сезон. Конец легенды. М., 1998.

Колпакиди А., Прохоров Д. Все о внешней разведке. М.: АС-Олимп, 2002.

Кирпиченко В. Разведка: лица и личности. М.: Гея, 1998.

Крогер Х., Крогер П., Лонсдейл Г. Письма из тюрем Ее Величества. Т. I, II. М., 2001.

Латинская Америка. 1993. № 3.

Линдер И., Чуркин С. Легенда Лубянки. Яков Серебрянский. М.: РИПОЛ классик, 2011.

Модин Ю. Судьбы разведчиков. М.: Олма-Пресс, 1997.

Никандров Н. Григулевич. М.: Молодая гвардия, 2005.

Очерки истории российской внешней разведки. Т. I–V. М.: Международные отношения, 1996–2003.

Павлов В. Женское лицо разведки. М.: Олма-Пресс, 2003.

Полмар Н., Ален Т. Энциклопедия шпионажа / Пер. с англ. М., 1999.

Партархив Института партии при ЦК КПБ, ф. 4564, оп. 1. д. 5, л. 26.

Прохоров Д., Лемехов О. Перебежчики. М., 2001.

Ставинский Э. Зарубины. Семейная резидентура. М.: Олма-Пресс, 2003.

Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1996.

Уайз Д. Охота на кротов / Пер. с англ. М., 1994.

Умнов М. Всемирная история шпионажа. М., 2000.

Шебаршин Л. Рука Москвы. М., 1992.

Шебаршин Л. Из жизни начальника разведки. М., 1994.

Шелленберг В. Мемуары / Пер. с нем. М., 1991.

Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. М.: Нота Бене /Пер. с англ. М., 1992.

Я шел своим путем. Ким Филби в разведке и дома / Пер. с англ. М., 1997.

Andrew C. Secret Service. L., 1986.

Andrew C. Mitrokhine V. The Mitrokhine Archiv. L., 1999.

BennetR. Espionage. Spies and Secrets. L., 2002.

Corson W., Trenton S., Trenton J. Widows. N. Y, 1989.

Littell R. The Company. A Novel of the CIA. N. Y, 2002.

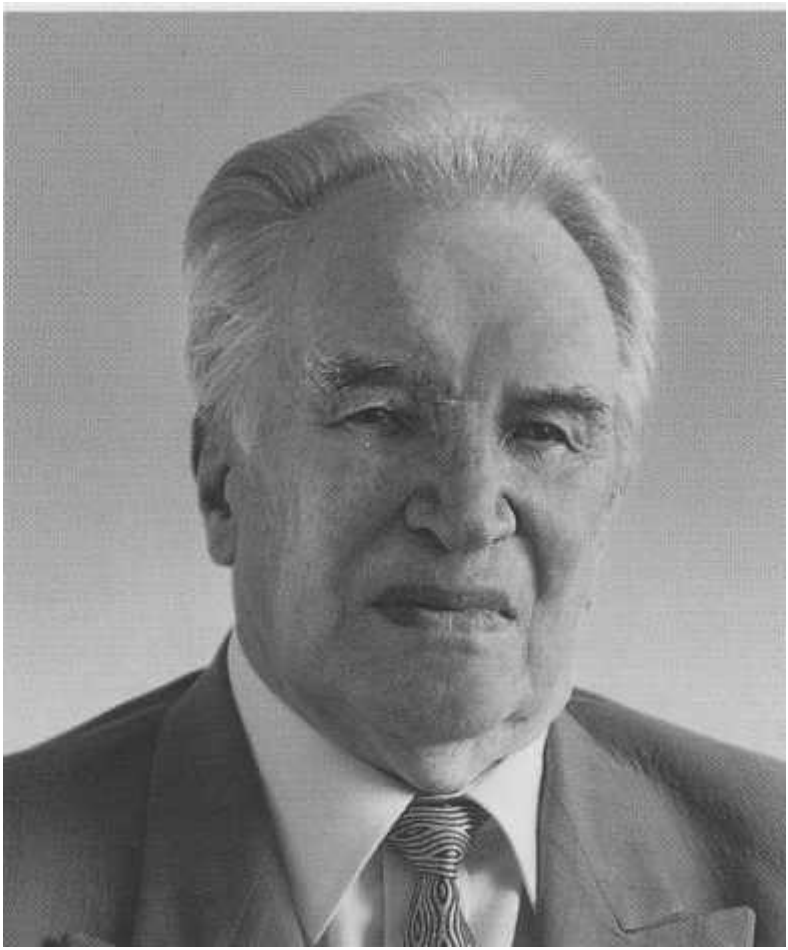
Van Der Rhoer E. The Shadow Network. L., 1985.

Фотоматериалы

Дмитрий Медведев

Николай Кузнецов

Иван Дедюля



Александр Демьянов

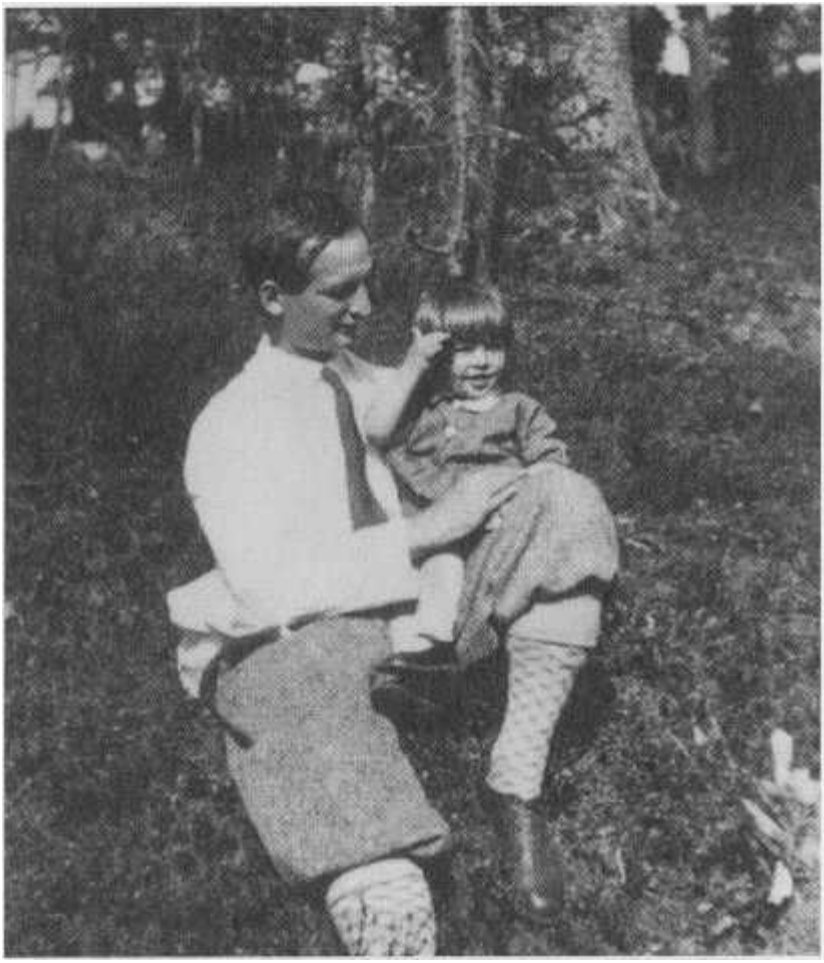
Надежда Троян
Мария Осипова, Надежда Троян, Елена Мазаник

Африка де Лас Эрас

Зоя Воскресенская— Рыбкина

Иосиф Григулевич

Павел Громушкин
Александр Коротков
Яков Серебрянский



Абель — Фишер в чужих горах с дочерью Эвелиной

Абель — Фишер
Иван Агаянц

Владимир Барковский

Александр Феклисов

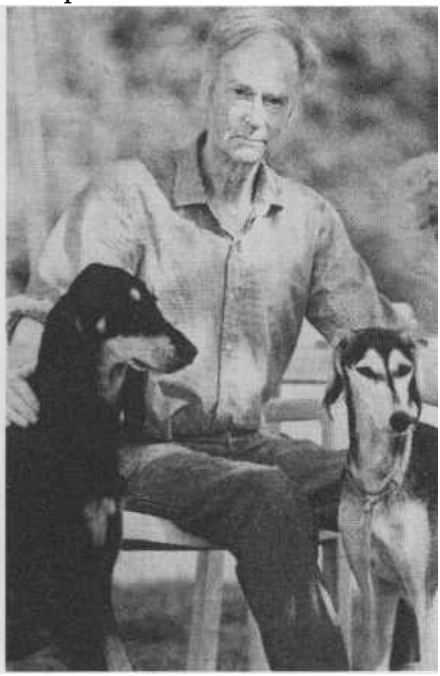
Зоя Зарубина

Гоар и Геворк Вартанян в день свадьбы в Тегеране Всю жизньони прожили вместе

Ким Филби: его самые счастливые годы — в Москве

Энтони Блант в молодости и на склоне лет

Джон Кернкросс — пятый из «пятерки»



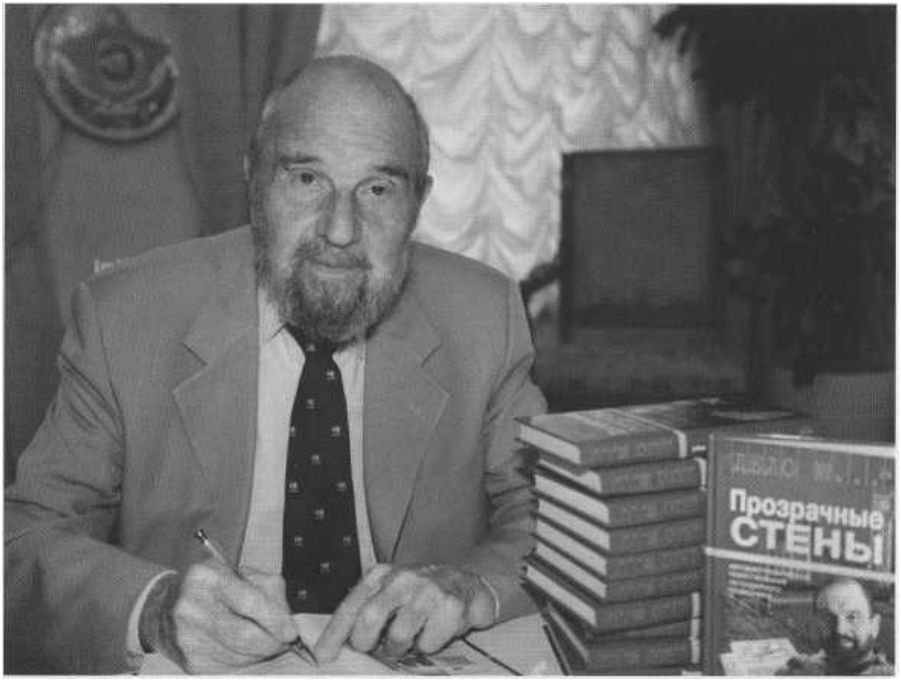
Лона и Моррис Коэн
Сэр Гордон Лонсдейл — он же Конон Молодый

Первый орден лейтенант Дроздов получил в Берлине в апреле 1945 года

Генерал-майор Дроздов — командир нелегалов

Морской офицер Джордж Блейк

Полковник Службы внешней разведки Джордж Блейк


Прозрачные
СТЕНЫ